

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive secretary: Associate Professor **Makarova Lyudmila Yur'evna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

website administrator: **Dolgov Anton Aleksandrovich** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. Kukulini I. V. (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Milkhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. **Н. П. Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ответственный секретарь: доц. **Макарова Людмила Юрьевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ) по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотница** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибургский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 9 Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект создания диахронической риторики XVIII столетия
- 20 Andreiushkina T. N. Taugenichts bei Johannes Beer, Josef von Eichendorff und Ivan Goncharov

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 34 Yashchenko N. V. Das konnotative Potential der deanthronomischen Halbsuffixe im Deutschen
- 48 Галло Я., Соколова Я. Провербиальная репрезентация образной интертекстуальности в словацкой прессе
- 59 Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория событийности в интердискурсе
- 77 Shaklein V. M., Afshar M. Linguocultural Image of Iran as a Constantly Changing Cognitive Space in Russian Language World Picture

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XX ВЕКОВ: ПАРАДИГМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

- 87 Качков И. А. Роман В. Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» как воплощение идеи нового искусства
- 96 Евдокимова О. В., Самойлова Е. П. «Резонантное пространство» русского классического романа: «Обойденные» Н. С. Лескова и «Идиот» Ф. М. Достоевского
- 105 Куликова Е. Ю. Лирика Лидии Хаиндровой: мотивная специфика и художественная генеалогия

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 115 Макарова Л. Ю. Сюжет отшельничества в эссе С. Джонсона «Видение Феодора, пустычника с Тенериф, найденное в его келье»
- 125 Bodrova A. G. Reisebeschreibungen von slowenischen Autorinnen und ihre Problematik

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

- 135 Терентьева Н. П., Галицких Е. О. Методические ресурсы для студентов-филологов на дистанте

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 9 Patroeva N. V., Lebedev A. A. A Diachronic Description of the Rhetoric of the 18th Century
- 20 Andreiushkina T. N. The Character of a Loafer in the Works by I. Beer, J. Von Eichendorff and I. Goncharov

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

- 34 Yashchenko N. V. Connotative Potential of Deanthronymic Semi-Suffixes in German
- 48 Gallo J., Sokolova J. Proverbial Representation of Figurative Intertextuality in the Slovak Press
- 59 Dziuba E. V., Ryabova I. Yu. Category of Eventfulness in Interdiscourse
- 77 Shaklein V. M., Afshar M. Linguocultural Image of Iran as a Constantly Changing Cognitive Space in Russian Language World Picture

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES: PARADIGM OF METHODOLOGICAL APPROACHES

- 87 Kachkov I. A. The Novel by V. F. Odoevsky “The Year 4338: Petersburg Letters” as an Illustration of the Idea of a New Art
- 96 Evdokimova O. V., Samoylova E. P. The “Resonant Space” of the Russian Classic Novel: N. S. Leskov’s “Neglected People” and F. M. Dostoevsky’s “The Idiot”
- 105 Kulikova E. Yu. The Lyrical Works of Lydia Khaindra: Motif Specificity and Artistic Genealogy

PROBLEMS OF POETICS OF FOREIGN LITERATURE

- 115 Makarova L. Yu. The Theme of “Hermitage” in Samuel Johnson’s Essay “The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, Found in His Cell”
- 125 Bodrova A. G. Travelogues of Slovenian Female Writers and Their Themes

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES AT SECONDARY AND HIGHER SCHOOL

- 135 Terentieva N. P., Galitskikh E. O. Methods Resources for E-Learning Students of Philology

- 145 Yan R., Fedotova N. L. Blended Learning Model of Russian Language for Chinese Students

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 155 Приказчикова Е. Е. Роль театральной культуры в педагогическом дискурсе смоляного института эпохи императрицы Екатерины II
- 170 Красильников Р. Л. «Игра в бисер» с Игорем Волгиным: телепередача о литературе в контексте современной культуры

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 183 Игошева Т. В., Никитин О. В., Халикова Н. В. Энциклопедия жизни русской деревни: к 90-летию со дня рождения Василия Ивановича Белова (Рецензия на книгу: Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова: монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.: ил.)
- 194 Петкова Г. Книга о поэте Вениамине Блаженном (Рецензия на книгу: «Моя судьба, безумье, бытие...»: материалы Вторых междунауч. науч.-лит. чтений, посвящ. 100-летию поэта В. Блаженного / Белорус. гос. ун-т; редкол.: У. Ю. Верина (гл. ред.), Л. Л. Авдейчик, В. Ю. Жибуль. Минск: БГУ, 2021. 144 с.)
- 200 Казакова С. К. «История русской литературы»: зарубежные ученые о русском романе (Рецензия на книгу: Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, and Stephanie Sandler. A History of Russian Literature. Oxford University Press, 2018. 960 p.)
- 209 Кубасов А. В. Чехов в контексте литературно-театральной культуры Ирака (Рецензия на издание: Аббасхилми А. Я., Ларионова М. Ч. Творчество А. П. Чехова в Ираке: рецепции и интерпретации. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2022. 226 с.)

- 145 Yan R., Fedotova N. L. Blended Learning Model of Russian Language for Chinese Students

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- 156 Prikazchikova E. E. The Role of Theater Culture in the Pedagogical Discourse of the Smolny Institute in the Epoch of Empress Catherine II
- 170 Krasilnikov R. L. "The Glass Bead Game" With Igor Volgin: a TV Show about Literature in Modern Culture

REVIEWS

- 183 Igosheva T. V., Nikitin O. V., Khalikova N. V. Encyclopedia of the Life of the Russian Village: to the 90th Anniversary of the Birth of Vasilii Ivanovich Belov (Review of the book: Encyclopedia of "Privychnoe delo" ["The Usual Thing"] by V. I. Belov: monograph / S. Yu. Baranov, L. A. Berseneva, T. N. Voronina, S. Kh. Golovkina, S. N. Patapenko, Yu. V. Rozanov, A. V. Fedorova; editor and author of the introductory article S. Yu. Baranov. Vologda: Polygraph-Periodicals, 2021. 655 p.: ill.)
- 194 Petkova G. A Book about the Poet Veniamin Blazhenny (Review of the book: "My fate, madness, being...": Proceedings of the Second international scholarly-literary readings, dedicated to the 100th anniversary of the poet V. Blazhenny / Belarus. State un-ty; editorial board: U. Yu. Verina (editor-in-chief), L. L. Avdeychik, V. Yu. Zhibul. Minsk: BSU, 2021. 144 p.)
- 200 Kazakova S. K. A History of Russian Literature: Foreign Scholars about the Russian Novel (A review of the book by Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, And Stephanie Sandler. A History of Russian Literature. Oxford University Press, 2018. 960 p.)
- 209 Kubasov A. V. Chekhov in the Context of the Literary-Theatrical Culture of Iraq (A review of the book: Abbaskhildi A. Ya., Lariionova M. Ch. The works of A. P. Chekhov in Iraq: Receptions and Interpretations. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 226 p.)

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 808.5:821.161.1-1. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-01. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-45+Ш7.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Лебедев А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

А н н о т а ц и я. В статье излагаются основные идеи исследовательского проекта, связанного с созданием научных трудов и баз данных, отражающих становление российской риторической традиции. До сих пор литературные нормы русского языка изучались преимущественно либо в отношении синтаксических структур, оторванных от живой практики стихотворчества, либо в плане приемов красноречия, характерных для отдельных литературных школ. Главной целью проекта станет не только фиксация, описание и интерпретация самих приемов усиления выразительности и украшения речи, выяснение основных тенденций в области состава и количественных данных по употреблению тропов и фигур речи поэтами XVIII века, но и анализ теоретических рекомендаций первых российских трактатов по искусству красноречия, базирующихся на богатой традиции античных и новоевропейских риторических руководств, в их соответствии реальной стихотворческой практике российских поэтов. Источниками исследования служат «De arte rhetorica libri X» Ф. Прокоповича, руководства по красноречию М. В. Ломоносова, некоторые другие риторические сочинения XVIII века, а также поэтические произведения Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова. Методы, применяемые в ходе проектного исследования и в рамках интерпретации материала данной статьи, позволяют обеспечить тесное взаимодействие собственно лингвистического, лингвопоэтического, лингвостилистического и литературоведческого подходов к анализу художественного текста. В XVIII столетии, в эпоху становления русского национального языка и российской словесности, риторическая культура была на тот момент единственной нормативной основой формирования новых общелитературных правил и жанрово-стилистической системы, а развертывание тропо- и фигурирования в художественной речи совершалось вместе с расширением потенциала лексической и грамматической подсистем языка. Важным результатом проекта должно стать создание базы данных, демонстрирующей особенности «риторических портретов» наиболее известных поэтов и риторов эпохи русского барокко и классицизма – Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Михаила Ломоносова, Василия Тредиаковского, Александра Сумарокова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: риторические трактаты; поэтические тексты; красноречие; русская поэзия; русские поэты; риторика; риторические традиции; поэтический слог; риторические приемы; тропы; фигуры речи

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991>.

Для цитирования: Патроева, Н. В. Проект создания диахронической риторики XVIII столетия / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 9–19. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-01.

A DIACHRONIC DESCRIPTION OF THE RHETORIC OF THE 18TH CENTURY

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Aleksandr A. Lebedev

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

Abstract. The article outlines the main ideas of a research project aimed to create scholarly papers and databases reflecting the formation of the Russian rhetorical tradition. Up to now, literary norms of the Russian language have been studied either in relation to syntactic structures severed from the living practice of versification, or in terms of rhetorical techniques typical of individual literary schools. The main goal of the project is not only fixing, describing and interpreting the techniques for enhancing speech embellishment and expressiveness as such and identifying the main trends in the field of composition and quantitative data about the use of tropes and figures of speech by the poets of the 18th century, but also analyzing the theoretical recommendations of the first Russian treatises on the art of eloquence, based on the rich tradition of ancient and modern European rhetorical manuals, in their correspondence with the real poetic practice of the Russian poets. The sources of the study include “De arte Rhetorica. Libri X” by F. Prokopovich, guides to eloquence by M. V. Lomonosov, some other rhetorical works of the 18th century, as well as poetic works by F. Prokopovich, A. D. Kantemir, and M. V. Lomonosov. The methods used in the course of the project research and within the framework of the interpretation of the material of this article make it possible to ensure close interaction between the linguistic, linguopoetical, linguo-stylistic and critical literary approaches to the analysis of a literary text. In the 18th century, in the era of the formation of the Russian national language and Russian literature, rhetorical culture was the only current normative basis for the formation of new general literary rules and the genre-stylistic system, and the process of trope and figure of speech unfolding in artistic text was carried out along with the expansion of the potential of the lexical and the grammatical subsystems of the language. The creation of a database that demonstrates the specific features of “rhetorical portraits” of the most famous poets and rhetoricians of the era of the Russian baroque and classicism – Feofan Prokopovich, Antioch Kantemir, Mikhail Lomonosov, Vasily Trediakovsky, Aleksandr Sumarokov – may become an important result of the project.

Key words: rhetorical treatises; poetic texts; eloquence; Russian poetry; Russian poets; rhetoric; rhetorical traditions; poetic syllable; rhetorical devices; trails; figures of speech

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991>.

For citation: Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2022). A Diachronic Description of the Rhetoric of the 18th Century. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 9–19. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-01.

Необходимость в риторической «руке», направляющей развитие национального культурного кода в роли нормализующей и дескриптивной «вторичной» (функциональной) грамматики¹, в России формируется на том этапе, когда возникает потребность в усовер-

¹ По этому поводу Р. Лахманн отмечает: «Если рассматривать функцию риторики как часть (общего) коммуникативного кода или как субкод, а именно как ту его часть, которая отвечает за построение коммуникативных ситуаций, определенных эстетической доминантой (поэтический код), то ее статус вторичной грамматики может быть подтвержден, т. к. риторика репрезентирует не первичный код языка, а поэтический... Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн 2001: 7]. Ср. с мнением Г. С. Кнабе о том, что «риторика сыграла первостепенную роль в становлении литературного языка и отдельных его жанровых разновидностей» [Кнабе 2000: 113].

шенствовании литературного языка, который бы отвечал новым коммуникативным, прагматическим потребностям уже в условиях начавшегося активного формирования светских жанров словесности периода «новой поведенческой парадигмы, прежней по форме, а по сути принципиально секуляризованной» [Николаев 1996: 35]. На Украине и в Москве второй половины XVII – начала XVIII веков теория и практика красноречия развивалась во многом благодаря преподавательской, переводческой, стихотворческой деятельности славных представителей Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий. Это развитие можно наблюдать в трудах Николая Спафария, Софрония и Иоанникия Лихудов, Козьмы Грека, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, М. И. Усачева, А. Х. Белобочко, И. Ф. Копиевского, Ф. П. Поликарпова, П. Крайского, Г. Данииловского и других авторов. Среди работ полнотой и оригинальностью особенно выделяются «Риторическая рука» Стефана Яворского и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича. В своем становлении российская риторическая школа, несомненно, опиралась на знания, усвоенные из античных и новоевропейских трактатов – см. об этом и о формировании риторической терминологии в России подробнее, например, в работах [Аннушкин 2003; Лемешев 2014; Маркасова 2002; Маслюк 1983; Пекарская 2017; Сазонова 2006: 113–138; Ушакова 2010]. Однако западные культурные традиции адаптировались авторами первых вполне оригинальных руководств по искусству красноречия в период начавшегося усвоения приемов искусства барокко, а позднее – классицизма к условиям ситуации культурного перелома петровского времени и активного реформирования всех сфер жизни.

Общая картина становления отечественной риторики в ее тесной связи с историей русского литературного языка и российской словесности еще не изучена последовательно и детально. Между тем вплоть до начала XIX столетия поэтика и поэзия столетия были тесно связаны с риторической традицией, и эта история использования риторических приемов писателями эпохи резких языковых изменений, лингвистических и стилистических споров

и реформ во времена петровских преобразований в России требует специального анализа, который способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [Бухаркин 2017а: 47], далеко еще не осознанной во всей своей сложности, а также о соответствии теоретических рекомендаций, содержащихся в трактатах по красноречию, и реальной поэтической или ораторской практики. По этой причине актуальной и новой представляется задача такого комплексного описания риторической системы в ее тесном взаимодействии с лексическим и синтаксическим строем русского литературного языка XVIII века – с одной стороны – и с формирующейся жанрово-стилистической палитрой – с другой. Это позволило бы проверить и уточнить систему складывавшихся в этот период грамматических, жанрово-стилистических, риторических норм на фоне главных тенденций языковой эволюции. Помимо этого, можно выявить корреляцию и динамику исторически изменчивого соотношения «риторическая теория – поэтическая практика» эпохи на фоне невиданного расцвета научной деятельности и светской литературы, а также создания в России первых оригинальных грамматики и риторик.

Следует отметить, что до сих пор на материале русской поэтической речи не предпринималось попыток исследовать взаимосвязь между риторическими теориями и поэзией соответствующего периода. Поддержанный в 2021 г. Российским научным фондом (РНФ) проект «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте» нацелен на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых главными русскими поэтами эпохи русского барокко и классицизма, и выяснение на этой основе направлений, степени глубины и постоянства взаимодействия риторической теории, изложенной в созданных в России XVIII века трактатах по искусству красноречия, и живой поэтической практики. Выбор стихотворного творчества Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в качестве основной эмпирической базы проекта неслучаен. В эпоху расцвета главных литературно-художественных

методов и стилей искусства между барокко и романтизмом именно поэзия была основной ареной формирования лексических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка. Ведущими реформаторами русского языка выступали поэты и – одновременно – теоретики в области филологии – Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин.

Проведение комплексного исследования роли синтаксической системы русского литературного языка в процессе фигурирования на материале поэтического дискурса (в эпоху, когда реформаторами русского литературного языка были поэты) особенно важно. Это обеспечит современных лингвистов базой данных, посвященной ведущим авторам и стихотворным жанрам эпохи языковых реформ, синтаксически и риторически размеченными текстами и предполагает создание особой ме-

тодики анализа поэтического текста на синтаксическом уровне в аспектах структурном и риторическом.

Анализ планируется проводить в двух магистральных направлениях: выявление, классификация и интерпретация экспрессивного потенциала различных фигур речи, применяемых в поэтическом дискурсе эпохи Кантемира – Сумарокова, а также анализ соответствия этих риторических приемов рекомендациям¹ теоретических руководств по элоквенции, созданных Ф. Прокоповичем², М. В. Ломоносовым³ и другими авторами трактатов по искусству красноречия.

Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторик, наряду с грамматиками русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка: предложение, в отличие от «словосочинения» (соединения «речений», словосочетания), от-

¹ Сошлемся на трактовку модальности не столько рекомендующего, сколько предписывающего характера для ранних российских риторик у В. М. Живова: «Обнаруживая, например, что „Риторика“ Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора...), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает... При пересадке на русскую почву меняется модальность... риторика превращается в устав...» [Живов 2017, т. 2: 928].

² Так, в риторике Ф. Прокоповича находим, согласно установившейся с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквенции, подробное описание фигур речи (всего около 70, в т. ч. тропов [Прокопович 2020: 235 и след.]). Соотношение логических объемов понятий «фигура» и «троп» при этом иное, чем это будет полвека спустя у М. В. Ломоносова, хотя сам перечень украшающих средств во многом подобен. Этот раздел оказывается одинаково полезен и составителю «слов» или «речей» и поэту. С точки зрения манифестации (способа выражения) Феофан Прокопович разграничивает *фигуры словесные* (метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, повтор, полисиндетон и пр.) и *фигуры смысловые* (аллегория, перифраза, олицетворение, гиперболы, эпифонема, апострофа и др.). С точки зрения своего предназначения (функции) разделяются риторические приемы Ф. Прокоповичем уже на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «характеризму» [Прокопович 2020: 237], «гипотипозе», участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020: 245]; 2) способствующие «услаждению» речи [Прокопович 2020: 251–259]: «метатеза» (хиазм), антитеза, «антитетон», «антономасия», «диафора» (вид повтора), «гомэоза» (сравнение), «диализа» (бессоюзие), «гипербат» (инверсия, необычный порядок словорасположения), метафора, метонимия, «оксиморон», паронимасия, перифраза, аллегория, синекдоха и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний» [Прокопович 2020: 259–267]: «просодея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), «климакс» (усиление, восходящая градация), гиперболы, «полисиндетон» (многосоюзие), сарказм и пр. Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «сниженному», «среднему» и «возвышенному» стилям, с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «цветистом» и «возвышенном» стилях, когда требуется «описывать что-либо» [Прокопович 2020: 268], приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стиля, а фигуры третьего рода – из «сниженного». Применение риторических приемов, образных средств регламентируется, согласно рекомендациям Ф. Прокоповича, прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с целями автора, содержанием и композицией текста.

³ В уже гораздо более просторном в сравнении с предшествующими российскими риториками ломоносовском трактате по красноречию выделяются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, катахрестис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, гиперболы, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, затытие, напряжение, применение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение). См. об эволюции терминологической палитры в [РЛ 2017]. Ср. с первой русской «Риторикой» 1617–1619 гг., приписываемой митрополиту Макарию (подробнее см.: [Вомперский 1988: 10–21]) и противопологающей «словесные» тропы и «тропы речений» («схемы», или фигуры речи, реализуемые в предложении и повествовании).

носились в эту и предшествующую ей эпоху в большей степени к ведению не грамматики, а риторики. По этой причине анализ рекомендаций риторических трактатов российских теоретиков красноречия, наряду с изучением практики применения риторических приемов, фигурированием в русской поэзии кантемировской и ломоносовской эпох, позволяет ярче высветить многие тенденции и процессы, протекавшие в синтаксическом строе русского литературного языка выбранного для изучения периода. Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка.

Методологические принципы описания – это:

1) ориентация на эмпирические данные, извлеченные из поэтических произведений русских поэтов XVIII в., словарей, привлечение сопоставительных данных из грамматик и трактатов по искусству красноречия, а также ранней виршевой поэзии;

2) типологический подход (классификация фигур речи и конструкций, служащих средствами их образования);

3) тесная связь собственно лингвистического анализа риторических приемов с анализом лингвопоэтическим и филологическим, чтобы осуществить интерпретацию фигур речи в аспекте их экспрессивной функции текстообразующей роли, в аспекте взаимосвязи фигурирования с ритмом, мелодикой, строфикой и жанром текста, тесная связь синтаксического и лингвориторического подходов;

4) диалектическое взаимодействие синхронического и диахронического подходов к выявлению находящихся в активном становлении синтаксических, общепоэтических и риторических норм эпохи. Соединение этих методологических подходов позволяет решить проблемы, важные для развития теории и практики лингвопоэтического анализа, среди которых важнейшую роль играет взаимодействие или, наоборот, противоречие между предписательными риториками изучаемой эпохи, нередко строившимися по иностранным образцам, и реальной практикой стихосложения, а также взаимовлияние языка поэзии и прозы.

Системность проявляется во времени, в ходе эволюции того или иного феномена, поэтому без применения диахронического анализа системы риторических приемов невозможно осмысление многих важнейших тенденций формирования лексической, морфологической, синтаксической подсистем общелитературного языка и поэтической речи. Синхронный аспект изучения риторической системы должен быть тесно связан с реконструкцией всех предшествующих ее состояний. При этом, как верно указывает Л. В. Балашова, диахронический подход сталкивается, однако, «с двумя основными методическими и методологическими „опасностями“». Первая из них – преувеличение системности языковых процессов и необоснованное перенесение современного взгляда на языковые явления прошлых эпох», возможное соединение при интерпретации явления «разновременных восприятий и толкований мира» [Балашова 2014: 56], несинхронных друг другу «картин мира». Вторая – неумение исследователя заметить противоречивые или асистемные (архаизаторство или, напротив, новаторство в индивидуальном слоге того или иного автора, стремление к чрезвычайному или, наоборот, к минимальному разнообразию спектра и количества приемов выразительности, то есть своеобразные максимализм или минимализм как черты идиостиля, равно не соответствующие магистральному направлению в развитии риторической системы, например) тенденции и слишком «усреднить», упростить интерпретацию эволюционного пути, поскольку предмет в процессе системного его описания неизбежно «не только упрощается, но и доорганизовывается, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле» [Лотман 1992: 91].

Проиллюстрируем применение некоторых из указанных методологических принципов в практике анализа тропов и фигур речи, предпринятых проектным коллективом в ходе работы с «Синтаксическим словарем русской поэзии XVIII века»¹ [ССРП1 2017] как одним из источников риторического материала.

В произведениях А. Кантемира, в том числе сатирах, мы находим практически все разно-

¹ Здесь и далее аббревиатура ССРП1 используется для обозначения издания Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 574 с.

видности «тропов речений» и «тропов предложений», «фигур речений» и «фигур предложений» (в более поздних терминах ломоносовского «Краткого руководства к красноречию»), за исключением, пожалуй, только оксюморона, который редок и у других авторов изучаемого периода. Такое разнообразие приемов «украшения» речи¹ (см. табл. 1) свидетельствует о соединении в сатирическом тексте примет разных стилевых сфер, о речевом синкретизме кантемировской сатиры при той ведущей роли, которая принадлежит эллипсису, лексическому повтору, периоду и риторическому вопросу как доминантам поэтического слога.

Поэтический дискурс Кантемира часто столь насыщен риторическими приемами, что на небольшом пространстве текста совмещаются несколько типов тропов и фигур речи, например:

– эллипсис, анафора, лексический повтор, асиндетон:

*Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет –
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;
В угол свернувшись потом, глаза в землю втупит;
Чуть слышать, что говорит; чуть – как ходит,
ступит* [Кантемир 1956: 94];

– гипербола, метафора, метонимия:

*...десница врачей щедра дала
Покров, под коим бежаща богина
Нашла отраду и уж воссияла
Европе целой луч нового света;
Врачей не умрет имя в вечны лета*

[Кантемир 1956: 202];

– олицетворение, метонимия, риторическое обращение:

*Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, **уме**, не скучай, в незнатности сидя*

[Кантемир 1956: 61];

– амплификация, сравнение, градация:

*Невередимо пребывает
Все, что мужественно, честно,
Благо, истинно, нелестно;
Яко же вдавшись в море
Камениста гора валы,
Возвышающихся горе
С стремлением и немалый
Ужас с собою влекущи,
Сильны ветры, все гнев сущи,*

Ни во что, тверда, вменяет [Кантемир 1956: 213];

– метафора, метонимия, корневой и лексический повтор, риторическое обращение, риторическое восклицание:

*Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! –
Яд под мягким хлебом* [Кантемир 1956: 198].

Кантемировская сатира сочетает признаки «сниженного», «цветистого» и «возвышенного» стилей, и это не случайно: разрабатывая жанр сатиры, Кантемир стремился, очевидно, сохранить его исконный синкретизм, синкретизм² в стилистическом, содержательном и формальном отношениях, наследуя традиции, заложенные римскими авторами³ – Горацием, Персием, Ювеналом, продолженные

¹ Страницы с репрезентациями указываются в третьей графе таблицы по изданию [ССРП1 2017] – иногда на одной странице приведены несколько примеров тропов и фигур в графе «Риторические приемы»; представленные в словаре на данных страницах иллюстрации, в свою очередь, даются по [Кантемир 1956]. Данные о риторических приемах, извлеченные из [ССРП1 2017], проверялись автором при анализе стихотворений А. Кантемира в ходе работы над статьей.

В таблице не указаны данные по инверсиям и эпитетам, поскольку эти риторические средства представлены практически во всех характеризуемых в [ССРП1 2017] 828 предложениях, извлеченных из поэзии А. Кантемира. В силу того, что трактовка феномена «период» отличается в разных риторических и стилистических трудах (узкое понимание, например, предполагает выделение в качестве периодических только таких конструкций, которые содержат протазис и аподозис; широкое толкование позволяет отнести к примерам периодической речи все предложения, содержащие однородные ряды, сложные предложения разных типов, иные типы текстовых структур), точные количественные данные о периоде (примеры из [ССРП1 2017: 207, 222, 227, 284, 289, 297, 309, 333, 351, 353, 360, 362, 367, 369, 371, 372, 378 и пр.]) также не приводятся; столь же трудно определить строго границы фиксируемых в словаре эффектов амплификации (примеры из [ССРП1 2017: 226, 258, 271, 341, 343, 345, 346, 377 и пр.]), асиндетона ([ССРП1 2017: 88, 137, 145, 158, 162, 173, 184, 192, 193, 196–198, 200–205 и пр.]) и полисиндетона ([ССРП1 2017: 77, 94, 154, 156, 165, 185, 188, 214, 217, 220, 222, 224, 225, 232, 247, 342, 346 и пр.]), поэтому далее в статье приводятся лишь вполне очевидные случаи. Не включены в таблицу и данные о степени распространенности иронии (как невербально выраженного риторического приема). Фиксация метафор и метонимий касается не узальных, стершихся, а контекстуальных, осязаемых, ярких феноменов – такова установка создателей [ССРП1 2017].

² «Тематическая пестрота и формальное многообразие стихотворной сатиры, ее стилистическая многоцветность» [Дуров 1987: 7–8], необычайная подвижность самих жанровых рамок сатиры, легко входящей в соприкосновение с любыми другими жанрами, отмечаются многими российскими и зарубежными исследователями – см. обзор исследований о сатире в [Дуров 1987: 129–132].

³ О влиянии древнеримской словесности на русскую литературу XVII–XVIII веков см.: [Либуркин 2000; Любжин 2007; Busch 1964].

Таблица 1. Тропы и фигуры речи в стихотворениях А. Кантемира

Троп или фигура речи	КОЛИЧЕСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ СОГЛАСНО ДАННЫМ [ССРП1 2017]	СТРАНИЦЫ С РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПО [ССРП1 2017]
Эллипсис	217	76, 77, 79, 80, 82, 83, 85, 87–91, 102–104, 106, 107, 108, 109, 110–113, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 127, 130, 133, 139, 141, 143, 144, 146–150, 155, 156, 160, 162, 164, 166, 180, 182, 187, 189, 195, 201, 210–213, 215–219, 222, 231–235, 237, 240, 246, 246, 248, 251, 253, 254, 257, 258, 260, 261, 269, 270, 276–283, 288–290, 295, 297, 299–301, 303–306, 308, 309, 311, 315, 316, 318–332, 334, 336, 338, 339, 340, 342, 344, 347–354, 357, 362, 363, 366, 367, 370, 372–378, 380–384
Лексический повтор	158	77, 78, 95, 101, 103, 106, 108, 110, 118, 127, 140, 143, 144, 147, 149, 158, 161–164, 167, 168–170, 172, 177, 178, 181, 183, 185–188, 194, 198, 201–204, 207, 209–211, 212, 214, 216, 217, 221, 222, 227–231, 233, 235–239, 243, 247, 248, 251, 260, 260, 261, 263, 266, 268, 269, 272, 274, 275, 281, 288–294, 296, 298, 301–305, 308, 310, 311, 313, 315, 316, 320–325, 327, 330–332, 338–341, 343, 344, 347–349, 354, 356, 357, 360, 362, 363, 365, 367–370, 373–376, 378, 383, 384
Риторический вопрос	99	76–83, 88, 89, 91, 94, 95, 97–99, 102, 107, 109, 114, 115, 120–122, 124, 129, 133, 136, 142, 144, 145, 155, 158, 163, 168, 180, 183, 192, 219, 221, 231, 233, 234, 244, 272, 283, 284, 302–304, 314, 316, 326, 331, 338, 344, 350, 354, 361, 366, 371, 385
Метафора	77	77–79, 83, 94, 101, 113–115, 129, 133, 146, 182, 220, 232, 236, 248, 250, 258, 260, 268, 282, 309, 314, 321, 322, 326, 332, 333, 335, 358, 359, 379, 385
Метонимия	39	132, 236–238, 241, 249, 254, 321, 333, 336, 379
Сравнение	35	90, 137, 145, 148, 152, 155, 162, 163, 184, 198, 200, 215, 220, 243, 253, 287, 290, 309, 325, 358, 378
Риторическое обращение	34	91, 92, 97–99, 128, 144, 145, 151, 175, 182, 2–3, 204, 270, 305, 323, 339, 349, 354, 365, 383, 385, 386
Риторическое восклицание	30	77, 80–83, 88, 89, 92, 94, 95, 98, 99, 111, 124, 128, 179, 182, 198, 215, 233, 314, 325, 334, 350, 356, 376
Олицетворение	25	106–108, 128, 134, 137, 141, 209, 229, 232, 249, 250, 252, 253, 307, 334, 343, 345, 364, 378
Перифраза	14	126, 127, 138, 179, 183, 248, 256, 293, 318, 322, 363, 377, 378
Антитеза	6	136, 142, 230, 250, 373, 381
Гипербола	5	81, 124, 321, 351, 351
Каламбур	2	85, 382
Градация	1	222
Хиазм	1	376

Н. Буало (о следовании этим литературным образцам сам Кантемир заявил, например, в четвертой сатире «О опасности сатирических сочинений. К музе своей»). Сатира призвана затрагивать важные вопросы общественной и частной жизни человека и быть произведением не только шутливо-ироническим, с «острой приправой фигур» [Прокопович 1961: 424], как «смеющаяся» горацанская сатира, но и наставительным, «трогающим человеческие сердца» [Прокопович 1961: 424] по-ювеналовски пышной риторикой. Кроме того, на ори-

гинальные опыты Кантемира не могли не оказать влияния ораторские произведения и панегирический стиль Петровской эпохи. Для него были характерны сочетания традиции античного искусства красноречия и христианской проповеди – например, «слова» Феофана Прокоповича; ср. с собственным примечанием Кантемира к «одам»: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются...» [Кантемир 1956: 204] – как яркая особенность русского барокко.

Иные жанры, в которых пробовал свои силы Кантемир, напротив, обнаруживают вполне отчетливое тяготение к жестким жанрово-стилистическим канонам: ода («песнь») – к «возвышенному», послание – к «среднему», басня и эпиграмма – к «сниженному» стилям. Однако и в них мы находим немало примеров стилистического смешения, что доказывает не только близость теоретических рекомендаций Ф. Прокоповича поэтической программе А. Кантемира, но и синкретическое, переходное (в терминах О. М. Буранка – «предклассицистическое» [Буранок 2014: 7–98]), с чертами барокко и классицизма направление творческих поисков обоих авторов (оставлявших простор для стилистической эклектики и стремлений сочетать несочетаемое, сопрягать противоположности).

Анализ использования тропов и фигур речи Кантемиром позволил выявить некоторые «жанровые» тенденции в применении риторических приемов. Так, метонимия более характерна не для сатиры, а послания, нравоучительной или гражданской оды, редка в басне; на этом фоне метафора, свойственная и оде, и посланию, гораздо более распространена в стилистически сниженных сатире, басне и эпиграмме; сравнение зафиксировано в сатире, оде и послании; перифраза, гипербола и хиазм – почти исключительно одические приметы; редкие антитеза, градация, умолчание, ирония и каламбур встречаются в сатире и эпиграмме; риторические восклицания и об-

ращения не активны в баснях и эпиграммах, предпочитая оду, сатиру (очевидно, активность обращений именно к адресату сатиры обусловлена горадианской традицией «беседы» – «sermones»), послание; асиндетон чаще полисиндетона используется в оде; распространенными, с несколько отличающейся, однако, степенью активности, во всех жанрах кантемировской поэзии оказываются эллипсис, лексический повтор, риторические вопросы, многочленный период и амплификация.

Как показывает предпринятая уже членами проектного коллектива выборка риторических приемов, отличия между Кантемиром и Ломоносовым отмечаются прежде всего в сфере «тропов речений»: у Ломоносова метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха гораздо более активны, что подчеркивает ведущую роль поэтического синтаксиса в создании жанрового стиля и индивидуального слога Кантемира (ср.: [Патроева 2020: 78]). В будущем интересно сопоставить эти данные с более ранними творениями Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Кариона Истомина (см. [Сазонова 2006: 169–179; Морозов 1971]), с используемыми ими как мастерами барокко приемами, а также общими лингвостилистическими устремлениями соответствующей эпохи (см. [Uspenskij, Živov 1983]).

База данных проекта должна включать (см. табл. 2) контекст, демонстрирующий использование того или иного риторического приема и его паспортизацию с точки зрения автора,

Таблица 2. Метафора в поэзии XVIII столетия (фрагмент базы данных)

Автор	Произведение, год создания	Жанр	Метрика	Композиция, строфика	Контекст, выявляющий тропообразование	Тип тропа	Данные словарей русского языка XVIII в.
Феофан Прокопович	«К Петру Второму», 1728 (?)	надпись	силлабический 13-сложник	4-стишие	<i>Бог и Петру Второму вручил стада многа...</i> [Прокопович 1961: 216]	глагольная метафора, узальная; «фигура смысловая», способствующая «услужению речи» [Прокопович 2020: 251–259]; метафора как «троп речений» [Ломоносов 1952: 53; РЛ 2017: 43–59]	«Вручаю <...> 1) Отдаю кого или что кому; вверю чьему попечению, смотрению. <...> 2) Вь руки отдаю...» [Словарь академии Российской 1794] «ВРУЧИТЬ (–ти) <...>. 1. что. Передать из рук в руки, отдать лично кому-л. 2. что. Вверить управление, распоряжение чем-л., поручить. <...> Перен. О духовной пастве» [Словарь русского языка XVIII века 1988]

стихотворного произведения, времени создания (если это установлено), жанровой отнесенности. Помимо этого, должна присутствовать характеристика самого изобразительно-выразительного средства как с точки зрения принятой в современной филологической науке классификационной рубрики, так и в терминах изучаемой эпохи.

Главным итогом проекта должно стать создание корпуса теоретических и эмпирических данных для формирования диахронической риторики русской поэзии XVIII века как нового направления исследований. Осуществление данного проекта позволит, как надеются его авторы, не только продвинуться на пути разработки точных инструментов и методик диахронического описания русской поэтиче-

ской речи, но и внесет значительный вклад в решение практических задач филологического анализа, в их числе – создание словаря риторических фигур русской поэтической речи XVIII века. Значимость настоящего проекта состоит, как представляется, также в том, что его результаты смогут дать богатый материал для дальнейшего исследования становления русского литературного языка в области стихотворчества. Полученные материалы позволят составить более полное представление о тех его основах, на которые могли опираться А. С. Пушкин и другие представители «золотого века» русской поэзии, что обеспечивает интерес к результатам проекта со стороны не только узких специалистов, но и широкой филологической и читательской аудитории.

Литература

- Аннушкин, В. И. Русская риторика: исторический аспект / В. И. Аннушкин. – М. : Высшая школа, 2003. – 397 с.
- Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 296 с.
- Буранок, О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О. М. Буранок. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – 448 с.
- Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка / П. Е. Бухаркин // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 47–53.
- Вомперский, В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей / В. П. Вомперский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 209 с.
- Дуров, В. С. Жанр сатиры в римской литературе. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 160 с.
- Живов, В. М. История языка русской письменности : в 2 т. Том II / В. М. Живов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 480 с.
- Кантемир, А. Собрание стихотворений / А. Кантемир. – Л. : Советский писатель, 1956. – 547 с.
- Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – Москва : РГГУ, 2000. – 240 с.
- Лахманн, Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2001. – 368 с.
- Лемешев, К. Н. Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова / К. Н. Лемешев // Аста linguistica retgorolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2014. – Т. X, ч. 1. – С. 629–663.
- Либуркин, Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории XVII – первой половины XVIII века. – М. : РГГУ, 2000. – 273 с.
- Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 / М. В. Ломоносов ; ред.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. ; Л. : АН СССР, 1952. – 993 с.
- Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 90–101.
- Любжин, А. И. Римская литература в России в XVIII – начале XIX века / А. И. Любжин. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. – 224 с.
- Маркасова, Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века / Е. В. Маркасова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 204 с.
- Маслюк, В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні / В. П. Маслюк. – Київ : Наукова думка, 1983. – 236 с.
- Морозов, А. А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского / А. А. Морозов // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971. – С. 35–44.
- Николаев, С. И. Литературная культура Петровской эпохи / С. И. Николаев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 151 с.
- Патроева, Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей / Н. В. Патроева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 3. – С. 78–84.
- Пекарская, И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И. В. Пекарская // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 83–95.

Прокопович, Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Ф. Прокопович ; пер. Г. А. Стратановского ; отв. ред. С. И. Николаев ; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева ; коммент. Е. В. Маркасовой ; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. и с предисл. И. П. Еремина ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961. – С. 335–455.

Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 9–522.

Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 574 с.

Словарь Академии Российской. Ч. 5. От Р до Т. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1794. – 58 с. – URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR5_P-S.pdf (дата обращения: 27.01.2022). – Текст : электронный.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. (Воздух – Выпись) / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 256 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 27.01.2022). – Текст : электронный.

Ушакова, К. М. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / К. М. Ушакова. – М. : Моск. гос. ун-т печати, 2010. – 230 с.

Busch, W. Horaz in Russland / W. Busch. – München : Eidos, 1964. – 270 p.

Uspenskij, B. A. Zur Spezifik des Barock in Russlnd. Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts / B. A. Uspenskij, V. M. Živov // Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977) / Hrsg. R. Lachmann. – München : W. Fink Verlag, 1983. – S. 25–56. – (Forum Slavicum, Bd. 54).

References

Annushkin, V. I. (2003). *Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt* [Russian Rhetoric: Historical Aspect]. Moscow, Vysshaya shkola. 397 p.

Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian Metaphor: Past, Present, Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 296 p.

Bukharkin, P. E. (2017). Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka [Rhetoric and the History of the Literary Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 47–53.

Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., Matveev, E. M. (Eds.). (2017). *Ritorika M. V. Lomonosova. Tropy i figura* [Rhetoric of M. V. Lomonosov. Paths and Figures]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–522.

Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny XVIII veka* [Feofan Prokopovich and the Historical and Literary Process of the First Half of the 18th Century]. Moscow, Flinta, Nauka. 448 p.

Busch, W. (1964). *Horaz in Russland*. München, Eidos. 270 p.

Durov, V. S. (1987). *Zhanr satiry v rimskoi literature* [Genre of Satire in Roman Literature]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 160 p.

Kantemir, A. (1956). *Sobranie stikhotvorenii* [Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 547 p.

Knabe, G. S. (2000). *Russkaya antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian Antiquity. The Content, Role and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia]. Moscow, RGGU. 240 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence: Rhetorical Tradition and the Concept of the Poetic]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 368 p.

Lemeshev, K. N. (2014). Naimenovaniya figur predlozheniya v Ritorike M. V. Lomonosova [Names of Sentence Figures in the Rhetoric of M. V. Lomonosov]. In *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii*. Vol. 4. Part 1, pp. 629–663.

Liburkin, D. L. (2000). *Russkaya novolatinskaya poeziya: materialy k istorii XVII – pervoi poloviny XVIII veka* [Russian New Latin Poetry: Materials for the History of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. Moscow, RGGU. 273 p.

Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Vol. 7: Trudy po filologii. 1739–1758 / ed. by V. V. Vinogradov et al. Moscow, Leningrad, AN USSR. 993 p.

Lotman, Yu. M. (1992). *Dinamicheskaya model' semioticheskoi sistemy* [Dynamic Model of a Semiotic System]. In Lotman, Yu. M. *Izbrannyye stat'i: v 3 t. Vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallin, Aleksandra, pp. 90–101.

Lyubzhin, A. I. (2007). *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII – nachale XIX veka* [Roman Literature in Russia in the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina. 224 p.

Markasova, E. V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII – nachala XVIII veka* [Ideas about Figures of Speech in Russian Rhetoric of the 17th – Early 18th Century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU. 204 p.

Maslyuk, V. P. (1983). *Latinomovni poetiki i ritoriki XVII – pershoi polovini XVIII st. ta ikh rol' u rozvitku teorii literatury na Ukraini* [Latino Poets and Rhetoricians of the 17th – First Half of the 18th Centuries. That Role in the Development of the Theory of Literature in Ukraine]. Kiev, Naukova dumka. 236 p.

Morozov, A. A. (1971). *Metafora i allegoriya u Stefana Yavorskogo* [Metaphor and Allegory by Stefan Yavorsky]. In *Poetika i stilistika russkoi literatury*. Leningrad, pp. 35–44.

Nikolaev, S. I. (1996). *Literaturnaya kul'tura Petrovskoi epokhi* [Literary Culture of the Petrine Era]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 151 p.

Patroeva, N. V. (2020). Ritoricheskaya teoriya i praktika M. V. Lomonosova v zerkale slovarei [Rhetorical Theory and Practice of M. V. Lomonosov in the Mirror of Dictionaries]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 42. No. 3, pp. 78–84.

- Patroeva, N. V. (Ed.). (2017). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 574 p.
- Pekarskaya, I. V. (2017). O sushchestvuyushchikh tipologiyakh stilisticheskikh figur (analiticheskii obzor) [On the Existing Typologies of Stylistic Figures (Analytical Review)]. In *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. No. 21, pp. 83–95.
- Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Works] / ed. by I. P. Eremin. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie, pp. 335–455.
- Prokopovich, F. (2020). *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig* [Ten Books on Rhetorical Art] / transl. by G. A. Stratanovsky; ed. by S. I. Nikolaeva, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo. 488 p.
- Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early New Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy] (1794). Ch. 5. Ot R do T. Saint Petersburg. 58 p. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR5_P-S.pdf (mode of access: 27.01.2022).
- Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1988). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 4. (Vozdukh – Vypis'). Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 256 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/slr/slov-abc/> (mode of access: 27.01.2022).
- Ushakova, K. M. (2010) *Terminologiya russkoi ritoriki kak ucheniya o rechi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Terminology of Russian Rhetoric as a Doctrine of Speech (the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Century)]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet pechati. 230 p.
- Uspenskij, B. A., Zhivov V. M. (1983). Zur Spezifik des Barock in Russland. Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts. In Lachmann, R. (Hrsg.). *Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977)*. München, W. Fink Verlag, S. 25–56. (Forum Slavicum, Bd. 54).
- Vompersky, V. P. (1970). *Stilisticheskoe uchenie M. V. Lomonosova i teoriya trekh shtilei* [Stylistic Doctrine of M. V. Lomonosov and the Theory of Three Calms]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 209 p.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [The History of the Language of Russian Writing, in 2 vols]. Vol. II. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 480 p.

Данные об авторах

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: nvpatr@list.ru.

Лебедев Александр Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: perevodchik88@yandex.ru.

Authors' information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 28.01.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 28.01.2022; date of publication: 31.10.2022

THE CHARACTER OF A LOAFER IN THE WORKS BY I. BEER, J. VON EICHENDORFF AND I. GONCHAROV

Tatiana N. Andreiushkina

Togliatti State University (Togliattu, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

Abstract. The article is based on the idea of A. V. Mikhailov about the similarity of the character of a loafer of the Austrian baroque writer J. Beer and the Russian realist writer I. Goncharov. The German romantic J. von Eichendorff also has a character who can be called a brother of “Lorenz behind the stove” and Oblomov (the images of Eichendorff and Oblomov are also compared by the German researcher L. Fust, however, this article does not only correlate the three images, but also discovers their roots, which go back to the fairy tale; all this contributes to the novelty of this study). In the article on Eichendorff’s poetics, Mikhailov notes the Baroque emblematicity in Eichendorff’s poetry, which leads to the idea of the possibility of correlating not only their poetics, but also the characters. Drawing on the concept of V. I. Тyupa about the rhetorical era – baroque, post-rhetorical (romanticism) and meta-rhetorical (post-romanticism) – the author of the article puts the loafer characters in one row and explores the similarities and differences between them, as well as studies their common origins – fairy tales of the pre-rhetorical era, which can be found in the collections of fairy tales by A. Afanasyev and brothers Grimm and the structure of which was studied by V. Propp in his works on fairy tales. All works have magical helpers and things and events that determine the turns in their lives. At the same time, each work contains outlines of the features of the worldview inherent in the era – normative-rhetorical in the baroque (Mikhailov emphasizes the metaphysical nature of Beer’s laughter and the desire of his characters to cognize the fullness and all varieties of baroque life), post-rhetorical in romanticism (Eichendorff’s loafer is partly a romantic hero – he makes a trip to Italy, is in love with a beautiful stranger, but also carries Biedermeier features – he returns home and finds a wife) and in realism (Oblomov travels only in his dreams, and the German romantic spirit is rationalized in the image of Stolz). With all the similarity of motifs and topoi in the three works, the writers revealed to us through their characters their connection with their homeland and with the past; here are the dreams of the future, and the bitterness of self-consciousness, and the joy of being, and poetry, and the prose of life; here is the soul of writers in their personal, national and global elements.

Keywords: loafer hero, literary heroes; poetics; the structure of a fairy tale; emblematic; baroque; romanticism; realism; pre-rhetorical era; rhetorical era; post-toric era; literary motives; topoi; literary genres; Austrian literature; Austrian writers; German literature; German writers; Russian literature; Russian writers; literary creativity

For citation: Andreiushkina, T. N. (2022). The Character of a Loafer in the Works by I. Beer, J. Von Eichendorff and I. Goncharov. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 20–33. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-02.

ГЕРОЙ-БЕЗДЕЛЬНИК У И. БЕЕРА, Й. ФОН ЭЙХЕНДОРФА И И. ГОНЧАРОВА

Андреюшкина Т. Н.

Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

Аннотация. Статья отталкивается от идеи А. В. Михайлова о сходстве героя-бездельника у австрийского барочного писателя И. Беера и русского писателя-реалиста И. Гончарова. У немецкого романтика Й. фон Эйхендорфа также есть герой, которого можно назвать собратом «Лоренца за печкой» и Обломова (образы Эйхендорфа и Обломова сопоставляет и немецкий исследователь Л. Фюст, однако в нашей статье не только соотносятся три образа, но и указывается на их корни, восходящие к сказке, в чем состоит новизна статьи). В статье о поэтике Эйхендорфа Михайлов отмечает барочную эмблематичность в поэзии Эйхендорфа, что приводит к мысли о возможности соотнести не только их поэтику, но и героев. Опираясь на концепцию В. И. Тyпы о риторической эпохе, каковой является барокко, постриторической (роман-

тизм) и метариторической (после романтизма) автор статьи ставит в один ряд героев-бездельников и исследует сходство и различия между ними, а также их общие истоки – сказки дориторической эпохи, которые можно найти в собраниях сказок А. Афанасьева и бр. Гримм и структуру которых исследовал В. Пропп в своих работах о сказках. Во всех произведениях обнаруживаются волшебные помощники, вещи и события, которые определяют повороты в их жизни. Вместе с тем в каждом из произведений проступают черты присущего эпохе мироощущения – нормативно-риторической в барокко (Михайлов подчеркивает метафизичность бееровского смеха и стремление его героев постичь полноту и все разновидности барочной жизни), постриторической в романтизме (Бездельник Эйхендорфа – частично романтический герой, он совершает поездку в Италию, влюблен в прекрасную незнакомку, но несет в себе и бидермейерские черты – возвращается домой и обретает жену) и реализме (Обломов путешествует только в своих мечтах, да и немецкий романтический дух рационализируется в образе Штольца). При всем сходстве мотивов и топосов в трех произведениях писатели открыли нам в них через своих героев свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа писателей в их личных, национальных и мировых элементах.

Ключевые слова: герой-бездельник; литературные герои; поэтика; структура волшебной сказки; эмблематичность; барокко; романтизм; реализм; дориторическая эпоха; риторическая эпоха; постриторическая эпоха; литературные мотивы; топосы; литературные жанры; австрийская литература; австрийские писатели; немецкая литература; немецкие писатели; русская литература; русские писатели; литературное творчество

Для цитирования: Андреюшкина, Т. Н. Герой-бездельник у И. Беера, Й. фон Эйхендорфа и И. Гончарова / Т. Н. Андреюшкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 20–33. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-02.

1. Über das fehlende Glied zwischen dem faulen Lorenz und Oblomov

Der berühmte Germanist Alexandr V. Mikhailov, der am Moskauer Konservatorium lehrte und viel über Musik und insbesondere deutsche Komponisten schrieb, stieß auf den österreichischen Komponisten J. Beer und seinen Roman „Das Narrenspital“ (1686). In Fortsetzung der Argumentation von R. Alewin [Alewin 2012] untersucht Mikhailov wiederkehrende Motive im Bild von Oblomov und widmet eine vergleichende Arbeit der Isomorphie der Charaktere von Beer und Oblomov [Mikhailov 2000: 399–400]. Das Zusammentreffen dieser Autoren zwei Jahrhunderte später betrachtet der Gelehrte als barocke Resonanz im Realismus (Nachbarock). Bei der Lektüre dieser Arbeit entsteht der Wunsch, das fehlende Glied in der Kette ähnlicher Helden in einer früheren Epoche zu finden. Und es ist wieder ein Hinweis von Mikhailov, der über das Emblem bei Eichendorff schrieb. Der emblematische Charakter verbindet auch alle in diesem Artikel zu betrachtenden Werke. Mikhailov hebt die integrierende Funktion des Emblems in einem Werk hervor, seine kreisende Form, die für das Werk im Ganzen konstituierend ist:

Эмблема своей внутренней цельностью [...] про-образует смысловой объем, и этому весьма способствует нередко избираемая форма рондо, круга для самого изображения. Внутри

книги эмблема заявляет, как всякий значимый элемент барочного целого, о своей самостоятельности и стремится выявить таковую. Эмблема тонко намекает на тот смысловой объем, который осуществляется при ее участии, и ее форма круга или квадрата (прямоугольника) соединяет слово в его завершенности в себе и целый смысл-объем, репрезентирующий (как это бывает с барочным произведением) целый мир [Ibid.: 96].

Das Emblem mit seiner inneren Integrität [...] bildet ein semantisches Volumen, und dies wird durch die oft gewählte Form eines Rondos, eines Kreises für das Bild selbst, sehr erleichtert. Im Inneren des Buches erklärt das Emblem, wie jedes bedeutende Element des barocken Ganzen, seine Unabhängigkeit und versucht, sie zu offenbaren. Das Emblem weist auf subtile Weise auf das semantische Volumen hin, das mit ihrer Beteiligung vollzogen wird, und seine Form eines Kreises oder Quadrats (bzw. Rechtecks) vereint das Wort in seiner Vollständigkeit in sich und das ganze Bedeutungsvolumen, darstellend (wie bei einem Barockwerk) die ganze Welt.

Mikhailov, der sich für die Sinnhaftigkeit von Eichendorffs Werk im Allgemeinen und für die Poesie im Besonderen interessiert, spricht von der Fortsetzung der barocken Traditionen beim romantischen Schriftsteller (Nachleben) [Ibid.: 391].

Unserer Meinung nach ist es Eichendorffs Erzählung „Aus dem Leben eines Taugenichts“, die das fehlende Bild des faulen Narren in der Reihe der genannten Werke liefert.

Den theoretischen Grund, ein früheres Werk als den Roman über Oblomov in der postrhetorischen Ära zu finden, gaben die Untersuchungen des russischen Literaturtheoretikers Valerij I. Tyupa [Tyupa]. Ausgehend vom Konzept einer rhetorischen Epoche (Mittelalter, Barock, Aufklärung) und eines vorgefertigten rhetorischen Wortes, das in verschiedenen literarischen Beispielen in Michailows Artikeln überzeugend demonstriert wird, spricht Tyupa von vorrhetorischen (Mythen und Märchen), postrhetorischen (beginnend mit der Romantik) und metarhetorischen Epochen. In Anlehnung an Tyupas Klassifikation soll daher in der Literatur der Romantik nach diesem fehlenden Glied in der Bildkette gesucht werden, das dem rhetorischen Wort entgegengesetzt ist. Und Eichendorffs Taugenichts nimmt seinen festen Platz in dieser Kette ein.

Ohne Schwierigkeiten findet sich das Bild eines Faultiers in der vorrhetorischen Zeit – in den Märchentexten. In seinem Buch „Morphologie der Zaubermärchen“ schreibt Vladimir V. Propp über die Struktur der Märchen, darunter über den Helden-Narren [Propp 1998]. Dieser Held ist der nächste Verwandte aller in diesem Artikel besprochenen Charaktere. Der fabelhafte Iwan der Narr bildet die Grundlage der analysierten Helden, die wiederum durch barocke (Lorenz), romantische (Taugenichts) und realistische (Oblomov) Ansichten ergänzt werden. Und alle Handlungen haben Elemente eines Zaubermärchens, zum Beispiel über Emelja den Narren: Da ist ein wunderbarer Helfer (Hecht), ein wunderbares Ding (Ofen), wunderbare Fähigkeiten (der Ofen kann Emelja fahren), eine wunderbare Frau usw [Afanasyev 1984–1985].

„Wunderbare“ Dinge und Gehilfen werden in Beers Roman entlarvt: Musik, Religion, Schule, Adel, Institution, Ehe etc. Sie werden der Kritik ausgesetzt. Der „Assistent“ des Protagonisten Lorenz ist sein „märchenhafter“ Doppelgänger Hans, ein Einfaltspinsel („Simplicius“, wie der Held des Romans von Grimmelshausen), eigentlich ein Diener von Lorenz, der nach hierarchischen Verhältnissen in der normativ-rhetorischen Ära des Barocks es nicht wagt, seinem Herren zu widersprechen. Aufwachsend verlässt er am Ende des

Romans seinen Meister, dem er mit seiner einfältigen Weltanschauung entgegentritt. Ein Leser, der mit geregelten gesellschaftlichen Verhaltensnormen vertraut ist, kann weder die Position des Einfaltspinsels Hans (für den Sympathie nicht ausgeschlossen ist) teilen, noch die über alle Normen hinausgehende Verhaltens- und Lebensweise von Lorenz.

Der erste Prätext von Beers Roman „Das Narrenspital“ ist das Märchen von Hans im Glück, wie auf dem Titelblatt angedeutet: „Herausgegeben / Durch Hanß guck in die Welt“. Neben dem Märchen hat „Das Narrenspital“ noch mehrere Prätexte, z.B. den Roman über den Simplicissimus von Grimmelshausen, aus dem Hans seinem Meister vorliest. Die Volksbücher über Melusine und Fortunatus, deren Namen auch im Roman erwähnt werden, waren zweifellos auch Beispiele für das Buch über Beers Narren. Auf Sebastian Brants „Das Narrenschiff“ weist der ähnliche Titel von Beers Roman hin, sowie auch die Typen, die das Spital bewohnen.

Bei Eichendorff entpuppen sich „wunderbare“ Helfer als ganz normale Menschen, und selbst diejenigen, die auf den ersten Blick wie Feinde erscheinen, erweisen sich plötzlich als Helfer. Anders als im Märchen und in Beers Roman gelang es Joseph von Eichendorff, „romantische Impulse mit poetischer und spiritueller Ursprünglichkeit zu verschmelzen und ihnen eine mehr oder weniger schöpferische Abfolge zu geben“ [Mikhailov 2000: 40].

Weist im Barock das Buch auf die Welt, dann wird in der Erzählung „Aus dem Leben eines Taugenichts“ nur ein Fragment des Lebens gezeigt – das Leben im Garten, trotz aller Bewegungen des Protagonisten, ein gemütlicher Biedermeierraum. Das in der Erzählung erwähnte Buch ist ein Buch über Räuber, das dem Helden als Kind von seiner Mutter vorgelesen wurde. Das barocke Motiv der Welt als Theater erscheint hier nicht in märchenhaften Verwandlungen, sondern in Verkleidungen von Helden, die mit anderen Personen verwechselt werden. Die ganze Erzählung beweist, dass der Held überall gebraucht wird, dass er – für alle nützlich und von allen bewundert –, Geld für Brot und Wein mit seiner Geige verdienen kann. Und jeder, dem er begegnet, folgt seinem Weg und jeder ist ihm wohlgesonnen, selbst ein Verrückter in Schlossgefangenschaft oder „die Räuber“, denen er unterwegs begegnet.

In Eichendorffs Erzählung wird nicht das Geheimnis der Welt offenbart, sondern das Geheimnis des Gartens, der Traum vom Paradies, der sich als gewohntes Biedermeier-Wohlfühlen entpuppt. In allen genannten Texten wird das märchenhafte Motiv des Traumes zum Anlass genommen, auf bevorstehende Ereignisse zu blicken. Die Kutsche, in der Taugenichts fährt, gleicht einem Mühlrad, der Held weiß nicht, wohin er will, aber er kommt genau dorthin, wo er hin muss, und kehrt am Ende an den Ort zurück, von dem er losgefahren ist. Der Faulpelz glaubt, dass er anders ist als seine Mitmenschen. Wenn er die Kutsche verlässt, überblickt er oft die Welt und schaut sie aus den Büschen oder aus der Höhe eines Baumes an. Er geht auch zu anderen, kehrt aber zu seinen eigenen Freunden zurück. So bringt ihn seine Quasi-Reise am Ende zum Ausgangspunkt zurück. 10 Kapitel verleihen der Geschichte eine sagenhafte Vollständigkeit.

Für Goncharov entpuppt sich Iljuschas Kindheit als „wunderbarer“ Moment, der sich in seinen Schlaf verwandelt, in dem seine glückliche Kindheit eine zeitlose Dimension hat, sowie seine „Taubenseele“, die sich in seiner Liebe zu Olga und in seiner Freundlichkeit gegenüber Menschen ausdrückt. Der Forscher Annensky schreibt über Oblomovs „unsterbliches Bild“ [Annensky 1979]:

Что он: обжора? ленивец? неженка? созерцатель? резонер? Нет... он Обломов, результат долгого накопления разнородных впечатлений, мыслей, чувств, симпатий, сомнений и самоупреков. [...]

Отчего его пассивность не производит на нас ни впечатления горечи, ни впечатления стыда? [...] В Обломове есть крепко сидящее сознание независимости – никто и ничто не вырвет его из угла: ни жадность, ни тщеславие, ни даже любовь. Каков ни есть, а все же здесь наш русский home [Ibid.].

Was ist er: ein Vielfraß? Faulpelz? Weichei? Betrachter? Raisonneur Spintisierer? Nein... er ist Oblomov, das Ergebnis einer langen Ansammlung heterogener Eindrücke, Gedanken, Gefühle, Sympathien, Zweifel und Selbstvorwürfe. [...]

Warum erweckt seine Passivität bei uns weder den Eindruck von Bitterkeit noch einen Eindruck von Scham? In Oblomov herrscht ein fest verankertes Unabhängigkeitsbewusstsein – niemand und nichts wird ihn aus der Ecke reißen: weder Gier noch Eitelkeit, nicht einmal Liebe. Was auch immer er ist, hier ist unser russisches home.

Oblomov hat auch einen „wunderbaren“ Gegner, der sich scheinbar der Hauptfigur widersetzt, ihn aber tatsächlich nicht stört, sondern nur einen Kontrast darstellt.

Посмотрите, что противопоставляется обломовской лени: карьера, светская суета, мелкое сутяжничество или культурно-коммерческая деятельность Штольца. Не чувствуется ли в обломовском халате и диване отрицание всех этих попыток разрешить вопрос о жизни [Ibid.].

Schauen Sie, was Oblomovs Faulheit entgegensteht: Karriere, sozialer Aufruhr, kleine Rechtsstreitigkeiten oder Stolz [seines Freundes – T. A.] kulturell-kommerzielle Aktivitäten. Ist in Oblomovs Morgenmantel und Sofa nicht die Verleugnung all dieser Versuche zu spüren, die Lebensfrage zu lösen?

Es ist kein Zufall, dass dieser Andrej Stolz Deutscher ist, die Verkörperung eines fleißigen, rational denkenden Menschen, der Oblomovs Braut scheinbar wegnimmt. Aber auch hier kommt es nicht zur Konfrontation. Stolz füllt einfach die Lücke, die der Protagonist hinterlassen hat. Goncharovs Roman ist nach dem Vorbild eines Märchens mit traurigem Ende geschrieben. Der Narr gewinnt nicht, sondern bleibt in seiner Welt.

So gehen alle betrachteten Werke in ihrer Struktur auf das Märchen von Iwan dem Narren / Hans im Glück zurück: Sie beginnen mit einer Reise- oder Verlassenheitssituation, erzählen von verschiedenen „Heldenabenteuern“ und enden mit einer Hochzeit (bei Beer erfährt der Leser über die Untreue von Lorenz' Frau und in Goncharovs Werk über die Ehe und den Tod des Helden. Darin unterscheiden sich die Romane von den Märchen).

2. Das Bild eines Narrenfaultiers aus Märchen in der vorrhetorischen Zeit

Die Märchensammlung von Alexander Afanasyev bietet ein Beispiel für viele Geschichten über das törichte Faultier. Zum Beispiel „Nichtswisser“ („Neznajko“): Sein Held Vanyushka, der unglückliche jüngste Sohn, der das Elternhaus verließ und eine Stelle als Zarengärtner annahm (das Bild, das Nichtswisser mit dem Taugenichts von Eichendorff verwandt macht), bringt Ordnung im Garten, reißt alte Bäume aus und pflanzt sie „in der richtigen Reihenfolge“ wieder ein, was seine

bemerkenswerte Kraft demonstriert, für die sich die jüngste Tochter des Königs in ihn verliebt. Sie wählt ihn nicht aus „Zaren- oder Königssöhnen und mächtigen Kriegern“, sondern aus „Bürgern und Bauern, Narren – Wirtshaussäufern, Tänzern und Sängern“, was den Auserwählten mit Lorenz verwandt macht. Wenn Feinde kommen, kämpft Nichtswisser inkognito mit ihnen und der Ruhm geht an andere Schwiegersöhne. Erst beim dritten Mal, verwundet und nicht in der Lage, seine Militärkleidung auszuziehen (sein Pferdesattel ist deutsch!), wurde er überrascht, seine Frau und ihr Vater sahen und schätzten ihn [Afanasyev 1984–1985].

Aus deutschen Märchen kennt man „Hans im Glück“. Die Ausgangssituation des Märchens erinnert an die Geschichte von Hans im „Narrenspital“. Hans diente seinem Herrn sieben Jahre und beschloss, zu seiner Mutter zurückzukehren. Für den Dienst bekommt er einen Goldklumpen, den er erst gegen ein Pferd, dann gegen eine Kuh, ein Schwein, eine Gans, einen Wetzstein eintauscht und diesen am Ende in einen Brunnen wirft, fühlt, wie frei und glücklich er ist, und geht leichten Fußes zu seiner Mutter [Grimm 1857: 352–357]. Auch der Diener von Lorenz geht nach langem Dienst bei Lorenz nach Hause, da er wenig von seinem Herrn gelernt hat.

In Volksbüchern sind dies die Bilder von Fortunatus und seinen Söhnen. Das Volksbuch über Fortunatus hat eine fabelhafte Grundlage: Die Wissenschaft hat hier für mehr als zwei Dutzend von Motiven die Parallelen in europäischen und orientalischen Literaturwerken und Märchen festgestellt [Deutsche Volksbücher 1982: 291].

Fortunatus, dessen Name „der Glückliche“ bedeutet, beginnt wie ein Märchenheld und der Held von Beer mit seinem Abschied von der Heimat und begibt sich auf eine Reise, die ihn neben Abenteuern und Begegnungen mit verschiedenen Menschen, guten und bösen, in eine verzweifelte Situation führt, und er bekommt im Wald von einer Fee einen Zauberbeutel, der ihm ständigen Wohlstand beschert und es ihm nicht nur ermöglicht, eine Königstochter zu heiraten und zwei Söhne zur Welt zu bringen, sondern auch nach Hause zurückzukehren und ein sorgenfreies Dasein zu führen. Seine Söhne hingegen verlieren aufgrund ihrer Unfähigkeit die magische Gabe und sterben. In einem Volksbuch wird anders als im Märchen davon ausgegangen, dass es zwei Möglichkeiten

gibt, das Leben zu leben – klug und glücklich einerseits und irrational und katastrophal für den Helden andererseits. In Eichendorffs Erzählung gibt es eine märchenhafte Grundlage, die im Bild von Fortunatus verkörpert ist, während in Goncharovs Roman beide Möglichkeiten aufgezeigt werden, obwohl das Urteil darüber, ob das Leben so zu leben ist, wie es die Seele wünscht oder wie der Verstand sagt, dem Leser offen bleibt.

3. Lorenz: Der barocke Taugenichts von Johann Beer als Abbild der normativ-rhetorischen Epoche

Beers Schöpfung, wie die von Grimmelshausen, aus der Hans Lorenz vorliest, wird je nach Tradition des Schelmenromans als stilistisch niedrig empfunden, während es notwendig ist, „hinter diesem Niedrigen, tief durch es hindurch und all dieses Tiefe in das Allgemeine und Ganze einbeziehend, die Konstruktion von hoher Bedeutung“ [Mikhailov 2000: 110] zu lesen.

Johann Beer (1655–1700) war lange Zeit nur Musikwissenschaftlern bekannt. Seine anonym veröffentlichten Bücher wurden zuerst von R. Alewin analysiert. In Russland hat ihn für den Leser Alexander V. Michailow entdeckt. Das schreibt er über ihn:

Младший современник Гриммельсаузена, выходец из Верхней Австрии, Иоганн Беер, человек гениальный по своим творческим задачам, воплощает в себе барочное жизнелюбие, подлинную влюбленность в чувственную полноту окружающего мира, как ни один немецкий поэт XVII в. Беер, который двадцать с лишним лет провел в Саксонии, в Вейссенфельсе, при герцогском дворе, и был там всем, начиная с композитора, капельмейстера и музыкального писателя вполне солидного достоинства и кончая шутом – добровольно взятой на себя обязанностью, – это олицетворение какой-то неслыханной в этот век житейской беспроблемности. Жизнь проведена в забавах и развлечениях, она наполнена смехом, таким здоровым и полноценным, каким не смеялся никто в эпоху барокко; между забавами – нотки настоящих человеческих забот и печалей; полнотой ощущения жизни пропитано все; талант к жизни, безраздельный, цельный, весь разноразной дел без труда подчиняет себе, и все разнообразные занятия Беера естественно собираются в одном – быть другом герцога, уже

отсюда – быть собеседником, затейником, капельмейстером, шутом. (Беер умер от шальной пули, тяжело ранившей его на охоте, – смерть нелепая, но вполне в стиле разгульного и безмятежного времяпрепровождения вейссенфельского двора) [Ibid.: 311].

Der jüngere Zeitgenosse Grimmelshausens und gebürtige Oberösterreicher, Johann Beer, ein Genie in seinen schöpferischen Neigungen, verkörpert wie kein anderer deutscher Dichter eine barocke Lebenslust, eine echte Liebe zur sinnlichen Fülle der ihn umgebenden Welt des 17. Jahrhunderts. Beer, der mehr als zwanzig Jahre in Sachsen, in Weißenfels, am herzoglichen Hof verbrachte und für alle da war, angefangen von einem Komponisten, Dirigenten und Musikschriftsteller von ganz solider Würde bis hin zum Narren – eine freiwillig übernommene Verantwortung – dies ist die Personifizierung von etwas Unerhörtem in diesem Zeitalter weltlicher Unruhe. Das Leben wird vergnügt verbracht, es ist voller Lachen, so gesund und erfüllend, wie in der Barockzeit niemand gelacht hat; zwischen Spaß und echten menschlichen Sorgen; alles ist von der Fülle des Lebensgefühls durchdrungen; eine Lebensbegabung, ungeteilt, ganzheitlich, alle Verschiedenheit der Dinge unterwirft sich ohne Schwierigkeit, und alle verschiedenen Beschäftigungen Beers vereinen sich natürlich in einem – Freund des Herzogs zu sein, schon von hier aus – Gesprächspartner zu sein, – Entertainer, Kapellmeister, Narr. Beer starb an einer verirrtten Kugel, die ihn bei der Jagd schwer verletzte – ein absurder Tod, aber ganz im Stil des ausgelassenen und heiteren Zeitvertreibs des Weißenfelfer Hofes.

Der junge Held des Romans „Das Narrenspital“ landet nach der Flucht aus der Schule im Schloss des Edelmannes Lorenz:

Mit diesen Worten stund er hinter dem Ofen auf, an welchem Ort er bis daher auf dem Bauche gelegen, weil ich nachmals erfahren, daß dieses fast sein täglicher Gebrauch war, denn er war ein Mensch, dergestalten der Ruhe ergeben, daß er alle Arbeiten für Bärenhäuterei schätzte, und weil ihm von seinen Vorfahren ein ziemliches Gut hinterlassen worden, verzehrte er solches in dem allerelendesten Müßiggang, sogar daß es ein großes Wunder war, wenn er in sechs Wochen einmal in die Kirche gekommen. So wurde ich für diesmal bei diesem Landedelmann angenommen, und weil

er noch unverheiratet war, hieß ihn jedermann den ledigen Hahnrei. Sonst hieß er eigentlich der faule Lorenz hinter der Wiesen, weil er vor großer Faulheit selten oder gar niemals über seine eigene Wiese von dem Schlosse aus verreiset ist“ [Beer 1957: 15].

Mikhailov charakterisiert Lorenz so:

Этот Лоренц, в целом блестяще охарактеризованный персонаж, предстающий перед нами словно живой, – яркий тип, но и обезличен, превращен в дремучее бесполое существо (он всех «людей в своем доме, мужчин и женщин, зовет Ганс»), увязшее в плесени (стихийности) вещи и с трудом поднимающее свою голову из этой гнилой плесени [Mikhailov 2000: 190–191].

Dieser Lorenz, im Großen und Ganzen eine brillant charakterisierte Person, die wie lebendig vor uns erscheint, ist ein krasser Typ, aber auch unpersönlich, in ein dummes asexuelles Wesen verwandelt (er nennt alle Menschen in seinem Haus, Männer und Frauen, Hans), steckt in der Form und Spontanität der Dinge fest und hebt den Kopf nur schwer aus dieser verfaulten Form.

Lorenz bleibt jedoch nicht in seiner unerschütterlichen Ruhe, sondern arrangiert ein Fest, das sich als zentrale Episode des Romans erweist. Es beginnt mit Liedern, der Pfortner spielt seine erbärmliche Geige, und Lorenz selbst singt (alle betrinken sich bis zur Bewusstlosigkeit, ziehen ihre Kleider aus und werfen sie und die der Magd weg und bewerfen einander mit Tonklumpen).

Буйные экстазы героев Беера – это, конечно, тоже и «ад», в таком смысле, но одновременно это и «рай» – как обретенная свобода. Свобода здесь – свобода от себя самого, от воли, от желаний [Ibid.: 193].

Die heftigen Ekstasen von Beers Helden sind natürlich in diesem Sinne „Hölle“, aber gleichzeitig auch „Paradies“ – wie die erworbene Freiheit. Freiheit ist hier Freiheit von sich selbst, vom Willen, von Begierden.

Beers Roman ist von einer echten Barockproblematik und einer eigentümlichen Tiefe durchdrungen, die der Schriftsteller kaum erstrebte, so Mikhailov. Beers Logik der barocken „Vertikale“ funktioniert weiterhin sowohl einfach durch Trägheit als auch als noch lebendiger Sinn:

«бееровский смех становится «метафизическим» – не смех над вещами и ситуациями, а смех, идущий из обнажаемой человеком глубины вещественного: смеются вещи, разрываясь от своей внутренней нелепости, и в безудержных приступах смеха уравнивает себя человек с глубинной стихийностью вещей – вообще мира. Вещи у Беера, как и у Гриммельсхаузена, всегда в динамике и в течении, но только на первый план выходит именно ощущение полнокровности вещей как таковых; бездельники – герои романов Беера учатся постигать эту полнокровную стихию внутри вещей, устают только от поисков новых форм безделья и ради необычности готовы перебраться и испытать все разновидности барочной жизни, включая отшельничество [Ibid.: 312].

Beers Lachen wird „metaphysisch“ – nicht ein Lachen über Dinge und Situationen, sondern ein Lachen aus der Tiefe der Materialität, die der Mensch enthüllt: Die Dinge lachen, platzen vor innerer Absurdität, und im hemmungslosen Lachen setzt sich der Mensch mit der Tiefe gleich der Spontaneität der Dinge und der Welt im Allgemeinen. Die Dinge bei Beer sind, wie bei Grimmelshausen, immer in Dynamik und Fluss, aber nur das Gefühl der Vollblütigkeit der Dinge an sich tritt in den Vordergrund; Müßiggänger – die Helden von Beers Romanen lernen dieses Vollblut in den Dingen zu begreifen, werden es satt, nur nach neuen Formen des Müßiggangs zu suchen und sind bereit, um des Ungewöhnlichen willen alle Spielarten des barocken Lebens zu sortieren und zu erleben, einschließlich seinen Hermetismus.

Der Roman endet damit, dass Hans Lorenz verlässt, die Umwerbung durch Lorenz' Frau loswird und sich vornimmt, ein neues Leben zu beginnen, das sich von dem im Schloss unterscheidet. Der ganze Aufenthalt von Hans im Schloss entspricht seinen „Studienjahren“, die der Leser erwartet, um Hans nicht nur mit der normativen Natur der Gesellschaft, sondern auch mit der „Vertikale“ des moralischen Lebens vertraut zu machen.

4. Eichendorffs romantisch-biedermeierlicher Taugenichts der postrhetorischen Ära

Nach den Erinnerungen von Eichendorffs Sohn wurde die Erzählung in Danzig geschrieben,

wo Eichendorff 1821 die Stelle eines Beraters der preußischen Regierung erhielt. Die handschriftliche Version der Geschichte trug den Titel „Der neue Troubadour: zwei Kapitel aus dem Leben eines Taugenichts“ und wurde in der Zeitschrift „Deutsche Blätter für Poesie, Literatur, Kunst und Theater“ veröffentlicht. Die Vollversion der Erzählung erschien 1826 in Berlin, lebenslang folgten Nachdrucke 1842, 1850, 1856.

Der ursprüngliche Name weist auf die mittelalterliche Quelle der Novelle hin, und ihre Verbindung zu Beers Roman ist ein Studentenlied, das die Studenten im vorletzten Kapitel der Novelle singen, dessen Refrain, wo hinter dem Ofen Sitzende als Glückliche bezeichnet werden, so klingt:

Beatus ille homo,
Qui sedet in sua domo,
Et sedet post fornacem,
Et habet bonam pacem! [Eichendorff 1986: 260]

Dieses Lied, das im Einklang mit den Gefühlen des nach Hause zurückkehrenden Helden steht, bildet den Kontrast zum Eröffnungslied der Novelle, das die zu Hause sitzenden Faulenzer anprangert. Es entsprach dem Wunsch und den Absichten des Helden, auf eine Reise zu gehen.

Die trägen, die zu Hause liegen,
Erquicket nicht das Morgenrot,
Sie wissen nur vom Kinderwiegen,
Von Sorgen, Last und Not um Brot [Ibid.: 178].

Im vierten Kapitel findet sich der Held nach einer langen Reise in einer Taverne wieder und sieht um sich herum „kuriose Leute, die zu unserm Herrn Pfarrer kamen, mit Mausefallen und Barometern und Bildern. Was der Mensch doch nicht alles erfährt, wenn er sich einmal hinterm Ofen hervormacht!“ [Ibid.: 213]. So verurteilt Eichendorff als Romantiker, der zwei Typen menschlichen Daseins gegensätzlich macht, einerseits die Daheimsitzenden, andererseits unterstützt er als Vertreter des Biedermeiers seinen heimkehrenden Helden.

In Eichendorffs Novelle finden sich wie in Beers Buch viele lateinische Ausdrücke, die von der entsprechenden Bildung der Helden zeugen (Lorenz bei Beer und Studenten bei Eichendorff), ergänzt durch viele italienische und französische. Italienische Wörter betonen das Lokalkolorit während der Heldenreise durch Italien, französische entsprechen dem sprachlichen Diskurs der noblen

Welt zu Beginn des Jahrhunderts. Lorenz verurteilt im Gegensatz zum Taugenichts französischsprachige Deutsche: „Deutsche Einfachheit ist die beste Weisheit“ [Ibid.: 38], obwohl der Satz selbst dem Lateinischen nachempfunden ist (vgl. *experientia est optima magistra*).

In beiden Werken herrscht eine „chorale Einstimmigkeit“, organisch sowohl für das rhetorische Wort des Barockromans, obwohl der Held „aus ihm herausfällt“, als auch für die Philister, denen die Hauptfigur Eichendorffs gegenübersteht. Für Beer sind das lateinische geflügelte Wörter, für Eichendorff Sprichwörter und Sprüche, die in einer ganzen Streuung auf einmal auf den Kopf des Lesers strömen. So meditiert der Taugenichts im Schlossgarten und wartet auf eine glückliche Chance vom Leben:

Es wird keinem an der Wiege gesungen, was künftig aus ihm wird, eine blinde Henne findet manchmal auch ein Korn, wer zuletzt lacht, lacht am besten, unverhofft kommt oft, der Mensch denkt und Gott lenkt [Ibid.: 182].

„Jung gefreit hat niemand gereut, wer's Glück hat, führt die Braut heim, bleibe im Lande und nähere dich tüchtig“ [Ibid.: 206]: diese Sprichwörter wurden dem Taugenichts mehrmals von dem Pförtner wiederholt. Das Kurioseste ist, dass die „banalen“ Sprüche das zukünftige Leben des Taugenichts prophezeien und in seinem Leben genau umgesetzt werden, außerdem wird sich der Pförtner als Onkel seiner Geliebten und deswegen so als sein Verwandter herausstellen.

Im neunten Kapitel rekonstruiert Eichendorff das Gespräch von Studenten, die nach Prag reisen: „Da ihnen das Latein nur so wie Wasser von dem Munde floss: *Aurora musis amica*, das heißt zu deutsch: Mit vielem Frühstück sollst du dir nicht die Zeit verderben“ [Ibid.: 253]. Dies ist keine Übersetzung, sondern eine Interpretation des Studentenlebens mit Hilfe eines lateinischen Sprichworts. Zitate aus Horazens „Ode: wechseln sich mit Sprüchen über Jupiter ab.

Es ist anzumerken, dass Eichendorffs Taugenichts als Hauptfigur mit Lorenz korreliert, sein Alter und seine Unschuld jedoch eher Hans, dem Diener von Lorenz, entsprechen, der nach der Flucht vor einem grausamen Lehrer in Lorenz' Schloss landet. Der Müller, Taugenichts Vater, verurteilt, wie ein Held aus einem Märchen, seinen Sohn wegen Müßiggangs und schickt ihn zur

Arbeit in die Welt. Durch das Geigenspiel auf Festen und Hochzeiten kann er sich vielleicht selbst ernähren (das erinnert an den Pförtner in Beers Roman, der auch Geige spielt) und wird gleich von zwei Damen auf dem Weg nach Wien mitgenommen. Die erste Station ist das Schloss, wo Taugenichts eingeladen wird, als Gärtnergehilfe zu arbeiten. Und hier, bald mit einer Gitarre, bald mit einem Buch in der Hand, sieht er ein engelhaftes Wesen, über das er sein Lied komponiert. Eichendorff findet es nicht beschämend, über seinen Helden zu lachen: Als er eine schöne Brünette im weißen Kleid aus dem Gebüsch lugt, niest er wegen einer Fliege, die ihm in die Nase geflogen ist, und verrät sich selbst. Beim Bootfahren hält eine schöne Fremde eine Lilie (Symbol der Reinheit) in der Hand (vgl. Olgas Fliederzweig): Er singt ein Lied über eine „schöne Dame“, das stilistisch den Volksliedern aus der Sammlung von Arnim und Brentano nahe kommt, die in dieser Szene erwähnt werden. Nachdem er das Lied gesungen hat, wirft er sich vor Trauer ins Gras und weint bitterlich, erkennt seine Armut und die Un erreichbarkeit seiner Träume, während sich die Gesellschaft zurückzieht und ihn allein lässt.

Im zweiten Kapitel dient Taugenichts als Zolleinnehmer im Morgenmantel mit Pfeife und Pantoffeln, was an Oblomov erinnert. Im Garten reißt er Kartoffeln aus (so wie der Held aus dem Märchen „Nichtswisser“ seiner Meinung nach die falsch gepflanzten Bäume herausgezogen hat), pflanzt Blumen an deren Stelle und stellt sie seiner Geliebten in den Pavillon. Er ist in seine schöne Fremde verliebt, wie Raymond in die schöne Melusine. Aus den Blumen im Garten erschafft der Held das Bild seiner Geliebten:

„Die Rosen waren nun wieder wie *ihr* Mund, die himmelblauen Winden wie *ihre* Augen, die schneeweiße Lilie mit ihrem schwermütig gesenkten Köpfchen sah ganz aus wie sie. Ich legte alle sorgfältig in einem Körbchen zusammen“ [Ibid.: 192–193].

Dieses florale Portrait erinnert an barocke „fruchtig-florale Portraits“ von Giuseppe Arcimboldo. Dies ist die Übersetzung des Emblems in Worte, sein Übergang in einen literarischen Text. Das Emblem dient hier als „schematisches Mittel der Verallgemeinerung, Darstellung räumlich, sichtbar, materiell, geschlossen“ («схематическим средством обобщения, представлением про-

странственно, зримо, вещно, замкнуто» [Mikhailov 2000: 106]), als ob es den Spruch „Poesie sei sprechende Malerei“ bestätigen würde.

Gleichzeitig betont Eichendorff ständig die Ungeschicktheit seines Helden, der (wie Oblomov) nicht mit Zahlen zurechtkommt, über sein Gewand stolpert und stürzt. Von einem Baum aus das Leben im Schloss beobachtend, spürt Taugenichts seine Einsamkeit und fängt sogar an, vom bescheidenen Spießerglück zu träumen:

Jeder hat sein Plätzchen auf der Erde ausgesteckt, hat seinen warmen Ofen (NB! – T. A.), seine Tasse Kaffee, seine Frau, sein Glas Wein zu Abend und ist so recht zufrieden; selbst dem Portier ist ganz wohl in seiner langen Haut. – Mir ist's nirgends recht. Es ist, als wäre ich überall eben zu spät gekommen, als hätte die ganze Welt gar nicht auf mich gerechnet [Eichendorff 1986: 194].

All dies ist nicht außerhalb der biedermeierlichen Neuordnung der romantischen Tradition zu sehen, die die Funktion der Künste neu denkt, die Kunst den Menschen näher bringt, aber sehr oft künstlerische Ideale begründet, fast allem Ruhe und idyllische Gelassenheit verleiht. Diese Biedermeierzeit bestimmte weitgehend den gesamten Charakter der deutschen Kultur im 19. Jahrhundert – Kultur, äußerlich, oberflächlich, sehr an die Menschen, ihre Bedürfnisse angepasst, sehr komfortabel, gemütlich für sie. Wie Michailov feststellt, ist das Biedermeier eine bedeutende Schicht in der deutsch-österreichischen Kultur von 1810–48:

Этот пласт характеризует также промежуточное положение эпохи – между романтизмом, который в немецкой культуре исключительно быстро одомашнивается, теряет универсальность и широту, приобретает черты тривиального, «беллетризуется», и созревающим реализмом [Mikhailov 1976: 137–174].

Diese Schicht charakterisiert auch die Zwischenposition der Epoche – zwischen Romantik, die in der deutschen Kultur extrem schnell domestiziert wird, ihre Universalität und Breite verliert, Züge des Trivialen, „fiktionalisierten“ annimmt, und reifendem Realismus.

Die anschließende Handlung der Novelle entfaltet sich ganz im Biedermeierstil. Taugenichts sieht seine Geliebte mit einem Offizier, hält ihn für ihren Ehepartner und sich selbst für einen Narren,

wirft Blumen (das Porträt seiner Geliebten) weg und beschließt, nach Italien zu gehen. Im dritten Kapitel, unterwegs und müde, schläft er in einem fremden Garten ein und träumt von seiner schönen Dame, die mit ihm Arm in Arm um die Mühle seines Vaters geht, und sieht sogar den Pförtner, seinen zukünftigen Verwandten, sozusagen seine zukünftige Realität.

Im Wald trifft er einen Hirten, geht mit ihm und spielt für die Dorfbewohner, die gerne tanzen. In einer Kneipe stößt er auf einen skandalösen Burschen, der an Lorenz erinnert. Nachdem er zwei Reiter kennengelernt hat (den Künstler Leonhard und seinen Freund Guido, der sich als Mann verkleidet als Tochter der Gräfin Flora entpuppte), hält er sie für die Räuber, über die ihm die Mutter in seiner Kindheit vorgelesen hatte.

Im vierten Kapitel erlebt er eine Verfolgungsjagd – er wird seinerseits für ein verkleidetes Mädchen gehalten und in einer Kutsche zum Schloss gebracht. Im fünften Kapitel findet er sich als Gefangener im Schloss wieder, aus dem man ihm zu fliehen verhilft. Dann besucht er Rom. Im Haus eines Künstlers, der Leonhard kennt, sieht er Gemälde von Leonardo da Vinci und Guido Reni. In Gesellschaft deutscher Landsleute in Rom spricht er über Hoffmann. Und schließlich trifft er die lateinsprechenden Studenten aus Prag. Im zehnten Kapitel erfährt er, dass seine Geliebte keine Gräfin ist, sondern eine Waise, die die Gräfin in ihr Haus genommen hat und der der Graf ein Häuschen hinterlässt.

Sowie Eichendorffs Erzählung im Ganzen, als auch ihre Elemente enthalten sein emblematisch-poetisches Denken auf verschiedenen Ebenen:

Эйхендорфовское солнце – все еще «Око мира», смотрящее на все творящееся на земле. Его объемность коренится в уникальной возможности, данной временем на перевале прошлого и будущего, традиций барокко и складывающегося реалистического видения мира и природы, освещенного лирическим чувством [Ibid.: 341].

Die Eichendorffsche Sonne ist immer noch das „Auge der Welt“ mit Blick auf alles, was auf der Erde geschaffen wird. Ihre Dimensionen wurzeln in der einmaligen Gelegenheit, die die Zeit bietet an der Grenze von Vergangenheit und Zukunft, den Traditionen des Barock und der aufkommenden realistischen Vision von Welt und Natur, erleuchtet von einem lyrischen Gefühl.

5. Oblomov Goncharovs – ein Faulpelz in einem realistischen Roman der postrhetorischen Ära

Goncharov begann 1857, im Todesjahr Eichendorffs, an dem Roman *Oblomov* zu arbeiten. Der Roman besteht aus 4 Teilen, er enthält Anspielungen aus der europäischen Literatur (Shakespeare) und vor allem aus der Deutschen: Schiller, Goethe, Eichendorff. Goncharovs Roman setzte Muster für den russischen Roman: Andrej Stolz wurde ein Beispiel für Andrej Bolkonsky in L. Tolstois Roman „Krieg und Frieden“, Oblomovs Traum – für den Traum von Vera Pavlovna aus dem Roman „Was tun?“ von Chernyshevskyj), ein Grab von Oblomov – für Bazarovs Grab im Roman „Väter und Kinder“ von Turgenjev), Oblomovs Frau Agafya – für Kaufmannsfrauen auf den Gemälden von B. Kustodijev).

In Goncharovs Roman finden sich viele Motive aus Eichendorffs Erzählung (auf die Ähnlichkeit zweier Figuren – von Taugenichts und Oblomov – weist auch der deutsche Germanist L. Fuest [Fuest 2008] hin, aber er übersieht ihre gemeinsamen Märchenwurzeln): Olgas Vermögen wurde von ihr geerbt, wie auch das der Braut des Protagonisten Eichendorffs. Beide Helden entpuppen sich als „Visionäre“ – sie spionieren im Gebüsch. Der Topos von Garten und Blumen ist in beiden Werken wichtig (der romantische Held dient als Gärtner), Olga und Stolz erinnern an zwei Italiener (Leonhard und Flora), sie reden über eine Reise nach Italien und s.w.

Als ob Goncharov Eichendorff zitieren würde, zeichnet Oblomov sein Lebensideal so:

В ожидании, пока проснется жена, я надел бы шлафрок и походил по саду подышать утренними испарениями; там уж нашел бы я садовника, поливали бы вместе цветы, подстригали кусты, деревья. Я составляю букет для жены [Goncharov 1986: 300].

Während ich darauf wartete, dass meine Frau aufwachte, zöge ich einen Morgenmantel an und ginge durch den Garten, um die Morgendämpfe einzuatmen; dort hätte ich einen Gärtner gefunden, wir würden gemeinsam Blumen gießen, Büsche und Bäume beschneiden. Ich würde einen Blumenstrauß für meine Frau machen.

Oblomov liebt wie Taugenichts in respektvoller Distanz:

Обломов больше ограничивался поклонением издали, на почтительном расстоянии.

[...] Его любовные интриги не разыгрывались в романы: они останавливались в самом начале и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повестям любви какой-нибудь пансионерки на возрасте [Ibid.: 227].

Oblomov beschränkte sich eher auf die Anbetung aus der Ferne, in respektvoller Entfernung. [...] Seine Liebesgeschichten wurden nicht in Romanen gespielt: Sie hörten ganz am Anfang auf und standen mit ihrer Unschuld, Einfachheit und Reinheit den Liebesgeschichten im Alter eines Internatschülers in nichts nach.

Das Motiv der Hochzeit wird wie im „Narrenspital“ zu einem wichtigen treibenden Bestandteil der Entwicklung der Handlung: Tarantijev bittet Oblomov um einen Frack für die Hochzeit eines Freundes, der Vermieter bittet Oblomov wegen der Vorbereitungen zur Hochzeit seines Sohnes um den Auszug aus der Wohnung, Oblomov selbst verbindet Veränderungen in seinem Leben mit der imaginären Ehe, und sein Leben und das von Stolz ändert sich im Zusammenhang mit ihren Ehen.

Die Erzählung von Taugenichts endet dort, wo jede Geschichte normalerweise endet: mit der Hochzeit. Nach Beendigung der Reise, die von den Romantikern als Lehrzeit interpretiert wurde, beginnt für Taugenichts ein neuer Abschnitt seines Lebens – ein Abschnitt seines eigenen Lebens, der außerhalb des Rahmens der Erzählung bleibt. Es ist kein Zufall, dass Oblomov, der die Ausbildung abgeschlossen hat, die Frage stellt:

«Когда же жить? – спрашивал он опять самому себя. – Когда же наконец пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть еще ни на что не понадобится в жизни? Политическая экономия, например, алгебра, геометрия – что я стану с ними делать в Обломовке?» [Ibid.: 229].

„Wann leben? fragte er sich noch einmal. – Wann endlich dieses Kapital des Wissens in Umlauf bringen, von dem das meiste für nichts im Leben benötigt wird? Politische Ökonomie zum Beispiel, Algebra, Geometrie – was mache ich mit ihnen in Oblomovka?“

Zu sagen, dass Oblomov nicht reist, wäre falsch. Er schildert seine einzige Reise, als erinnerte er sich an die Reise des Taugenichts aus der fernen Romantik-Biedermeier Zeit. Viele unnötige Dinge, die Oblomov auf die Reise mitnimmt, erin-

uern den Leser an die Reise von Lorenz zur Hochzeit, dem Helden eines Barockromans, bei dem die Dinge eine fast dominierende Rolle spielen:

[...] поездка была для него подвигом, почти новым и неизвестным. Он в жизни совершил только одно путешествие, на долгих, среди перин, ларцов, чемоданов, окороков булок, всякой жареной и вареной скотины и птицы и в сопровождении нескольких слуг. Так он совершил единственную поездку из своей деревни до Москвы и эту поездку взял за норму всех вообще путешествий. А теперь так не ездят: надо скакать сломя голову! [Ibid.: 230]

[...] die Reise war für ihn ein Kunststück, neu und unbekannt. Er machte nur eine einzige Reise in seinem Leben, in der Kutsche zwischen Federbetten, Schatullen, Koffern, Brötchenschinken, allerlei gebratenem und gekochtem Vieh und Geflügel und begleitet von mehreren Dienern. So machte er die einzige Reise von seinem Dorf nach Moskau, und diese Reise betrachtete er als die Norm aller Reisen im Allgemeinen. Und jetzt fahren sie nicht so: Du musst mit halbsbrecherischer Geschwindigkeit fahren!

Einer von den Helden des Romans, Tarantjev, hatte wie Lorenz

[...] «питал какое-то инстинктивное отвращение к иностранцам. В глазах его француз, немец, англичанин были синонимы мошенника, обманщика, хитреца или разбойника. Он даже не делал различия между нациями: они были все одинаковы в его глазах» [Ibid.: 222].

[...] eine Art instinktive Abneigung gegen Ausländer. In seinen Augen war ein Franzose, ein Deutscher, ein Engländer gleichbedeutend mit einem Schwindler, Betrüger, Arglistigen oder Räuber. Er machte nicht einmal einen Unterschied zwischen Nationen: in seinen Augen waren sie alle gleich.

Lateinische Ausdrücke („Und du, Brutus, bist gegen mich!“) und transformierte Sprichwörter („Wen du nicht liebst, wer nicht gut ist, mit dem tauchst du kein Brot in einen Salzstreuer“) sind charakteristisch für Oblomovs Weltbild, denn einerseits hat Oblomov ein naturwissenschaftliches Studium in Moskau absolviert, andererseits lebt in ihm das Bewusstsein der Menschen, aufgesogen von den Erzählungen der Kinderfrau und der Lebensweise in Oblomovka.

Darin vereinen sich wie in Taugenichts Romantik und Biedermeier. Einerseits liebt er die Musik und erinnert sich mit Freude an Casta Diva, andererseits erinnert er sich daran mit nicht weniger Begeisterung vor dem Hintergrund seiner Rückkehr von einer imaginären Jagd:

В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... Casta diva... Casta diva! – запел Обломов [Ibid.: 3012].

Im Haus leuchten schon die Lichter; fünf Messer klopfen in der Küche; eine Pfanne mit Pilzen, Koteletts, Beeren... es gibt Musik... Casta Diva... Casta Diva! – Oblomov hat gesungen.

Ein Romantiker versteckt sich in Oblomov, er kann weinen und leiden wie der Taugenichts:

Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире. Ему доступны были наслаждения высоких помыслов; он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько в глубине души плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безыменные страдания, и тоску, и стремление куда-то вдаль, туда, вероятно, в тот мир, куда увлекал его, бывало, Штольц... [Ibid.: 231]

Oblomov liebte es, in sich selbst zurückzuziehen und in der von ihm geschaffenen Welt zu leben. Die Freuden erhabener Gedanken standen ihm zur Verfügung; universelle menschliche Sorgen waren ihm nicht fremd. Er weinte ein andermal bitterlich in der Tiefe seiner Seele über das Unglück der Menschheit, erlebte unbekanntes, namenloses Leiden und Sehnsucht und strebte irgendwo in die Ferne, dort wahrscheinlich in die Welt, in die Stolz ihn führte...

Romantik, romantische Sehnsucht und Melancholie sind natürlich mit dem Namen des Deutschen verbunden. Und dann stellt er sich vor wie ein fast märchenhafter Held, Ilya Muromets oder eine Heldenfigur der fernen Vergangenheit:

Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазоревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу (чем не пророк XXI века – Т. А.) или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра

и великодушия. Или изберет он арену мыслителя, великого художника: все поклоняются ему; он пожинает лавры... [Ibid.: 231–232]

Er stellt sich manchmal gerne als eine Art unbesiegbarer Kommandant vor, dem nicht nur Napoleon, sondern auch Eruslan Lazorevich nichts bedeutet; einen Krieg erfinden und den Grund dafür: zum Beispiel werden Völker von Afrika nach Europa eilen (was nicht ein Prophet des 20. Jahrhunderts sagt! – T. A.), verschonen, ausführen. Er führt dann Heldentaten der Freundlichkeit und Großzügigkeit aus. Oder er wählt die Arena eines Denkers, eines großen Künstlers: Alle verehren ihn; er erntet Lorbeeren ...

Das Märchen ist natürlich wichtig für Goncharov als Autor von *Oblomov* und für seinen Helden selbst:

Сказка не над одними детьми в *Обломовке*, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть. Все в доме и в деревне, начиная от барина, жены его и до дюжего кузнеца Тараса, – все трепещут чего-то в темный вечер: всякое дерево превращается тогда в великана, всякий куст – в вертеп разбойников [Ibid.: 264].

Das Märchen behält seine Macht nicht nur über Kinder in *Oblomovka*, sondern auch über Erwachsene bis zu ihrem Lebensende. Alle im Haus und im Dorf, vom Meister, seiner Frau bis hin zur tapferen Schmiedin Taras, alle zittern an einem dunklen Abend vor etwas: Jeder Baum wird dann zu einem Riesen, jeder Busch wird zur Räuberhöhle.

Und natürlich kommen ihm bestimmte Märchenbilder in den Sinn – Emelya der Narr, Milisa Kirbitievna, Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich, Alyosha Popovich, Polkan-Bogatyr, Der vorbeigehende kalichische Passant.

Она (няня – T. A.) повествует ему [...] о том, кто одним духом выпьет чару зелена вина и не крикнет; потом говорила о злых разбойниках, о спящих царевнах, окаменелых городах и людях; наконец, переходила к нашей демонологии, к мертвецам, чудовищам и оборотням.

[...] Его (Илью – T. A.) все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы.

[...] Сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка [Ibid.: 263].

Sie (Nanny – T. A.) erzählt ihm [...] von jemandem, der in einem Atemzug ein Glas grünen Wein trinkt und nicht grunzt; dann sprach sie von bösen Räufern, von schlafenden Prinzessinnen, versteinerten Städten und Menschen; Schließlich ging sie zu unserer Dämonologie über, zu den Toten, Monstern und Werwölfen.

[...] Alles zieht ihn (Ilya – T. A.) in die Richtung, wo sie nur wissen, dass sie gehen, wo es keine Sorgen und Sorgen gibt; er hat immer die Neigung, auf dem Herd zu liegen, in fertigem, unverdientem Kleid herumzulaufen und auf Kosten einer guten Zauberin zu essen.

[...] Sein Märchen hat sich mit dem Leben vermischt, und manchmal trauert er unbewusst, dass ein Märchen nicht das Leben ist und das Leben kein Märchen.

Die Grenzen der Welt als idyllisch-fabelhafte Welt unterscheiden sich aus der Sicht des Kindermädchens, wie aller Bauern, die selten ihr Dorf verließen, ihre eigenen festgelegten Grenzen, wenig von den Vorstellungen der deutschen Bürger, auch des Taugenichts, dessen Italien ganz konventionell war:

Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была «губерния», то есть губернский город, но редкие езжали туда; потом знали, что подальше, там, Саратов или Нижний; слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак – и, наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю [Ibid.: 255].

Sie wussten, dass es eine „Provinz“, das heißt eine Provinzstadt, achtzig Werst von ihnen entfernt gab, aber nur sehr wenige Leute gingen dorthin; dann wussten sie, was weiter dort war, Saratow oder Nischnij; sie hörten, also auch von Moskau und St. Petersburg, und dass die Franzosen oder die Deutschen hinter St. Petersburg leben, und dann begann für sie eine dunkle Welt, wie für die Alten, unbekannte Länder, bewohnt von Monstern, Menschen mit zwei Köpfen, Riesen; es folgte

Dunkelheit – und schließlich endete alles mit dem Fisch, der die Erde darauf trägt.

Die Reise von Oblomov, der sein Sofa nicht verlässt, findet dank seiner Bekannten statt, die ihn gerne besuchen und Neuigkeiten aus der „großen“ Welt mitbringen. Darüber hinaus vertreten sie Menschen verschiedener Klassen und Berufe (Streit mit Penkin über Realismus in der Literatur, Gespräche mit Tarantjev, mit Volkov u. a.).

Oblomovs Träume und die seines verliebten Freunds Volkov sind praktisch die gleichen: „Mit Lydia werden wir im Hain spazieren gehen, Boot fahren, Blumen pflücken...“ («С Лидией будем в роще гулять, кататься в лодке, рвать цветы...») [Ibid.: 202]. Doch Oblomow langweilt sich, die gleichen Unterhaltungen in der Gesellschaft zu hören: „Die venezianische Schule, Beethoven und Bach, Leonardo da Vinci... Ein Jahrhundert über dasselbe – was für eine Langeweile!“ Es werden hier dieselben Namen, wie bei deutschen Romantikern und Eichendorff in seiner Erzählung erwähnt.

Wie für Lorenz „war das Liegen für Ilya Iljitsch keine Notwendigkeit, wie die eines Patienten oder eines Menschen, der schlafen möchte, noch ein Zufall, wie bei jemandem, der müde ist, noch Vergnügen, wie bei einem Faulen: das war sein normaler Zustand“ («лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием») [Ibid.: 194].

Wie Taugenichts träumt Oblomov von seiner Geliebten, aber seine Träume werden nicht wahr:

Снилась она ему сначала вся в цветах, у алтаря, с длинным покрывалом, потом у изголо-

вья супружеского ложа, с стыдливо опущенными глазами, наконец – матерью, среди группы детей [Ibid.: 316].

Zuerst träumte er von ihr ganz in Blumen, am Altar, mit langem Schleier, dann am Kopfende des Ehebettes, mit schamvoll gesenktem Blick, schließlich – als Mutter, inmitten einer Gruppe von Kindern.

Mit den Worten von Annenskyj möchte ich meine Reflexion über die untersuchten deutschen und russischen Texte abschließen:

В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах. [...] [Annensky 1979: 10]

In Oblomov offenbart uns der Dichter seine Verbundenheit mit seiner Heimat und mit dem Gestern, hier sind die Träume der Zukunft und die Bitterkeit des Selbstbewusstseins und die Freude des Seins und die Poesie und die Prosa des Lebens; hier ist die Seele von Goncharov in ihren persönlichen, nationalen und weltweiten Elementen. [...]

Diese Worte könnten mit Recht auf Beers Roman und Eichendorffs Erzählung bezogen werden und sogar auf die oben erwähnten russischen und deutschen Märchen – sie schildern die russische und deutsche Seele „in ihren persönlichen, nationalen und weltlichen Elementen“ («в ее личных, национальных и мировых элементах» [Ibid.]). Aktuelle Subkultur in Europa, die russische Spuren aufhebt, hat keine Entwicklungsperspektiven und führt die Weltkultur in eine Sackgasse, daher werden vergleichende Studien wie dieser Artikel zum jetzigen Zeitpunkt relevant.

Литература

- Анненский, И. Гончаров и его Обломов / И. Анненский. – Текст : электронный // Книги отражений. – М. : Наука, 1979. – URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0420.shtml.
- Гончаров, А. Н. Обыкновенная история. Обломов / А. Н. Гончаров. – М. : Худ. литература, 1986. – 496 с.
- Михайлов, А. В. Обратный перевод / А. В. Михайлов. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 857 с.
- Михайлов, А. В. Искусство и истина поэтического в австрийской культуре середины XIX века / А. В. Михайлов // Советские искусствознание. – 1976. – № 1. – С. 137–174.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1. – М. : Наука, 1984–1985. – (Лит. памятники. № 167). – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки\(Афанасьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки(Афанасьев)). – Текст : электронный.
- Пропп, В. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/o/001/005/092/001.htm>. – Текст : электронный.
- Тюпа, В. И. Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии / В. И. Тюпа. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3392/3393>. – Текст : электронный.
- Alewin, R. Johann Beer. Studien zum Roman des 17. Jahrhunderts / R. Alewin. – 2., verbesserte Auflage, aus dem Nachlass herausgegeben. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter GmbH, 2012. – 258 S.

- Beer, J. Das Narrenspital / J. Beer ; Hrsg. von R. Alewyn. – Hamburg, 1957. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Beer,+Johann/Romane/Das+Narrenspital>. – Text : electronic.
- Deutsche Volksbücher in drei Bänden. – Erster Band. – Berlin und Weimar : Aufbauverlag, 1982. – 303 S.
- Eichendorffs Werke in einem Band. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1986. – 346 S.
- Fuest, L. Poetik des Nicht(s)tuns : Verweigerungsstrategien in der Literatur seit 1800 / L. Fuest. – München : Fink, 2008. – 306 S.
- Grimm, J. und W. Kinder- und Hausmärchen / J. und W. Grimm ; Nach der Ausgabe letzter Hand von Textredaktion: Günter Jürgensmeier. – 1857. – 748 S.

References

- Alewin, R. (2012). *Johann Beer. Studien zum Roman des 17. Jahrhunderts*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter GmbH. 2. ed. 258 p.
- Annensky, I. (1979). I. Goncharov i ego Oblomov [Goncharov and His Oblomov]. In *Knigi otrazhenii*. Moscow, Nauka. URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_o42o.shtml.
- Beer, J. (1957). *Das Narrenspital* / Hrsg. von R. Alewyn. Hamburg. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Beer,+Johann/Romane/Das+Narrenspital>.
- Deutsche Volksbücher in drei Bänden*. (1982). Vol. 1. Berlin, Weimar, Aufbau-Verlag. 303 S.
- Eichendorffs Werke in einem Band*. (1986). Berlin, Weimar, Aufbau-Verlag. 346 S.
- Fuest, L. (2008). *Poetik des Nicht(s)tuns : Verweigerungsstrategien in der Literatur seit 1800*. München, Fink. 306 S.
- Goncharov, A. N. (1986). *Obyknovennaya istoriya. Oblomov* [Ordinary Story. Oblomov]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 496 p.
- Grimm, J. und W. (1857). *Kinder- und Hausmärchen* / Nach der Ausgabe letzter Hand von Textredaktion: Günter Jürgensmeier. 748 S.
- Mikhailov, A. V. (1976). Iskusstvo i istina poeticheskogo v avstrijskoi kulture sere diny XIX veka [Art and Truth of the Poetic in the Austrian Culture of the Middle of the 19th Century]. In *Sovetskoe iskusstvoznanie*. No. 1, pp. 137–174.
- Mikhailov, A. V. (2000). *Obratnyi perevod* [Back Translation]. Moscow, Yazyki russkoi kultury. 857 p.
- Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t.* [Russian Folk Tales of A.N. Afanasyev, in 3 vols.]. (1984–1985). Vol. 1. Moscow, Nauka. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки\(Афанасьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки(Афанасьев)).
- Propp, V. (1998). *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Morphology. Historical Roots of a Fairy Tale]. Moscow, Labirint. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/o/001/005/092/001.htm>.
- Тура, В. И. *Kommunikatsionnye strategii kultury i gumanitarnye tekhnologii* [Communicational Strategies of Culture and Humanitarian Technologies]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3392/3393>.

Данные об авторе

Андреюшкина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия).
Адрес: 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: andr8757@mail.ru.

Author's information

Andreiushkina Tatiana Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Togliatti State University (Togliatti, Russia).

Дата поступления: 08.08.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 08.08.2022; date of publication: 31.10.2022

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.11.2.2'373.2. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-03. ББК Ш143-24-316.
ГРНТИ 16.21.41. Код ВАК 10.02.20 (5.9.8)

CONNOTATIVE POTENTIAL OF DEANTHROPONYMIC SEMI-SUFFIXES IN GERMAN

Natalia V. Yashchenko

Togliatti State University (Togliatti, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4609-9512>

Abstract. The article studies denominations of persons in German with the second component – a feminine or masculine name. In German, persons are quite often named with the help of a complex method of word formation – semi-suffixation. Sometimes anthroponyms are used as semi-suffixes and undergo the process of de-anthroponymization – they go over into the group of appellatives. In German, proper names can be attached to different stems while naming persons, which is a peculiar feature of the German language. The article deals with the semantics and word formation of the denominations of persons with deanthroponymic semi-suffixes, distinguishes their thematic groups and analyzes the evaluative characteristics given to the denominations of persons through the use of denominal semi-suffixes. Most often such denominations are used to characterize the propensities / actions or habits of persons, a little less frequently they are used to denote persons by profession or occupation. Relational names and names characterizing a person by his/her appearance occur rarely. Most denominations describing persons' propensities/activities or habits are attached to verbal stems containing semes of actions (habits/propensities) with derogatory connotation (*heulen* – 'roar', *trödeln* – 'dawdle', *prahlen* – 'brag' etc.). Many deanthroponymic elements are attached to similar stems, which testifies to a derogatory evaluation by the speaker of a certain set of propensities / actions, habits or professional activity of a person. Professional denominations are often attached to noun stems that are in some way related to a given activity of a person. Almost all denominations of persons with deanthroponymic semi-suffixes express the negative evaluation 'bad'. Semi-suffixes derived from masculine names predominate in terms of the number of word-forming elements. In German, there are often denominations of persons – synonyms with a similar meaning without anthroponyms in their structure, which demonstrates the desire of the speaker to express a more genuine attitude to some traits and activities of the nominated persons.

Keywords: names of persons; German; semi-suffixes; anthroponyms; deanthroponymization; lexical semantics; connotation; personal names

For citation: Yashchenko, N. V. (2022). Connotative Potential of Deanthroponymic Semi-Suffixes in German. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 34–47. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-03.

КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ПОЛУСУФФИКСОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ященко Н. В.

Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4609-9512>

Аннотация. Статья посвящена изучению наименований лиц немецкого языка со вторым компонентом – женским или мужским именем. В немецком языке довольно часто наименования лиц образуются с помощью комбинированного способа словообразования – полусуффиксации. Иногда в качестве полусуффикса используются антропонимы, которые подвергаются процессу деантропонимизации, то есть переходу в разряд апеллятивов. В немецком языке личные имена могут присоединяться к различным основам при образовании наименований лиц, что является особенностью немецкого языка. В статье освещаются вопросы семантики и словообразования наименований лиц с деантропонимическими полусуффиксами, выделяются их тематические группы и анализируются оценочные характеристики, придаваемые наименованиям лиц за счет использования отыменных полусуффиксов. Чаще всего такие наименования служат для характеристики наклонностей / действий или привычек лиц, немного реже употребляются для обозначения лиц по профессии, роду деятельности. Иногда встречаются реляционные наименования и характеризующие лицо по внешности. Большинство наименований лиц с характеристикой наклонностей / действий или привычек лиц присоединяются к глагольным основам, содержащим смысловые осуждаемых действий (привычек / наклонностей) лица (*heulen* – ‘реветь’, *trödeln* – ‘бездельничать’, *prahlen* – ‘хвастать’ и др.). Многие деантропонимические элементы присоединяются к одинаковым основам, что говорит о негативной оценке говорящего определенного круга наклонностей / действий / привычек или профессиональной деятельности человека. Профессиональные обозначения чаще всего присоединяются к основам существительных, которые каким-либо образом связаны с данной деятельностью человека. Практически все наименования лиц с деантропонимическими полусуффиксами выражают оценку ‘плохой’. По числу словообразовательных элементов в два раза преобладают полусуффиксы от мужских имен. Часто существуют наименования лиц – синонимы с похожим значением, не имеющие в своем составе антропонимов, что говорит о стремлении говорящего к более искреннему выражению отношения к некоторым качествам и деятельности именуемых объектов.

Ключевые слова: наименования лиц; немецкий язык; полусуффиксы; антропонимы; деантропонимизация; лексическая семантика; коннотация; личные имена

Для цитирования: Ященко, Н. В. Коннотативный потенциал деантропонимических полусуффиксов в немецком языке / Н. В. Ященко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 34–47. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-03.

Einleitung. Neue Personenbezeichnungen (PB) ergeben sich aus dem Verständnis der sozialen Rolle des Individuums und der Notwendigkeit der Benennung von Referenten. Mentale Repräsentationen, die sich im Bewusstsein manifestieren, finden ihren Ausdruck in der Sprache. Die Bezeichnung, die durch ein Wort ausgedrückt wird, kann eine denotative Bedeutung (Hauptbedeutung, eine Klasse gleichartiger Objekte), eine signifikative Bedeutung (eine Reihe der wichtigsten Merkmale dieser Klasse), eine konnotative und eine strukturelle Bedeutung haben. Das Wort enthält notwendigerweise eine denotative Bedeutung, aber nicht immer eine konnotative. Beide Bedeutungsarten beziehen sich auf die außersprachliche Realität, d. h. es gibt extralinguistische Faktoren bei der Entstehung von Wörtern und ihren Bedeutungen. Die Konnotation hängt dabei mit

den Bedingungen und Teilnehmern der Kommunikation (mit dem Sender und Empfänger von Informationen) zusammen. Sie umfasst mehrere Bedeutungskomponenten (emotional, expressiv, stilistisch und evaluativ) [Арнольд 2005: 153]. Ein Wort hat eine bewertende Komponente, ‘wenn es ein positives oder negatives Urteil darüber, was es benennt, ausdrückt, d. h. Akzeptanz oder Mißbilligung’ [Арнольд 2005: 156]. Ein Wort hat eine stilistische Konnotation, wenn es in einem bestimmten Sprachbereich oder funktionalen Stil verwendet wird. Ein Wort hat eine emotionale Bedeutungskomponente, wenn es eine Emotion oder ein Gefühl ausdrückt, und eine expressive Komponente, wenn es die Bildhaftigkeit oder Bedeutung des Wortes verstärkt. Oft werden die möglichen Komponenten der Konnotation in einem Wort kombiniert. Die expressiven und evaluativen Kompo-

nenten werden jedoch nicht von allen Forschern als konnotativ angesehen, manchmal werden sie als denotativ (V. I. Schachowskij, A. V. Filippow, E. G. Riesel) oder konnotativ als eine Art der Modalität (V. N. Telia) eingestuft [Алефиренко 2005: 165ff.]. Im Anschluss an O. Espersen stellen einige Forscher das konnotative Potenzial einzelner Affixe fest [Земская 2005: 68; Зеленецкий, Новожилова 2003: 231].

Bei der Gemeinsamkeit in der Semantik können PB in thematische Gruppen eingeteilt werden. Der Begriff 'thematische Gruppe der Lexik' (TGL) oder 'thematischen Reihe' (Sachgruppen) ist in der Germanistik anerkannt [Schippa 1984: 30–32]. Eine thematische Gruppe ist eine Gruppe von Wörtern einer Wortart, die auf der Grundlage von außersprachlichen Gemeinsamkeiten von Objekten oder Begriffen zusammengefasst sind. Die Einteilung von Personenbezeichnungen in thematische lexikalische Gruppen oder lexikalisch-semantische Gruppen (in der Russistik) wird von vielen Lexikologen in Betracht gezogen [Lewkowskaja 1968; Арутюнова 1980; Уфимцева 2002; Земская 2005]. T. Schippa unterscheidet unter den Personenbezeichnungen allgemeine Menschenbezeichnungen, Berufs-, Verwandtschafts- und Herkunftsbezeichnungen [Schippa 1984: 30–32]. K. A. Lewkowskaja differenziert die Personenbezeichnungen nach dem Gender, und unter dem männlichen Personenbezeichnungen unterscheidet sie die Bezeichnungen nach der Herkunft, Gesinnung, dem Alter, den Eigenschaften, dem Beruf und anderen Merkmalen. Frauenbezeichnungen gelten als von den männlichen Personenbezeichnungen abgeleitete Benennungen [Lewkowskaja 1968]. E. A. Semsckaja unterteilt alle PB in Berufsbezeichnungen und Nicht-Berufsbezeichnungen [Земская 2005: 93]. N. D. Arutjunowa unterscheidet (nach dem funktionalen Kriterium) funktionale, relationale Personenbezeichnungen und Bewertungspersonenbezeichnungen [Арутюнова 1980: 210 ff.]. Relationale Bezeichnungen sind die Benennungen mit der Bedeutung, die die Komponente 'Relation / Beziehung (Zugehörigkeit)' enthält. [Арутюнова 1980: 234]. Die Referenz einer Bezeichnung wird in diesem Fall durch den Verweis auf einen 'Partner', ein relationales Objekt, ausgedrückt, aber nicht auf eine relationale Benennung [Арутюнова 1980: 246]. Funktionale Substantive sind Träger von Handlungen oder Tätigkeiten. N. D. Arutjunowa stellt fest, dass es

nicht immer leicht ist, dieser oder jener semantischen Gruppe eine eindeutige Bezeichnung zuzuordnen, weil ein Teil der funktionalen Substantive objektorientiertes Handeln erfasst und Gleichheit der Bedeutung mit den relationalen Bezeichnungen hat [Арутюнова 1980: 211]. Die Bewertungsbezeichnungen stehen in einer eigenen Gruppe abgesondert. N. D. Arutjunowa zufolge ist die Bewertung eine Einstellung des Autors der Rede, die als Eigenschaft des bewerteten Objekts ausgegeben wird. Wenn dabei eine übertriebene positive Bewertung zum Ausdruck kommt, bedeutet das die Unaufrichtigkeit des Sprechers, und wenn eine übertriebene negative Bewertung angedeutet wird, zeigt das darauf, dass der Sprecher aufrichtig ist, und es gibt eine Tendenz, sich von den Eigenschaften des Referenten abzuwenden. Eine negative Bewertung wird, wenn sie sich endgültig von der Realität löst, in das Schimpfwort, das „nur die negative Einstellung des Sprechers gegenüber dem Objekt der Bewertung (in der Regel dem Adressaten) zum Ausdruck bringt“, verwandelt [Арутюнова 1980].

So können wir auf der Grundlage der semantischen Bedeutungen unter den funktionalen PB die Gruppen von Berufsbezeichnungen, Personenbezeichnungen nach der Haupttätigkeit des Menschen oder nach der situativen Tätigkeit, die in einer beliebigen Tätigkeit ausgeübt wird, unterscheiden. Zu den charakterisierenden PB kann man die Benennungen der Personen mit der Charakteristik nach dem Alter, Aussehen, den moralischen Eigenschaften, dem emotionalen Zustand, nach den Hobbys, Fähigkeiten, Gewohnheiten / Neigungen, der Weltanschauung, den Titeln, dem sozialen Status zählen. Unter den relationalen Bezeichnungen unterscheidet man die PB in Bezug auf andere Personen, nach der territorialen und nationalen Zugehörigkeit, der Zugehörigkeit zu den Organisationen im Zusammenhang mit religiösen und kultischen Bewegungen.

In der deutschen Wortbildung ist das Phänomen der Umdeutung des letzten Bestandteils eines zusammengesetzten Wortes, der in einer Reihe von Wörtern wiederholt wird und als Wortbildungsmittel dient, ziemlich häufig. Dieses Mittel liegt zwischen einem selbstständigen Wort und einem Suffix. H. Becker bezeichnete solche Elemente der Übergangsform als 'Halbsuffixe', W. Henzen nannte sie 'zweite Kompositionsglieder als Ableitungsmittel', während Kluge die zwei-

ten Komponenten wie *-werk*, *-hans* usw. zu einer Gruppe mit *-tum*, *-heit*, *-schaft* und anderen Suffixen, die historisch aus unabhängigen Lexemen gebildet wurden, zusammenfasste [Степанова, Фляйшер 1984: 151]. G. Welman stellt die 'Suffixoide' der Substantive *-werk*, *-zeug*, *-mann* und andere zusammen mit den Suffixen heraus. Im Allgemeinen werden die Elemente der Übergangsform von G. Welman zusammen mit ihren jeweiligen Affixen in semantische Gruppen unterteilt [Fleischer 1983: 127]. So verwenden russische und deutsche Linguisten verschiedene Begriffe, um Morpheme vom Zwischen- oder Übergangstyp zu bezeichnen (*Halbaffix*, *Halbableiter*, *Affixoid*) [Fleischer 1976: 70; Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache 1988: 183; Fischer 1990; Степанова, Чернышова 2005: 115]. Das Problem der „Übergangszone“, der „Halbaffixe“, der „relativen Affixe“, der „Affixoide“ wird am besten von W. Fleischer beschrieben [Fleischer 1983: 124].

So wird das Halbsuffix als ein wortbildendes Element verstanden, das eine Übergangsform zwischen einem selbstständigen Wort und einem Suffix darstellt und mit verschiedenen abgeleiteten Wortstämmen kombiniert werden kann [Кубрякова 1980: 135]. Die Halbsuffigierung ist eine besondere Form der Wortbildung im Deutschen. Eine der Arbeiten des Autors war der Untersuchung des diachronen Aspekts der mit Hilfe von Halbsuffixen gebildeten Frauenbezeichnungen gewidmet [Федорцова, Яценко 2012]. Die Bildung von Personenbezeichnungen durch de-anthroponymische Halbsuffixe und ihr konnotatives Potential sind jedoch noch nicht vollständig untersucht worden.

Methoden. Die Anthroponyme als ein spezielles Phänomen der Linguokulturologie werden von den Forschern aus verschiedenen Standpunkten untersucht. Das komische und ironische Potenzial deutscher Vornamen und Namen wird zum Beispiel in den Arbeiten von N. G. Kuznezowa und O. N. Stepitschewa betrachtet. Die Autoren erwähnen Eigennamen, die in die Kategorie der Gattungsnamen (der so genannten Appellativa) übergegangen sind, und sie sprechen über ihr ironisches Potenzial, wobei sie teilweise die Problematik der Vornamen und Familiennamen als Wortbildungselemente bei der Zusammensetzung komplexer Substantive erwähnen [Кузнецова, Степичева 2016]. Die Problematik der Beteiligung

der Personenbezeichnungen selbst am Wortbildungsprozess wird auch von S. G. Sterligow unter einem linguokulturellen Aspekt kurz skizziert [Стерлигов 2003]. Andere Forschungen befassen sich mit der Untersuchung der Herkunft von Eigennamen und mit der Betrachtung der Wortbildungssuffixe, die bei der Bildung von Anthroponymen eine Rolle spielen [Стерлигов 2003; Керова 2017].

In der Linguistik wird das Phänomen der De-anthroponymisierung, d. h. der Übergang von Anthroponymen in Appellativa oder andere Onyme, beobachtet [Подольская 1978: 52]. Wir verstehen unter den *deanthroponymischen* Halbsuffixen die Halbsuffixe, die von den Eigennamen von Personen gebildet werden können und die als Wortbildungsmittel für Personenbezeichnungen dienen [Ольшанский 2005: 104]. Zweifellos erhalten PB, die einen Eigennamen in ihrer Zusammensetzung haben, eine bewertende Komponente, die mit den Assoziationen in volkstümlichen Sprüchen und Äußerungen verbunden sind. N. D. Arutjunowa beleuchtet in ihren Arbeiten die Fragen der sprachlichen Bewertung unter dem logisch-semantischen Aspekt. [Арутюнова 1999]. Sie spricht von objektiver und subjektiver Bewertung [Арутюнова 1999: 183ff.]. N. D. Arutjunowa stellt außerdem fest, dass auch andere Teile der Sprache in der Lage sind, eine Bewertung auszudrücken. Die allgemeine Bewertung bezieht sich auf die Bedeutung der Adjektive 'gut – schlecht' [Арутюнова 1999: 198]. Subjektive Bewertungen sind sensorische (verbundene mit Empfindungen), sublimierte (ästhetische und ethische Bewertungen), rationalistische Bewertungen (verbundene mit praktischen Aktivitäten und dem Alltagsleben einer Person) [Арутюнова 1999: 199–201]. N. D. Arutjunowa betont, dass die Bewertung vom kommunikativen Zweck des Sprechakts abhängt. D. N. Schmelew sagt, dass die negative Bewertung in der Regel durch die Wörter mit den stilistischen Schattierungen ausgedrückt wird: 'umgangssprachlich', und positiv – 'erhoben', aber das ist nicht immer richtig, weil die Bedeutung sich entwickelt und die stilistischen Bewertungen der Wörter nicht unverändert bleiben [Шмелев 2006: 156]. Russische Personenbezeichnungen mit der Bewertung im politischen Diskurs untersucht Japparowa [Яппарова 2009]. Die Bewertungskomponenten verschiedener Wörter werden auch von unterschiedlichen Standpunkten betrachtet [Солодилова, Шепеля 2015].

Das Ziel dieses Artikels ist es, das semantische Potenzial von deanthroponymischen Halbsuffixen in deutschen Personenbezeichnungen zu untersuchen. Es umfasst linguistische und außersprachliche Aspekte der PB mit deanthroponymischen Halbsuffixen (Semantik und Wortbildung der PB, thematische Gruppen).

Die Hauptmethoden der Untersuchung waren die deskriptive Methode (Elemente der semantischen Distributionsanalyse), die semantische Analyse der sprachlichen Einheiten (Komponentenanalyse) und die Methode der differentiellen Analyse (bei der Geschlechteropposition). Die Arbeit befasste sich auch teilweise mit der Semantik eines Vornamens, der zum Bestandteil einer Personenbezeichnung wurde. Es wird den Ursprung, die Bedeutung und die erhaltenen übertragenen Bedeutungen der erwähnten weiblichen und männlichen Vornamen und die mit ihrer Hilfe gebildeten PB beschrieben. Dabei wurden die Wortstämme, an die die Anthroponyme angetreten sind, betrachtet. Außerdem wurden eine vergleichende Analyse der sprachlichen Einheiten und ihre Statistik durchgeführt.

Als Material für die Forschung dienen das Wörterbuch des Wortschatzes der deutschen Sprache (geleitet von M. D. Stepanowa) [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000] und das Wörterbuch von Küpper [Küpper 1997]. Die Korpuslexik wurde auch aus Duden online Wörterbuch entnommen [Duden 2022]. Die Semantik von Vornamen wurde mit Hilfe von der Webseite <https://www.vorname.com> untersucht. Das Wörterbuch unter der Leitung von O. I. Moskalskaja wurde bei der Interpretation der Substantivbestandteile oder der ganzen PB verwendet [Москальская 2002].

Ergebnisse. Als der zweite Bestandteil bei der Bildung von den PB ist oft ein weiblicher oder männlicher Vorname, der an die Stämme eines Verbs, Substantivs oder Adjektivs angetreten wird. In dem untersuchten Material wurden im Deutschen die von männlichen Vornamen gebildeten folgenden Halbsuffixe festgestellt: *-august*, *-barthel*, *-fritze*, *-hans*, *-hansl*, *-hannes*, *-heini*, *-jan*, *-karl*, *-kasper*, *-maxe*, *-michel*, *-nickel*, *-peter*, *-philipp*. Darüber hinaus wird eine Reihe von Halbsuffixen, um weibliche PB zu bilden, verwendet (*-jule*, *-guste*, *-hanne*, *-liese*, *-suse*, *-trine*). Insgesamt werden etwa 240 solche Bezeichnungen ausgewählt.

Die Benennungen mit Anthroponymen haben in der Regel eine Bewertungskomponente in ihrer Semantik, die durch den Vornamen gegeben ist. Die meisten der Personenbezeichnungen (66% der Materialauswahl) enthalten die männlichen Vornamen.

Die größte Zahl der männlichen Vornamen (41 Stck.) ist durch Ableitungen von dem Vornamen *Johannes* vertreten: *-hans* (20 lexikalische Einheiten), *-hannes* / *-hansl* (8 Beispiele), *-jan* / *-ian* (13 Stck.). Der männliche Vorname *Johannes* kommt aus dem Hebräischen (aus den latinisierten Formen der Wörter: *'jahwe'* – der Name des Gottes und *'chanan'* – was 'gnädig sein' bedeutet und bzw. alles zusammen gilt als 'Gott ist gütig'). Die Benennungen mit dem Element *-hans* beschreiben meist eine Person durch ihre Handlungen und geben eine negative Bewertung der Neigungen einer Person, wenn sie mit einem Substantivstamm oder Verbstamm verbunden sind (*der Gaffhans* – 'Gaffer', *der Grillenhans* – 'Spinner', *der Fabelhans* – 'Lügner', *der Faselhans* – 'Schwätzer', *der Quackelhans* – 'Schwätzer, ein Geizhals', *der Klatschhans* – 'Schwätzer, ein Zeitverschwender', *der Norgelhans* – 'Nörgler, Meckerer; Kritiker', *der Prahlhans* – 'Prahler'). Wenn das Halbsuffix an einen Adjektivstamm angetreten wird, beobachtet man die Benennungen, die das Aussehen des Menschen charakterisieren und eine negative Bewertung haben (*der Kleinhans* – 'ein kleiner Mann'; *der Langhans* – 'ein schlaksiger Mann') oder die Neigungen einer Person beschreiben (*der Faulhans* – 'ein fauler, nachlässiger Mensch').

Männliche Personenbezeichnungen mit dem Halbsuffix *-hannes* und seiner Abkürzungsform *-hansl* haben ebenfalls eine negative stilistische Färbung. Die von *Johannes* abgeleiteten Elemente *-hannes* / *-hansl* werden meist an Substantive angetreten, in einem einzigen Beispiel an einen Verbstamm (*der Lachhannes* – 'ein lachender Mann, ein Spötter') und dienen auch zur Bezeichnung von Personen, die sich durch negative Neigungen auszeichnen (*der Schinderhannes* – 'Folterknecht' (im übertragenem Sinne 'Lehrer'), *der Lehrerhansl* – 'Liebling des Lehrers', *der Mamahansl* / *Mutterhansl* – 'Muttersöhnchen', *der Sekkierhansl* – das österreichische Wort für 'Bestie', 'Henker', 'Peiniger', *der Streithansl* – 'Raubbold'). Es gibt etwas weniger Beispiele mit dem deanthroponymischen Halbsuffix *-jan* / *-ian*, das auch ein Kosename von *Johannes* ist. Wir fanden solche Beispiele in

13 Fällen von Namen mit der stilistischen Konnotation (4 davon mit einem ähnlichen abgeleiteten Stamm, an den das Anthroponym angetreten ist). Sie drücken eine negative Bewertung aus und sind umgangssprachlich-familiär. Sie bezeichnen sowie die Personen nach dem Beruf, nach der Art der Hauptbeschäftigung (*der Tinkturian* – ‘Scharlatan’), als auch die Menschen mit negativen Eigenschaften, Charakterzügen (*der Blodian* – ‘Dummkopf’, *der Dummerjan* – ‘Dummkopf, Trottel’, *der Liedrian / der Luderjan* – ‘Schlampe, Schlingel’, *der Schlendrian* – ‘Faulpelz’, *der Schluderjan / der Schludrian* – ‘Schlampe’ (über einen schlampig gekleideten, nachlässig arbeitenden Menschen), *der Schmutzian* – ‘ein schmutziger, unmoralischer Typ’). Es ist anzumerken, dass es vollständige Synonyme mit verschiedenen Varianten der Halbsuffixe von *Johannes* mit dem gleichen Substantivstamm gibt, an die sie angetreten werden (*der Dumman*, *der Dummanian*; *der Liderjan*, *der Liedrian*; *der Kleckerhannes*, *der Kleckerhans*).

Ein recht großer Teil unseres Materials besteht aus den Benennungen mit dem Halbsuffix *-heini*, das in 29 Beispielen von Wörtern mit negativer stilistischer Färbung als wortbildendes Element dient, sie betragen 19% der Gesamtzahl der Personenbezeichnungen mit männlichen Vornamen. Der Vorname *Heini* ist von *Heinrich* abgeleitet und wird auch im Idiom *blöder Heini* für den dummen Menschen, Blödmann, Idiot verwendet. *Heinrich* stammt aus dem Althochdeutschen (*Heimrich* – ‘*heima*’ bedeutete ‘das Heim’, *rihhi* – ‘mächtig’ oder ‘der Herrscher’ bzw. ‘der Herrscher des Hauses’ und ‘der Hausherr’). Ausgehend von der Bedeutung des Vornamens verleiht diese Komponente den geschaffenen Benennungen ein denotatives Bedeutungselement – ‘eine wichtige Person, die für etwas zuständig ist’, indem dieses Halbsuffix an Substantiv- oder Verbstämme angetreten wird. Das Halbsuffix *-heini* wird verwendet, um eine Person nach dem Beruf oder der Tätigkeit zu bezeichnen (*der Grüßheini* – ‘Chef’ (ein Oberkellner, ein Verwalter in einem Hotel, Restaurant usw.), *der Finanzheini* – ‘Finanzier’ (ein Angestellter eines Finanzamtes, ein Finanzinspektor), *der Funkheini* – ‘Funker’, *der Plattenheini* – ‘Diskjockey’, *der Presseheini* – ‘Zeitungsman’). Manchmal gibt das deanthroponymische Halbsuffix nur eine denotative Bedeutung ‘die Person’ und auch eine Bewertungsbedeutung – ‘eine negative Einstellung gegenüber einer Person aufgrund eines charak-

teristischen Merkmals, einiger ihrer Aktivitäten (Handlungen) mit einem starken Grad an Missbilligung, Tadel’ (*der Hupheini* – ‘Unruhestifter (über einen lauten und lange redenden Autofahrer, über den Jugendlichen auf dem Motorrad, der lärmend durch die Straßen rast)’, *der Lügenheini* – ‘Lügner’, *der Bummelheini* – ‘Trödler’ (über einen trägen, faulen, langsamen Menschen), *der Brabbelheini* – ‘Plaudertasche’, *der Himbeer-Heini* – ‘ein Mutter-söhnchen’, *der Prahlheini* – ‘Prahler, Angeber’, *der Waldheini* – ‘Hinterwäldler, Tölpel’). Seltener geben die Benennungen mit dem Halbsuffix *-heini* eine Charakteristik des Aussehens einer Person zu (*der Pickelheini* – ‘pickelig’ (über einen jungen Mann), *der Pomadenheini* – ‘Kumpel’ (über einen extravaganten jungen Mann). Es ist auch eines der wenigen Halbsuffixe (ebenso wie *-fritze*, es geht darum weiter), mit denen die Menschen aufgrund eines Hobbys oder einer Neigung, ihrer Zugehörigkeit zu einer bestimmten Organisation, Partei bezeichnet werden (*der Parteiheini* – ‘Funktionär’ (einer Partei), *der Briefmarkenheini* – ‘von Briefmarken besessene Person (ein Philatelist)’, *der Filmheini* – ‘Kinofan (Filmliebhaber)’). So haben die meisten PB mit dem wortbildenden Element – *heini* eine negative Bewertung, aber die Bezeichnungen von Berufen, bei denen das Halbsuffix eine denotative Bedeutung verleiht, sind ziemlich neutral, aber einige davon sind expressiv.

Ebenso häufig wurden die PB mit dem Halbsuffix *-fritze* gefunden. Es gibt 26 Beispiele damit, und das beträgt 17% aller Benennungen mit männlichen Vornamen als Halbsuffixe. Der Vorname *Fritz* gilt als Kurz- und Koseform von *Friedrich*, der aus den althochdeutschen Wörtern *‘fridu*’ – ‘der Friede’ oder ‘der Schutz’ und aus *‘rihhi*’ – ‘reich’, ‘mächtig’ stammt (‘der Friedensreiche’, ‘Schutz und Macht’ und ‘der mächtige Beschützer’). Alle diese Bezeichnungen haben eine negative Bewertung und stilistische Konnotation (19 Wörter mit negativer Bewertung und 7 Beispiele mit abwertender Konnotation) und tragen in ihrer Bedeutung eine Seme ‘schlecht’ oder ‘verwerflich’. Unter den Benennungen dieses Typs lassen sich Wörter unterscheiden, die zu den Berufsbezeichnungen dienen (*der Artikel-fritze*, *der Bank-fritze*, *der Bau-fritze*, *der Plarr-fritze* (über einen Sänger), *der Post-fritze*). Darunter gibt es dabei viele Bezeichnungen für die Händler, die irgendwelche Ware verkaufen (*der Gemüse-fritze*, *der Apfel-fritze*, *der Butter-fritze*). Außerdem liegen die Benennungen der Personen

mit charakteristischen, meist negativ bewerteten Neigungen/Handlungen vor (*der Bummelfritze* – ‘Faulpelz’, *der Heulfritze* – ‘Heuler, Nörgler’, *der Klatschfritze* – ‘Schwätzer’, *der Meckerfritze* – ‘Griesgram, Kritiker’, *der Norgelfritze* – ‘Nörgler’, *der Pimpelfritze* – ‘ein pröder Mensch’, *der Quackelfritze* – ‘Nörgler’, *der Stotterfritze* – ‘Stotterer’, *der Schwabbel-fritze* – ‘Schwätzer’, *der Trödel-fritze* – ‘Trödler (insbesondere bei Kindern)’). Auch treten Personenbezeichnungen nach ihrer Zugehörigkeit zu einer bestimmten Organisation oder Partei in Erscheinung (*der Gewerkschaftsfritze* – ‘Gewerkschafter’, *der Parteifritze* – ‘Parteiarbeiter, Funktionär, Mitglied einer Partei’). Sie haben eine ironische Färbung.

Ein im Vergleich zu *-heini*, *-fritze* und *-hans / -hannes / hansl / -jan / -ian* (von *Johannes*) weniger verwendeter Bestandteil ist das Halbsuffix *-peter* (19 lexikalische Einheiten). Der männliche Vorname *Peter* hat eine altgriechische Herkunft (*‘petros’* – ‘der Fels’ oder ‘der Stein’). Es sei darauf hingewiesen, dass der Vorname *Peter* im Volksmund eine negative Schattierung hat (z. B. *ein dummer Peter* – ‘der Narr’). Dementsprechend erhalten PB mit dem Halbsuffix *-peter* eine negative Bewertung und sie sind oft Berufsbezeichnungen (*der Feinkostpeter* – ‘Feinkosthändler’, *der Mistpeter* – ‘Mucker’) oder charakterisieren eine Person durch ihre Handlungen oder Neigungen mit einer negativen Bewertung (*der Lügenpeter* – ‘Lügner’, *der Angstpeter* – ‘Feigling’, *der Dreckpeter* – ‘Schlamper’, *der Dummpeter* – ‘Dummkopf, Narr’, *der Miesepeter* – ‘ewig unzufriedener Mensch’, *der Gaffpeter* – ‘Gaffer’, *der Heulpeter* – ‘Heuler’, *der Launenpeter* – ‘eine wankelmütige Person’). Alle Benennungen von Personen mit *-peter* haben negative Bewertung.

Die Personenbezeichnungen mit den Halbsuffixen *-maxe* und *-michel* sind in etwa gleich vielen Beispielen zu finden (jeweils 5%). Solche Benennungen haben eine negative Bewertung, was auf die Bedeutung der Vornamen und ihre Verwendung in der Umgangssprache im übertragenen Sinne zur Bezeichnung negativer Eigenschaften menschlicher Handlungen oder Neigungen zurückzuführen sein kann (umgangssprachlich: *ein strammer Maxe* – ‘der starke Mann, der Held, der Herkules’, *Michael* – ‘Narr, ‘Dummkopf’). In diesem Zusammenhang überwiegen unter den Bezeichnungen mit den Halbsuffixen *-maxe* und *-michel* solche PB, die die Menschen durch die Handlungen und Neigungen charakterisieren. Alle

Benennungen mit dem Halbsuffix *-maxe* (*Maximilianus* – vom lateinischen Wort *‘maximus’* – ‘sehr groß’ und ‘am größten’ bzw. ‘der Größte’) haben meist stilistische Färbung der Verachtung oder eine negative Bewertung (10 bzw. 3 Beispiele). PB mit dem Halbsuffix *-michel* (*Michael* geht auf die hebräischen Wörter *‘miy’* – ‘wer’ und auf *‘el’*, – ‘Gott’, kam aus dem Griechischen, wird meistens mit ‘wer ist wie Gott?’ interpretiert) haben auch eine negative Bewertung. *Michel* (*deutscher Michel*) wird im Deutschen auch als Bezeichnung für den Philister verwendet. Mit dem wortbildenden Element *-maxe* werden verschiedene Berufsbezeichnungen gebildet (*der Eismaxe* – ‘Eismacher, ein Eishändler’, *der Gemüsemaxe* – ‘Gemüsehändler’, *der Kantinenmaxe* – ‘Kassierer, Koch in einer Arbeits- oder Militärkantine’, *der Klettermaxe* – ‘Kletterer, Bergsteiger, Fensterputzer’, *der Klebmaxe* – ‘Plakatkleber’). Außerdem dient es für die Bezeichnung der Personen nach ihren charakteristischen Eigenschaften / Neigungen (*der Knattermaxe* – ‘Unruhestifter (Motorrad- oder Autofahrer, Fahren ohne Schalldämpfer)’, *der Kraftmaxe* – ‘Sportler’, *der Strampelmaxe* – ‘Radfahrer, Radrennfahrer’). Und unter den Benennungen mit *-michel* überwiegen die Bezeichnungen, die Personen auch durch ihre Handlungen / Neigungen charakterisieren (*der Dreckmichel* – ‘Schlamper’, *der Dummmichel* – ‘Dummkopf’, *der Heulmichel* – ‘Blubber’, *der Klatschmichel* – ‘Schwätzer’, *der Klotzmichel* – ‘Trottel’, *der Läusemichel* – ‘Laus’ (über eine schmutzige Person), *der Quatschmichel* – ‘Schwätzer’), sie betragen $\frac{2}{3}$ der PB mit *-michel*, und andere Benennungen damit sind Berufsbezeichnungen (*der Gänsemichel*, *der Knollenmichel*, *der Schafsmichel*, *der Verkaufsmichel*).

Das maskuline Halbsuffix der PB *-nickel* (aus dem vollen Namen *Nickolaus* (*nike* – ‘der Sieg’, *laos* – ‘das Volk’ (Altgriechisch) – ‘Sieg des Volkes’) wirkt selten als Wortbildungselement (in 8 Beispielen). Dieser Vorname wird im Alltag im übertragenen Sinne für eine böse, schlecht erzogene, eigensinnige, freche Person oder ein launisches, eigensinniges Kind verwendet. Dieses Halbsuffix hat eine negative Konnotation und drückt eine stark ablehnende Haltung des Sprechers gegenüber der benannten Person aus. Es wird verwendet, um den Personen die negativen Eigenschaften / Neigungen zuzugeben (*der Bosnickel* – ‘Fiesling, Spötter’, ‘eine böse, sarkastische Person’, *der Lausnickel* – ‘Gauner’, *der Saunickel* – ‘Säufer, Alkoholo-

liker', *der Stankernickel* – 'Petzer, Verleumder', *der Streitnickel* – 'Raubbold', *der Schweinnickel* – 'Lüstling; Verleumder').

Das maskuline Halbsuffix *-august* (vom deutschen Vornamen *August* (Ehrender Beiname des ersten römischen Kaisers Gaius Octavianus) hat die Bedeutung 'Clown'. Die PB mit diesem Element kommen in 6 Beispielen vor, die alle negativ und abwertend konnotiert sind. Das Halbsuffix *-august* wird verwendet, um Personen nach ihrem Beruf, ihrer Haupttätigkeit (mit der Schattierung von Verachtung) zu bezeichnen (*der Begrüßaugust*, *der Begrüßungsaugust* – 'Chef (Oberkellner, Rezeptionist, Hotel- oder Restaurantpfortner)', *der Briefmarkenaugust* – 'Briefmarkenhändler', *der Krawattenaugust* – 'Krawattenverkäufer (einen Krawattenverkäufer in einem Geschäft oder auf der Straße)', *der Reklameaugust* – 'Werber (Werbefachmann)', *der Schäkeraugust* – 'Unterhaltungskünstler (Joker)', *der Klassenaugust* – 'Clown (in einem Klassenzimmer)').

Selten sind in unserem Material männliche Benennungen mit dem Halbsuffix *-barthel* (von *Barthold* → *waltan* = *walten* – 'herrschen', 'der Herrscher' (Althochdeutsch)). Es gibt nur 3 Beispiele von Personenbezeichnungen mit einer negativen Bewertung. Dieses Halbsuffix wird verwendet, um Personen nach ihren Neigungen / charakteristischen Eigenschaften zu bezeichnen (*der Dösbart-*

hel – 'eine schläfrige Person', *der Dreckbarthel* oder *der Schweinsbarthel* – 'eine schlampige, schmutzige unordentliche Person').

Die von den männlichen Vornamen abgeleiteten Halbsuffixe *-karl* (aus dem Althochdeutschen *karal* – 'der Mann, der Ehemann') und *-kasper/kaspar* (*ghaz* – 'der Schatz' (Altpersisch), *bar* – 'verwalten, leiten, versorgen' (Altpersisch) – 'Verwalter der Schätze') sind mit wenigen Beispielen (je 2 Beispiele für jedes Element) vertreten. Der Vorname *Kaspar* wird in der Umgangssprache im übertragenen Sinne mit der Bedeutung 'ein Narr, ein Erbsenzähler' verwendet. Die Bezeichnungen mit *-karl* und *-kasper/kaspar* haben wie auch andere Halbsuffixe eine negative stilistische Konnotation und dienen zum Ausdruck der Haupttätigkeiten (Berufe) der Personen (*der Küchenkarl* – *Militärjargon*: 'Militärkoch'), oder sie charakterisieren die negativen Handlungen / Neigungen der Menschen (*der Klassenkasper* – 'Clown (ein Schüler, der im Unterricht die Rolle des Clowns, Narren übernahm)', *der Niettenkarl* – 'Mittelmaß, ein Loch im Brötchen (über eine Person)'). Einzige Beispiele werden durch die PB mit dem Halbsuffix *-phillipp* (*der Zappelphillipp* – 'Zappler') vorgestellt.

Die quantitativen Angaben über die Halbsuffixe, die von den männlichen Vornamen abgeleitet werden, können wir in der folgenden Tabelle vorstellen:

Tabelle 1. Quantitative Anteile der Personenbezeichnungen mit den von den männlichen Vornamen gebildeten Halbsuffixen

<i>-hans / -hannes / -hansl / -jan / -ian</i> (von Johannes)	<i>-heini</i>	<i>-fritze</i>	<i>-peter</i>	<i>-maxe</i>	<i>-michel</i>	<i>-nickel</i>	<i>-august</i>	<i>-barthel</i>	<i>-karl</i>	<i>-kasper / kasper</i>	<i>-phillipp</i>
41	29	26	19	12	13	8	6	3	2	2	2
163											

So wurden 163 Personenbezeichnungen mit den von den männlichen Vornamen gebildeten Halbsuffixen im Forschungsmaterial identifiziert. Die meisten Benennungen, die mit Hilfe von männlichen Vornamen gebildet werden, bezeichnen Personen nach den charakteristischen Neigungen / Gewohnheiten / Handlungen / Eigenschaften / Charakterzüge (67%) oder dem Beruf (24%), dabei wird eine stilistische Konnotation und / oder negative Bewertung ausgedrückt. Die Bezeichnungen mit der Bedeutung der Personenzugehörigkeit (ein kleiner Teil der PB mit *-heini*, *-fritze*) und der Charakteristik des

Aussehens (ein kleiner Teil der PB mit *-heini*) sind selten in 2,5% der Beispiele getroffen. In fast allen Fällen wird eine negative Bewertung der Tätigkeit des Sprechers oder charakteristischer Merkmale der Person zum Ausdruck gebracht. Allerdings haben 11 PB (6,5%) eine neutrale Bedeutung, ohne Konnotationen (einige PB mit *-heini*, *-peter*) oder ohne negative Bewertung (seltene PB mit *-fritze*). Gleichzeitig ist darunter nur ein Teil der PB mit einer 'rein denotativen' Bedeutungskomponente – 'regierende Person' mit dem Halbsuffix *-peter* registriert. Die meisten Halbsuffixe werden an Verbstämme angehängt (was die oben genannte

semantische Bewertungskomponente der PB erklärt – ‘Charakteristik der Handlungen und Neigungen’), ein etwas kleinerer Teil wird an die Substantivstämme und sehr selten Adjektivstämme angetreten. Gleichzeitig geben die PB mit einem Adjektivstamm eine Bewertung des Aussehens einer Person oder ihrer charakteristischen Eigenschaft durch eine Handlung wieder, und die PB mit einem Substantivstamm sind oft Berufsbezeichnungen, die in irgendeiner Weise mit diesem Substantiv, dem ersten Bestandteil des Wortes (der PB), verbunden sind. Es sei darauf hingewiesen, dass im Wörterbuch der Wortbildungselemente der deutschen Sprache (2000) nur ein Drittel der Halbsuffixe vermerkt sind (*-hans* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 194], *-fritze* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 166], *-peter* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 341], *-michel* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 307]). Dies lässt sich durch die Anzahl der PB mit diesen Komponenten im Vergleich zu der geringen Anzahl von PB mit anderen Halbsuffixen erklären. Aber das ist jedoch nicht immer der Fall, z. B. das Halbsuffix *-heini* ist nicht im *Словарь словообразовательных элементов немецкого языка* verzeichnet, aber zahlreiche Benennungen wurden damit gefunden, weil dieses Wörterbuch noch im Jahre 2000 herausgegeben wurde.

Die Personenbezeichnungen mit den von den weiblichen Vornamen abgeleiteten Halbsuffixen sind zweifach seltener als die Personenbezeichnungen mit den von den männlichen Vornamen abgeleiteten Halbsuffixen (nur 75 Beispiele im Vergleich zu 163) getroffen. Alle PB haben die Bewertung ‘schlecht’ und mehr als ein Fünftel von ihnen haben auch eine stilistische Konnotation (abwertende Färbung wird in 17 PB beobachtet). Man soll sagen, dass die ersten Benennungen mit *-jule*, *-liese* in der Mitte des 19. Jahrhunderts schon erschienen, und zur Mitte des 20. Jahrhunderts hat sich diese Liste stark vergrößert und es erschienen die Bezeichnungen mit *-trine* und *-suse* [Яценко 2008: 129–132]. Das häufigste Halbsuffix, das von dem weiblichen Vornamen abgeleitet wird, ist das Halbsuffix *-liese* / *-lieschen* (ca. 40% der Fälle der weiblichen Halbsuffixe oder 31 Beispiele) im analysierten Material. Dieses Element (von *Elisabeth* – ein biblischer Name, der aus dem hebräi-

schen *elischeba* zurückkommt, was ‘Gott ist Fülle’ bedeutet) wird verwendet, um einen weiblichen Beruf oder die Haupttätigkeit der Frau zu bezeichnen (*die Gemüseliese* – ‘Gemüsehändlerin’, *das Harfenlieschen* – ‘Harfenistin’, *das Stenolieschen* – ‘Stenografin’). Auch werden die Personen nach ihren charakteristischen Neigungen, meist negativ bewertet, bezeichnet (*die Bummelliese*, *die Dreckliese* – ‘eine Schlampe’, *die Faselliese* – ‘Plaudertasche’, *die Klatschliese* – ‘Schwätzerin’). Dabei gibt es Synonyme (*die Flennliese* / *die Heulliese* – ‘Heulsuse’). Einige Benennungen werden ans Substantiv – an männliche Personenbezeichnung – angetreten (*die Bauernliese* – ‘Dorfbewohnerin, Bauernmädchen, Bauernmädchen’, *die Falscherliese* – ‘Betrügerin, Schwindlerin’, *die Lumpenliese* – ‘Lumpenfrau’). Gleichzeitig haben alle Benennungen eine Konnotation (eine Schattierung von Ironie, Verurteilung).

Das Halbsuffix *-suse* (von *Susanne* – das hebräische Wort ‘*shoshan*’ bedeutete ‘die Lilie’) wird zweifach seltener als *-liese* / *-lieschen* verwendet. Es wurden 15 PB mit *-suse* gefunden. Es sei darauf hingewiesen, dass der Vorname *Suse* im übertragenen Sinne als Bezeichnung für ‘eine langweilige Person’ verwendet wird. Unter solchen Bezeichnungen kann man die Berufsbezeichnungen (mit der Schattierung von Ironie und Missbilligung) und Bezeichnungen nach negativen Neigungen herausgreifen (*die Kitschsuse* – ‘Sängerin, die Slapstick-Hymnen vorträgt’, *die Brummsuse* – ‘Nörglerin’, *die Drecksuse* – ‘Schlampe’; *die Gaffsuse* – ‘Gafferin’, *die Heulsuse* – ‘ein Schreihals (über eine Frau, ein Mädchen), *die Klatschsuse* – ‘Schwätzerin’, *die Nolsuse* – ‘Nörglerin’, *die Pimpelsuse* – ‘eine Prüde’). Gleichzeitig sind die denotative Komponente ‘weibliche Person’ und die Konnotation ‘eine negative Bewertung der Tätigkeit oder der Neigungen von weiblichen Personen’ vorhanden.

Es gibt etwas weniger Beispiele (11 Einheiten) für weibliche Benennungen mit dem Halbsuffix *-trine* (skandinavische Variante von *Katharina* ← *katharos* – ‘rein’ (Altgriechisch) – ‘die Reine’). Einige von ihnen dienen dazu, Personen nach ihrem Beruf zu bezeichnen, und in diesen Fällen werden die PB mit den Substantivstämmen verbunden (*die Beerentrine* – ‘Beerenpflückerin’, *die Bürotrine* – ‘eine Bürokatze’), und ein Teil solcher Bezeichnungen hat einen Verbstamm als erster Bestandteil (*die Faseltrine* – ‘Plaudertasche, (über

eine Frau, ein Mädchen), *die Heultrine* – ‘Brüllende, Weinende’, *die Norgeltrine* – ‘Nörglerin, Mürrische’, *die Quasseltrine* – ‘Plaudertasche’, *die Stottertrine* – ‘Stottererin’. In einem einzigen Fall hat *-trine* die gleiche Funktion wie das Halbsuffix *-liese / -lieschen* in seltenen Fällen – es wird verwendet, um weibliche Benennung von männlicher PB zu bilden (*die Bauertrine* – ‘Dorfbewohnerin, Bauernmädchen, Landmädchen’).

Die Benennungen von weiblichen Personen mit dem Element *-jule* (von *Julia* das lateinische Wort ‘*iovilius*’, was übersetzt ‘dem Jupiter Geweiht’ bedeutet) werden in 9 Beispielen vorgestellt. Gleichzeitig dient *-jule* zur Bildung von Frauenberufsbezeichnungen, die wie die Benennungen mit *-trine* an Substantivstämme angetreten werden (*die Filmjule* – ‘eine Filmemacherin’, *die Flimmerjule* – ‘eine Filmemacherin, eine Fernseharbeiterin (ein Mädchen oder eine Frau, die in irgendeiner Weise mit dem Kino oder dem Fernsehen verbunden sind)’, *die Harfenjule* – ‘Harfenistin’, *die Telefonjule* – ‘Telefonistin’, *die Zeitungsjule* – ‘Postbotin, Zeitungsausträgerin’). Es gibt auch thematische Gruppe der Personenbezeichnungen nach ihren Neigungen, die an die Verbstämme angetreten werden (*die Lachjule* – ‘Lacherin, Spötterin’, *die Prahljule* – ‘Gackerin’, *die Sauffule*). Das Halbsuffix *-jule* verleiht den Benennungen von Frauen eine verurteilende Konnotation. Meistens wurden sol-

che Bezeichnungen während der Blütezeit des Feminismus in Europa geschaffen, und dieser Faktor erklärt die Konnotation der PB mit *-jule*.

Selten werden weibliche Personenbezeichnungen mit dem Halbsuffix *-hanne* gebildet (von *Johanna* – ‘die Begnadete’ und ‘Jahwe ist gütig’), es gibt nur fünf Beispiele in der Auswahl. Es wird verwendet, um Personen mit negativen Neigungen zu bezeichnen (*die Klatschhanne* – ‘Schwätzerin’; *die Prahlhanne* – ‘Angeberin’; *die Quatschhanne* – ‘dumme Schwätzerin’; *die Zappelhanne* – ‘eine ungeduldige, nervöse Frau oder ein Mädchen’). Dabei wird das deanthroponymische Halbsuffix an die Verb- oder Substantivstämme angetreten.

Noch seltener (in 4 Beispielen) liegen die Frauenbezeichnungen mit dem Halbsuffix *-guste* vor (von *Augusta* ← *augustus* – ‘heilig, erhaben, ehrwürdig (Lateinisch)’ – ‘die Heilige, die Ehrwürdige’). Dieses Halbsuffix dient zur Bildung der Personenbezeichnungen mit negativer Bewertung von Neigungen (*die Kleckerguste* – ‘Magd’, *die Quengelguste* – ‘Nörglerin’). Einige von ihnen haben stilistische Konnotationen, aber tragen keine negative Bewertung (*die Lachguste* – ‘Lacherin, Spötterin’, *die Frierguste* – ‘Frostbeule’).

Die quantitativen Angaben über die Halbsuffixe, die von den weiblichen Vornamen abgeleitet werden, können wir in der folgenden Tabelle vorstellen:

Tabelle 2 Quantitatives Verhältnis der PB mit den von den weiblichen Vornamen gebildeten Halbsuffixen

<i>-liese</i>	<i>-suse</i>	<i>-trine</i>	<i>-jule</i>	<i>-hanne</i>	<i>-guste</i>
31	15	11	9	5	4
75					

Also in der Auswahl wurden 75 weibliche Personenbezeichnungen mit den deanthroponymischen Halbsuffixen gefunden. Nur 2% der Benennungen haben keine Konnotationen. Die meisten Bezeichnungen drücken eine negative Bewertung verschiedener Neigungen oder Handlungen der Frauen (ca. 70%), eine negative Bewertung der Tätigkeit der Frau (28%) aus. Ungefähr gleich viele weibliche Anthroponyme sind an Verb- oder Substantivstämme angetreten, wobei die Bezeichnungen mit dem ersten Bestandteil als Verbstamm ein wenig überwiegen (52% bzw. 48%). Es sei darauf hingewiesen, dass im Wörterbuch der Wortbildungselemente des Deutschen

(2000) nur die Hälfte der Halbsuffixe von weiblichen Vornamen verzeichnet ist (*-liese* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 285], *-suse* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 404], *-trine* [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка 2000: 417]). Dies sind jedoch die Elemente, mit denen die größte Anzahl femininer PB verzeichnet ist, außerdem gehören *Suse* und *Liese* zur Gruppe der Appellativa.

Die folgende Tabelle kann auf der Grundlage der Ergebnisse der vergleichenden Analyse von den Personenbezeichnungen mit weiblichen und männlichen Vornamen erstellt werden:

Tabelle 3 Vergleichende Analyse der thematischen Gruppen und der konnotativen Bedeutungen von PB mit den deanthroponymischen Halbsuffixen

KONNOTATION	THEMATISCHE GRUPPE	PB MIT MÄNNLICHEN VORNAMEN	PB MIT WEIBLICHEN VORNAMEN
PB mit der Konnotation	Berufsbezeichnungen oder PB nach ihren Tätigkeiten	39	21
	PB mit der Charakteristik nach ihren Neigungen, Gewohnheiten, Handlungen, Eigenschaften, Charakterzüge	111	52
	Die nach dem Aussehen charakterisierenden PB	2	–
PB ohne Konnotation	PB nach ihren Tätigkeiten	9	–
	PB nach dem Wohnortszugehörigkeit	–	2
	PB nach der Partei- oder Organisationszugehörigkeit	2	–
Gesamt		163	75
Total		238	

So haben fast alle Personenbezeichnungen (96%) mit den Anthroponymen in ihrer Zusammensetzung eine konnotative Bedeutung (negative Bewertung oder stilistische Konnotation; manchmal beides). Die Bestandteile, an die Anthroponyme angetreten werden, sind meistens Verb- oder Substantivstämme, sie bilden ungefähr gleich große Gruppen mit dem kleinen Übergewicht der letzten. An Adjektive werden die Vornamen sehr selten angehängt (2%). Die meisten PB charakterisieren eine Person nach ihren Neigungen / Handlungen / Gewohnheiten / Eigenschaften / Charakterzüge (68%), viel weniger bezeichnen eine Person nach dem Beruf (29%). Die PB mit der Bedeutung der Zugehörigkeit sind in der Regel bedeutungsneutral und geben die Zugehörigkeit einer Person zu einem Gebiet oder einer Organisation an (ca. 2%), die Charakteristik einer Person durch ihr Aussehen liegt bei weniger als 1%. Es ist zu beachten, dass die PB mit einigen deanthroponymischen Komponenten die PB verschiedener thematischer Gruppen bilden können (*-fritze*, *-peter*, *-maxe*, *-karl*, *-kaspar*, *-jan*, *-liese*, *-suse*, *-trine*, *-jule*) und einige nur zur Bildung von den Benennungen einer thematischen Gruppe herangezogen werden: nach dem Beruf (*-august*), nur charakterisierende Bezeichnungen nach den Neigungen / Handlungen / Gewohnheiten (*-hans*, *-hannes*, *-hansl*, *-barthel*, *-michel*, *-nickel*, *-hanne*). Das Halbsuffix *-heini* ist an der Bildung von vier thematischen Gruppen beteiligt, der größten Anzahl, die in dieser Auswahl verzeichnet ist. Alle Personenbezeichnungen mit Halbsuffixen haben eine pragmatische Wirkung (einen Spracheffekt), denn die negative Bewertung und die stilistische Konnotation zeugen von der Aufrichtigkeit des Sprechers, der sich bemüht, die Referenten genau anzugeben

und seine Beziehung zu irgendwelchen Tätigkeiten, Handlungen, Neigungen und Charakterzügen auszudrücken.

Schlussfolgerung. Die PB mit männlichen Vornamen machten in der Auswahl einen großen Anteil aus, während die Personenbezeichnungen mit weiblichen Vornamen nur die Hälfte von denen ausmachten. Die deanthroponymischen Halbsuffixe geben den Personenbezeichnungen meist eine negative Bewertung, die Einschätzung 'schlecht' trägt. Überwiegend kennzeichnen die Personenbezeichnungen mit den von den Vornamen gebildeten Halbsuffixen die Leute nach den negativen Neigungen / Handlungen / Eigenschaften, sehr viel seltener bezeichnen sie Personen nach dem Beruf, der Tätigkeit, und in der Regel bringt der Sprecher eine ablehnende oder negative Haltung zu dieser Tätigkeit zum Ausdruck und solche Benennungen sind oft umgangssprachlich-familiär. Seltene Halbsuffixe haben eine generische Funktion und fügen eine denotative Bedeutung einer Person hinzu (*-liese*, *-trine*) oder tragen keine Konnotation (ein kleiner Teil der PB mit *-peter*, *-heini*, *-fritze*). Die Konnotation wird durch die Subjektivität des Sprechers charakterisiert. Man kann sagen, dass bei der Bildung der PB mit den deanthroponymischen Halbsuffixen oft subjektive Faktoren sprachlicher Veränderung wirken, und sie sind mit der Gesellschaft und den Menschen verbunden.

Die häufigsten Halbsuffixe von männlichen Vornamen sind *-hans* (mit verschiedenen Varianten von *Johannes*: *-hannes*/*-hansl*/*-jan*/*-ian*), *-heini*, *-fritze*, *-peter* und unter den Halbsuffixen von den weiblichen Vornamen ist das Halbsuffix *-liese* besonders populär (über 40% der PB mit weibli-

chen Vornamen). Ziemlich oft sind die Halbsuffixe *-michel*, *-suse*, *-trine*, *-jule*. Darüber hinaus ist das Vorhandensein einiger 'paralleler' weiblicher und männlicher Vornamen zu beachten (männlicher Vorname *-august* – und weiblicher *-guste*; männlicher Vorname *-hans* / *-hannes* / *-hansl* – und weiblicher Vorname *-hanne*).

Es ist auch anzumerken, dass weibliche und männliche Vornamen oft mit denselben Stämmen verbunden werden, was darauf hindeutet, dass dieselben Handlungen, Neigungen und Ei-

enschaften von Männern und Frauen negativ bewertet werden. So werden oft solche Handlungen wie *'das Heulen, das Prahlen, das Lügen, das Trödeln, das Nörgeln'* usw. und Eigenschaften wie Unordentlichkeit und Geschwätzigkeit und andere verurteilt.

Die Untersuchung der Übersetzungsprozesse solcher Personenbezeichnungen und ihrer Repräsentationen im Russischen ist unerforscht und erfordert die Entwicklung neuer Ansätze zu deren Verständnis.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 324 с.
- Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 7-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 384 с.
- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
- Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
- Зеленецкий, А. Л. Теория немецкого языкознания : учебное пособие для студентов лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 400 с.
- Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Изд-е 2-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
- Керова, Л. В. Образование гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках / Л. В. Керова. – Текст : электронный // Гуманитарный вектор. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-gipokoristicheskikh-form-lichnyh-imyon-v-angliyskom-i-nemetskom-yazykah> (дата обращения: 02.02.2022).
- Кубрякова, Е. С. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 81–156.
- Кузнецова, Н. Г. Немецкие антропонимы: комический и иронический потенциал / Н. Г. Кузнецова, О. Н. Степичева. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6–3 (60). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-antroponimy-komicheskij-i-ironicheskij-potentsial> (дата обращения: 01.02.2022).
- Москальская, О. И. Большой немецко-русский словарь : в 3 томах / О. И. Москальская. – М. : Русский язык, 2002. – 1804 с.
- Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache : учебник для студентов лингв. фак. высш. учеб. заведений (на нем. языке) / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
- Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; Академия наук СССР, Институт языкознания. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
- Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурашов [и др.] ; под рук. М. Д. Степановой. – 2-е изд, стереотипное. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
- Солодилова, И. А. Оценочность и эмотивность в семантике слова / И. А. Солодилова, И. В. Шепеля. – Текст : электронный // Вестник ОГУ. – 2015. – № 11 (186). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-i-emotivnost-v-semantike-slova> (дата обращения: 25.03.2021).
- Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова ; под ред. Т. В. Строевой. – Изд. 2-е, испр. – М. : URSS, 2007. – 344 с. – (Из лингвистического наследия М. Д. Степановой).
- Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке : учебное пособие для филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высшая школа, 1984. – 264 с.
- Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : учеб. пособие для студентов лингв. и пед. фак. высш. учеб. заведений (на нем. языке) / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – 2-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
- Стерлигов, С. Г. Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема / С. Г. Стерлигов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Филология. – 2003. – № 1. – С. 131–137.
- Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
- Федорцова, В. Н. Развитие полусуффиксации как способа именования лиц женского пола в немецком языке / В. Н. Федорцова, Н. В. Яценко. – Текст : электронный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. –

№ 2–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-polusuffiksatsii-kak-sposoba-imenovaniya-lits-zhenskogo-pola-v-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 02.02.2022).

Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – Изд. 4-е, стереотипное. – М. : Ком-Книга, 2006. – 336 с.

Яппарова, В. Н. Оценочные наименования лица в современном политическом дискурсе / В.Н. Яппарова. – Текст : электронный // Вестник ВятГУ. – 2009. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-naimеноvaniya-litsa-v-sovremennom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 24.03.2021).

Ященко, Н. В. Наименования лиц женского пола в немецком языке (диахронический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / Ященко Н. В. – Самара, 2008. – 205 с.

Barz, I. Nomination durch Wortbildung / I. Barz. – Leipzig : Enzyklopädie, 1988. – 233 S.

Deutsche Vornamen mit Bedeutung und Herkunft. – URL: <https://www.vorname.com/deutsche,vornamen,o.html> (mode of access: 10.03.2022). – Text : electronic.

Duden // Deutsches Universalwörterbuch. – Bibliographisches Institut GmbH, 2022. – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (mode of access: 10.03.2022). – Text : electronic.

Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von Karl-Ernst Sommerfeldt. – 1. Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1988. – 267 S.

Fischer, H.-D. Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft: ein Arbeitsbuch / H.-D. Fischer, H. Uerpmann. – München : Ehrenwirth, 1990. – 238 S.

Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig, 1976. – 363 S.

Fleischer, W. Entwicklung in Wortbildung und Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Berlin : Akademie Verlag, 1983. – 139 S.

Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – 1. Auflage, 6. Nachdruck. – Stuttgart ; München ; Düsseldorf ; Leipzig : Klett, 1997. – 996 S.

Lewkowskaja, K. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / K. Lewkowskaja. – М. : Wysschaja Schkola, 1968. – 320 S.

Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1984. – 308 S.

References

Alefrenko, N. F. (2005). *Spornye problemy semantiki* [Disputable Problems of Semantics]. Moscow, Gnosis. 324 p.

Arnold, I. V. (2005). *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English Language]. 7th edition. Moscow, Flinta, Nauka. 384 p.

Arutyunova, N. D. (1980). K probleme funktsional'nykh tipov leksicheskogo znacheniya [To the Problem of Lexical Functional Types]. In *Aspekty semanticheskikh issledovanii*. Moscow, Nauka, pp. 156–249.

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd edition. Moscow, Yazyki russkoi kultury'. 896 p.

Barz, I. (1988). *Nomination durch Wortbildung*. Leipzig, Enzyklopädie. 233 S.

Deutsche Vornamen mit Bedeutung und Herkunft. URL: <https://www.vorname.com/deutsche,vornamen,o.html> (mode of access: 10.03.2022).

Duden. (2022). In *Deutsches Universalwörterbuch*. Bibliographisches Institut GmbH. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (mode of access: 10.03.2022).

Fedorsova, V. N., Yashchenko, N. V. (2012). Razvitie polusuffiksatsii kak sposoba imenovaniya lits zhenskogo pola v nemetskom yazyke [The Development of Semi-Suffixation as a Way of the Female Denominations in German]. In *Izvestia Samarskogo naushnogo tsentra RAN*. No. 2–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-polusuffiksatsii-kak-sposoba-imenovaniya-lits-zhenskogo-pola-v-nemetskom-yazyke> (mode of access: 02.02.2022).

Fischer, H.-D., Uerpmann, H. (1990). *Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft: ein Arbeitsbuch*. München, Ehrenwirth. 238 S.

Fleischer, W. (1976). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig. 363 S.

Fleischer, W. (1983). *Entwicklung in Wortbildung und Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, Akademie Verlag. 139 S.

Kerova, L. V. (2017). Obrazovanie gipokoristicheskikh form lichnykh imen v angliiskom i nemetskom yazykakh [Formation of Hypocritical Forms of Personal Names in English and German]. In *Gumanitarnyi vektor*. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-gipokoristicheskikh-form-lichnykh-imyon-v-angliiskom-i-nemetskom-yazykakh> (mode of access: 02.02.2022).

Kubryakova, E. S. (1980). Semantika proizvodnogo slova [Semantics of a Derived Word]. In *Aspekty semanticheskikh issledovanii*. Moscow, Nauka, pp. 81–156.

Küpper, H. (1997). *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Auflage, 6. Nachdruck. Stuttgart, München, Düsseldorf, Leipzig, Klett. 996 S.

Kuznetsova, N. G., Stepicheva, O. N. (2016). Nemetskie antroponimy: komicheskii i ironicheskii potentsial [German Anthroponyms: Comic and Ironic Potential]. In *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 6–3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-antroponimy-komicheskii-i-ironicheskii-potentsial> (mode of access: 01.02.2022).

Lewkowskaja, K. (1968). *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow, Wysschaja Schkola. 320 p.

Moskalskaya, O. I. (2002). *Bol'shoi nemetsko-russkii slovar': v 3 tomakh* [The Big German-Russian Dictionary, in 3 vols]. Moscow, Russkii yazyk. 1804 p.

- Olshansky, I. G., Guseva, A. E. (2005). *Lexikologiya: Sovremennyyi nemetskii yazyk* [Lexicology: Modern German Language] = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Lehrbuch für Studenten der sprachwissenschaftlichen Fakultäten der Hochschulen. Moscow, Academia. 416 p.
- Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka. 198 p.
- Schippa, T. (1984). *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut. 308 S.
- Shmelev, D. N. (2006). *Sovremennyyi russkii yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Vocabulary]. 4th edition. Moscow, KomKniga. 336 p.
- Solodilova, I. A., Shepelya I. V. (2015). Otsenochnost' i emotivnost' v semantike slova [Estimation and Emotionality in Word Semantics]. In *Vestnik OGU*. No. 11 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-i-emotivnost-v-semantike-slova> (mode of access: 25.03.2022).
- Sommerfeldt, Karl-Ernst (Hrsg.). (1988). *Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache*. 1. Aufl. Leipzig, Bibliographisches Institut. 267 S.
- Stepanova, M. D. (2007). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word-Formation of the Modern German Language] / ed. by T. V. Stroeva. 2nd edition. Moscow, URSS. 344 p.
- Stepanova, M. D. Fleischer, W. (1984). *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke* [Theoretical Bases of Word Formation in German]. Moscow, Vysshaya shkola. 264 p.
- Stepanova, M. D., Chernysheva, I. I. (2005). *Lexikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of the Modern German Language] = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. 2nd edition. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 256 p.
- Sterligov, S.G. (2003). Nemetskaya antroponimika kak lingvostranovedcheskaya problema [German Anthroponymy as a Linguistic Problem]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Philologiya*. No. 1, pp. 131–137.
- Ufimtseva, A. A. (2002). *Leksicheskoe znachenie: Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical Meaning: The Principle of Semiological Description of Lexis]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS. 240 p.
- Yapparova, V. N. (2009). Otsenochnye naimenovaniya litsa v sovremennom politicheskom diskurse [Estimated Names of a Person in Modern Political Discourse]. In *Vestnik VyatGU*. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-naimenovaniya-litsa-v-sovremennom-politicheskom-diskurse> (mode of access: 24.03.2022).
- Yashchenko, N. V. (2008). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola v nemetskom yazyke (diakhronicheskii aspekt)* [The Female Denominations in German (Diachronic Aspect)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 205 p.
- Zelenetsky, A. L., Novozhilova, O. V. (2003). *Teoriya nemetskogo yazykoznaneya* [The Theory of German Linguistics]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 400 p.
- Zemskaya, E. A. (2005). *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-Formation as Activity]. 2nd edition. Moscow, KomKniga. 224 p.
- Zuev, A. N., Molchanova, I. D., Muryasov, R. Z. et al. (2000). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka* [Dictionary of Word-Formation Elements in German]. 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk. 536 p.

Данные об авторе

Ященко Наталья Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия).

Адрес: 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: yash63@yandex.ru.

Author's information

Yashchenko Natalia Valerievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Theory and Practice of Translation Department, Togliatti State University (Togliatti, Russia).

Дата поступления: 21.03.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 21.03.2022; date of publication: 31.10.2022

ПРОВЕРБИАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СЛОВАЦКОЙ ПРЕССЕ

Галло Я.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Соколова Я.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2227-9447>

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются особенности употребления фразеологизмов и паремий в современных рекламных и газетных текстах словацкой прессы. В теоретической части дается авторская трактовка понятия образной интертекстуальности в рекламном тексте. Под образной интертекстуальностью понимается сходство между ассоциативно-смысловой архитектурой двух текстов, влияющее на глубинное восприятие смысла медиатекста с учетом интеллектуально-эмотивных оттенков, функционирующих на уровне подтекста. В практической части приводится анализ фактов репрезентации фразеологизмов и паремий в словацких газетных текстах в двух вариантах: воспроизведенных буквально (в оригинальной форме) и переосмысленных, трансформированных. Анализ языкового материала подтвердил тенденцию к активной модификации фразеологических единиц в словацких рекламных и газетных текстах, а также наличие богатого спектра речевых преобразований готовых единиц языка. В анализируемом экземплификационном словацком материале примеры со структурной трансформацией встречаются в два раза чаще, чем выражения с семантическими и грамматическими преобразованиями. Фразеологизмы и паремии, используемые в оригинальной форме, а также сознательно трансформированные, являются доказательством высокого уровня фразеологической компетенции автора, его языковой креативности и воображения. Эти факты становятся характерной чертой индивидуального авторского стиля. Результаты исследования могут быть использованы в вузовской практике преподавания курсов по теории языка и славянской филологии, а также по русскому языку как иностранному на уровне магистратуры и/или аспирантуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; газетные статьи; реклама; рекламный дискурс; рекламные тексты; интертекстуальность; фразеологизмы; паремия

Б л а г о д а р н о с т и: статья выполнена по грантовому проекту КЕГА № 032UKF-4/2020 Межкультурная и деловая коммуникация на практике РКИ в Словакии (Interkultúrna a obchodná komunikácia v rusistickej praxi na Slovensku).

Д л я ц и т и р о в а н и я: Галло, Я. Провербиальная репрезентация образной интертекстуальности в словацкой прессе / Я. Галло, Я. Соколова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 48–58. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-04.

PROVERBIAL REPRESENTATION OF FIGURATIVE INTERTEXTUALITY IN THE SLOVAK PRESS

Jan Gallo

Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovak Republic)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Jana Sokolova

Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovak Republic)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2227-9447>

Abstract. The article discusses the features of the use of Slovak phraseological units and paremias in modern advertising and newspaper texts of the Slovak press. In the theoretical part, the author's interpretation of the concept of figurative intertextuality in the advertising text is given. Figurative intertextuality is understood as the similarity between the associative and semantic architectonics of two texts, which affects the deep perception of the meaning of the media text, taking into account the intellectual and emotive nuances that function at the subtext level. This aspect of the study of intertextuality is innovative. The practical part analyzes the facts of the representation of phraseological units and paremias in Slovak newspaper texts in two versions: reproduced literally (in the original form) and rethought, transformed. The analysis of the language material confirmed the trend towards active modification of phraseological units in Slovak advertising and newspaper texts, as well as the presence of a rich range of speech transformations of ready-made units of the language. In the analyzed Slovak exemplification material, examples with structural transformation occur twice as often as expressions with semantic and grammatical transformations. Phraseologisms and paremias, used in their original form, as well as deliberately transformed, are proof of the author's high level of phraseological competence, their linguistic creativity and imagination. These facts become a characteristic feature of the individual author's style. The results of the study can be used in the university practice of teaching courses in the theory of language and Slavic philology, as well as in Russian as a foreign language at the master's and/or postgraduate level.

Keywords: journalism; media linguistics; mass media; media discourse; media texts; newspaper articles; advertising; advertising discourse; advertising texts; intertextuality; phraseological units; paremia

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the KEGA No. 032UKF-4/2020 research grant project "Cross-Cultural and Business Communication in Practical Teaching Russian as a Foreign Language in Slovakia" (Interkultúrna a obchodná komunikácia v rusistickej praxi na Slovensku).

For citation: Gallo, J., Sokolova, J. (2022). Proverbial Representation of Figurative Intertextuality in the Slovak Press. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 48–58. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-04.

Введение

Одной из отличительных особенностей современных медиатекстов является образная интертекстуальность. Актуальность ее изучения обусловлена многими факторами, в том числе преимуществами современных технологий, позволяющих производить быстрый поиск соответствующей цели и задачам работы текстуальной информации, т. е. интертекстов. Определенную роль в этом играют современные тенденции к тому, чтобы сделать информацию понятной по контексту и доступной читателю, чтобы показать плюрализм концептуальных и стилистических возможностей текста, чтобы особым образом моделировать картину мира реципиента.

Активное использование образной интертекстуальности в рекламных и газетных текстах, представляющих собой явление массовой коммуникации, убедительно свидетельствует о внедрении элементов креативного мышления. Межтекстовое взаимодействие привлекает внимание широкого круга современных лингвистов, например А. Архангельской [2020], М. Добровой [2019], А. Калечиц [2020], И. Калиты [2020] и др. При этом категория интертекстуальности изучается в различных типах дискурса: политическом, медийном, рекламном,

художественном. Весьма перспективным представляется исследование феномена образной интертекстуальности в современном рекламном и газетном тексте. В данном исследовании предлагается анализ одного из многих типов претекстов: фразеологизмов и паремий – как особых и весьма эффективных средств образной интертекстуальности, используемых в современных словацких рекламных и газетных текстах. Указанные единицы представлены в собранном корпусе примеров в двух формах: оригинальной (буквальное воспроизведение фразеологизма или паремии) и трансформированной (в структуре и семантике фразеологизма или паремии наблюдаются семантические и/или структурные преобразования).

Материалы и методы

Предметом исследования является образная интертекстуальность и некоторые формы ее проverbsиальной репрезентации в виде чистых или переосмысленных фразеологизмов и паремий, активно используемых в словацких рекламных и газетных текстах. Методологической основой исследования является коммуникативно-семиотический подход к изучению языковых единиц. К анализу материала также применяются следующие методы:

структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвистического наблюдения и аналитического описания, метод интерпретации.

Обсуждение и результаты

Интертекстуальность в рекламных текстах имеет много различных форм экспликации. Прямые межтекстовые заимствования являются очевидными, что вызвано стремлением автора сослаться на общеизвестный опыт, разделяемый многими читателями, и тем самым охватить как можно более широкий круг реципиентов с целью привлечения внимания к описываемому объекту, его продвижению или формированию оценочного к нему отношения. Если межтекстовые связи являются менее очевидными, завуалированными, то круг заинтересованных реципиентов значительно сужается, что также служит определенным целям: например, формированию некоторой более узкой, целевой аудитории. Однако в массовой коммуникации чаще трансформации готовых единиц языка осуществляются таким образом, чтобы смысловая структура вторичного текста (нового текста, отсылающего к тексту предыдущему) была максимально очевидной: исходный текст должен «всплыть» в языковом сознании читателя. Это типичный прием создания рекламных текстов сегодня. Согласно мнению С. Чмейрковой, «реклама паразитирует на других типах текста, использует их, имитирует и включает их исходный контекст в свое рекламное высказывание» [Čmejřková 2000: 170].

В сфере интертекстуальных исследований существуют два основных типа понимания интертекстуального навязывания: узкое и широкое. Мы исходим из более узкого понимания межтекстовых связей, т. е. связей текстов с другими конкретными текстами [ср. Culler 1981; Genette 1982; Glowński 1986; Markiewicz 1988, Plett 1991; Homoláč 1996]. Й. Гомолач определяет интертекстуальность как навязывание одного текста другому тексту или комплексу текстов, который становится составной частью его смысловой структуры [см. подробнее: Homoláč 2016].

Одной из главных целей рекламы, да и любого текста массовой коммуникации, который, как правило, обладает воздействующим потен-

циалом, является стремление заинтересовать реципиента, привлечь его внимание к описываемому объекту или рекламируемому товару / услуге / идее. Другая важная задача – придать рекламному тексту такую форму, чтобы он хорошо запомнился, был узнаваем, был прост и понятен. Оба этих стремления автора текста сопряжены с т. н. «межтекстовым навязыванием». Создатель рекламного текста ссылается на знакомый объект (фильм, песню, поговорку, фразему и т. д.), пробуждая у реципиента приятное для него чувство узнавания: в новом продукте (товаре, услуге и т. п.) он видит нечто знакомое, близкое и понятное. Автор рекламного текста как одного из видов персуазивной коммуникации, как правило, не скрывает своей заинтересованности убедить в чем-либо адресата или оказать на него суггестивное влияние.

Чрезвычайно важными средствами, обеспечивающими образное своеобразие рекламного текста, являются фразеологизмы. На наш взгляд, данные единицы являются одним из самых действенных и частотных средств создания образа товара в рекламном нарративе. Это объясняется тем, что именно фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры. Мгновенная узнаваемость носителями языка, а также предсказуемая сочетаемость фразеологизма (одно из слов-компонентов автоматически заставляет вспомнить другие компоненты фразеологизма) повышают способность потребителя рекламного текста воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган.

В рекламе и газетном тексте фразеологизмы и паремии используются в двух формах: воспроизводятся буквально, в готовом виде, или трансформируются (изменяются их структура и семантика).

Буквальное воспроизведение фразеологизмов и паремий

Фразеологизм и паремия в оригинальной форме как готовые языковые единицы нередко используются в текстах массовой коммуникации без изменений. При этом эти единицы являются частью предложения и сочетаются со словами, которые непосредственно называют объект рекламирования, например: (*Šaty*

robia človeka) [ср. Zátуреcký 2018: 308] **Šaty robia človeka**. *Robia šaty človeka, alebo je toto porekadlo v dnešnej dobe už prežitkom? Zamyslite sa s nami / О человеке судят по одежде*. Судят человека по одежде, или эта поговорка в наши дни уже ушла в прошлое? Задумайтесь об этом вместе с нами [FashionShop.sk, 02.12.2014] (реклама производства одежды). Исходная форма паремии используется в рекламном тексте на основе реальной денотативной связи между ключевым словом данной паремии и собственно рекламируемым продуктом. Иногда конкретность паремии (**Postav dom, zasad' strom** [Zátуреcký 2018]: **Postav dom, zasad' strom, alebo ako žiť s láskou k prírode / Построй дом, посади дерево, или как жить с любовью к природе** [sme.sk, 21.5.2021]) или, наоборот, ее обобщенность (**Všetko dobré všetkým ľuďom dobrej vôle / Всех благ всем людям доброй воли** [kulpin.net, 24.12.2012]) удачно отвечает авторскому замыслу: в первом случае речь идет о строительной фирме и садоводстве; во втором о благотворительной организации и ее экологической в т. ч. деятельности.

В собранном корпусе контекстов встречаются такие примеры, в которых фразеологизм или паремия используются в чистом виде – как часть предложения (обычно фразеологизм) или даже как целое предложение (обычно паремия). Далее в примерах сначала приводим исходный вариант фразеологизма или паремии со ссылкой на источник, а затем пример из словацкой прессы: **Pomôž si, človeče, i boh ti pomôže** [Velký slovensko-ruský slovník P – Q, 1986: 289]: **Človeče pomôž si, aj Pán boh ti pomôže... / На бога надейся, а сам не плошай... / Помози себе сам, тогда Бог тебе поможет...** [BlogPravda.sk, 18.03.2014]; **Kto čo hľadá, nájde** [Velký slovensko-ruský slovník A – K, 1979: 600]: **Kto hľadá, nájde: Objavili hrob jedného z najslávnejších spisovateľov sveta! / Кто ищет, тот найдет: Обнаружили могилу одного из самых известных писателей мира!** (могила Мигеля де Сервантеса Сааведры) [cas.sk, 18.3.2015]; **začarovaný kruh** [ср. Velký slovensko-ruský slovník Vy – Ž, 1995: 245]: **Bol to začarovaný kruh / Это был заколдованный круг** (организация фестиваля в течение пандемии) [Týždeň, 7. júna 2021]; **drať školské lavice** [Velký slovensko-ruský slovník A – K, 1979: 421]: **Aj princovia a princezné musia drať školské lavice / Даже принцы и принцессы должны просиживать школьную скамейку** (принцы и принцессы королевской семьи в Ве-

ликобритании) [Slovenka, 7. júna 2021]; **netá na ružiach ustlané** [Velký slovensko-ruský slovník R – Š, 1990: 244]: **...na ružiach ustlané veru nemajú / ...их жизненный путь, правда, не усыпан розами** (принцы и принцессы королевской семьи в Великобритании) [Slovenka, 7. júna 2021]; **hrať sa s ohňom** [Velký slovensko-ruský slovník L – O, 1982: 713]: **Mladí ľudia sa často zahrávajú s ohňom / Молодые люди часто играют с огнем** (о трагедиях подростков, которые часто рискуют своей жизнью) [Slovenka, 7. júna 2021]; **hádzat flintu do žita** [Velký slovensko-ruský slovník A – K, 1979: 521]: **Nehádzte však flintu do žita, aj proti chrápaniu sa dá bojovať / Однако не складывайте оружие, даже с храпом можно бороться** (возможная помощь от ночного храпения) [Slovenka, 7. júna 2021]; **Všetko zlé je na niečo dobré** [Velký slovensko-ruský slovník Vy – Ž, 1995: 518]: **Všetko zlé je na niečo dobré / Нем худа без добра** (в контексте о возможности найти подходящее помещение для выдачи блюд, когда ресторан закрыт из-за пандемии коронавируса) [Slovenka, 7. júna 2021]; **aby sa vlk nažral, i baran ostal celý** [Velký slovensko-ruský slovník T – Vú, 1993: 413]: **..., aby sa aj vlk nažral, aj koza zostala celá / ..., чтобы и волки были сыты, и овцы целы** (о голосовании нового словацкого министра здравоохранения за вакцину Sputnik V, чтобы дело окончательно закончилось) [Týždeň, 7. júna 2021]; **iskra nádeje** [Velký slovensko-ruský slovník A – K, 1979: 748]: **Aj v temných predpovediach však pre Slovensko existuje iskra nádeje / Однако даже в мрачных прогнозах для Словакии есть искра надежды** [Trend, 10. júna 2021].

Трансформации фразеологизмов и паремий

Особенностью использования фразеологизмов и паремий, наблюдаемой в современных словацких медиатекстах, является активная тенденция к отступлению от нормативного употребления фразеологизмов и паремий, их разнообразным преобразованиям. И. Ф. Гайнанова предлагает трехчленную классификацию трансформации фразеологизмов и паремий, используемых в публицистическом дискурсе (трансформация грамматическая, семантическая, структурная) [ср. Гайнанова 2009: 315]. Далее более подробно рассмотрим примеры из словацких текстов, в которых наблюдаются вышеуказанные виды трансформаций.

Грамматическая (морфологическая) трансформация

Грамматическая трансформация подразумевает видоизменение грамматической формы фразеологизма. Такая трансформация может распространяться на разные грамматические категории, разные части речи, при этом происходит существенная или незначительная модификация смысла. Например, наблюдается замена числительного с целью актуализации семантики интенсификации действия: *Sagan zabil tri muchy jednou ranou!* / Саган убил **трех** зайцев одним выстрелом [Huste.tv, 08.07.2018] вместо исходного варианта *Zabil dve muchy jednou ranou* / Убил **двух** зайцев одним выстрелом.

Принципиальное изменение ценностного аспекта происходит за счет негации в паремии. Например: *Zlomyselnosť, alebo keď účel nesväti prostriedky* / Злорадство, или **когда цель не оправдывает средства** [postoj.sk, 05.06.2021]. Афоризм Н. Макиавелли в исходной форме *Účel svätí prostriedky* / Цель оправдывает средства допускает использование каких бы то ни было средств, несмотря на моральные принципы для достижения высокой цели. Трансформация меняет значение на противоположное.

Реже грамматическая трансформация достигается использованием глагольного существительного в рамках сравнительных оборотов без глагола, например: *Je to ako hádzanie hrachu na stenu. Ak chcete niečo urobiť, v niečom potôčť, nemáte šancu.* / Это **как об стенку горох** (буквально: «метание гороха в стену»). Если хочешь что-то сделать, помочь в чем-то, у тебя нет шансов [teraz.sk, 06.11.2012].

Семантическая трансформация

Существенным критерием семантической модификации является сохранение исходной структуры фразеологизма или паремии и преобразование исключительно его семантического уровня. С помощью особого контекста фразеологизм или паремия приобретает новые смысловые оттенки, также возможно наложение прямого и переносного значения фразеологизма или паремии.

Семантическая трансформация обычно осуществляется несколькими способами. Наиболее часто в рекламных и газетных текстах встречаются *двойная актуализация* и *конкретизация*. Двойная актуализация (каламбур)

реализуется тогда, когда фразеологизм или паремия одновременно реализует два значения: прямое и переносное, что повышает экспрессивно-образный тонус рекламного и газетного текстов. В результате один и тот же фразеологизм (или паремия) воспринимается как одно семантическое устойчивое целое и одновременно как свободное словосочетание. В целом это воспринимается как одна конструкция. Например, на основе исходной паремии *Všetko sa dá, len treba chcieť!* / Все возможно, надо только захотеть! автор в тексте своей статьи использовал двойную актуализацию, например: *Všetko sa dá, len treba siet!* / Все возможно, надо только **сеть** (речь идет о сети страхования Allianz в Словакии) [Trend, 29.04.2021]. В данном примере двойная актуализация реализуется таким образом, что в подсознании читателей одновременно восстанавливается исходная паремия с глаголом *chcieť/захотеть* (прямое значение), на которую накладывается сразу новое переносное значение с заменой глагола *chcieť/захотеть* на существительное *seť/siet'* (каламбуром автор хочет подчеркнуть образование и расширение сети страхования Allianz в Словакии). Заодно, кроме семантической трансформации, можно в связи с заменой частей речи наблюдать и замену компонентов. Другой пример: на основе исходного фразеологизма *brúsiť si zuby na niekoho / niečo / točiť zuby na koho* / что словацкий певец Ян Куриц в одном из своих интервью употребил предложение с семантической трансформацией *Brúsili si na tňa **nože*** / Точили **ножи** на меня (словацкому певцу хотели вырезать почку: после бега он пил мало воды, и это вызвало у него серьезные проблемы с почками) [Zdravie, 28.04.2021]. На основе исходного фразеологизма *mať všetky tromfy v rukách* / иметь в руках все козыри компонент *mať* в первой части примера *Majú ešte tromfy v rukáve? Pozrite sa, čo **má** Markíza a JOJ v zásuvke* / **Имеют** еще козыри в рукаве? **Посмотрите, что имеет** Markíza и JOJ (названия телеканалов в Словакии – прим. наше) в *ящичке* [aktuality.sk, 29.07.2018] реализуется в рамках компонентного состава фразеологизма, во второй части он использован в свободном сочетании в прямом значении.

Продуктивным способом семантической трансформации в словацких рекламных и газетных текстах является также конкретизация,

при которой актуализируется многозначное слово. Например: слово *koža* в рекламных текстах используется в значении 'кожа' или 'kožušina zvierat'. Например: *S kožou na trh. Koža a kožušina je ekonomicky zaujímavý artikel / С кожей на рынок. Кожа и мех – экономически интересный товар* [PLUS, 03.05.2013] и в значении 'кожа человека'. Например: 1) *Spoznajte legendu na vlastnej koži / Почувствуйте легенду на собственной шкуре* (традиционные массажные средства Alpa) [Slovenka, 07.06.2021]; 2) *Prid'te v nedel'u v Bratislave s kožou na trh! Na jednom mieste bude k dispozícii 25 popredných dermatovenerológov! / Приходите на рынок в Братиславе в воскресенье, рискуя собственной шкурой! 25 ведущих врачей-дерматовенерологов будут доступны в одном месте!* [pravda.sk, 09.11.2017].

Структурная трансформация

Структурная трансформация предполагает разные приемы креативной и контекстной модификации фразеологизма или паремии. Структура фразеологизма меняется несколькими способами: (а) *экспликацией* – расширением компонентов фразеологизма, (б) *заменой компонентов*, (в) *контаминацией* – соединением, наложением двух фразеологизмов и (г) *импликацией* – сокращением компонентов фразеологизма или паремии.

Экспликация является частым способом трансформации фразеологизмов или паремий, при котором исходная структура фразеологизма расширяется за счет включения дополнительных элементов. Расширение фразеологизма нарушает не только его устойчивость, которая снижается любой трансформацией, но и непроницаемость компонентной структуры. Причины такой трансформации следует искать в прагматике. Благодаря своей непредсказуемости трансформированный таким способом фразеологизм становится выразителем повышенной эмоциональности и образной экспрессивности. Эксплицированный компонент выделяется на фоне известной всем, готовой единицы языка, что позволяет привлечь к данной единице особое внимание. Экспликация является типичной для субстантивных и вербальных фразеологизмов, компонентный состав которых может расширяться с помощью любого количества словоформ. Расширением исходной формы фразеологизма *Sol' nad zlato /*

Соль выше золота автор в последующем примере реализовал прием экспликации с помощью лексических (*вода*) и синтаксических средств (конструкция *не только, но и...*), который актуализирует нужную автору информацию, представляет необходимые акценты, обусловленные коммуникативной ситуацией: *Nielen sol', ale aj voda je nad zlato / Не только соль, но и вода выше золота* [Rendez-vous Fashion, jún 2021, s. 31].

Продуктивным способом экспликации в словацких рекламных текстах является расширение фразеологизмов на основе когнитивной метафоры из сферы карточных игр (первый пример) и включения прилагательного *политический*, осуществляющего метафорический сдвиг в высказывании (второй пример): *...samotného lídra SaS Sulíka, ktorý tiež hrá „moslimskou kartou“ / ...самого лидера SaS Сулика, который тоже разыгрывает «мусульманскую карту»* [parlamenelisty.sk, 08.11.2017]; *Politické karty na ďalšie roky sú rozdané! / Политические карты на ближайшие годы розданы!* [tvnoviny.sk, 06.03.2016].

Структура фразеологизма может быть изменена за счет включения слов разных частей речи, хотя это не является таким частотным. Например, в контексте: *Z Ficovho blata do Krajniakovej kaluže / Попасть из огня Фицо в полымя Крайняка* [Pravda, 13.06.2021] – расширенный притяжательными прилагательными фразеологизм позволяет имплицитно выразить точку зрения автора или оценочные предпочтения словацких политиков. На основе исходной словацкой паремии *Ako sa do hory volá, tak sa z nej ozýva / Как аукнется, так и откликнется* возникла новая единица: *Ako sa do Čiernej Hory volá, tak sa z nej ozýva / Как в Черногорию аукнется, так и откликнется* [desirea.sk, 01.03.2020], данная единица расширена за счет имени прилагательного, актуализирующего значение всем известного топонима и позволяющего акцентировать внимание на сложившейся денотативной ситуации.

ЗАМЕНА КОМПОНЕНТОВ. Способ трансформации фразеологизмов, при котором автор заменяет один или больше компонентов фразеологизма, является, по нашим наблюдениям, наиболее продуктивным способом трансформации в словацком медиатексте. Замена компонента в структуре фразеологизма преобразует его семантику или придает

ему новые смысловые оттенки. Это приводит к повышению экспрессивности и образности фразеологизма. Замена компонентов касается не только фразеологизмов. С ее помощью легко трансформируются также пословицы, поговорки, крылатые выражения, афоризмы. В рекламе *Doprajte si veľa muziky za málo peňazí / Побалуйте себя большим количеством музыки за небольшие деньги* [Rendez-vous Fashion, jún 2021, s. 27] заменой компонентов автор привлекает внимание читателя: выбирая летний отпуск в этом году, он может выбрать в соответствии с актуальной ситуацией и ценами туров в Европе летний отпуск в Болгарии, достаточно дешевый по сравнению с предложениями других европейских стран. Таким образом, автор заменил один компонент, а также изменил порядок слов. Словацкий читатель осознает связь с исходным фразеологизмом *Za málo peňazí málo muziky / По деньгам товар; по товару деньги*.

В рекламе *Lepšie pivo v žalúdku ako voda v plúcach / Лучшее пиво в желудке, чем вода в легких* [Aktuality.sk, 24.07.2018] заменены все компоненты, но, несмотря на это, заметна связь с исходной пословицей *Lepší vrabec v hrsti ako holub na streche / Лучшее синица в руке, чем журавль в небе*, так как сохранилась исходная синтаксическая структура: *сравнительная степень + имя существительное + обстоятельство места + ako + имя существительное + обстоятельство места*, а также характер коннотаций: *положительная + отрицательная*. В рекламе *Keď nastupoval do funkcie (о чешском президенте Милоше Земане – прим. наше), pil a fajčil prvú ligu / Когда он вступил в должность, он пил и курил первую лигу* заменены все компоненты исходного фразеологизма, кроме слова «первый», но источник вполне узнаваем: *Hral prvé husle / Играл первую скрипку* [Trend, 10. júna, 2021].

Трансформация с помощью замены компонентов касается также библейских и мифологических фразеологизмов, происхождение которых предполагает сохранение их устойчивости и книжности. Трансформация фразеологизма *Nielen chlebom je človek živý / Не хлебом единым жив человек* наблюдается в контексте: *Nielen tréningom je človek živý / Не тренировками жив человек* [FC Nitra, 03.03.2021], где заменен компонент *chlieb*. Исходный фразеологизм намекает, что человеку нужно больше, чем одни материальные блага. Однако следующая транс-

формация *Samozrejme, nielen duchovnom je človek živý. V jesenných mesiacoch odporúčame navštíviť tunajšiu vínnu cestu, ktorá vrcholí 11. novembra Slávnosťou mladého vína / Конечно, не только духовно человек жив. В осенние месяцы рекомендуем посетить местный винный маршрут, который завершится 11 ноября Фестивалем молодого вина* [zenskyweb.sk, 30.06.2011] обращает внимание на то, что человеку нужна и материальная стабильность. Таким образом, данный фразеологизм оказывается в семантической оппозиции к исходному значению фразеологизма.

КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ. Контаминация фразеологизмов – достаточно сложное явление, так как необходимо не только анализировать каждый трансформируемый фразеологизм, но и обнаружить модель, по которой возникла данная контаминация. Наиболее часто выделяют два типа контаминации: преобразованные фразеологизмы могут присоединяться последовательно, линейно, один за другим, но может наблюдаться и пересечение двух единиц, при котором узнается общий компонент фразеологизма. Примеры прямолинейной контаминации: *Slovensko vs. Fínsko: Klobúk dole a hlavu hore! / Словакия vs. Финляндия: снимаю шляпу и поднимаю голову!* [aktuality.sk, 27.02.2010]; *Ale tento rok v lete sa zdá, že posledná kvapka trpezlivosti, po ktorej pohár pretečie, už nie je ďaleko / Но этим летом, похоже, не за горами последняя капля терпения, после которой чаша переполнится* [Pravda, 31.07.2017]. Во втором примере наблюдаем также изменение порядка слов. Эта контаминация является для читателя легко воспринимаемой, так как автор работал с естественным метафорическим образом, в котором *trpezlivosť* как эмоция вербализована лексемой *sosud*. Похожим способом образована и следующая трансформация: *Posledná kvapka do pohára trpezlivosti! Po týchto slovách Koetana sa Messi rozhodol odísť / Последняя капля в чаше терпения! После этих слов Кумана Месси решил уйти* [futbalovysvet.sk, 26.08.2020].

Вторым способом контаминации является пересечение двух единиц (скрещивание). Примером может послужить следующая реклама: *Vykypeli im nervy. Nežiadajú vyššie platy, ale chcú pracovať tak, aby si mohli oddýchnuť / У них сбежали нервы. Они не просят повышения зарплаты, но хотят работать, чтобы отдыхать* [tvnoviny.sk, 12.04.2017]. Здесь представлена

контаминация двух фразеологизмов: *v niekom kúpí zlosť / кто-то купит злостью* и *rovoliť nervy / сдают нервы*. Принадлежность фразеологизмов к одному эмоциональному концепту позволила осуществить контаминацию на основе модели «причина – следствие».

Импликация. Пропуск компонентов, которые содержат знакомую информацию и без которых можно легко понять смысл, обычно называется эллипсис. Это обычное языковое явление, частотное в устной речи. Пропуск определенных частей является проявлением закона экономии речевых усилий, который облегчает и ускоряет наше общение. Это явление активно используется и в рекламной фразеологии.

Импликацию фразеологизма можно получить несколькими способами. Существует так называемая *однокомпонентная импликация*, т. е. пропуск одного компонента фразеологизма. Наиболее часто опускается последний компонент. Например, в тексте о спорте вместо исходного *zavesiť bicykel na klinec / забросить велосипед (бросить заниматься велосипедом)* автор использует прием однокомпонентной импликации с пропуском последнего компонента *na klinec: Chystá sa slovenský cyklista zavesiť bicykel Ø? Sagan o možnom konci kariéry* [CAS, 05.12.2019]. В другом контексте автор пропускает компонент, который ему кажется избыточным или ненужным для достижения требуемого эффекта: *Ekonomický newsfilter: Krajniakov pohár (trpezlivosti) pretiekol... / Фильм экономических новостей: чаша (терпения) Крайняка переполнилась...* [dennikn.sk, 25.08.2020]. Пропущенный компонент в данном примере никак не повлиял на общую семантику высказывания, поскольку сохраняется репрезентация метафорического образа *pohár*, выражающего семантику наполнения человека эмоциями.

Импликация часто наблюдается в таких составных устойчивых сочетаниях, как пословицы, поговорки и афоризмы, которые допускают более широкие модификации. В них можно пропустить или предикативную, или субъектную часть, ср.: *Matovičom vykopaná jama, alebo kto druhému jami kope... / Яма, вырытая Матовичем, или не рой другому яму, ...* [hlavnespravu.sk, 19.06.2021].

Выводы

В статье проанализированы фразеологизмы и паремии, используемые в готовом и трансформированном виде в словацких газетных и рекламных текстах. Вопрос о трансформации фразеологизмов или паремий является в настоящее время во фразеологии и паремии одним из наиболее актуальных. В языке рекламы и медиатекстах продолжается активный процесс трансформации фразеологизмов. Трансформированные фразеологизмы и – вслед за этим – трансформированные образы актуальны для создания привлекательного для аудитории и запоминающегося рекламного текста.

Рассматривая разные виды трансформаций фразеологизмов и паремий, мы делаем вывод о том, что устойчивость фразеологизма или паремии, которая в прошлом воспринималась как наиболее важный признак фразеологизма или паремии, в настоящее время оказывается относительной. Наши исследования это вполне подтверждают. Чаще всего трансформации фразеологизмов или паремий появляются в заголовках газетных статей или в рекламе (во всей нами рассмотренной прессе). Это неудивительно, так как функция заголовков и рекламы состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя и вкратце, причем часто имплицитно, проинформировать его о содержании статьи, таким образом, мотивировать его на прочтение всего текста. Всем этим требованиям отвечает трансформированный фразеологизм или паремия.

Возможности внесения изменений в исходный фразеологизм или паремию очень широки. Они включают в себя широкий спектр от незначительных изменений до полной декомпозиции фразеологизма. Трансформации фразеологизмов и паремий – это комплексный и многоаспектный процесс, который будет, как и другие языковые тенденции, развиваться дальше. Таким образом, продолжение наблюдения и исследования этого явления остается необходимым. В связи с широкой актуализацией образной интертекстуальности в языке прессы исследователям придется также оценить, насколько этот процесс будет способствовать обогащению фразеологического и паремииологического фонда.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
- Гайнанова, И. Трансформации фразеологических единиц в современных газетных текстах как наиболее активные фразеологические процессы в русском языке 2000-х гг. / И. Гайнанова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Международного научного симпозиума. – 2009. – С. 314–316.
- Дулеба, М. Реинтерпретация прецедентных имен немецкой литературы в российском медиадискурсе / М. Дулеба, И. Дулебова // Функциональная грамматика: теория и практика. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им И. Я. Яковлева, 2021. – С. 406–412.
- Калечиц, Е. И. Фразеологизмы «в действии»: семантико-прагматический аспект / Е. И. Калечиц. – Минск : Колорград, 2020. – 350 с.
- Калита, И. Актуальные вопросы современной славянской фразеологии : монография / И. Калита. – Чебоксары : ИД «Среда», 2020. – 136 с.
- Alefrenko, N. Metaphorical Discourse. Search for the Essence of Speech Imagery / N. Alefrenko, M. Nurtazina // Cuadernos de Rusística Española. – Granada : Universidad de Granada, 2018. – Vol. 14. – P. 15–28.
- Alefrenko, N. Cognitive Metaphor as an Idiom in Shaping the Cognitive and Pragmatic Architectonics of Linguistic World Picture / N. Alefrenko, O. Dekhnich // 2019 International Conference on Religion, Culture and Art. – 2019. – P. 141–152.
- Alefrenko, N. Cognitive-semiotic mechanisms of phraseme building / N. Alefrenko // Jazykovedný časopis. Odborný časopis Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV. – 2015. – № 2. – S. 81–101.
- Archangelskaja, A. Новѣ яевы в рускѣ а слованскѣ фразеологii / A. Archangelskaja. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2020. – 512 s.
- Arkhangelska, A. Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur / A. Arkhangelska. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. – 248 s.
- Culler, J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction / J. Culler. – London : Routledge and Kegan Paul ; Ithaca : Cornell University Press, 1981. – 242 p.
- Čmejrková, S. Reklama v češtině, čeština v reklamě / S. Čmejrková. – Praha : LEDA, 2000. – 258 s.
- Dobrova, M. Ruské frazeologismy v internetovém diskurzu: funkční aspekty / M. Dobrova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. – 282 s.
- Dulebová, I. Pragmatický potenciál přísloví a porekadiel v ruských a slovenských masmédiách/ I. Dulebová // Žurnalistika. Médiá. Spoločnosť 1. – Bratislava : Stimul, 2011. – S. 109–120.
- Genette, G. Palimpsestes: la littérature au second degré / G. Genette. – Paris : Éditions du Seuil, 1982. – 468 p.
- Głowiński, M. O intertextualności / M. Głowiński // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. – 1986. – № 4 (77). – S. 75–100.
- Holanová, R. Intertextualita v reklamě / R. Holanová. – Praha : Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2012. – 167 s.
- Homoláč, J. Intertextovost a utváření smyslu v textu / J. Homoláč. – Praha : Karolinum, 1996. – 114 s.
- Kováčová, Z. Kognitívna frazeológia a synergetická povaha frazémy ako antropocentrická sféra jazyka / Z. Kováčová // Jazyk a jazykoveda v interpretácii. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 341–349.
- Lacková, M. Interlingválne homonymá v súčasných slovanských jazykoch / M. Lacková. – Žilina : Žilinská univerzita v Žiline / EDIS – vydavateľské centrum Žilinskej univerzity, 2015. – 113 s.
- Markiewicz, H. Odmiany intertextualności / H. Markiewicz // Ruch Literacki. – 1988. – № 4–5 (28). – S. 245–263.
- Mrázková, K. Sféra reklamní komunikace / K. Mrázková // Stylistika mluvené a psané češtiny / ed. by J. Hoffmannová. – Praha : Academia, 2016. – S. 338–395.
- Plett, H. Intertextualities / H. Plett // Intertextuality / ed. by H. F. Plett. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1991. – S. 3–29.

References

- Alefrenko, N., Semenov, N. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta, Nauka. 344 p.
- Alefrenko, N., Nurtazina, M. (2018). Metaphorical Discourse. Search for the Essence of Speech Imagery. In *Cuadernos de Rusística Española*. Granada, Universidad de Granada. Vol. 14, pp. 15–28.
- Alefrenko, N., Dekhnich, O. (2019). Cognitive Metaphor as an Idiom in Shaping the Cognitive and Pragmatic Architectonics of Linguistic World Picture. In *International Conference on Religion, Culture and Art*, pp. 141–152.
- Alefrenko, N. (2015). Cognitive-Semiotic Mechanisms of Phraseme Building. In *Jazykovedný časopis. Odborný časopis Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV*. No. 2, pp. 81–101.
- Arkhangelska, A. (2018). *Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci. 248 p.
- Archangelskaja, A. (2020). *Nové jevy v ruské a slovanské frazeologii*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci. 512 p.
- Culler, J. (1981). *The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction*. London, Routledge and Kegan Paul, Ithaca, Cornell University Press. 242 p.
- Čmejrková, S. (2000). *Reklama v češtině, čeština v reklamě*. Praha, LEDA. 258 p.
- Dobrova, M. (2019). *Ruské frazeologismy v internetovém diskurzu: funkční aspekty*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci. 282 p.

- Dulebová, I. (2011). Pragmatický potenciál prísloví a porekádi v ruských a slovenských masmédiách. In *Žurnalistika. Média. Spoločnosť 1*. Bratislava, Stimul, pp. 109–120.
- Duleba, M., Dulebova, I. (2021). Reinterpretatsiya pretsedentnykh imen nemetskoj literatury v rossiikom mediadiskurse [Reinterpretation of the Precedent Names of German Literature in the Russian Media Discourse]. In *Funktsional'naya grammatika: teoriya i praktika*. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im I. Ya. Yakovleva, pp. 406–412.
- Gainanova, I. (2009). Transformatsii frazeologicheskikh edinitv v sovremennykh gazetnykh tekstakh kak naibolee aktivnye frazeologicheskie protsessy v russkom yazyke 2000-kh gg. [Transformation of Phraseological Units in Modern Newspaper Texts as the Most Active Phraseological Processes in Russian in 2000]. In *Frazeologizm v tekste i tekst vo frazeologizme (Chetvrtye Zhukovskie chteniya): materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, pp. 314–316.
- Genette, G. (1982). *Palimpsestes: la littérature au second degré*. Paris, Éditions du Seuil. 468 p.
- Głowinski, M. (1986). O intertextualności. In *Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*. No. 4 (77), pp. 75–100.
- Holanová, R. (2012). *Intertextualita v reklamě*. Praha, Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. 167 p.
- Homoláč, J. (1996). *Intertextovost a utváření smyslu v textu*. Praha, Karolinum. 114 p.
- Kalechits, E. I. (2020). *Frazeologizmy «v deistvii»: semantiko-pragmaticeskii aspekt* [Phraseologisms in Action: Semantic and Pragmatic Aspect]. Minsk, Kolorgrad. 350 p.
- Kalita, I. (2020). *Aktual'nye voprosy sovremennoi slavyanskoi frazeologii* [Actual Issues of Modern Slavic Phraseology]. Cheboksary, ID «Sreda». 136 p.
- Kováčová, Z. (2014). Kognitívna frazeológia a synergetická povaha frazémy ako antropocentrická sféra jazyka. In *Jazyk a jazykoveda v interpretácii*. Bratislava, Univerzita Komenského, pp. 341–349.
- Lacková, M. (2015). *Interlingválne homonymá v súčasných slovenských jazykoch*. Žilina, Žilinská univerzita v Žiline / EDIS – vydavateľské centrum Žilinskej univerzity. 113 p.
- Markiewicz, H. (1988). Odmiany intertextualności. In *Ruch Literacki*. No. 4–5 (28), pp. 245–263.
- Mrázková, K. (2016). Sféra reklamní komunikace. In Hoffmannová, J. (Ed.). *Stylistika mluvené a psané češtiny*. Praha, Academia, pp. 338–395.
- Plett, H. (1991). Intertextualities. In Plett, H. F. (Ed.). *Intertextuality*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, pp. 3–29.

Sources

- Aktuality [online]. Available at: <https://www.aktuality.sk/clanok/609142/lepsie-pivo-v-zaludku-ako-voda-v-pluchach-cesi-vydali-dejiny-korhelstva/> (accessed: 30.06.2021).
- Aktuality [online]. Available at: <https://sport.aktuality.sk/c/90961/slovensko-vs-finsko-klobuk-dole-a-hlavy-hore/> (accessed: 30.06.2021).
- Aktuality [online]. Available at: <https://www.aktuality.sk/clanok/607047/maju-este-tromfy-v-rukave-pozrite-sa-coma-markiza-a-joj-v-zasuvke/> (accessed: 30.06.2021).
- Blog Pravda [online]. Available at: <https://saleska.blog.pravda.sk/2014/03/18/pomoz-si-clovece-aj-pan-boh-ti-pomoz/> (accessed: 30.06.2021).
- Čas [online]. Available at: <https://www.cas.sk/clanok/311090/kto-hlada-najde-objavili-hrob-jedneho-z-najslavnej-sich-spisovatelov-sveta/> (accessed: 30.06.2021).
- Čas [online]. Available at: <https://www.cas.sk/clanok/918215/chysta-sa-slovensky-cyklista-zavesit-bicykel-sagan-o-moznom-konci-kariery/> (accessed: 30.06.2021).
- Dennikn [online]. Available at: <https://e.dennikn.sk/2014471/ekonomicky-newsfilter-krajniakov-pohar-pretiekol-minister-upratal-odborarov/> (accessed: 30.06.2021).
- Dobré noviny [online]. Dostupné na internete: <https://www.dobrenoviny.sk/c/41530/vraskavec-narazil-na-cln-plny-turistov-neskrivil-im-ani- vlasok/> (accessed: 30.06.2021).
- Fashion Magazin [online]. Available at: https://www.fashionshop.sk/product/blog/sk/saty-robia-cloveka/?gclid=E-A1a1QobChM16qDrh53P8QIVogN7ChoXEAUHEAMYASAAEgKjkd_BwE (accessed: 30.06.2021).
- FC Nitra [online]. Available at: <https://fcnitra.com/2021/03/03/nielen-treningom-je-clovek-zivy/> (accessed: 30.06.2021).
- Futbalový svet [online]. Available at: <https://www.futbalovysvet.sk/clanok/49173/posledna-kvapka-do-pohara-trpezlivosti-po-tychto-slovach-koemana-sa-messi-rozhodol-odist/> (accessed: 30.06.2021).
- Hlavné správy: konzervatívny denník [online]. Available at: <https://www.hlavnespravy.sk/matovicom-vykopana-jama-alebo-kto-druhemu-jamu-kope/2404264> (accessed: 30.06.2021).
- HNSlovensko [online]. Available at: <https://slovensko.hnonline.sk/1775273-skoda-ze-fico-chrli-siru-mohli-sme-si-ho-pamatat-krajsie> (accessed: 30.06.2021).
- Husté [online]. Available at: <https://huste.joj.sk/novinky/351305-sagan-zabil-tri-muchy-jednou-ranou-frooma-opat-vybucali> (accessed: 30.06.2021).
- Kulpin [online]. Available at: <http://www.kulpin.net/archiv/22-aktuality/aktuality/5311-vetko-dobre-vetkym-uom-dobrej-vole> (accessed: 30.06.2021).
- Parlamentné listy [online]. Available at: <https://www.parlamentnelisty.sk/arena/278382/sulik-ma-o-islame-do-velkej-miery-pravdu-a-ak-je-europa-krestanska-tak-novy-bratislavsky-zupan-prehovoril/> (accessed: 30.06.2021).
- Plus jeden deň [online]. Available at: <https://www1.pluska.sk/soubiznis/domaci-soubiznis/nielen-duchovnom-je-clovek-zivy-suvadova-skusa-stastie-kastingoch> (accessed: 30.06.2021).
- Plus jeden deň [online]. Available at: <https://www1.pluska.sk/soubiznis/domaci-soubiznis/nielen-duchovnom-je-clovek-zivy-suvadova-skusa-stastie-kastingoch> (accessed: 30.06.2021).

Postoj [online]. Available at: <https://www.postoj.sk/80459/zlomyselnost-alebo-ked-ucel-nesvaeti-prostriedky> (accessed: 30.06.2021)

Pravda [online]. Available at: <https://zdravie.pravda.sk/zdravie-a-prevenicia/clanok/447562-pridte-v-nedelu-v-bratislave-s-kozou-na-trh/> (accessed: 30.06.2021).

Slobodná Európa [online]. Available at: <https://www.slobodnaeuropa.eu/2021/03/23/vladna-kriza-sluby-sa-slubuju-a/> (accessed: 30.06.2021).

SME [online]. Available at: <https://zahrada.sme.sk/c/22664678/postav-dom-zasad-strom-alebo-ako-zit-s-laskou-k-prirode.html> (accessed: 30.06.2021).

TVNOVINY [online]. Available at: https://www.tvnoviny.sk/domace/1821720_politicke-karty-na-dalsie-roky-su-rozdane (accessed: 30.06.2021).

Ženský web [online]. Available at: <https://zenskyweb.sk/slovenka/do-raja-530-kilometrov> (accessed: 30.06.2021).

PRAVDA, Issue 31, 2021, No. 132. ISSN 1335-4051.

PRAVDA, Issue 27, 2017, No. 161. ISSN 1335-4051.

RENDEZ-VOUS FASHION, Issue 11, 2021, No. 2. Bez ISSN.

SLOVENKA, Issue 73, 2021, No. 23. ISSN 0231-6676.

TREND, Issue XXX., 2021, No. 17, 23. ISSN 1335-0684.

TÝŽDEŇ, Issue XVIII., 2021, No. 24. ISSN 1336-5932.

ZDRAVIE, Issue 77, 2021, No. 5. ISSN 0044-1953.

Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky. (2018). Bratislava, TATRAN. 813 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 1. diel, A – K. (1979). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 976 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 2. diel, L – O. (1982). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 839 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 3. diel, P – Q. (1986). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 808 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 4. diel, R – Š. (1990). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 760 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 5. diel, T – Vú. (1993). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 496 s.

Veľký slovensko-ruský slovník, 6. diel, Vy – Ž. (1995). Bratislava, VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 704 s.

Данные об авторах

Галло Ян – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия).

Адрес: 94901, Словакия, Нитра, ул. Штефаникова, 67.

E-mail: jgallo@ukf.sk.

Соколова Яна – кандидат филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия).

Адрес: 94901, Словакия, Нитра, ул. Штефаникова, 67.

E-mail: jsokolova@ukf.sk.

Author's information

Gallo Jan – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Slavic Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovakia).

Sokolova Jana – Candidate of Philology, Professor of Department of the Slavic Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovakia).

Дата поступления: 14.06.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 14.06.2022; date of publication: 31.10.2022

КАТЕГОРИЯ СОБЫТИЙНОСТИ В ИНТЕРДИСКУРСЕ

Дзюба Е. В.

Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Рябова И. Ю.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

А н н о т а ц и я . В фокусе внимания находится взаимодействие двух социально значимых дискурсов – права и художественного творчества, формирующее единое лингвосоциокультурное пространство – интердискурс. Интердискурс, возникновение которого связано с конкретной историко-правовой коммуникативной ситуацией – транслировать знание из узкоспециальной, закрытой правовой области в широкие круги общественности с целью решения остросоциальных проблем, – находит выражение в художественной картине мира в романе на различных уровнях порождения смысла. Непредсказуемость корреляционных связей в тексте художественного произведения, возникающих на стыке двух полярных дискурсов и требующих динамического «переключения» типа мышления – правового и творческого, предлагается рассматривать с позиции ризома-модели событийной наррации. Данная структурная матрица позволяет сблизить две картины мира в сознании реципиента, проследить дискурсивные трансформации и новые смыслы, обнаружить мультипликативные эффекты, возникающие при исследовании событийного ряда романа. Категория дискурсивной событийности отражает значимые изменения историко-правовой действительности Англии в середине XIX в. (в частности – в сфере деятельности Канцлерского суда) и позволяет судить о цельнооформленности литературного произведения, функционирующего на стыке двух полярных, но в равной степени социально значимых дискурсов. Соединяя воедино разрозненные, удаленные в текстовом пространстве фрагменты, категория событийности способствует моделированию смысловых связей по типу «причина – следствие». Выявленные типы категории дискурсивной событийности (событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция) описывают одно макро-событие – кризис в Канцлерском суде – с разных точек зрения. Благодаря широкому спектру средств художественной выразительности Ч. Диккенсу удается не только создать прототипический образ реальности, но и самому продемонстрировать свое правовое сознание – выступить «человеком говорящим».

К л ю ч е в ы е с л о в а : правовой дискурс; художественный дискурс; интердискурс; нарративные события; нарративные кадры; категория событийности; типы категории событийности; ризома-модель событийной наррации; художественные тексты; романы; английская литература; английские писатели

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дзюба, Е. В. Категория событийности в интердискурсе / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 59–76. – DOI:10.51762/1FK-2022-27-03-05.

CATEGORY OF EVENTFULNESS IN INTERDISCOURSE

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Irina Yu. Ryabova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

Abstract. The paper focuses on the interaction between two socially significant discourses – law discourse and literary discourse, forming a unique linguo-socio-cultural space – interdiscourse. This interdiscourse, the formation of which is associated with a specific historical-legal communicative situation – to transfer knowledge from a highly specialized, closed legal field to the public in order to solve some urgent social problems – is actualized in the artistic worldview in the novel on various levels of meaning generation. Unpredictable correlations in the text of a literary work emerging at the junction of two polar discourses, and requiring dynamic “switching” of the mindset – legal and creative, are suggested to be considered through the rhizome-model of event-driven narration. This structural matrix makes it possible to bring together two worldviews in the recipient’s mind, to trace discursive transformations and new meanings, to detect multiplicative effects arising during studying the series of events in the novel. The category of discursive eventfulness reflects significant changes in the historical-legal reality of England in the mid 19th century (in particular, in Chancery Court) and allows the researcher to evaluate the integrity of a literary work functioning on the borderline between two polar, but equally socially significant discourses. By combining separate fragments separated from one another in the textual space of the novel, the category of eventfulness facilitates the modeling of semantic connections of the “cause – effect” type. The identified types of the category of discursive eventfulness (event-emblem, event-node, event-retrospective, event-interference, event-accumulation) describe one macro-event – the crisis in the Chancery Court – from different points of view. Due to a wide range of literary descriptive means, Ch. Dickens manages not only to create a prototypical image of reality, but also to demonstrate his legal consciousness himself – to act as a “homo linguis”.

Key words: legal discourse; artistic discourse; interdiscourse; narrative events; narrative footage; event category; event category types; rhizome-model of event narration; artistic texts; novels; English literature; English writers

For citation: Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Category of Eventfulness in Interdiscourse. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 59–76. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-03-05.

1. Введение

Продуктивным способом вербализации знаний человека о мире является литературно-художественное творчество, способное проникать в широкие общественные круги и осуществлять гораздо более разностороннее и колоритное воспроизведение жизни, чем другие виды искусства. Универсальным средством построения диалогических отношений между автором и публикой, между представителями разных социальных классов, поколений, возрастов, профессиональных интересов становится язык как неотъемлемый компонент дискурса в процессе становления художественного нарратива как социокультурной практики.

Как замечает И. К. Архипов, дискурсом называются «все до- и послетекстовые процессы, происходящие в сознании» [Архипов 2008: 187]. Концепцию бессознательного (невыведенного, имплицитного) в дискурсе развивают представители французской школы анализа дискурса (М. Пеше, П. Серио, М. Фуко, Э. Бенвенист и др.). П. Серио высказывает мысль о культурной обусловленности любого дискурса и о его связи с интересами и характеристиками конкретного социума, замечая, что «социальные дискурсы... никогда не бывают „невинными“ (простодушными, не ведающими сложности жизни), и любое высказывание

литературного характера... идеологично» [Серико 1999: 21]. Социально обусловленный дискурс становится «культурной памятью» общества, отражает идеологические, нравственные, морально-этические, политические и иные предпосылки его создания. Текст литературного произведения рассматривается как знак, существующий в рамках дискурса и составляющий с ним единое целое.

Разграничивая понятия «текст» и «дискурс», Н. Фэркло отмечает особую природу исследования текста с позиции его дискурсивных признаков: «For critical discourse analysis, analysis of course includes analysis of texts... textual analysis has a dual character. It is firstly interdiscursive analysis, analysis of which discourses, genres and styles are drawn upon in a text and how they are articulated together. This mode of analysis is based on the view that texts can and generally do draw upon and articulate together multiple discourses, multiple genres, and multiple styles. And it is secondly linguistic analysis... The level of interdiscursive analysis is a mediating ‘interlevel’: on the one hand, discourses, genres and styles are realised in the more concrete form of linguistic and multimodal features of texts; on the other hand, discourses, genres and styles are categories not only of textual analysis but also of analysis of orders of discourse, which are the discursal

element or moment of social practices, social organisations and social institutions» / «Для критического дискурс-анализа важен анализ текста, имеющий диадическую природу. Во-первых, он включает интердискурсивный подход, анализ тех дискурсов, жанров и стилей, которые составляют данный текст, а также то, как они сосуществуют рядом. Этот способ анализа основан на представлении о том, что тексты могут и, как правило, используют и объединяют множество дискурсов, множество жанров и стилей. И, во-вторых, лингвистический анализ... Уровень интердискурсивного анализа представляет собой «медиативный элемент» (связующее звено): с одной стороны, дискурсы, жанры и стили реализуются в более конкретной форме лингвистических и мультимодальных особенностей текстов; с другой стороны, дискурсы, жанры и стили являются категориями не только анализа текста, но и анализа порядков дискурса, которые являются дискурсивным элементом или моментом социальных практик, социальных организаций и социальных институтов» [Fairclough 2013: 6–7]. Констатируя факт подвижности границ дискурсов, подчеркнем, что метафоричность человеческого мышления обуславливает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений.

Социально обусловленные дискурсы – права и художественной литературы – способны сосуществовать в одном пространстве, взаимодополняя друг друга. Сложные и многогранные отношения их взаимодействия, в том числе сквозь призму текста, порождают интердискурс. В широком смысле слова интердискурс – дискурс, содержащий «следы окружающих дискурсов», репрезентирующих различные социальные институты, а в узком – это «лингвосоциокультурное пространство дискурсивного характера, в котором порождается и формируется определенный тип дискурса» [Олизько 2009: 79]. Под интердискурсом в нашем исследовании понимается единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке правового и художественного типов дискурса, во многом обусловленное исторической реальностью (социальным вертикальным контекстом).

В свете литературно-художественного творчества, ориентированного на раскры-

тие «злобы дня», под социальным вертикальным контекстом понимается историческая политико-правовая реальность, способствующая созданию идейно-тематического своеобразия произведения, а также профессиональный и жизненный опыт автора-создателя текста, своего рода «строительный материал» для моделирования художественной картины мира, максимально приближенной к реальной жизни [подробнее см.: Дзюба, Рябова 2022a: 69–98]. К ключевым категориям интердискурса, аккумулирующего знание о социально-культурных реалиях прошлого на стыке двух концептуальных областей знания, следует отнести интердискурсивность, интертекстуальность, ситуативность и событийность. Обозначим также, что названным категориям свойственна иерархия. Интердискурсивность как категория глобального уровня эксплицирует потенциал дискурса права и художественного дискурса «пересекаться». Остальные субкатегории выражают частные случаи реализации дискурсивных признаков гетерогенного пространства, в которых взаимодействуют полярные дискурсы. Интертекстуальность становится маркером дискурсивного взаимодействия в текстовом пространстве, актуализируется в цитации (прямой и скрытой), аллюзийно-реминисцентном компоненте, ссылках. Ситуативность сформирована под влиянием исторической действительности, описание которой, подтвержденное в документальной форме, фиксирует аналогичную коммуникативную ситуацию в произведении.

В рамках данного исследования мы обратимся к категории событийности как категории интердискурса, обобщающей и систематизирующей событийный поток в его литературном оформлении. В основу работы положена гипотеза о том, что категория событийности – сложноорганизованный феномен, позволяющий осмыслить событийный ряд, изображаемый в художественном произведении правовой тематики, как цепочку микро-событий, одновременно «включенных» в дискурс права и художественный дискурс. Постулируется мысль о том, что во взаимодействии двух полярных дискурсов рождается новое знание об исторической социально-правовой действительности.

Актуальность предпринятого исследования заключается в описании механизма трансфе-

ра знания между двумя дискурсами сквозь призму текста литературного произведения. Цель и задачи работы заключаются в выделении категории дискурсивной событийности и моделировании структурной матрицы событийной наррации, позволяющей максимально сблизить в сознании реципиента две картины мира – правовую и художественную. Предмет исследования – специфика реализации категории событийности в художественном тексте с юридически значимой проблематикой и особенностями языковой репрезентации каждого ее типа в условиях уникальной формально-содержательной организации текста.

Исследование проводится в рамках двух подходов – когнитивно-дискурсивного (А. А. Кибрик) и семантико-когнитивного (З. Д. Попова, И. А. Стернин) [Кибрик 2003; Попова, Стернин 2007]. Для достижения цели и решения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, таксономический, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (концептуального, контекстуального и структурно-семантического анализа с привлечением более частных методик компонентного, дефиниционного и этимологического анализа). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет выдвинуть гипотезу о функционировании категории дискурсивной событийности в тексте, существующем на стыке двух дискурсов. Таксономический метод дает возможность выделить типы дискурсивной событийности в рамках данной категории. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и коннотации, интегрированные в концептуальное пространство интердискурса. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств выражения в текстовом фрагменте, существующем в интердискурсе. Структурно-семантический метод позволяет проследить изменения значений в слове посредством актуализации его этимологического компонента, выявления категориальных и дифференциальных сем, участвующих в формировании значения слова, а также выявить экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки высказывания на основании его структурно-синтаксической организации.

В качестве материала исследования выбран роман Ч. Диккенса «Холодный дом». Изданное

в 1853 году произведение описывает кризисное положение дел в Канцлерском суде Англии в середине XIX в. На фоне бесконечной тяжбы «Джарндисы против Джарндисов», рассматриваемой Канцлерским судом более полувека, автор создает прототипические образы представителей судебной власти. Переплетение сюжетных линий (юридической, романтической, бытийной) в романе создает предпосылку для глубинного анализа сопряжения элементов разных дискурсов в тексте, а также обобщения результата их (дискурсов) взаимодействия вне текста на когнитивном уровне порождения смысла. В рамках целей и задач исследования выбор произведения обусловлен тем фактом, что событийный ряд романа «Холодный дом» представляет собой сложноорганизованную систему дискретных фрагментов, апеллирующих одновременно к обоим дискурсам.

2. Феномен «нарративное событие» как первооснова событийности в интердискурсе

Установка на событийность является ведущей в процессе изучения художественного нарратива, когда событие как поворотный момент в сюжетной линии становится средством сегментации потока происходящего. В исследовании мы используем термин «нарративное событие» как событие в ткани художественного произведения, наделенное «статусом событийности» [Тюпа 2021: 18]. Оно (событие) рассматривается как «квант событийного опыта, который одно человеческое сознание может раскрыть другому сознанию» [Тюпа 2021: 19]. Событийный ряд, в свою очередь, «последовательно репрезентирует ключевые „места памяти“, „национальные ценности“ и „культурные символы“» [Прошлое для настоящего 2020: 19]. Текст (или совокупность текстов), транслирующий таким способом – сквозь призму осмысления в романной прозе – опыт прошлого, способен обрести статус национально-государственного нарратива, демонстрирующего признаки общей судьбы с позиции социальной истории (область истории, которая смотрит на жизненный опыт прошлого).

Для нарративного события характерны онтологические, прагматические и дискурсивные характеристики. Так, В. И. Тюпа выделяет два онтологических и один прагма-

тический маркер события: сингулярность (беспрецедентная выделенность конфигурации фактов), фрактальность (наличие начала и конца) на онтологическом уровне и интенциональность (смыслообразность происшедшего) – на уровне прагматики [Тюпа 2021: 16]. Фрактально-сингулярная природа события создает условия для очерченности границ повествовательного отрезка, описывающего конкретное событие, – повествовательного (или нарративного) «кадра» [подробнее см.: Лотман 1998: 307]. Нарративный «кадр», по мнению В. И. Тюпа, «возникает вследствие того, что несколько деталей выхватываются из континуального течения жизни и... связываются в единство „картинки“» [Тюпа 2021: 60]. Под нарративным «кадром» понимается текстовый фрагмент, обладающий фрактальностью на синтаксическом, прагматическом и смысловом уровнях текста и репрезентирующий сцепление и взаимодействие смыслов правовой концептуальной области и области эстетически-художественного творчества. Обозначим, что первостепенное значение художественной литературы, изначально задуманной для описания бытийной жизни общества, заключается в эстетическом воздействии на читателя. В создании нарративного «кадра» как элемента художественной картины мира, максимально приближенной к исторической действительности в свете описания правовых реалий (полных хитросплетений и перипетий), прагматический акцент смещается в сторону детализированного, архитектурно и тематически обоснованного описания событий в романе.

С фрактальной природой события тесно связана категория «элементарной последовательности» микро-событий, описываемых в нарративном «кадре», которая фиксирует начальную ситуацию, (не)осуществление действия и результат [подробнее см.: Бремон 1972: 109]. В качестве ключевой дискурсивной характеристики событийной наррации следует обозначить ее клиповый характер. Клиповость наррации не только обобщает фрактально-сингулярную природу события, его структурно-синтаксическую и семантико-тематическую дискретность, прагматическую нагрузку, которую оно (событие) несет в повествовательном «кадре», но и подразумевает

ет возможность дальнейшей генерализации событий в событийном ряду. Это означает установление корреляционных связей между отдельными, фрагментарными, удаленными в текстовом пространстве микро-событиями с целью обобщения и систематизации знания о более глобальном событии. Элементарная последовательность событий немислима без понятия результативности каждого отдельного события. В этой связи достижение результата и наличие последствий, «обладающих либо личностной, либо социальной значимостью», как замечает В. П. Руднев, отражают факт того, что «событие влечет за собой другое событие» [Руднев 2000: 144]. Отметим, что под результативностью события в рамках художественного произведения, нацеленного на изображение социально-правовой картины мира, понимаются и ментальные трансформации персонажей, т. к. «консекутивное прозрение и перемена взглядов героев сказываются тем или иным образом на его жизни», что не может не отражаться в нашем исследовании взаимосвязь дискурсов [Шмид 2008: 26].

Другими онтологическими маркерами события в пространстве нарратива являются непредсказуемость и релевантность. В. Шмид отмечает: «Полноценное событие подразумевает ...противоречие „доксе“, т. е. общему мнению, ожиданию...; ...предсказуемое изменение не является событийным» [Шмид 2008: 25–26]. Эффект неожиданности, приписываемый событию, находит отражение в литературном произведении в нарративной интриге, «возбуждающей некие рецептивные ожидания и предполагающей удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения» [Женнет 1998: 30]. Нарративная интрига создает «развилку» альтернативных перспектив развития сюжета.

Определяя нарратив, Е. С. Маслов замечает неоднородность реальности, описываемой в нарративе (в том числе художественном), которая подается автором в аксиологическом ключе, «сквозь призму ценностно окрашенного противоречия» [Маслов 2020: 104]. В то же время автор умозаключает, что «констативы приспособливают слова к миру, а не наоборот» [Маслов 2020: 104]. В художественном произведении, призванном доподлинно изобразить правовую реальность, присутствует и цен-

ностный компонент, а именно отношение автора к описываемому. Событие (представленное нарративным событием) как элемент уже лингвосоциокультурного пространства – интердискурса – приобретает двойственную природу – социально-историческую и прагматико-аксиологическую. С одной стороны, становится возможным оценить значимость правового события для страны сквозь время и пространство. С другой, находясь в «гуще» событий, автор делится собственным опытом, который становится заменой личному опыту читателя-реципиента.

Феномен «событие» в интердискурсе понимается как значимое изменение в состоянии социально-правовой реальности, получившее художественно-образную обработку в литературном произведении и реализованное на идейно-тематическом уровне в нарративном событии, на текстовом – в нарративном «кадре». Нарративное событие характеризуется интенциональностью, аксиологическим компонентом, фрактально-сингулярной природой, непредсказуемостью, релевантностью, результативностью и способностью включаться в последовательность событий, создавая клиповый строй наррации. Нарративному «кадру» свойственны очерченность границ на синтаксическом уровне и семантико-лексическая завершенность. Нарративное событие становится структурно-содержательной единицей дискурсивной событийности.

3. Категория дискурсивной событийности сквозь призму ризома-модели событийной наррации

Нарративное пространство текста как продукт интердискурса, по мысли Н. А. Шехтман, можно сравнить с «незамкнутостью лабиринта», в котором «все фрагменты равноправны и равноценны...», а «комбинирование традиционных элементов сочетается с новыми, обычного с неожиданным» [Шехтман 2014: 102]. Непредсказуемость дискурсивных трансформаций, возникающих на стыке двух полярных концептуальных областей, объясняется готовностью данных дискурсов к взаимодействию и взаимообогащению. На текстовом уровне в силу клипового строя событийной наррации, присутствия нарративной интриги, эффекта неожиданности процесс такого смещения дис-

курсов сопровождается тенденцией их развития в разных направлениях, продуцируя мультипликативные эффекты и обеспечивая максимальную включенность реципиента в процесс смыслопроизводства. Структура и дискурсивные признаки текста, функционирующего в интердискурсе, оказываются детерминированными признаками ризома – понятия философии постмодерна, введенного в научное пространство французским философом Ж. Делезом и психотерапевтом Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 1976].

В рамках лингвистического исследования важно очертить границы понятия «ризома», выяснить возможные альтернативы его функционирования в литературном произведении, отметить принципы и способы организации такой формы «меж-бытия» (термин Ж. Делеза, Ф. Гваттари) [Делез, Гваттари 1976: 34]. А. В. Дьяков выделяет следующие характерные черты ризома: «...принципы 1) соединения и 2) гетерогенности: всякая точка ризома может присоединяться к любой другой; 3) принцип множественности: никакого отношения к Одному как субъекту или объекту; 4) принцип А-означающего разрыва: ризома может быть разрушена в каком-то месте, однако она возобновляется, следуя той или иной линии; принцип 5) картографии и 6) декалькомании: ризома не отвечает ни за структурную, ни за порождающую модели, всякая идея генетической оси ей чужда» [Дьяков 2012: 190].

«А-означающий разрыв», ключевой для нашего исследования, имитирует ответвление множества нитей смысла из одной общей точки, где вертикальная линия (перекладина) в орфографическом знаке «А» означает, что «коммуникация осуществляется от одного соседа к какому-то еще соседу» [Делез, Гваттари 1976: 23]. По замечаниям Л. Н. Синельниковой, «имитация спонтанности, переход с одной линии движения мысли на другую, смещение центра и периферии производят впечатление смыслового хаоса...» [Синельникова 2017: 809]. Но в итоге «в пространстве ризоматической дискурсивной среды происходит умножение реальности, возникают нестандартные ассоциативные связи, формируются мультипликативные эффекты, порождающие новые смыслы» [Синельникова 2017: 805]. Так, Н. С. Олизько, разрабатывая модели фрактальной самоорга-

низации художественного дискурса, взаимодействующего с другими дискурсами, замечает, что «упорядочивание указанных отношений осуществляется в соответствии с такой фрактальной моделью, как ризома...» [Олизько 2009: 10].

Принцип «А-означающего разрыва» лежит в основе тематической и синтаксической «раздробленности» текста. На уровне идейно-тематического своеобразия романа (текстового фрагмента или комплекса текстовых фрагментов, объединенных в один событийный ряд) «лоскутность» / «мозаичность» повествования создает условия для конфигурации новых образов. Переключение между языковыми и культурными кодами двух дискурсов осуществляется за счет включения в ткань художественного произведения языковых маркеров юридического дискурса (юридической терминологии, элементов официально-делового стиля, компонентов правового ораторского дискурса и др.). Как замечает В. Е. Чернявская, «это означает, что воспринимающее сознание „переключается“ в иное ментальное пространство и начинает „работать“ с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке интерпретации данного в тексте содержания» [Чернявская 2004: 106–111]. В процессе экспликации смыслов в литературном произведении реципиент задействует творческое мышление (метафорическое и ассоциативно-образное), языковую интуицию, фоновые знания. Переключение между двумя типами мышления – правовым и творческим – отражает сущность сложных когнитивных процессов человека, вовлеченного в два дискурса посредством художественного произведения. На структурно-синтаксическом уровне текста, функционирующего в интердискурсе, принцип «А-означающего разрыва» предполагает перебивку повествовательных ракурсов (например, повествование ведется от двух лиц – автора и одного из персонажей). Значимый для социальных дискурсов трансфер знания между сознанием профессионала (человека, обладающего прежде всего правовым типом мышления) и непрофессионала (человека, обладающего только творческим типом мышления) не исключает, таким образом, существование множественности точек зрения на правовую реальность, в зависимости от индивидуальных когнитивных процессов реципиента.

Ризома-модель событийной наррации – структурная матрица событийного ряда, построенная на принципах фрагментарности, разрозненности vs. сцепления, ветвления и единства и позволяющая генерировать новые смыслы. Такие дискурсивные характеристики текста, как нелинейность, разветвленность, непредсказуемость и кумулятивность, становятся признаками ризома-модели событийной наррации. Под кумулятивностью понимается нарастание интенсивности однородных событийных эпизодов, завершающееся некоторым пуантом; по замечаниям В. Я. Проппа, это то «нагромождение или нарастание, которое кончается [...] катастрофой» [Пропп 1976: 243].

Событийность интердискурса – одна из ключевых категорий данного дискурса, отражающая взаимосвязь явлений правовой сферы и фактов социально-культурной, обыденной и ментальной жизни общества. Категория дискурсивной событийности, рассмотренная сквозь призму ризома-модели, позволяет судить о цельнооформленности романа как в идейно-тематическом, так и структурно-синтаксическом плане. Индивидуально-авторская задумка показать процессуальную сторону событийного потока, имеющего место в реальной жизни, соединяет воедино разрозненные, удаленные в текстовом пространстве фрагменты и позволяет реципиенту моделировать связи по типу «причина – следствие», т. к. «в пространстве художественного произведения... мы наблюдаем динамику развития ситуации, заключающуюся в детализации ее описания» [Дзюба, Рябова, 2022б: 433–454].

Ризома-модель событийной наррации приобретает особую функциональную значимость для исследования интердискурса. Во-первых, аккумуляция различного рода знания о событиях, значимых для правового и художественного дискурсов, способствует сближению правовой и художественной картин мира в сознании реципиента. Во-вторых, данная структурная матрица позволяет вскрыть «имплицитное, не-высказанное», то, что, по замечаниям М. Пеше и П. Серио, является «составным во всем дискурсе», неотъемлемым компонентом каждого отдельного дискурса в пространстве интердискурса и незримым условием их продуктивного взаимообогащения [Серио 1999: 36].

4. Типы нарративных событий и их языковая репрезентация (на материале романа Ч. Диккенса «Холодный дом»)

4.1. Событие-эмблема

Все типы нарративных событий, формирующие событийные ряды в динамично развивающейся среде интердискурса, обретают определенную специфику в процессе реализации своего прагматико-аксиологического, социокультурного и лингвокогнитивного потенциала в романе. Можно рассматривать такие типы нарративных событий: событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция. Условно их следует разделить на две группы: 1) события-пуанты, кульминационные точки развития событийности (событие-эмблема, событие-кумуляция); 2) события-цепочки, промежуточные стадии в событийном ряду (событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция).

Событие-эмблема фиксирует событие в повествовательном тексте как обобщенный аксиологически заряженный (эмблематический, символический) образ исторической эпохи. На иконическом уровне слово в нарративном «кадре», описывающем событие-эмблему, нацелено на создание объемного, запоминающегося, целостного образа объекта исторической реальности. Событие-эмблема становится кульминационным «квантом» знания, обличающим несовершенство социально-правовой действительности на глобальном уровне текста.

В сатирическом контексте событие-эмблема способно охарактеризовать и выявить причину колоссального масштаба кризиса в стране: «*Then there is my Lord **Boodle**, of considerable reputation with his party, who has known what office is and... he really does not see to what the present age is tending... the limited choice of the Crown, in the formation of a new ministry, would lie between Lord Coodle and Sir Thomas **Doodle**... Then, giving the Home Department and the leadership of the House of Commons to Joodle, the Exchequer to Koodle, the Colonies to Loodle, and the Foreign Office to Moodle, what are you to do with **Noodle**? You can't offer him the Presidency of the Council; that is reserved for **Poodle**... What follows? That the country is shipwrecked, lost, and gone to pieces (as is made manifest to the patriotism of Sir Leicester Dedlock) because you can't provide for*

Noodle!» [Dickens 2018: 224–225] / «Здесь гостит и милорд **Будл**, который считается одним из самых видных членов своей партии, который изведет, что такое государственная служба, и... он решительно не понимает, куда идет наш век... у Короны при формировании нового Министерства будет ограниченный выбор, – только между лордом Кудлом и сэром Томасом **Дудлом**... Итак, если предложить Министерство внутренних дел и пост Председателя палаты общин Джудлу, Министерство финансов Кудлу, Министерство колоний Лудлу, а Министерство иностранных дел Мудлу, куда же тогда девать **Нудла**? Пост Председателя Тайного совета ему предложить нельзя – он обещан **Пудлу**... Что же из этого следует? Что страна потерпела крушение, погибла, рассыпалась в прах (а это ясно, как день, патриотическому уму сэра Лестера Дедлока) из-за того, что никак не удастся устроить Нудла!» [Диккенс 1960: 212–213].

В текстовом фрагменте онимы («говорящие имена») составляют основу частного случая лудической (игровой) языковой деятельности (*pun – play on words*) – каламбура, созданного посредством созвучия рифмы и семантического наполнения конфликтогенной природы. Дефиниционный анализ высвечивает характер действий политических деятелей: **Poodle**: (Brit.) ‘a person or organization who is overly willing to obey another’ / Пудл: ‘человек, желающий безмерно подчиняться другому’; **Boodle**: ‘money, especially that gained or spent illegally or improperly’ / Будл: ‘денежные средства, особенно полученные или потраченные незаконно или ненадлежащим образом’; **Noodle**: ‘a stupid or silly person’ / Нудл: ‘глупый человек’. В имени **Doodle** актуализирован этимологический компонент слова: ‘(early 17th cent.) originally as a noun denoting a fool, later as a verb in the sense ‘make a fool of, cheat’)’ / ‘(начало 17 в.) первоначально как существительное, обозначающее дурака, позже как глагол в смысле «дурачить, обманывать»)» [АВВУУ Lingvo 6]. Как замечает А. А. Щербина, «каламбур по своей семантической природе – оружие смеха во всех его формах и оттенках, а смех... – это весьма действенное оружие обличения» [Щербина 1958: 6].

Существенным критерием «каламбурной остроты» является «игра звучания», создающая особую ритмомелодику нарративного «кадра» [Щербина 1958: 21]. Нарочитое сближение имен на фонетическом уровне основано на па-

рономазии. Звонкое слово каламбура в романе, не лишенном признаков драматургии, обличает коррупционность политической и правовой системы, продажность ее субъектов. На примере одной партии автор приводит пример того, как реализуются политико-правовые отношения в масштабах целой страны. Каламбур здесь становится словесным оружием в идеологической борьбе за права человека и честное мироустройство в правовой и политической сферах.

Полемический ракурс настоящего фрагмента моделируется за счет риторических вопросов, на которые автор дает однозначные ответы. Кроме того, Ч. Диккенс, по замечаниям В. В. Набокова, «взращивает роскошное прилагательное, или глагол, или существительное как эпитет, ...из которого поднимется цветущая и раскидистая метафора» [Набоков 1998: 173]. Метафора, как отмечает Э. В. Будаев, является «разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции» [Будаев 2020: 100]. Широко распространенная в политической метафорологии метафорическая модель «государство – корабль» обладает богатым интерпретационным потенциалом, фиксируя в концепте государства компоненты власти, подчинения, единства и компоненты движения и мощи в концепте корабля – крупного морского судна. Структурно-синтаксическая специфика словосочетания *is shipwrecked / потерпела крушение* (пассивный залог) имплицитно означает значение утонувшего корабля, но спасшегося экипажа (т. е. страна гибнет, а верхушка, т. н. элита политической и правовой системы, остается «на плаву»): *'If someone is shipwrecked, their ship is destroyed in an accident at sea but they survive and manage to reach land / Если кто-то терпит кораблекрушение, его корабль разрушается в результате несчастного случая в море, но он выживает и ему удается добраться до суши'* [АВВУУ Lingo 6].

Формально-содержательная организация рассмотренного текстового фрагмента, реализованная посредством каламбура, метафоры, набора синтаксических средств (риторические восклицания и вопросы, уточняющая конструкция с ироническим замечанием в скобках), позволяет автору не только разоблачить политико-правовое устройство, но и транслировать личную убежденность в коррупционных действиях политических деятелей. Автор

наглядно демонстрирует свое правовое мышление: он выступает «человеком говорящим». М. М. Бахтин подчеркивает: «Все существеннейшие категории этического и правового суждения и оценки относятся именно к говорящему человеку, как к таковому: совесть, правда и ложь, ответственность, право голоса и проч. Самостоятельное, ответственное и действенное слово – существенный признак этического, правового и политического человека» [Бахтин 2012: 104–105]. Использование языковых средств художественной выразительности для реализации правового типа мышления находится в плоскости функционирования ризоматной модели событийной наррации. Событие «кризис в стране» смоделировано с позиций морально-нравственных потребностей «человека говорящего» и его правового сознания.

4.2. Событие-узел

Следующий тип события репрезентирует одно из ключевых событий в юридической сюжетной линии, обладающее значимым результатом для событийного ряда. Назовем его условно «событие-узел». Вслед за Е. Г. Хомяковой и А. Л. Севастьяновой, чей исследовательский интерес обращен к прагмалингвистическому аспекту ценностно-событийного дискурса, обозначим положение, что на текстовом уровне событийная дискурсивная позиция обладает предикатно-аргументной структурой, куда «входят аргументы, среди которых пространственно-временные маркеры, событийные каузаторы и результатов занимают особое место» [Севастьянова 2018: 27]. Аргументатив обосновывает необходимость микро-события в событийной цепи, включающей такие звенья, как пресобытие – эндособытие – постсобытие [подробнее см.: Шабес 1989: 130]. В динамически развивающейся среде интердискурса событие-эмблема и событие-узел зачастую тематически тесно связаны между собой.

Рассмотрим событие-узел на примере опыта обращения мистера Гридли в Канцлерский суд. Здесь присутствуют маркеры событийного повествования – аргументатив, результатив и пространственно-временные показатели: *«After my mother's death, all was to come to me except a legacy of three hundred pounds that I was then to pay my brother. My mother died. My brother some time afterwards claimed his legacy... To settle that ques-*

tion... *I was obliged to go into this accursed Chancery; I was forced there because the law forced me... Seventeen people were made defendants to that simple suit! It first came on after two years. It was then stopped for another two years while the master (may his head rot off!) inquired whether I was my father's son... He then found out that there were not defendants enough – remember, there were only seventeen as yet! ...The suit, still undecided, has fallen into rack, and ruin, and despair... and here I stand this day... being unjustly treated by this monstrous system...” The system! I am told on all hands, it's the system. I mustn't look to individuals. It's the system...» [Dickens 2018: 296–298]. «После смерти матери все должно было перейти ко мне, кроме трехсот фунтов денегами, я обязан был уплатить брату. Мать умерла. Прошло сколько-то времени, и брат потребовал заветанные ему деньги... Чтобы разрешить спор... Я был вынужден судиться там – меня закон вынудил, и больше мне податься некуда. К этой немудреной тяжбе притянули семнадцать ответчиков! В первый раз дело слушали только через два года после подачи иска. Слушание отложили, и потом еще два года референт (чтоб ему головы не сносить!) наводил справки, правда ли, что я сын своего отца... Но вот он решил, что ответчиков мало, – вспомните, ведь их было только семнадцать! ...Из этой тяжбы – а она все еще не решена – только и вышло, что разоренье, да нищета, да горе горькое... вот в какую беду я попал!... безвинно пострадавшим от этой чудовищной системы... – Опять система! Мне со всех сторон твердят, что вся причина в системе. Не надо, мол, обвинять отдельных личностей. Вся беда в системе» [Диккенс 1960: 282–283].*

Аргументатив в данном контексте, содержательно представленный необходимостью обращения в судебную инстанцию в качестве единственно возможного способа решения юридического вопроса, репрезентируется с помощью семантических структур, эксплицирующих силу принуждения: «*I was obliged*» / «обязан был», «*I was forced*» / «был вынужден». Результат – «*being unjustly treated*» / «невинно пострадавшим» – сопровождается объяснением первопричины посредством описательной конструкции – «*by this monstrous system*» / «от этой чудовищной системы», где в эпитете *monstrous* / «чудовищная» звучит тема абсурдного, бесчеловечного отношения к тяжущимся. Объяснительным потенциалом обладает и лексический повтор

«*it is the system*» / «система». Прагмалингвистический аспект высказывания реализуется в эмоционально-экспрессивной окраске нарративного события. Семантика мучения, разрушения, утраты надежды, заключенная соответственно в словах «*rack*» / «разорение», «*ruin*» / «нищета», «*despair*» / «горе горькое», подчеркивает драматизм происходящего в Канцлерском суде.

С точки зрения структурно-синтаксической организации нарративного «кадра» эмфатическим потенциалом обладает указание на систему как «взаимосвязанную сеть», имплицитно обличающую характер взаимоотношений как в судопроизводстве, так и в целом в политическом устройстве: *system* – ‘an interconnecting network’ / система – ‘взаимосвязанная сеть’ [АВВУЮ Lingvo 6]. Как замечает В. И. Тюпа, «расположение деталей в пределах кадрового единства фразы устанавливает задаваемый читателю ракурс видения. В частности, специфика кадропорождающих возможностей речи такова, что „крупный план“ ментального видения создается местоположением семантических единиц текста в начале или, особенно, в конце фразы» [Тюпа 2021: 59].

Ремарки, заключенные в рамочных конструкциях (это авторский прием Ч. Диккенса вводить интертекстуальный компонент, т. е. «смешивать» фактуальную информацию – заимствованную из официально-документальных источников или диктуемую личным жизненным опытом – со своим авторским отношением к происходящему), становятся эмоционально «заряженным» ядром событийного повествования [подробнее см.: Дзюба, Рябова 2021: 69–98]. Поданные с искрометным юмором и язвительной насмешкой, такого рода «приложения» к описанию событийного ряда содержат аксиологический компонент, выражая дополнительную экспрессию («*remember, there were only seventeen as yet!*» / «вспомните, ведь их было только семнадцать», «*may his head rot off!*» / «чтоб ему головы не сносить!»). Обозначая результатив («*and here I stand this day!*» / «вот в какую беду я попал!»), они также зачастую завершаются на графическом уровне текста восклицательным знаком – знаком эмоциональной модальности. Значимость восклицательного знака в экспликации смысла как социально значимого элемента дискурса следует рассмотреть с позиции

этимологии слова *exclaim* (восклицательный знак – англ. *exclamatory mark*). «Exclamation» восходит к латинскому *'ex-clāmāre'* – ‘выкрикивать’ (*cry, call, proclaim* – кричать, звать, призывать) [Hoad 1996: 78] и в данном контексте выражает не только сильные чувства, но и призыв чиновников и представителей судебной власти к действию – проведению реформ в правовой сфере.

В динамически развивающейся среде интердискурса предикатно-аргументная структура высказывания, описывающего событие-узел, совместно с выраженным в контексте аксиологическим, прагматическим и лексико-семантическим наполнением детализирует причинно-следственные связи между явлениями правовой реальности Англии в середине XIX века и отношением социума к данным реалиям в общем событийном потоке происходящего. В этом смысле текст, функционирующий на стыке двух дискурсов, способен провоцировать политически, а значит, и культурно значимые изменения.

4.3. Событие-ретроспектива

Особенностью феномена события-ретроспективы является расширение пространственно-временных рамок в нарративном «кадре», сопровождающееся выстраиванием в определенный временной ряд фактических данных об изменениях состояния объекта или субъекта действительности. Такого рода реминисцентный посыл не только фиксирует цепочку значимых микро-событий в настоящем как следствие некоторых событий прошлого, но и позволяет получить новое знание о природе человека, вовлеченного в судебный процесс.

Обратимся к моменту «встречи» мистера Гридли с Канцлерским судом: «*Here was this Mr. Gridley, a man of a robust will and surprising energy – intellectually speaking, a sort of inharmonious blacksmith – and he could easily imagine that there Gridley was, years ago, wandering about in life for something to expend his superfluous combativeness upon – a sort of Young Love among the thorns – when the Court of Chancery came in his way and accommodated him with the exact thing he wanted. There they were, matched, ever afterwards!*» [Dickens 2018: 299–300] / «Вот, например, мистер Гридли, человек с сильной волей и поразительной энергией, – в интеллектуальном отношении нечто вроде „Невеселого кузнеца“. Ведь он, мистер Скимпол, легко

представляет себе, что много лет назад Гридли блуждал по жизни, ища, на что бы потратить избыток своего задора – как Юная Любовь блуждает среди шипов в жажде борьбы с препятствиями, – но вдруг на дороге у него стал Канцлерский суд и дал ему как раз то, чего он желал. И вот они соединены навеки!» [Диккенс 1960: 284–285]. Сравнение мистера Гридли с **невеселым** кузнецом построено на противопоставлении с героем музыкального произведения Г. Ф. Генделя «**Веселый** кузнец». Автор намеренно создает «палимпсестную» нарративную ткань, «когда сквозь одну рассказываемую историю конструктивно просматривается другая», создающая значимые смысловые напряжения... [Тюпа 2021: 167]. Музыка Г. Ф. Генделя наполнена динамизмом: «не только могучая и безудержная энергия, но и глубина, и мудрость, и высоты внутренних созерцаний были доступны Генделю...» [Мещеринов. URL]. Образ живого, любопытного, деятельного, стремящегося к интеллектуальному развитию героя музыкального произведения противопоставлен человеку «блуждающему», но энергичному, ищущему «на что потратить избыток своего задора».

Наряду с приемом антитезы используется прием, в котором, по замечанию В. В. Набокова, Ч. Диккенсу удивительным образом удается «объединить метафору и сравнение» [Набоков 1998: 172]. Мистер Гридли (от англ. *greedy* – ‘жадный’) – типический герой, олицетворяющий класс буржуазии в историческую эпоху середины XIX в. в Англии. Автор проводит параллель между характерными чертами Канцлерского суда и представителями знати посредством слова *match*: ‘*a person or thing that resembles or corresponds to another; correspond – have a close similarity*’ [ABBYY Lingvo 6]. Такого рода концептуальная интеграция на стыке двух дискурсов позволяет сделать умозаключение о существовании разных целевых установок тяжущихся в Канцлерском суде. Участники судебного процесса ранжируются: средний класс, ищущий возможность отстоять права и независимость – с одной стороны, и буржуазия, стремящаяся сохранить или приумножить доходы, – с другой стороны.

Ключевой онтологической характеристикой события-ретроспективы становится исходное положение (мировосприятие) субъекта действительности по отношению к важно-

му событию: «*years ago he was wandering about in life*» / «много лет назад он блуждал» – «*the Court of Chancery came in his way*» / «на дороге стал Канцлерский суд». Автор акцентирует внимание на образе жизни и привычках героя в прошлом, вводя информацию о тщетности его времяпрепровождения, что и явилось определенной предпосылкой для непосредственного события – встречи с Канцлерским судом. Прошлое становится объяснением не только ситуации в настоящем, но и «предсказанием» будущего – «*were matched ever afterwards*» / «соединены навеки» – предположением того, что трясина суда навсегда меняет (трансформирует) внутренний и эмоциональный мир человека или в данном случае (жадный Gridly – англ. greedy) прочно закрепляет желание героя приумножить свое богатство.

Немаловажную роль в интерпретации события-ретроспективы играет взаимодействие с другими героями в текстовом фрагменте на уровне фабульно-сюжетного построения романа. Мистер Скимпол изображен «человеком думающим» – он **легко представляет себе, что Гридли блуждал по жизни** – а значит, обладающим аналитическим умом, наблюдательностью, рассудительностью и необходимым для подобных умозаключений жизненным опытом. Перебивка повествовательных ракурсов (автор – мистер Скимпол) как прием в рамках ризома-модели событийной наррации позволяет оценить качества характера одного человека через отношение к нему другого. Ключевым признаком социально значимого вида действия в процессе взаимодействия людей становится позиция «человека думающего» как необходимого условия адекватной оценки прошлого, ведущего к определенному будущему.

4.4. Событие-интерференция

На когнитивном уровне восприятия текста данный тип события реализует тему борьбы двух дискурсов – правового и художественного, заключенной в одном нарративном кадре. Основываясь на теории дискурса, предложенной Э. Лакло и Ш. Муфф, Л. Филипс и М. Йоргенсен замечают, что «различные дискурсы – каждый из которых представляет особый способ общения и понимания социального мира, – вовлечены в постоянную борьбу за достижение превосходства в том, чтобы зафиксировать свое значение в языке...» [Филипс, Йоргенсен

2004: 22]. На текстовом уровне борьба дискурсов проявляется в парадоксальном сосуществовании в одном нарративном кадре (словосочетании, сверхфразовом единстве) языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста, вызывающем семантический конфликт. По мнению З. А. Заврумова, «анализ таких нестандартных употреблений позволяет не только установить креативный потенциал текста, но и выявить периферийные значения слов» и нетривиальные смыслы, возникающие на стыке дискурсов [Заврумов 2015: 150–154].

Аспект событийности представлен в данном типе нарративного события с позиции неожиданного действия в романе – непредсказуемого ветвления смысла (от англ. interfere – вмешиваться). Событие-интерференция становится отправной точкой для развития в последующих контекстах вновь проявленной темы – например, темы влияния судопроизводства в Канцлерском суде на судьбы детей.

Обратимся к иллюстрации данного положения на примере встречи Эстер, мисс Саммерсон – осиротевшей девочки (по мнению общества, однако при живой матери – великосветской миссис Дедлок, которая отказалась от нее при рождении), с мисс Флайт, «полоумной старушонкой, что не вылезает из суда» в ожидании решения по своему делу: «*“Who’s this, Miss Summerson?” whispered Miss Jellyby, drawing my arm tighter through her own. The little old lady’s hearing was remarkably quick. She answered for herself directly. “A suitor, my child. At your service. I have the honour to attend court regularly. With my documents. Have I the pleasure of addressing another of the youthful parties in Jarndyce?” said the old lady...*» [Dickens 2018: 73–74] / «„Кто это, мисс Саммерсон?“ – прошептала мисс Джеллиби, крепче прижимая к себе мой локоть. Слух у старушки был поразительно острый. Она сию же секунду сама ответила вместо меня: – **Истица, дитя мое. К вашим услугам. Я имею честь регулярно присутствовать в суде. Со своими документами. Не имею ли я удовольствия разговаривать еще с одной юной участницей тяжбы Джарндисов? – проговорила старушка...**» [Диккенс 1960: 71–72].

Наглядным примером антиномического смешения элементов правового ораторского и бытового дискурса (диалогического общения между хорошо знакомыми людьми) становит-

ся включение в речь элементов официально-делового стиля (*имею честь, участница тяжбы*) и разговорного стиля (обращения *дитя мое* и риторического вопроса *не имею ли я удовольствия разговаривать...*). Представляясь истицей в диалоге с подростком, мисс Флайт уверена, что Эстер – «еще одна участница тяжбы» – понимает суть данной номинации. Посредством приемов стиливого смешения в процессе презентации коммуникативного концепта в речах персонажей автору удается передать абсурдный и одновременно масштабный характер проникновения в жизнь и судьбы взрослых и детей правовых реалий.

С позиции горизонтального контекста, примыкающего к нарративному кадру, отметим частотность обращения к мисс Флайт посредством указания на ее зрелый возраст («старушка», «полоумная старушка», «та самая старушка», «маленькая старушка» и др.). Значение «юная» в данном контексте модифицируется – не только молодая, но и неопытная в судебных делах. П. Арчер не без иронии замечает следующее: «К началу XIX столетия тяжущийся, чтобы дожить до окончания своего процесса, начатого в Суде канцлера, должен был предварительно запастись здоровьем и достаточными средствами. Описания Диккенса очень злы, но они едва ли далеки от действительности...» [Арчер 1959: 52–53]. Сквозь призму описания судебного процесса, вовлекающего детей, пожилых людей и на который может быть положена целая жизнь, Ч. Диккенс поднимает в романе тему абсолютных неприкосновенных человеческих ценностей – право человека на детство и достойную старость.

4.5. Событие-кумуляция

Событие-кумуляция позволяет рассмотреть объект исторической действительности с разных сторон, выявить его константные концептуальные признаки. По замечаниям Н. Ю. Петровой, эффект полиперспективы события «наращивает прагматический потенциал высказывания» [Петрова 2017: 26]. В данном исследовании прием полиперспективы подразумевает обращение к коннотативному наполнению высказывания и к описанию внешних проявлений действительности, связанных с рассматриваемым объектом: природы, облика персонажей, деталей одежды, условий быта и т. д. Так, пейзаж как неотъ-

емляемая часть идейно-тематического своеобразия романа призван обнажить скрытые, завуалированные стороны судопроизводства. Событие-кумуляция обобщает результат взаимодействия скрытых и явных смыслов в тексте романа.

В романе Ч. Диккенса «Холодный дом» устойчивой является тема «Туманного Альбиона», которому свойственны слякоть, грязь, трясина. Номинации этих природных явлений виртуозно вплетаются автором в повествование для создания прототипического образа реального тумана (в художественной картине мира) и одновременно метафорического образа правовой исторической действительности. Символическая пейзажная зарисовка в текстовом пространстве романа апеллирует к обоим дискурсам – правовому и художественному.

Обратимся к началу романа: *«Implacable November weather. As much mud in the streets as if the waters had but newly retired from the face of the earth, and it would not be wonderful to meet a Megalosaurus, forty feet long or so, waddling like an elephantine lizard up Holborn Hill... Dogs, undistinguishable in mire... tens of thousands of other foot passengers have been slipping and sliding... Fog everywhere. Fog up the river... Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights. Fog creeping into the cabooses of collier-brigs... Never can there come fog too thick, never can there come mud and mire too deep, to assort with the groping and floundering condition which this High Court of Chancery, most pestilent of hoary sinners, holds this day in the sight of heaven and earth... Thus, in the midst of the mud and at the heart of the fog, sits the Lord High Chancellor in his High Court of Chancery. –“Mlud,” says Mr. Tangle...»* [Dickens 2018: 8–14] / «Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился. Собаки так вымазались в грязи, что их и не разглядишь... десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться... Туман везде. Туман в верховьях Темзы... Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях... И в самом непроглядном тумане и в самой глубокой грязи и трясине невозможно так заплутаться и так увязнуть, как ныне плутает и вязнет перед лицом земли и неба Верховный Канцлерский суд, этот зловеднейший из старых грешни-

ков... Так в самой гуще грязи и в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде... – М'лорд? – отзывается мистер Тенгл...» [Диккенс 1960: 11–17].

Упоминание мегалозавра – первого динозавра, останки которого были найдены на территории Англии миллионы лет назад, – фокусирует внимание на том, что ничего не способно удивить человека, столкнувшегося с судопроизводством в Канцлерском суде. Бытийное общение в рамках художественного дискурса модифицирует механизмы восприятия информации, далекой от желаемой или приятной. Л. Хун замечает следующее: «Восприятие политических идей (в том числе идей правовой сферы – выделено нами, Е. В., И. Ю.), высказанных в условиях художественного дискурса, развивается на основе иных психологических механизмов... формальная сторона художественного текста сама по себе, как правило, не является источником отрицательной психологической реакции адресата...» [Хун 2017: 31–41]. Поэтому отметим, что художественный текст способен сгладить восприятие нелицеприятной информации о былой исторической действительности.

В самом сердце тумана, в гуще грязи сам Милорд превращается в *Mud* ('грязь'), «если мы чуть исправим косноязычие юриста (мистера Тенгла): *My Lord, Mlud, Mud*», и «это характерный диккенсовский прием: словесная игра, заставляющая неодушевленные слова не только жить, но и проделывать фокусы, обнажая свой непосредственный смысл» [Набоков 1998: 111]. Анафора со словом *fog* акцентирует внимание на всепоглощающем состоянии природы и суда: туман окутывает абсолютно все («*fog everywhere*»).

Отличительной особенностью события-кумуляции, помимо включения в смысловое пространство текста дополнительных коннотаций, формируемых пейзажными (или иными) зарисовками, является концептуальная интеграция смыслов с учетом пролонгированного горизонтального контекста. В соседнем нарративном кадре, подчиненном той же теме «туманного Альбиона», что и предыдущий текстовый фрагмент, автор делает акцент на «туманности» действий юристов Канцлерского суда: Чизле, Мизле и Дригле (Ч. Диккенс использует в именах, как замечает В. В. Набоков,

«зловещую аллитерацию» [Набоков 1998: 111]), ср.: «*Chizzle, Mizzle, and otherwise have lapsed into a habit of vaguely promising themselves that they will look into that outstanding little matter and see what can be done for Drizzle – who was not well used – when Jarndyce and Jarndyce shall be got out of the office. Shirking and sharking in all their many varieties have been sown broadcast by the ill-fated cause; and even those who have contemplated its history from the outermost circle of such evil have been increasingly tempted into a loose way of letting bad things alone...*» [Dickens 2018: 14] / «**Чизл, Мизли как их там зовут? – привыкли давать себе туманные обещания разбраться в таком-то затянувшемся дельце и посмотреть, нельзя ли чем-нибудь помочь Дризлу, – с которым так плохо обошлись, – но не раньше, чем их контора развяжется с делом Джарндисов. Повсюду рассеяло это злополучное дело семена жульничества и жадности всех видов, и даже те люди, которые наблюдали за развитием тяжбы, находясь за пределами ее порочного круга, сами того не заметив, поддались искушению беспринципно махнуть рукой на все дурное вообще...**» [Диккенс 1960: 16–17].

«*Shirking and sharking*» / «жульничество и жадность» становятся парной аллитерацией слов «*slipping and sliding*» / «споткнуться и поскользнуться» в предыдущем контексте. Такой прием сквозной аллитерации, задействующий эхо-память реципиента, является приемом, функционирующим в рамках ризома-модели событийной наррации, которой (наррации) свойственны «разрывы» и новые сцепления. Коллективный образ юриста в лице Чизла-Мизла, «или как их там зовут?», воплощает в себе идею формирования антигуманного правового сообщества, действующего исключительно в личных, корыстных интересах. Влияние правовой сферы на социальную жизнь общества транслируется в данном фрагменте с точки зрения ее пагубного влияния на внутренний мир человека – постулируется вероятность стать слабым, равнодушным, беспринципным.

Рассмотренные выше нарративные события описывают единое макро-событие – кризис в Канцлерском суде Англии в середине XIX века. Событийный ряд романа представляет собой сложноорганизованную систему нарративных событий, изображенных в произведении с целью углубления знания об от-

рицательных чертах правовой системы и политического мироустройства страны в указанный период, а также их пагубного влияния на социальные условия жизни людей. Взаимодействие двух дискурсов сквозь призму текста прослеживается на фоне сосуществования в тексте широкого спектра приемов и средств художественной выразительности, обращенных одновременно к двум дискурсам. На текстовом уровне значимыми для описания событийного ряда становятся рамочные конструкции, эмоциональный синтаксис (графический уровень текста); риторические вопросы и восклицания, позиционное распределение смысловых доминант (структурно-синтаксический уровень текста); параномазия, сквозная аллитерация (фонетический уровень текста). На лексико-семантическом и когнитивном уровнях восприятия текста семантический конфликт, каламбур, языковая игра, метафора и сравнение, палимпсест, символ и некоторые др. средства выразительности способствуют созданию мультипликативного эффекта, отражающего продуктивное взаимодействие двух дискурсов.

5. Заключение

В произведении с юридически значимой сюжетной линией писатель повествует о глубокомысленном, сложном, философском понятии человеческого горя, причинами которого в середине XIX в. стали запутанные и казуистичные нормы правотворчества, отсутствие реформ в судебной системе, произвол судебных чиновников, коррупция, взяточничество и др. [Арчер 1959: 52–53; Уолкер 1980: 67–68, 99]. Детальное описание быта, трагических судеб героев, неисполненных желаний и утраченных надежд дано в произведении на фоне единого глобального события – кризиса в Канцлерском суде, представленного в романе в виде цепочки взаимосвязанных нарративных событий.

Повествование в тексте, функционирующем в интердискурсе на стыке права и художественного творчества, нелинейно, открыто; оно подвержено различным дискурсивным трансформациям. Непредсказуемость пересечения сюжетных линий создает клиповый строй наррации, способствует созданию эффекта неожиданности, появлению нарративной интриги, отражая сущность динамически развивающегося пространства интердискурса.

Смоделированная в рамках данного исследования концепция, главным элементом которой является ризома-модель событийной наррации, позволяет выявить новое знание о функционировании различных социальных институтов – судебная система, политическая система, литературное творчество как феномен словесного социально значимого вида искусства – в их взаимосвязи, движении и непрерывном развитии. Диалог автора и читателя в романе строится за счет продуктивного взаимодействия двух типов мышления – творческого и правового. Результатом когнитивных процессов, спровоцированных литературным произведением, призванным описать «злобу» дня в правовой сфере, становится сближение художественной и правовой картин мира в сознании реципиента.

Специфика функционирования и взаимодействия различных событий в тексте романа, демонстрирующего нетривиальное ветвление смысла между задействованными областями знания, отражена в категории дискурсивной событийности. Данная категория аккумулирует знание о значимых поворотных событиях в правовой и политической жизни общества в Англии в середине XIX века, имеющих социальную значимость, которые воссоздаются в романе посредством аксиологически заряженных прототипических образов соответствующих исторических реалий, персоналий, артефактов.

Типология дискурсивной событийности (событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция) позволяет описать одно макро-событие с разных точек зрения. Грязь улиц Лондона, вездесущий туман становятся знаками-символами работы представителей судебной власти на всех этапах судопроизводства. Сбежавшим с затонувшего корабля под названием «страна» судьям удается спастись, в то время, когда их корабль (государство) идет на дно. Обличение коррупционной и продажной «системы» сопровождается ранжированием участвующих в судебных тяжбах с точки зрения преследуемых ими целей – добиться справедливости или обогатиться. Затянувшиеся судебные процессы безжалостно вовлекают в тяжбы детей и пожилых людей. Многочисленные выразительные средства способствуют

созданию особого психологизма и драматизма романа, в котором Ч. Диккенсом из мозаичных событий виртуозно выстроена «архитектоника темы злодеяния» (В. В. Набоков).

Ч. Диккенс в романе выступает в роли «человека говорящего», выполняющего свою морально-нравственную и идеологическую функции. Созданное писателем-правоведом художественное произведение уникально в нескольких ракурсах. Во-первых, художественный дискурс, акцептирующий правовую тематику, способен проникать в различные глубинные слои общества, мобилизуя все силы в борьбе со злом. Во-вторых, взятый из правовой сферы матери-

ал для создания литературного наследия, совершив цикл работы в социуме, трансформирует правовую сферу, вызывая ряд необходимых событий – реформ, в частности издание Парламентских актов 1870-х гг., последовавших после выхода в свет романа «Холодный дом».

Романная проза, таким образом, способна служить двум целям – решению остросоциальных проблем общества на глобальном социальном уровне и соположению знаний из разных концептуальных областей для формирования единого художественно-правового «кругозора» на локальном уровне (в сознании отдельного человека).

Литература

- Архипов, И. К. Язык и языковая личность : учеб. пособие / И. К. Архипов. – СПб. : Книжный дом, 2008. – 248 с.
- Арчер, П. Английская судебная система / П. Арчер. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – 268 с.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
- Бремон, К. Логика повествовательных возможностей / К. Бремон // Семиотика и искусствоведение. – М. : Мир, 1972. – С. 108–135.
- Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. – СПб. : Научное издательство «Лань», 2020. – 464 с.
- Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Париж, 1976. – 35 с.
- Дзюба, Е. В. Трансфер юридического знания в нарративное пространство художественного произведения / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 297–317.
- Дзюба, Е. В. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 69–98.
- Дзюба, Е. В. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 433–454.
- Диккенс, Ч. Собрание сочинений : в 30 томах. Том 17 : Холодный дом : Главы I–XXX / Ч. Диккенс. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 564 с.
- Дьяков, А. В. Жиль Делез. Философия различия / А. В. Дьяков. – СПб. : Алетейя, 2012. – 504 с.
- Женетт, Ж. Фигуры : в 2-х т. Том 1–2 / Ж. Женетт. – М., 1998. – С. 944.
- Заврумов, З. А. Импликационал художественного текста: языковая игра в ироническом модусе / З. А. Заврумов // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 150–154.
- Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук в форме научн. докл. / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
- Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. – 702 с.
- Маслов, Е. В. Что такое нарратив? / Е. В. Маслов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 115 с.
- Мещеринов, П. Гендель как музыкант и человек. Лекция Игумена Петра (Мещеринова) / П. Гендель. – URL: <https://www.pravmir.ru/gendel-muzykant-i-chelovek>. – Текст : электронный.
- Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. – М. : Независимая Газета, 1998. – 512 с.
- Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенности реализации интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук / Олизько Н. С. – Челябинск, 2009. – 343 с.
- Петрова, Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте : дис. ... д-ра филол. наук / Петрова Н. Ю. – М., 2017. – 528 с.
- Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
- Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М., 1976. – 325 с.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2020. – 464 с.
- Руднев, В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 428 с.
- Севастьянова, А. Л. Прагмалингвистический анализ ценностно-событийного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Севастьянова А. Л. – СПб., 2018. – 202 с.
- Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; пред. Ю. С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999.

- Синельникова, Л. Н. Ризома и дискурс интермедальности / Л. Н. Синельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 805–821.
- Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии / В. И. Тюпа. – СПб. : Алетейя, 2021. – 270 с.
- Уолкер, Р. Английская судебная система / Р. Уолкер. – М. : Юридическая литература, 1980. – 631 с.
- Филиппс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филиппс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
- Хун, Л. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы / Лю Хун // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 31–41.
- Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 106–111.
- Шабес, В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М., 1989. – 175 с.
- Шехтман, Н. А. От повествования к гипертексту и нарративу : монография / Н. А. Шехтман. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 147 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.
- Щербина, А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). – Киев : Изд-во академии наук украинской ССР, 1958. – 68 с.
- ABBYY Lingvo 6. Выпуск: 16.1.3.49. – Аби продакшн, 2014.
- Dickens, C. Bleak House I / C. Dickens. – М. : T8RUGRAM / Original, 2018. – 812 p.
- Fairclough, N. Critical discourse analysis. The critical study of language / N. Fairclough. – London and New York : Routledge Taylor and Francis group, 2013. – 604 p.
- Hoad, T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / T. F. Hoad. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 552 p.

References

- ABBYY Lingvo 6. Edition: 16.1.3.49. (2014). Abi prodakshn.
- Archer, P. (1959). *Angliiskaya sudebnaya sistema* [English Judicial System]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 268 p.
- Arhipov, I. K. (2008). *Yazyk i yazykovaya lichnost'* [Language and Linguistic Personality]. Saint Petersburg, Knizhnyi dom. 248 p.
- Bakhtin, M. M. (2012). *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Vol. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 880 p.
- Bremon, K. (1972). Logika povestvovatel'nykh vozmozhnostei [Logics of Narrative Capacities]. In *Semiotika i iskusstvometriya*. Moscow, Mir, pp. 108–135.
- Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Contrastive Political Metaphorology]. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii. 464 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2004). Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoi otkrytosti [Intertext and Interdiscourse as Realization of Textual Openness]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 1 (001), pp. 106–111.
- Deleuze, G., Guattari, F. (1976). *Rizoma* [Rhizome]. Paris. 35 p.
- Dickens, Ch. (1960). *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Collection of Works, in 30 vols.]. Vol. 17: Kholodnyi dom: Glavy I–XXX. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 564 p.
- Dickens, Ch. (2018). *Bleak House I*. Moscow, T8RUGRAM / Original. 812 p.
- Dyakov, A. V. (2012). *Zhil' Delez. Filosofiya razlichiya* [Gil Deleuze. Philosophy of Difference]. Saint Petersburg, Ale-teiya. 504 p.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2021). Transfer yuridicheskogo znaniya v narrativnoe prostranstvo khudozhestvennogo proizvedeniya [Transfer of Legal Knowledge into the Narrative Space of a Literary Text]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23. No. 4, pp. 297–317.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Formal'no-soderzhatel'naya organizatsiya gibridnogo khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Formal and Informative Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 13. No. 2, pp. 433–454.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Kategoriya situativnosti v narrativnoi modeli khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Category of Situateness in Narrative Model of Literary-Legal Discourse]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. No. 5, pp. 69–98.
- Fairclough, N. (2013). *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London and New York, Routledge Taylor and Francis group. 604 p.
- Genette, J. (1998). *Figury: v 2-kh t.* [Figures, in 2 vols.]. Vol. 1–2. Moscow, p. 944.
- Hoad, T. F. (1996). *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, Oxford University Press. 552 p.
- Hong, L. (2017). Osobennosti realizatsii politicheskogo diskursa v khudozhestvennom tekste: k postanovke problemy [Peculiarities of Realization of Political Discourse in a Literary Text: To the Statement of the Problem]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3 (63), pp. 31–41.
- Kibrik, A. A. (2003). *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Analysis of Discourse in the Cognitive Perspective]. Dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauchn. dokl. Moscow. 90 p.
- Lotman, Yu. M. (1998). *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 702 p.
- Maslov, E. V. (2020). *Chto takoe narrativ?* [What is Narrative?]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 115 p.
- Meshcherinov, P. *Gendel' kak muzykant i chelovek. Lektsiya Igumena Petra (Meshcherinova)* [Gendel as a Musician and a Person. Lecture by Father Superior Petr]. URL: <https://shhshhshh.ppravmir.ru/gendel-muzykant-i-chelovek>.

- Nabokov, V. V. (1998). *Lektsii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Foreign Literature]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta. 512 p.
- Olizko, N. S. (2009). *Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennosti realizatsii intertekstual'nosti i interdiskursivnosti v postmodernistskom khudozhestvennom diskurse* [Semiotic-Synergetic Interpretation of Specific Characteristics of Realization of Intertextuality and Interdiscursivity in post-modern literary discourse]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Chelyabinsk. 343 p.
- Petrova, N. Yu. (2017). *Printsipy i strategii perspektivizatsii v dramaticheskom tekste* [Principles and Strategies of Perspectivization in a Dramatic Text]. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 528 p.
- Philips, L. J. (2004). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr. 336 p.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of a Text]. Voronezh, Izdatel'stvo «Istoki». 250 p.
- Propp, V. Ya. (1976). *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow. 325 p.
- Repina, L. P. (Ed.). (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [Past for Present: History-memory and Narratives of National Identity]. Moscow, Akvilon. 464 p.
- Rudnev, V. P. (2000). *Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality]. Moscow, Agraf. 428 p.
- Serio, P. (1999). *Kak chitayut teksty vo Frantsii* [How Texts Are Read in France]. In Serio, P. (Ed.). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Moscow, OAO IG «Progress». 202 p.
- Sevastianova, A. L. (2018). *Pragmalingvisticheskii analiz tsennostno-sobytiinogo diskursa* [Pragmatic-Linguistic Analysis of Axiological-eventful Discourse]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 202 p.
- Shabes, V. Ya. (1989). *Sobytie i tekst* [Event and Text]. Moscow. 175 p.
- Shcherbina, A. A. (1958). *Sushchnost' i iskusstvo slovesnoi ostroty (kalamtura)* [Essence and Art of Word Witticism (Pun)]. Kiev, Izdatel'stvo akademii nauk ukrainskoi SSR. 68 p.
- Shekhtman, N. A. (2014). *Ot povestvovaniya k gipertekstu i narrativu* [From Narration to Hypertext and Narrative]. Orenburg, Izdatel'stvo OGPU. 147 p.
- Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 311 p.
- Sinelnikova, L. N. (2017). *Rizoma i diskurs intermedial'nosti* [Rhizome in the Discourse of Intermediality]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. Vol. 21. No. 4, pp. 805–821.
- Tyupa, V. I. (2021). *Gorizonty istoricheskoi narratologii* [Horizons of Historic Narratology]. Saint Petersburg, Aleteiya. 270 p.
- Walker, R. (1980). *Angliiskaya sudebnaya sistema* [English Judicial System]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 631 p.
- Zavrumov, Z. A. (2015). *Implikatsional khudozhestvennogo teksta: yazykovaya igra v ironicheskom moduse* [Implicational of a Literary Text: Language Game in an Ironic Mode]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 4 (56), pp. 150–154.

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

E-mail: ev_dziuba@uspu.me

Рябова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, к. 304.

E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Graduate School of International Relations of Institute for the Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia).

Ryabova Irina Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 31.07.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 31.07.2022; date of publication: 31.10.2022

LINGUOCULTURAL IMAGE OF IRAN AS A CONSTANTLY CHANGING COGNITIVE SPACE IN RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE

Victor M. Shaklein

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3576-3828>

Mona Afshar

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5984-0149>

Abstract. The article analyzes linguocultural image of Iran. The main goal of the study is to determine which linguistic units with national and cultural specificity have the ability to express the linguocultural image of the said country while simultaneously reflecting various fragments of the national world picture.

The paper concretizes the concept of "linguocultural image" in relation to the verbalized units of those texts. The country image is presented as a certain system, which is characterized by ambivalent characteristics at the levels of value and semantics. The picture of Iran is modeled through the special view of the representative of one country and culture on another country and culture. The ethnocultural component of this image is constructed as a certain semantic field with its core and periphery. Linguistic, figurative and associative tools that mark the main components of the image are revealed. The concept of the linguocultural image of the country as a dynamic and diachronic semantic field is clarified. The article includes the description of the core of this field: proper names, different compounds, dynamics of the entry of certain units, and the role and place of proper names in the construction of the cognitive space. At last, the paper emphasizes the historical variability of the field in its configurations and structure.

Keywords: linguocultural image; semantic field; Russian language; national world picture; realias; onomasics; toponyms; anthroponyms

For citation: Shaklein, V. M., Afshar, M. (2022). Linguocultural Image of Iran as a Constantly Changing Cognitive Space in Russian Language World Picture. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 77–86. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-06.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ИРАНА КАК ПОСТОЯННО МЕНЯЮЩЕЕСЯ КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Шаклеин В. М.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3576-3828>

Афшар М.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5984-0149>

Аннотация. В статье анализируется лингвокультурный образ Ирана. Основная цель исследования – определить, какие языковые единицы, содержащие национально-культурную специфику, отражая различные фрагменты национальной картины мира, обладают способностью выражать лингвокультурный образ этой страны. Рабочей гипотезой исследования послужило предположение, что эти информативные единицы могут быть выражены как в языке: словах, отдельных значениях, фразеологизмах, семантических категориях, так и в речи: в формулах, метафорах.

В работе конкретизировано понятие «лингвокультурный образ» в отношении к вербализованному единицами этих текстов. Образ страны представлен как определенная система, которой присущи амбивалентные характеристики на ценностном и семантическом уровнях. В результате проведенного исследования осуществлено моделирование образа Ирана, обусловленное особым взглядом представителя одной страны и культуры на другую страну и культуру. Показана этнокультурная составляющая этого образа как определенного семантического поля, состоящего из ядра и его периферии. Выявлены лингвистические и образно-ассоциативные средства, маркирующие основные составляющие образа. Определены прагматические особенности языковых средств создания лингвокультурного образа и способы его трансляции в другие лингвокультуры. Уточнению подверглось понятие лингвокультурного образа страны, которое представлено как динамическое, диахроническое семантическое поле. Описывается ядро этого поля – имена собственные, состав, динамика вхождения тех или иных единиц, а также роль и место имен собственных в построении когнитивного пространства. Также рассматривается состав периферии поля: группа номинаций, среди которых большинство оказалось словами, называющими людей в соответствии с их социальными характеристиками, лексические единицы, называющие реалии культуры, образные средства, формирующие устойчивые ассоциативные связи. Подчеркивается историческая изменчивость этого поля как в основных конфигурациях, так и по структуре.

Ключевые слова: лингвокультурный образ; семантическое поле; русский язык; национальная картина мира; слова-реалии; ономастика; топонимы; антропонимы

Для цитирования: Шаклеин, В. М. Лингвокультурный образ Ирана как постоянно меняющееся когнитивное пространство в русской языковой картине мира / В. М. Шаклеин, М. Афшар. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 77–86. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-06.

Introduction

Research in the field of the national world picture, the identification, and description of cultural concepts made it possible to talk about the existence of “linguocultural images”. They can be described as special cognitive entities that are specific to one national culture or a group of related cultures. The establishment and characterization of linguocultural images is possible by comparison with other cultures. A set of characteristic linguocultural units can represent a complete linguocultural image of the country. The stable scientific interest in the way unique sociocultural processes are reflected in the language of cultural changes lays in the growing importance of globalization, the increase in contacts between representatives of different cultures, the emergence of cultural conflicts. No doubt, country images require deep research.

The paper concretizes the concept of “linguocultural image” in relation to the verbalized units of artistic, poetic and journalistic texts. The country image is presented as a certain system or semantic field, which is characterized by ambivalent characteristics at the levels of value and semantics. As a result of the study, the picture of Iran is modeled through the special view of a representative of one country and culture on another country and culture. The ethnocultural component of this image is shown as a certain semantic field with its core and its periphery. Linguistic, figurative and asso-

ciative tools that mark the main components of the image are revealed. The ways of transferring a linguocultural image to other linguocultures with the help of pragmatic features of language tools are determined.

The goal is to define the composition of units with national and cultural specificity that make up the linguocultural image of Iran in the Russian language world picture. Achieving the goal is impossible without solving the following tasks: 1) finding out the theoretical basis of the concept of a linguocultural image; 2) analyzing literary and journalistic texts that reveal the linguocultural image of Iran; 3) identifying, describing, and classifying language and speech tools that have national and cultural significance; 4) exploring the linguocultural image of Iran in the systematic way and in the dynamics of formation.

The study is based on the works devoted to linguoculturology and linguocultural aspects of communication of established scientists: M. M. Bakhtin [1979], Yu. M. Lotman [1996], E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov [1980, 1990], V. V. Vorobyev [2006], V. I. Karasik [1996, 2001], Yu. N. Karaulov [2006], V. V. Krasnykh [1997], V. A. Maslova [2001], Yu. S. Stepanov [2001], V. N. Telia, V. M. Shaklein [2012], issues of intercultural communication by V. S. Bibler [1991], L. I. Grishaeva, L. V. Tsurikova [2004], O. A. Leontovich [2002] and many others. And literary and journalistic texts of the famous writers: poems by V. A. Khlebnikov, S. A. Esenin,

V. V. Kamensky, N. S. Gumilev, "Travel Notes" by A. S. Griboedov, the novel "The Death of Vazir-Mukhtar" by Yu. N. Tynyanov, essays on Iran by L. Reisner, V. V. Ovchinnikov, "Persia. History of an undiscovered country" by A. Gromov, as well as materials from the National Corpus of the Russian Language.

The materials and results of the paper can be considered a contribution to the study of Russian-Iranian cultural relationship. The paper reveals the transformation of the country's archetypal linguocultural image into a complexly organized system of the semantic field. Methodical ways of describing the linguocultural image of Iran can be used in other similar studies.

The description and research techniques can be used in the educational process in courses on linguoculturology, linguistic analysis of a literary text, and intercultural communication. Individual research materials can help in the preparation of textbooks for translation and cultural analysis of literary and journalistic texts. Also, individual results of the study can be applied in the classroom to study Russian as a foreign language.

Discussion and results

The concept of "linguocultural image" is productive to study based on the interaction of cultures at the level of national language world picture, at the level of cultural concepts and at the level of interpersonal intercultural communication. As it is implemented at the lexical and discourse levels. The concept of "linguocultural image" was first formed within the boundaries of the linguoculturology. Later, it started to be used in works devoted to the study of the national world picture in cognitive linguistics. Thus, V. V. Vorobyov singles out "linguocultureme" and "linguoculturological field". Linguocultureme is the smallest unit of description (inventory unit), which correlates with such units as lexico-semantic variant in vocabulary, sign in semiotics, concept in cognitive science. It can be expressed in the language as a separate meaning, word, phrase, statement. "Linguocultureme reflects the results of the interaction of two semiotic systems – language and culture, and therefore is heterogeneous in its essence" [Vorobyev 2006: 43]. Linguoculturemes are units of the "linguocultural field". They have hierarchical relations and paradigmatic and syntagmatic connections. The concept of "linguocultural

field" corresponds to the semantic field in semantics, or world picture in cognitive science.

The notion of "linguocultural image" correlates with such cognitive units of description as "prototype" and "complex concept". A. D. Makarova tried to clarify the content of the notion: "A mental stereotyped representation of phenomena and facts that take place in the world... A linguocultural image is studied in the unity of language, consciousness, and culture on the basis of a discourse in which it is mainly used. It is important to realize that a linguocultural image reflects national and cultural features that are significant for the linguocultural society where it is formed" [Makarova 2011: 245]. In a study by A. V. Taskaeva the "linguocultural image" is considered as a complex multi-level concept [Taskaeva 2009]. It consists of a number of small informative units that have such qualities as national and cultural specificity. In Cui Liwei's dissertation "Linguistic and Cultural Images of Russia and China in the Works of Art of the Russian Far Eastern Emigration" the author uses this term as "a cultural concept which has national and cultural specifics but at the same time contains distinctive features and signs of a recognizable representative of a particular ethnocultural community" [Cui Liwei 2015: 6]. Thus, the notion of "linguocultural image" is complex. Its structure is a combination of information elements of various origins: some are universal, others have national specifics or characterization of certain groups of cultures. Those paradigms are distinguished on the basis of the opposition "friend or foe".

Linguistic and cultural images are special informatively complex units that have national and cultural specificity and express it based on various life processes in the national world picture. These units can be expressed both in language: words, individual meanings, phraseological units, semantic categories. And realized in speech: in formulas, scenarios of verbal and non-verbal behavior.

Linguoculturological study and description of the units of the national world picture is impossible without referring to the text. Since is a certain cultural dominant that determines the essence of the era and its contribution to other cultures. Such linguocultural dominants unfold in each specific linguoculture in different ways. As for their function and nature, culture and text have similar roots. They form the conditions and means

of communication between people and create a special semiotic environment, which can be called culture. Thanks to the unique nature of cultural objects and their perception, there are intersections in the cultural spaces of the sender and receiver, even if they are representatives of various social and cultural groups. And because of communication culture is preserved, developed and created in order to be perceived, known and understood. Cultural texts don't just convey meanings. They are internally dialogic and require a response in the form of interpretation and evaluation.

The conceptual center of the linguocultural changes in different periods of its development. At the initial stage, ideas about the country arise as a result of interpersonal communication or culturally mediated contacts. Different elements are at the forefront: primarily proper names. The linguocultural image doesn't exist outside of culture and outside of chronology. It is emphatically diachronic. The linguocultural image of the country is ambivalent, because it doesn't only represent the main properties of the national mentality, it reflects the "foreign" through the eyes of "one's own".

The linguocultural image of another country, another people, another culture forms in the process of contacts. The contacting parties compare each other and single out the common and the different. The common creates the basis for further relations, the search for joint solutions and joint activities. The differences form the basis of the linguocultural image and turn into distinctive features. Subsequently, they help to identify both culture and its bearer. Cultural contacts can be direct (associated with the traveling representatives of two contacting cultures) and indirect (through works of art, literature, cinema, and the media). "The processes of cultural exchange are repeatedly mediated: artistic, intellectual and spiritual contacts occur on the basis of economic and political ties. Political trust arises on the basis of knowledge of each other and a correct understanding of other cultural realities. With a gradual, purposeful and comprehensive contact of cultures with each other, many things become natural and explainable" [Martynova 2007: 59]. As we know from history, the initial contacts between Russian and Persian cultures were personal (through individual travelers) or professional (thanks to merchants who sought trade exchange). Today it is

necessary to establish interstate contacts, as in the modern world a lot depends on them. The denser the interstate contacts of countries, the more often other named forms of contacts arise. And as a result of cultural exchange and tourism, cultural contacts will also expand.

The linguocultural image of Iran (Persia) in Russian culture begins to shape in the 16–17 centuries as a result of the stories of merchants who visited Persia. But a complete image of the country develops because of increased political and economic contacts between countries in the 18–19 centuries. This image is initially detailed in the form of proper names – toponyms and anthroponyms. They represent the idea of important places and significant people who deepen the interaction between the countries. The linguocultural image of the country shifts over the centuries. The direction of following changes can be characterized as expansion and transformation. On the one hand, the increase of information flow and information exchange leads to the expansion of the linguocultural image. On the other hand, the culture itself is gradually changing. The "focal points" of linguistic and cultural spaces are becoming different. It leads to the transformation of the country image.

Speaking about the structure of the linguocultural image of Iran in the Russian language world picture, it is necessary to clarify something.

The main components of the linguocultural image of Iran are organized along several directions: geography (significant political and cultural places), history (places and people – names of historical and cultural figures), political and social structure of society (customs, morals, beliefs). The image of Iran isn't evaluative, but to a certain extent it is a projection of the image of the recipient country in the Russian culture. The dynamics and diversity of ideas about the country can be illustrated by the analysis of the words "Persia" and "Iran" in the National Corpus of the Russian Language. The word Iran is more common: it has 937 occurrences in 435 documents. The word Persia has 372 occurrences in 242 documents. By the number of references in documents, Iran is 2 times more frequent than Persia, which is understandable. Most of the texts in the corpus were created after 1935, when Persia was already renamed Iran. If analyze only newspaper texts of the corpus, the ratio changes dramatically: Iran

is used 5870 times in 3041 documents, Persia is mentioned 11 times in 10 documents. If we compare the mentions of words in poetic texts, Iran has 24 occurrences in 10 documents, and Persia has 15 occurrences in 11 documents. Oral texts do not use Persia at all. Iran is mentioned in 35 documents 81 times (in the conferences, reports and television programs).

The described picture refers only to the modern times. It doesn't allow us to compare the use of words in journalistic and artistic discourse. But at the same time it clearly shows that the "linguocultural image" is closely connected with the "linguocultural situation". Both "synchrony" and "diachrony" can be clearly distinguished in it. For that matter, poetic devices that rely on stable associations reflect the development of the image in a historical perspective, as opposed to the synchrony of "journalistic" discourse. In poetic examples, Persia appears not as a state, but rather as a mythological country and the center of the Eastern culture. In this context the notion of culture can include many different semes referencing to the art of the East, its political culture, as well as to ancient history: 1) *Что призрак зол, глухая Персия, И допотопный Арарат?* [М. А. Кузьмин]. «Теперь я вижу: крепким поводом...» [Маяк любви, 8] (translated by the author: *What is the ghost of evil, deaf Persia, And ancient Ararat?*) 2) *Кровь застыла в нас, иль обветшала, Наша переметная сума? Здравствуй, Персия! Здорово ночевала, Полусонная богатая кума!* [Н. Н. Туроверов. «Что мы, братьцы, по-пустому спорим...» (1920–1965)] (translated by the author: *The blood froze in us, or decayed, Our saddle bag? Hello, Persia! You had a great night, our Half-asleep rich godmother!*).

The relative adjectives modeled after word "Persia" clearly reflect the width of this concept. On the one hand, "Persian" means "originates from Persia": Persian carpet, Persian cat, Persian silk. On the other hand, it can mean something indefinite. According to the speakers, it may even have a weak connection with Persia: 3) *К тому же прикаспийские земли поставляли бы «езенгутово дерево» для российского флота, нефть, медь, свинец, табак, вино, сухие фрукты, пряности и – важнее всего – персидский шелк.* [Игорь Курукин. «Восточного пути врата отворить»: Каспийский поход Петра I // «Знание-сила», 2013] (translated by the author: *In addition the Caspian lands will supply the "ezengout tree" for the Russian fleet, oil, copper,*

lead, tobacco, wine, dry fruits, spices, and most importantly Persian silk); 4) *Жена была похожа на мужа как его уменьшённая копия – та же тонкость, тот же персидский рисунок лица.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000] (translated by the author: *The wife looked like his reduced copy of her husband. They had the same delicacy, the same Persian face pattern*); 5) *В рай тот невесть чей. В рай тот персидский... В сладь и в страданье – Дай – через руку!* [М. И. Цветаева. «Наворковала...» (1922.03.10)] (translated by the author: *To heaven that knows who, To that Persian paradise... In sweetness and suffering – Give – through the hand!*).

In this poetic texts, we can see that the linguocultural image of Persia that exists in Russian culture. It is a country with its history, myths, and certain notable features – patterns, ornaments, fairy tales, the sybarite lifestyle of the elites.

Describing the Onomasticon of the linguocultural image of Iran in the Russian language world picture, some notes has to be made. The semantic field representing the linguocultural image of Iran is based on proper names – toponyms and anthroponyms. The core of the field starts forming first. It consists of the names of politically significant places and the names of politically and historically significant characters, as well as toponyms and anthroponyms associated with the country's culture. Then this core starts to expand by anthroponyms representing other historical eras associated with various historical events. The periphery of the field is formed by the realias and the names of people according to their social status. "The features of national onomasticons aren't only determined by their belonging to a particular national language. It depends on the specifics of the national culture – the environment that created and formed each national onomasty" [Kidarov, Kerimbaev 1990: 3].

The most common cities that Russian poets and writers use are Shiraz, Isfahan, Tabriz, and the capital of Iran – Tehran. Among them, special attention is given to the city of Shiraz. This city is at least 3000 years old and has been repeatedly named as the capital of Persia over the course of history. It is famous as the "city of roses", "city of poets", "city of love and wine". Great poets such as Khayyam, Saadi and Hafiz lived in Shiraz and created many world famous works. Such names of cities as Abbas-Abad, Mezanderan, Erivan, Yezd,

Luristan, Kerman, Ferahan, Anzeli, Rasht, Persepolis are less common. Some of these cities are included in the general semantic field of the linguocultural image, as they concretize it and are remembered by native speakers due to geographical and historical connections. Others can be easily replaced by different language units. The toponymic system is a reflection of material and spiritual culture of various peoples that has been preserved for many centuries. Toponyms are a relic heritage of past generations. They are the reason we know about certain historical events, parts of spiritual culture (ex. rites and rituals), and religious beliefs. The development of social relations and the spiritual image of society in any period of history depends on the material basis of the society itself [Ayubov 2018: 56]. It is important to note the role of *Persepolis*. The name of this place has real magnetic power and links modern Iran with Ancient Persia.

A special place among toponyms is occupied by the names of memorable places: the Shah's palaces (*Bagishumal, Negeristan, Ali-Kapu*), mosques (*Imam-Zume, Jami Mosque*), and other famous points of attraction (*Naqsh-e Rostam necropolis*).

The second group of onomastic components are anthroponyms. They are also capable of reflecting national and cultural specifics. Each person whose name is expressed by anthroponyms is associated with the history and culture of a certain country. According to A. V. Superanskaya: "Despite the fact that anthroponyms only refer to the naming of people, they give as an extremely complex range of naming categories. It is connected with the history of culture, traditions, the peculiarities of the people's psychology, etc." [Superanskaya 2007: 174]. Anthroponyms found in the analyzed texts are mainly the names of Persian poets, religious figures, historical and mythical characters.

A special group of anthroponyms is formed by the names of Persian poets. As previously mentioned, many Russian writers and poets were well acquainted with such personalities as Hafiz, Ferdowsi, Khayyam, Saadi. Their traces can be found in some of Russian works: «**Голубая родина Фирдуси**, // Ты не можешь, памятью простыть...» [С. Есенин «Персидские мотивы»] (translated by the author: "**Ferdowsi's blue homeland**, // You can't lose your memory..."); «Вмиг отразится во взгляде // Месяца желтая прелесть // Нежность, как песни **Саади**»; «Ты сказала, что **Саади** // Целовал лишь только в грудь» [С. Есенин «Персидские

мотивы»] (translated by the author: "In a moment it will be reflected in the gaze // The yellow charm of the moon // Tender like the **songs of Saadi**"; "You said that **Saadi** // Kissed only on the chest"); // «Шут шутил для него шутиливо. **Саади** том для него издавал» [Б. А. Слуцкий. «Хан был хамом, большим нахалом...»] (1970–1973)] (translated by the author: "The jester joked for him playfully. **Saadi** published a book for him"); «Спой мне песню, моя дорогая, // Ту, которую пел **Хаям**»; «Я спою тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел **Хаям**...» [С. Есенин «Персидские мотивы»] (translated by the author: "Sing me a song, my dear, // The one **Khayyam** sang»; «I'll sing to you myself, dear, Something **Khayyam** never sang..."); «И только **Омар Хайям**, глядя на нас, разразился бы печалью стиха о превратности сего мира...» [А. И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском, 1976] (translated by the author: "And only **Omar Khayyam**, looking at us, would make a sad poem about the viciousness of this world...").

Another group is the names of the characters from famous literary works: Shagane, Scheherazade, Farhad and Shirin. Those names are used as a symbol of an oriental character: «Словно нежная **Шахерезада**, завела магический рассказ» [Н. С. Гумилев «Об озерах, о павлинах белых...» (1917)] (translated by the author: "Like a gentle **Scheherazade**, she started a magical story").

The names of rulers and historical figures are a group of lexemes that are constantly growing. First, it includes the names of the leaders who are leading the country at the moment: «Встреча, почести, **Фетхалихан** боится каймакама» [А. Грибоедов «Путевые заметки»] (translated by the author: "Meeting, honors, **Fethalihan** is afraid of *каймакам*") – the second Shah of Iran of the Qajar dynasty, ruled from 1797 to 1834. Then this group grows at the expense of the all great political figures: «Решил однажды **шах-Абас** // Мечеть построить в Исфагане»; «– Догнать! – взъярился **шах-Абас**, – // Живым иль мертвым, но доставить, // А не исполните приказ, // Всех вас велю я обезглавить...» [Р. Гамзатов «Персидские стихи»] (translated by the author: «One day **Shah Abbas** decided to build a mosque in Isfahan»; «Catch him! – **Shah Abbas** was furious, – // Bring him alive or dead, // If you don't follow the order, // I will order to behead all of you...»). The number of anthroponyms grows due to new and old figures. This can be explained by the fact that the amount of information about the country in the public field

is growing all the time. As L. B. Boyko notes: "...the anthroponym exists in the context of a particular culture, obeying the rules of the national language and sensitively responding to the dynamics of society development. The name is a piece of the national world picture. Without national world picture it would be incomplete and impossible. Even the absence of a personal name in the cultural paradigm of society (more on that below) does not change this conclusion" [Boiko 2013: 17].

Cyrus, Artaxerxes, Xerxes, Mithridates, Shah-anshah Khosrow, Mohammad Reza Pahlavi, Darius, Shah Abbas, Caliph Umar, Naser al-Din Shah, Nadir Shah – all of these names belong to the outstanding rulers of Persia and Iran. These people are inextricably linked with the various historical eras of the country. Thus, they can act as certain culturemes that create a cultural image of Iran: *Появление на карте ойкумены Персии как великой державы неразрывно связано с именем царя Кира II Великого, происходившего из династии Ахеменидов и правившего в 559–530 гг. до н. э.; Ксеркс тщательно готовился к походу в Грецию, заботясь не только о подготовке армии, но и о переправе через пролив Геллеспонт: были наведены два понтоновых моста длиной более километра каждый; Шахиншах Хосров был просвещенным владыкой, он покровительствовал наукам и искусствам; То, что в 1967 году Мухаммед Реза, последний шах династии Пехлеви, короновал собственную супругу Фарах Дибя, не учитывается, потому что он все равно оставался правителем [А. Громов «Персия. История неоткрытой страны»]* (translated by the author: *The appearance of Persian ecumene as a great power is indissolubly linked with the king Cyrus the Great, who came from the Achaemenid dynasty and ruled in 559–530. BC e.; Xerxes carefully prepared for a campaign in Greece, taking care of the army and finding a way to cross Hellespont: he made two pontoon bridges more than a kilometer long; Shahanshah Khosrow was an enlightened lord, he patronized sciences and arts; The fact that in 1967 the last shah of the Pahlavi dynasty Mohammad Reza crowned his wife Farah Diba is not taken into account, because he still remained the ruler.*

When we talk about the realities of national culture, we can't skip realias or non-equivalent lexis. They aren't at the center of the linguocultural image of Iran, but they fulfill the semantic field and make it more obvious and diverse. They are naturally a premise for the expansion of its boun-

daries. Realias are "words and phrases that name objects that are characteristic of the everyday life (culture, society and history) of a specific nation; Usually they don't have numerous equivalents in the common language. Therefore, they can't be translated into mainstream sources. That's why realias require special care" [Vlakhov 2012: 47]. In the end realias aren't just fulfilling a referential function. They are always carrying a lot of background information, which firmly connects them with the development of national culture.

Among non-equivalent lexemes certain persistent groups can also be distinguished. The most popular, is one group that names people according to their social status and occupation. Firstly, it is the names of the political elite: *shah, emir, mirza, khan, sultan, vizier, ayatollah, rahbar*. Secondly, there are the names of the military personnel: *sardar, sarbaz, bagadyran, serkheng, sartip-evvel, naib-serkheng, pahlevan*. At last, we have officials and representatives of different professions: *nyuker, naib, gulam-pishkhimet, eunuch, khoja, chaparkhan, ferrash, mukhessil, sadrazam, naib, kafechi, kebabchi, shcherbetdar, hakim-bashi, tufendar, abdar, sunduktar, dervish, agda, siga*. Here are a few examples: «Приезд **шах-зиды** // **Шах-зиды**, большие и малые. // Лошади **шах-зиды** славные; день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся» [А. Грибоедов «Путевые заметки»] (translated by the author: "The arrival of the **shahzid** // **Shahzids**, big and small. // The horses of **shahzids** are glorious; the day is meek, sunless; hills are on both sides, layers look like a white clay that is used to build houses"); **Сарбазы** убежали, эти разбойники втыкали штыки себе в животы, чтоб не сдаваться бывшей родине, России; Бородатый и тучный хан, бывший **сардар** Эриванский, говорит другому, узкобородому...; **Багадераны**. По-тамошнему значит: богатыри. Стали отличаться; У шахского **гарем-ханэ**, наискосок через переулок, сидели двое бахадеран, его солдаты, и мирно спали; **Серхенг** Ениколопов был брат евнуха, Манучехр-хана, беглый русский поручик [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара] (translated by the author: "**Sarbazes** fled, these bandits slaughtered themselves because they didn't want to surrender to their former homeland, Russia; The bearded and obese khan, the former **sardar** of Erivan, talked with another narrow-bearded...; **Bagaderans**. In the local language it means heroes; At the shah's **harem-khane** across the alley two **bakhaderans**,

his soldiers, slept peacefully; **Serking** Enikopov was the brother of a eunuch, Manuchehr Khan, a fugitive Russian lieutenant”).

It is impossible not to notice that most of the words belong to the periphery of the linguocultural image of Iran and are rather just oriental exoticisms. They are still important, since their composition reflects the social structure of society in the projection on the society of the recipient country. It clearly demonstrates what the “other culture” focuses on and how the “image of the alien” is formed.

The presence of evaluative names of a person in this group of words is interesting. The words with positive connotation (*hakim-bashi*) and negative connotation (*harab, bazanid*) are significant due to their rich expressive component. They are often borrowed into other languages, sometimes changing their meanings and assessment: «**Хараб**» имеет много значений: дурная дорога, опустевший и развалившийся город, глупый или больной человек [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара] (translated by the author: “**Kharab**” has many meanings: a bad road, an empty and collapsed city, a stupid or sick person).

Realias of other semantic groups aren't so common and sit far in the periphery of the field. For example, names of the holidays and the special dates (*Ashura, Muharrem, Rezhzheb, Navruz*), clothing details (*jurabs, jubbes, kajari, coolidji*), social signs (*jira, kharaj, kururs, amanats, destkhat, firman, zulfa*). They are unknown to most native Russian speakers who have not personally encountered Iranian culture. However, their meaning can be easily restored from the context: *Задерживают джигу; Харадж исправный? Пушкистые ковры, как трава, приминались под ногами, зо-*

*лотые сосуды стояли на маленьких столиках, и хорасанские ткани по стенам развешаны были так, что разноцветные стекла казались той же тканью, только светящейся; Это проходил мимо дома военного генерал-губернатора сводный гвардейский полк, возвращавшийся из Персии и везший куруры и трофеи [Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара] (translated by the author: “Stop the **jira**; Is **Kharaj** working? Fluffy carpets, like grass, laid the floor, golden vessels stood on small tables, and **khorasan** fabrics hung on the walls; Guards regiment passed by the house of the military governor-general, they carried **kurury** and trophies from Persia”).*

Thus, the linguocultural image of Iran in the Russian language world picture is historically changeable and undergoes constant transformation (it is diachronic). These changes are influenced by the density of information flow, which is constantly growing. Mainly, due to the rise of interpersonal contacts, the increase of interactions between cultures and evolution of individual highly specialized discourses (professional, social, scientific, educational). Culturally marked information plays the dominant role in the transformation of linguocultural image. It also preserves the national and cultural core of the image. On this basis, we can say that the core of the country image consists of proper names – toponyms and anthroponyms. And the main field of linguocultural image is made up by realias. Significant part of such words are names that come from different occupations. On the periphery of the field are stable speech units – cultural artifacts (names of holidays, clothing details, items of everyday life). They are individually oriented and depend on level of awareness about Iranian culture of the bearer of the Russian language world picture.

Литература

- Афшар, М. Имена собственные в лингвокультурном образе Ирана (на материале русских художественных текстов) / М. Афшар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. Т. 12, вып. 7. – С. 117–120.
- Афшар, М. Трансформации в лингвокультурном образе Персии в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» в сравнении с «Путевыми записками» А. С. Грибоедова / М. Афшар // *Litera*. – 2021. – № 12. – С. 158–167.
- Аюбов, А. Р. Топонимы как ценное наследие культуры / А. Р. Аюбов // Ученые записки Худжандского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – С. 53–57.
- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
- Библер, В. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. Библер. – М., 2001. – 411 с.
- Бойко, Л. Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре / Л. Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 2. – С. 13–21.
- Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 1037 с.
- Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 2012. – 406 с.

- Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М., 2006. – 170 с.
- Грибоедов, А. С. Статьи. Корреспонденции. Путевые записки. Заметки / А. С. Грибоедов. – Москва ; Ленинград : ГИХЛ, 1959.
- Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учебное пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 2-е изд., доп. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.
- Громов, А. Б. Персия. История неоткрытой страны / А. Б. Громов, С. Н. Табаи. – М., 2017. – 900 с.
- Есенин, С. А. Избранные сочинения / С. А. Есенин. – М. : Худож. лит, 1983. – 426 с.
- Кайдаров, А. Т. Этнолингвистические аспекты казахской ономастики / А. Т. Кайдаров, Е. А. Керимбаев // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1990. – № 3. – С. 2–5.
- Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
- Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 5-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 262 с.
- Красных, В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. – М., 1997. – С. 128–144.
- Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 435 с.
- Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996.
- Макарова, А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия / А. Д. Макарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 243–245.
- Мартынова, Н. А. Культурные контакты как один из факторов развития языка и культуры / Н. А. Мартынова // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 58–61.
- Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
- Овчинников, В. В. Своими глазами: Страницы путевых дневников / В. В. Овчинников. – М. : Изд-во агентства печати «Новости», 1989. – 382 с.
- Собрание произведений Владимира Хлебникова : в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1931. – 392 с.
- Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проспект, 2001. – 990 с.
- Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.]. – М., 2007. – 254 с.
- Таскаева, А. В. Лингвокультурный образ «детектив»: (на материале детективных романов Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Агаты Кристи об Эркюле Пуаро) : дис. ... канд. филол. наук / Таскаева А. В. – Челябинск, 2009. – 188 с.
- Цуй, Ливэй. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции / Цуй, Ливэй // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2015. – № 4. – С. 112–119.
- Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. – Москва : Флинта, 2012. – 301 с.
- Afshar, M. Linguistic and Cultural Image of Persia in "Travel Notes" by A. S. Griboedov / M. Afshar // The European Proceedings of Social & Behavioral. – 2019. – No. 310. – P. 2328–2333.

References

- Afshar, M. (2019). Linguistic and Cultural Image of Persia in "Travel Notes" by A. S. Griboedov. In *The European Proceedings of Social & Behavioral*. No. 310, pp. 2328–2333.
- Afshar, M. (2021). Imena sobstvennye v lingvokul'turnom obraze Irana (na materiale russkikh khudozhestvennykh tekstov) [Proper Names in the Linguocultural Image of Iran (Based on Russian Literary Texts)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 12. Issue 7, pp. 117–120.
- Afshar, M. (2021). Transformatsii v lingvokul'turnom obraze Persii v romane Yu. Tyunyaeva «Smert' Vazir-Muhtara» v sravnenii s «Putevymi zapiskami» A. S. Griboedova [Transformations in the Linguocultural Image of Persia in Y. Tyunyaev's Novel "Death of Vazir-Mukhtar" in Comparison with "Travel Notes" by A. S. Griboedov] In *Litera*. No. 12, pp. 158–167.
- Ayubov, A. R. (2018). Toponimy kak tsennoe nasledie kul'tury [Toponyms as a Valuable Culture Heritage] In *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, pp. 53–57.
- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo. 424 p.
- Bibler, V. (2001). *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From Science Teaching to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow. 411 p.
- Boylko, L. B. (2013). K voprosu o roli antroponima v lingvokulture [On the Question of the Role of the Anthroponym in Linguistic Culture]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. No. 2, pp. 13–21.
- Cui, Liwei. (2015). Yazykovye sredstva sozdaniya lingvokul'turnogo obraza Kitaya v lingvokulture dalnevostochnoi emigratsii [Linguistic Tools of Creating a Linguocultural Image of China in the Linguoculture of the Far Eastern Emigration]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. No. 4, pp. 112–119.

- Esenin, S. A. (1983). *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow, Khudozestvennaya literatura. 426 p.
- Griboedov, A. S. (1959). *Stat'i. Korrespondentsii. Putevye zapiski. Zametki* [Articles. Correspondence. Travel Notes. Notes]. Moscow, Leningrad, GIKhL.
- Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2004). *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. 2nd edition. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 424 p.
- Gromov, A. B. (2017). *Persiya. Istoriya neotkrytoi strany* [Persia. History of an Undiscovered Country]. Moscow. 900 p.
- Kaidarov, A. T., Kerimbaev, E. A. (1990). Etnolingvisticheskie aspekty kazakhskoi onomastiki [Ethnolinguistic Aspects of Kazakh Onomastics]. In *Izvestiya AN KazSSR. Seriya filologicheskaya*. No. 3, pp. 2–5.
- Karasik, V. I. (1996). Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural Dominants in the Language]. In *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena, pp. 3–16.
- Karasik, V. I. (2001). O kategoriyakh lingvokulturologii [About the Categories of Linguoculturology]. In *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoi deyatel'nosti: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena, pp. 3–16.
- Karaufov, Yu. N. (2006). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 5th edition. Moscow, KomKniga. 262 p.
- Krasnykh, V. V. (1997). Kognitivnaya baza vs kulturnoe prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoi lichnosti (k voprosu o russkoi kontseptosfere) [Cognitive Base vs Cultural Space in the Aspect of the Study of Linguistic Personality (Question of the Russian Concept Sphere)]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. No. 1, pp. 128–144.
- Leontovich, O. A. (2002). *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnogo obshcheniya* [Russians and Americans: Paradoxes of Intercultural Communication]. Volgograd, Peremena. 435 p.
- Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoi kultury.
- Makarova, A. D. (2011). Lingvokul'turnyi obraz: sushchnost' ponyatiya [Linguistic and Cultural Image: The Essence of the Concept]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 33 (248), pp. 243–245.
- Martynova, N. A. (2007). Kul'turnye kontakty kak odin iz faktorov razvitiya yazyka i kul'tury [Cultural Contacts as One of the Factors in the Development of Language and Culture]. In *Vestnik TGPU. Seriya Gumanitarnye nauki (Filologiya)*. Issue 2 (65), pp. 58–61.
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Academia. 202 p.
- Ovchinnikov, V. V. (1989). *Svoimi glazami: Stranitsy putevykh dnevnikov* [With My Own Eyes: Pages of Travel Diaries]. Moscow, Izdatel'stvo agentstva pechati «Novosti». 382 p.
- Shaklein, V. M. (2012). *Lingvokulturologiya: traditsii i innovatsii* [Linguoculturology: Traditions and Innovations]. Moscow, Flinta. 301 p.
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd edition. Moscow, Akademicheskii prospekt. 990 p.
- Superanskaya, A. V. et al. (2007). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and Methods of Onomastic Research]. Moscow. 254 p.
- Taskaeva, A. V. (2009). *Lingvokul'turnyi obraz «detektiv»: (na materiale detektivnykh romanov Artura Konan Doila o Sherloke Kholmse i Agaty Kristi ob Erkyule Puaro)* [Linguistic and Cultural Image of the “Detective” (Based on Detective Novels by Arthur Conan Doyle about Sherlock Holmes and Agatha Christie books about Hercule Poirot)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 188 p.
- Tyunyanov, I., Stepanov, N. (Eds.). (1931). *Sobranie proizvedenii Vladimira Khlebnikova: v 5 t.* [Collected Works of Vladimir Khlebnikov, in 5 vols.]. Vol. 3. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade. 392 p.
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and Regional Theory of the Words]. Moscow, Russkii yazyk. 320 p.
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture. Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as Foreign Language]. Moscow, Russkii yazyk. 1037 p.
- Vlakhov, S., Florin, S. (2012). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 406 p.
- Vorobyev, V. V. (2006). *Linguoculturologiya* [Linguoculturology]. Moscow. 170 p.

Данные об авторах

Шаклеин Виктор Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).
Адрес: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: shaklein_vm@pfur.ru.

Афшар Мона – аспирант, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).
Адрес: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: monaaf@mail.ru.

Authors' information

Shaklein Victor Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

Afshar Mona – Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XX ВЕКОВ: ПАРАДИГМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

УДК 821.161.1-31(Одоевский В. Ф.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-07. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

РОМАН В. Ф. ОДОЕВСКОГО «4338-Й ГОД: ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПИСЬМА» КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ НОВОГО ИСКУССТВА

Качков И. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3344-0083>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена изучению романа В. Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма». Цель работы – показать, что художественная форма этого романа способствует раскрытию философской идеи автора о создании нового искусства и новой науки путем их синтеза. Идея подобного синтеза прослеживается в целом ряде произведений Одоевского, однако роман «4338-й год» в этот ряд никогда прежде не включался, поскольку исследователи видели в нем только размышления автора на тему научно-технического прогресса. Для работы был выбран метод интермедиального анализа, направленный на исследование процесса адаптации визуальных и аудиальных каналов коммуникации в пределах вербальных медиаформ.

В ходе анализа удалось проследить, как автор добивается эффекта документальной достоверности: он трансформирует эпистолярную форму, убирая некоторые ее обязательные элементы и придавая ей черты обычной художественной прозы. Для упрощения визуализации незнакомых читателям образов Одоевский располагает их в художественном мире романа рядом с хорошо известными объектами реального мира и применяет интермедиальный механизм частичной репродукции. Также было выявлено, что мотив синтеза встречается в романе неоднократно и даже имеет явные переключки с более поздним произведением Одоевского – «Русские ночи». Этим мотивом подчеркивается неразрывная связь научного и художественного творчества, что находит свое выражение в утопическом образе Кабинета Редкостей. Максимально полно идея синтеза раскрывается в эпизоде с игрой спутницы героя на гидрофоне: автор создает образ человека-творца, который создал науку и искусство, чтобы с их же помощью приносить наслаждение себе и окружающим.

В конце статьи утверждается, что роман полностью вписывается в художественный мир автора, однако поднимается вопрос о возможной творческой неудаче – выдвигается предположение, что Одоевский так и не был удовлетворен получившейся формой своего произведения и именно поэтому оставил его незавершенным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интермедиальный анализ; новое искусство; эпистолярные романы; русские писатели; утопия; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты

Д л я ц и т и р о в а н и я: Качков, И. А. Роман В. Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» как воплощение идеи нового искусства / И. А. Качков. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 87–95. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-07.

THE NOVEL BY V. F. ODOEVSKY "THE YEAR 4338: PETERSBURG LETTERS" AS AN ILLUSTRATION OF THE IDEA OF A NEW ART

Ilya A. Kachkov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3344-0083>

Abstract. The article studies the novel by V. F. Odoevsky "The Year 4338: Petersburg Letters". The aim of the work is to show that the artistic form of this novel is intended to present the author's philosophical idea of creating a new art and a new science through their synthesis. The idea of such synthesis can be traced in a number of Odoevsky's works, but the novel "The Year 4338" has never been included in this list before, since researchers saw it only as the author's reflections on the theme of scientific and technological progress. The study exploits the method of intermedial analysis aimed at studying the process of adaptation of visual and auidial communication channels within verbal media forms.

The analysis has made it possible to trace how the author achieves the effect of documentary authenticity: he transforms the epistolary form, removing some of its mandatory elements and introducing the features of ordinary fiction. To simplify the visualization of unfamiliar images to the readers, Odoevsky places them in the artistic world of the novel next to well-known objects of the real world and uses an intermedial mechanism of partial reproduction. The article has also revealed that the motif of synthesis is recurrent in the novel and has obvious similarities with Odoevsky's later work, "Russian Nights". This motif emphasizes the inseparable connection between scientific and artistic creativity, which finds expression in the utopian image of the Cabinet of Curiosities. The idea of synthesis is revealed as fully as possible in the episode with the play of the main character's companion on the hydrophone: the author creates an image of a person-creator who had created science and art in order to bring pleasure to themselves and others with their help.

At the end of the article, it is argued that the novel fully fits into the artistic world of the author; however, the question of a possible creative failure is raised – a supposition is put forward that Odoevsky was not satisfied with the resulting form of his work and that is why he left it unfinished.

Keywords: intermedial analysis, new art, epistolary novels, Russian writers, utopia, literary creative activity, literary genres, literary plots

For citation: Kachkov, I. A. (2022). The Novel by V. F. Odoevsky "The Year 4338: Petersburg Letters" as an Illustration of the Idea of a New Art. In *Philological Class.* Vol. 27. No. 3, pp. 87–95. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-07.

«4338-й год: Петербургские письма» – это эпистолярный роман В. Ф. Одоевского, создававшийся в 1837–1839 годах. Он не был закончен автором и при его жизни публиковался только отрывками, однако исследователи уделяют ему достаточно пристальное внимание. Причина проста – русская литература XIX века знает относительно немного произведений в жанре утопии, да еще и с элементами научной фантастики, предсказания которой в значительном объеме уже осуществились.

Роман отразил широко известную, но к тому времени уже терявшую популярность теорию животного магнетизма, которой был увлечен сам Одоевский. Герой романа – сомнамбул, обладающий способностью переноситься в своих снах в любую эпоху и, находясь там, бессознательно записывать все, что с ним происходит. Его желание увидеть, что будет с нашей цивилизацией за год до ее гибели от кометы Вьеллы, перенесло его в 4338 год. Он попал в тело китайца, который в тот момент путешествовал по России и вел пе-

реписку со своим другом из Пекина. Эти письма и составляют основу романа. К ним также при-мыкают небольшие фрагменты, которые можно считать набросками для будущих писем, – однако по ним представление о дальнейшем развитии авторской мысли можно получить только в самых общих чертах.

Незавершенность романа действительно ощущается. Фабула ослаблена, о финале судить невозможно, поскольку его просто нет – зато представлен ряд фантастических описаний, где Россия занимает целое полушарие и является центром всемирного просвещения. Люди перемещаются по воздуху на аэростатах и по подземным туннелям на электропоездах, осваивают Луну и вообще космос, могут управлять климатом, у них есть подобие интернета и блогов, фотоаппарата и ксерокса, а одним из любимых напитков является аналог современной газированной воды. Все это – главные про-рочества Одоевского-фантаста.

Среди литературоведов одним из первых на роман обратил внимание П. Н. Сакулин. В своем труде 1913 года «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель» он проанализировал представленные в романе размышления Одоевского на тему научно-технических открытий и геополитической обстановки и пришел к выводу, что в целом эта утопия «представляет типичное явление для русской жизни тридцатых годов» [Сакулин 1913: 197]. Писатель полагался на идеи, которые и так были на слуху¹, и ориентировался на жанры, которые уже были разработаны его предшественниками – и здесь нельзя не вспомнить о фантастической повести Ф. Булгарина «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке» (1824) и о романе А. Ф. Вельтмана «МММСДХLVIІІ год. Рукопись Мартына Задека» (1833). А вот в плане социальных отношений, как отмечает Сакулин, Одоевский остался сыном своего века – перед читателем все еще представлена Николаевская Россия [Сакулин 1913: 200–201], пусть и с элементами коммунизма – например, в трактирах путешественников кормят бесплатно, но в соответствии с тем положением, которое они занимают в обществе. Новаторством же было то, что Одоевский представил в своей утопии не просто абстрактный мир будущего, а именно Россию.

В советское время за изучение романа взялся О. В. Цехновицер – он исследовал архивные документы Одоевского, черновики, письма, заметки, отдельные фрагменты текста, сопоставлял варианты глав и в итоге в 1926 году опубликовал наиболее полный текст его утопии – эта впечатляющая текстологическая работа и позволила нам сегодня читать роман «4338-й год» в самых разнообразных переизданиях. Во вступительной статье Цехновицер констатировал, что многие открытия, которые Одоевский относил к ХLIV веку, уже воплотились в жизнь в начале ХХ столетия [Цехновицер 1926: 8], а самого автора исследователь провозгласил «родоначальником современных романов в жанре Уэльса» [Цехновицер 1926: 9–10]. Но и здесь повторялась мысль о «социальной близорукости» [Цехновицер 1926: 6] Одоевского, сохранившего в России будущего и монархический строй,

и классовое неравенство, и сложную бюрократическую систему.

В 1959 году новое переиздание романа «4338-й год» предпринимает Е. Ю. Хин, но и в ее вступительной статье мы находим ту же самую идею: Россия 4338 года «недалеко ушла от России ХІХ столетия» [Хин 1959: 23], а для Одоевского, «писателя-просветителя, огромное значение имеет развитие науки и техники» [Хин 1959: 23]. Снова в вину автору ставится классовое и имущественное расслоение общества, а заслугой называют научно-технические предсказания.

Сознательно цитируя друг друга, эти ученые сформировали достаточно односторонний взгляд на этот роман, из которого следовало, что фантазии автора на тему прогресса были буквально самоцелью.

Новые попытки понять утопию Одоевского предпринимаются и сейчас, однако неизменной остается убежденность, что идейная составляющая этой утопии явно преобладает над художественной. Например, Н. В. Ковтун в своей статье «Роман В. Ф. Одоевского „4338 год“ и традиции интеллектуальной утопии в России» сама начинает свой анализ с постановки проблемы соотношения этих двух начал – философского и художественного [Ковтун 2004: 179] – но при этом рассматривает роман исключительно как произведение мыслителя и интеллектуала. Содержание снова берет верх над формой, из-за чего складывается впечатление, что последняя вообще мало заботит исследователей.

В нашей работе мы попробуем доказать, что художественная составляющая этого романа (его форма, образы и мотивы) дополняет и обогащает идеи автора – и, что особенно интересно, встраивает в ряд других произведений Одоевского. Более того, мы покажем, что изображение достижений науки и техники будущего нужно для реализации другого, более масштабного замысла. Поможет нам в этом теория интермедиальности, применение которой уже доказало свою продуктивность в исследовании еще одного знаменитого романа Одоевского – «Русские ночи»² (1844).

Понятие «интермедиальность» мы определяем как формально-содержательную состав-

¹ Стоит отметить, что похожие предсказания были и у другого знаменитого фантаста второй половины ХІХ века – Жюль Верна.

² См. работы [Хаминова 2011; Качков 2021].

ляющую художественного произведения, связанную с авторской стратегией адаптировать и транслировать семиотические коды других медиа – то есть других каналов коммуникации. Речь идет о намеренном создании иллюзии присутствия в тексте визуальных и аудиальных образов, а также об имитации форм и свойств других медиа.

Важно понимать, что не каждое литературное произведение может содержать интермедийные элементы. Обычно это эксперименты, отражающие специфические художественные установки писателя. Такие установки всегда требуют своего уточнения в ходе анализа, однако в случае с Одоевским разгадка лежит на поверхности. Писатель хотел добиться синкретизма восприятия наук и искусств.

В своих многочисленных черновиках и трактатах 1830–1840-х годов¹ он не раз выражал идею синтеза на самых разных уровнях: от абстрактного единения науки, искусства, веры и любви в понятиях нравственности и нравственного инстинкта – до вполне конкретного желания разрушить рамки между разными науками и искусствами, создав таким образом новую науку и новое искусство: «Науки филологические объединяют явления слова, науки исторические – историю, науки математические – математику, на полное изучение каждой отрасли знаний недостаточно жизни человека; изучение одной только отрасли недостаточно и односторонне. <...> Должна быть составлена система наук, которая бы относилась к каждому человеку так, как нынешняя система относится к каждому предмету в особенности. В этом должна быть и задача воспитания. Примеры такого соединения мы видим и в искусстве: вы входите в храм, вас поражают совокупно и музыка, и архитектура, и религиозное чувство. Какое же мы имели право отделить эти предметы один от другого?»².

Для романтической эстетики эта идея не является чем-то новым – романтики действительно искали единое и универсальное искусство и считали, что больше всего их идеалу соответствует музыка. Поэтому, например,

Рихард Вагнер свой Gesamtkunstwerk находит именно в опере, превращая ее в место встречи всех искусств – настоящий гипермедиум [Kattenbelt 2006: 37]. Одоевский тоже не желает оставаться только теоретиком – говоря о новом искусстве, он сам создает произведения в качестве примеров такого искусства. Вершиной его трудов станет роман «Русские ночи», воплотивший идеи синтеза наук и искусств и на уровне формы, и на уровне содержания. Но в таком контексте роман «4338-й год» мог выступать как проба пера, одна из ранних попыток художественно переосмыслить те идеи, которые уже были изложены языком научно-публицистических трактатов. Следовательно, его также можно рассматривать как один из ключей к «Русским ночам».

В романе «4338-й год» мы тоже находим развитие идеи синкретизма: все научные открытия будущего удастся совершить именно благодаря объединению наук – пусть и путем иерархической реорганизации всего общества. В утопии Одоевского у каждого поэта и философа в подчинении находятся историки, физики, лингвисты и другие ученые: «...каждый из историков имеет, в свою очередь, под своим ведением несколько хронологов, филологов-антиквариев, географов; физик – несколько химиков, ...ологов, минерологов, так и далее. Минеролог и пр. имеет под своим ведением несколько металлургов и так далее до простых копистов [...] испытателей, которые занимаются простыми грубыми опытами» [Одоевский 1959: 442]. Выстраивается четкая иерархия: наверху – труд интеллектуальный и творческий, внизу – опыты и наблюдения. Но поскольку все они взаимосвязаны и взаимозависимы, любое исследование проводится всесторонне, разные области знаний все время поддерживают и дополняют друг друга. При этом «поэт не отвлекается от своего вдохновения, философ от своего мышления – материальной работой» [Одоевский 1959: 443].

Заметим, что главой этого утопического государства является именно поэт – то есть искусство все-таки выходит на первый план. Одо-

¹ В качестве примера можно назвать такие работы Одоевского, как «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства», «Элементы народные», «Наука инстинкта. Ответ Рожалину», «Психологические заметки», «Организм». Подробнее о них и об идее создания новой науки и нового искусства см. [Качков 2019].

² Цитируется по рукописи В. Ф. Одоевского «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства» [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 24. Л. 79].

евский аккуратно доносит до читателя мысль, что научные открытия – это тоже творчество, которое рождается благодаря вдохновению. Но в отличие от написания картины или создания музыкальной композиции научное творчество – это совместные усилия целого ряда ученых самых разных областей. А потому можно предположить, что речь в романе все-таки идет вовсе не о научных открытиях, а именно о творчестве идеи синтеза – на всех уровнях.

Заметим, что в «Русских ночах» на этом тоже будет сделан акцент – и уже в самом начале романа. Один из героев – Ростислав – задумается вдруг о том, что «каре́та есть важное произведение искусства» [Одоевский 1975: 12], после чего вместе с друзьями он начнет вспоминать, что «для рессор надобно было взрывать рудники, для сукна – воспитать мериносов и изобрести ткацкий стан, для кожи – открыть свойства дубильного вещества, для красок – почти всю химию, для дерева – существовать мореплаванию, Колумбу открыть Америку, и проч. и проч. Словом, нашлось, что почти все науки и искусства и почти все великие люди были необходимы для того, чтобы мы могли спокойно сидеть в карете» [Одоевский 1975: 12].

Литературное произведение, соответственно, тоже должно стать результатом синтеза разных форм и разных искусств, но, чтобы это осуществить, Одоевскому нужно выбрать определенную стратегию: либо включить в текст элементы других семиотических систем (например, добавить в текст иллюстрации), либо адаптировать эти системы в рамках вербального медиума. Одоевский предпочитает второй путь.

Самое очевидное, что он предпринимает, – придает роману эпистолярную форму, максимально увеличивая разрыв между автором и героем. История литературы знает немало примеров эпистолярных произведений, из-за чего сущность такой формы перестает вызывать у исследователя вопросы. Однако не стоит забывать, что перед нами попытка воспроизвести технику композиции пусть и тоже вербального медиума, но работающего при этом по своим собственным законам и направленного на совсем другие цели: достаточно лаконично передать сведения о себе и узнать информацию об адресате. По классификации А. А. Хаминовой и Н. Н. Зильберман такое явление можно

отнести к категории интермедиальной трансформации, а именно – к проекции формообразующих принципов [Хаминава, Зильберман 2014: 43]. Писатель берет за основу устойчивую форму конкретного канала передачи информации, но использует ее в несвойственных ей целях. Аналогичный пример Хаминовой и Зильберман – роман в форме сценария фильма.

Любое литературное письмо будет изначально интермедиальным явлением, поскольку оно только имитирует свой канал коммуникации. Одоевский понимает, что такие письма не имеют реального адресата, а потому не просто не предполагают ответа, но и вообще не нуждаются в строгих этикетных правилах. Он убирает из этих писем часть обязательных атрибутов, таких как вступительное обращение к адресату, сопроводительная формула прощания, подпись и дата. Они есть только в самом первом письме, остальные же шесть писем как будто редуцированы, лишены всего, что может отвлечь читателя, вырвать его из художественного мира и замедлить повествование о более важных, с точки зрения автора, вещах. Вместо этого Одоевский добавляет черты, свойственные обычной художественной прозе: диалоги героев с использованием тире в начале каждой реплики, развернутые описания и привычное повествование от первого лица. Получается буквальное проникновение одной формы в другую – художественная проза получает форму письма, но трансформирует ее под свои нужды. Подобный прием Одоевский использует и в «Русских ночах», когда редуцирует обычную романную форму до исключительно диалога героев с редкими ремарками на театральном манер. Но там он таким образом подчеркнет важность идейного наполнения их разговоров, где просто нет места для лишних художественных описаний. Помимо этого, форма «Русских ночей» явно отсылает нас к философскому жанру диалога, что тянет за собой соответствующее отношение к тексту. В случае же с романом «4338-й год» Одоевский добивается другого эффекта – документальной достоверности.

Чтобы читатель поверил в происходящее и смог визуализировать новые для него образы, ему нужна точка опоры в виде образов уже хорошо знакомых. Поэтому Одоевский полагается на эффект узнавания. Приведем пример:

«Действительно, в той части города, которая называется Московскою и где находятся величественные остатки древнего Кремля, есть в характере архитектуры что-то особенное» [Одоевский 1959: 421]. Перед нами достаточно яркий образ – остатки и даже, возможно, развалины всем известного Кремля. Однако самого описания здесь нет – перед нами применение механизма частичной репродукции, как его называет известный немецкий интермедиалист Вернер Вольф [Wolf 2011: 5]. Суть механизма заключается в том, что автору достаточно всего лишь упоминания названия произведения (музыкального, живописного, архитектурного и т. д.) или его узнаваемой детали, чтобы читатель сам восстановил в своем воображении весь образ целиком. А затем к уже знакомому образу можно пристроить образ вымышленный, который читателям будет гораздо проще представить. Для этого даже не потребуется слишком развернутых описаний – задача визуализации образа будет перенесена на самого читателя. Выглядит это так: «Дом первого министра находится в лучшей части города, близ Пулковой горы, возле знаменитой древней Обсерватории, которая, говорят, построена за 2300 лет до нашего времени» [Одоевский 1959: 428]. Пулковская обсерватория действительно была открыта в 1839 году, и это строение до сих пор сохранилось. Оно имеет характерную архитектуру, а потому хорошо узнается. А вот дом первого министра – это уже выдумка Одоевского. Но в общей картине это только один элемент, который мысленно достраивается читателем.

По такому же принципу автор вводит и интертекст, который тоже работает на усиление доверия к рассказчику. В седьмом письме речь заходит о дискуссии по поводу первоначального названия Санкт-Петербурга. Ученые из будущего выдвигают свои гипотезы и свои доказательства. Предположение, что город когда-то назывался Петрополем, подкрепляется строчкой Г. Р. Державина из «Видения мурзы»: «Петрополь с башнями дремал...» [Одоевский 1959: 436]. Автор строчки не называется, но современники Одоевского вполне могли узнать его. Следом идет мнение, что город именовался Питером, и приводится другая цитата: «Пишу к вам, почтеннейший, из Питера, а на днях отправляюсь в Кронштадт, где мне предлагают

место помощника столоначальника... с жалованьем по пятисот рублей в год...» [Одоевский 1959: 436]. Автора этой цитаты установить невозможно, вероятно, это тоже выдумка Одоевского – но благодаря такому расположению в тексте она вызывает не меньшее доверие, чем первая. Причем как у персонажей романа, так и у читателя, который тоже по аналогии попытается узнать эту несуществующую цитату. Создается образ несуществующего автора, ненадежного рассказчика, слова которого, как ни странно, становятся аргументом.

Необычная ситуация складывается и с единственным в романе экфрасисом: «Недавно открыли здесь очень древнюю картину, – сказал Хартин, – на которой изображен снаряд, который употребляли, вероятно, для усмирения лошади; на этой картине ноги лошади привязаны к стойкам, и человек молотом набивает ей копыто; возле находится другая лошадь, запряженная в какую-то странную повозку на колесах» [Одоевский 1959: 424].

Экфрасис – это вербальная репрезентация визуальной репрезентации [Neffernan 1993: 3]: мы вербально описываем изображение, которое, в свою очередь, является репрезентацией фантазии художника или некоторой реалии. Однако в данном случае возникает вопрос: а была ли такая картина? Представить ее достаточно просто, найти подобные живописные полотна также не составит труда. По аналогии с цитатами, приведенными выше, читателя вынуждают узнать эту картину. Но велика вероятность, что она хоть и является «убедительным» артефактом из далекого прошлого, однако на самом деле является фантазией самого Одоевского. Тогда перед нами условный дескриптивный экфрасис, введенный в текст буквально одним предложением, но за счет узнавания реалии вызывающий достаточно конкретный образ в голове у читателя. Происходит парадоксальное узнавание того, чего не существует.

И такое смешение знакомой реальности и вымысла, выдаваемого за реальность, тоже можно считать формой синтеза, стремлением Одоевского к универсализации явлений.

Идея такого синтеза по ходу повествования проявляет себя в образах сада из третьего письма, где в одном месте собраны растения не только со всего мира, но и из всех исторических эпох [Одоевский 1959: 423]; в образах уди-

вительных гибридов разных плодов, описанных в пятом письме и обладающих уникальными вкусами за счет своих странных сочетаний (бананы, соединенные с грушей; финики, привитые к вишневному дереву, и т. д.) [Одоевский 1959: 431]. Наконец, наиболее прямо об этом синтезе Одоевский скажет в седьмом письме, описывая Кабинет Редкостей. Туда приходят «и физик, и историк, и поэт, и музыкант, и живописец; они благородно поверяют друг другу свои мысли, опыты, даже и неудачные, самые зародыши своих открытий, ничего не скрывая, без ложной скромности и без самохвальства; здесь они совещаются о средствах согласовать труды свои и дать им единство направления» [Одоевский 1959: 435].

Образ Кабинета Редкостей – своеобразная государственная утопия, в которой на первом месте стоит разумная философская идея. Но чтобы сохранить синтез, ту же самую мысль Одоевский должен выразить еще и в масштабном художественном образе. И такой образ у него есть.

В пятом письме герой рассказывает о том, как попал на светский прием. Его поражают наряды и те развлечения, которые оказываются так привычны в этом обществе. Вот одно из них:

«В разных местах сада по временам раздавалась скрытая музыка, которая, однако ж, играла очень тихо, чтобы не мешать разговорам. Охотники садились на резонанс, особо устроенный над невидимым оркестром; меня пригласили сесть туда же, но, с непривычки, мои нервы так раздражились от этого приятного, но слишком сильного сотрясения, что я, не высидев двух минут, соскочил на землю, чему дамы много смеялись» [Одоевский 1959: 429].

Одоевский предлагает читателю взглянуть на привычное наслаждение музыкой с совершенно иного ракурса и напоминает, что в основе этого прекрасного искусства лежит не менее удивительная наука – физика. Перед нами эксплицитная референция, если использовать классификацию интермедийных явлений Вернера Вольфа [Wolf 2016: 28]. Писатель делает музыку темой этого фрагмента, предлагая читателям получать впечатления через описание ее свойств, отношение к ней со стороны героя и других персонажей.

Этот фрагмент интересен еще и тем, что он напоминает эксперименты художников международного течения «Флюксус». Это те-

чение – особое явление в истории искусства, поскольку авангардное творчество его художников еще с 1960-х годов было направлено на одновременную активизацию всех органов человеческого восприятия – как у зрительской аудитории, так и у самого художника. Либо же наоборот – на отказе от одних органов чувств и замещении их другими.

Поскольку звук по своей физической природе – это просто волна, колебание воздуха, он всегда присутствует рядом с нами, даже когда человеческий слух его не воспринимает. Джереми Бойл продемонстрировал это в одном из своих перформансов: он поместил мощный сабвуфер в большой аквариум, наполненный непрозрачной жидкостью, и включил музыку. В ходе перформанса он показывал зрителям, какие узоры в этой жидкости могут создавать звуковые волны. Самого звука при этом никто не слышал – вместо этого присутствующие «видели» звук [Higgins 2002: 74].

Этот эпизод у Одоевского как бы готовит читателя к осознанию того, как сильна связь науки и искусства. И когда это осознание приходит, он предлагает еще более яркий фрагмент – настоящую кульминацию. Она начинается как изображение очередного фантастического изобретения:

«Я приблизился к моей даме и с удивлением увидел, что она играла на клавишах, приделанных к бассейну: эти клавиши были соединены с отверстиями, из которых по временам вода падала на хрустальные колокола и производила чудесную гармонию. Иногда вода выбегала быстрою, порывистою струей, и тогда звуки походили на гул разъяренных волн, приведенный в дикую, но правильную гармонию; иногда струи катились спокойно, и тогда как бы из отдаления прилетали величественные, полные аккорды; иногда струи рассыпались мелкими брызгами по звонкому стеклу, и тогда слышно было тихое, мелодическое журчание. Этот инструмент назывался гидрофоном; он недавно изобретен здесь и еще не вошел в общее употребление» [Одоевский 1959: 430].

Уже здесь мы видим явное единство науки и искусства, но далее Одоевский добавляет к ним еще больше элементов. Теперь героя поражает слияние музыки, технической нотации, вокала, природной стихии, аромата и эстетики женского наряда:

«Никогда моя прекрасная дама не казалась мне столь прелестною: электрические фиолетовые искры головного убора огненным дождем сыпались на ее белые, пышные плечи, отражались в быстробегущих струях и мгновенным блеском освещали ее прекрасное, выразительное лицо и роскошные локоны; сквозь радужные полосы ее платья мелькали блестящие струйки и по временам обрисовывали ее прекрасные формы, казавшиеся полупризрачными. Вскоре к звукам гидрофона присоединился ее чистый, выразительный голос и словно утонул в гармонических переливах инструмента. Действие этой музыки, как бы выходящей из недостижимой глубины вод; чудный магический блеск; воздух, налитый ароматами; наконец, прекрасная женщина, которая, казалось, плавала в этом чудном слиянии звуков, волн и света, – все это привело меня в такое упоение, что красавица кончила, а я долго еще не мог прийти в себя, что она, если не ошибаюсь, заметила» [Одоевский 1959: 430].

Этот фрагмент не передает саму музыку, но он транслирует читателю впечатления от нее, пропущенные через сознание героя. Это максимальный уровень вербализации, когда музыка только описывается, но никак не звучит. Подобные фрагменты мы встретим и в новелле Одоевского «Бал», написанной в 1833 году и попавшей потом в «Русские ночи». Только там музыка будет казаться герою мучительно ужасной, несмотря на свою внешнюю красоту, а в романе «4338-й год» она «приводит в упоение» – и поражает героя именно комплексом впечатлений. Здесь синтез достигает своего торжества – наука, подарившая миру новый музыкальный инструмент, становится основой искусства. Но ни наука, ни искусство не могут существовать без человека – они созданы им и для него. Их торжество – его заслуга. Отсюда такое внимание к женскому образу в этом фрагменте: творец здесь именно она.

Литература

Качков, И. А. Поэтика романа В. Ф. Одоевского «Русские ночи»: интермедийный аспект / И. А. Качков // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 305–319.

Качков, И. А. Черновики В. Ф. Одоевского как ключ к пониманию романа «Русские ночи» / И. А. Качков, Н. В. Пращерук // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. – 2019. – Т. 5, № 4 (20). – С. 64–74.

Ковтун, Н. В. Роман В. Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России / Н. В. Ковтун // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307, № 5. – С. 179–183.

Одоевский, В. Ф. 4338-й год / В. Ф. Одоевский // Повести и рассказы. – М.: ГИХЛ, 1959. – С. 416–448.

Одоевский, В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский. – Л.: Наука, 1975. – 320 с.

Таким образом, роман «4338-й год» не становится чем-то необычным для творчества Одоевского. Он полностью вписывается в его художественный мир, поскольку осмысляет одну из важнейших для автора идей – идею синтеза наук и искусств. За чередой фантастических образов ее легко упустить, и это иногда вводит исследователей в заблуждение. Однако, если рассмотреть роман с позиций теории интермедийности, становится очевидно – любознательный Одоевский остается верен себе и своим философским исканиям. Только теперь свои идеи он облакает в художественную форму. Это приводит его к другой проблеме – форма должна отвечать содержанию: торжество синтеза нужно выразить на всех уровнях художественного целого.

Дискуссионными остаются вопросы о том, удалось ли Одоевскому осуществить задуманное в той мере, в которой он сам это планировал, и не связана ли незавершенность произведения с пониманием недостижимости поставленных целей. Ведь если исследователи и читатели так и не распознали его интенции, то получается, что новое искусство обернулось творческой неудачей писателя. В таком случае отказ Одоевского от дальнейшей работы над романом объясняется именно неудовлетворенностью результатами.

В связи с этим мы убеждены, что роман «4338-й год» необходимо изучать не только как самостоятельное произведение, но и в качестве необходимого шага на пути к созданию «Русских ночей» – интермедийного романа, совмещающего в себе музыкальную структуру, драматическую форму, философское содержание и яркие визуальные образы. Мы видим, как поиск подходящего художественного воплощения приводит к пониманию ограниченности традиционных медиаформ и попыткам преодолеть ее путем сознательного нарушения их границ.

- Сакулин, П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. Т. 1. Ч. 2 / П. Н. Сакулин. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. – 479 с.
- Хаминова, А. А. Роман В. Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедиального анализа / А. А. Хаминова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 343. – С. 23–26.
- Хаминова, А. А. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А. А. Хаминова, Н. Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 38–45.
- Хин, Е. Ю. В. Ф. Одоевский / Е. Ю. Хин // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. – М. : ГИХЛ, 1959. – С. 3–38.
- Цехновицер, О. В. От редактора / О. В. Цехновицер // Одоевский В. Ф. 4338-й год. – М. : Огонек, 1926. – С. 3–10.
- Heffernan, J. A. W. *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery* / J. A. W. Heffernan. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1993. – 249 p.
- Higgins, H. *Intermedial Perception or Fluxing Across the Sensory* / H. Higgins // *Convergence: The Journal of Research Into New Media Technologies*. – 2002. – Vol. 8. – P. 59–76.
- Kattenbelt, C. *Theatre as the Art of the Performer and the Stage of Intermediality* / C. Kattenbelt // *Intermediality in Theatre and Performance*. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. – P. 31–41.
- Wolf, W. (Inter)mediality and the Study of Literature / W. Wolf // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. – 2011. – Vol. 13. – P. 1–9.
- Wolf, W. *Intermediality Revisited. Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality* / W. Wolf // *Word and Music Studies. Essays in Honor of Steven Paul Scher and on Cultural Identity and the Musical Stage*. – 2016. – Vol. 4. – P. 13–34.

References

- Heffernan, J. A. W. (1993). *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, The University of Chicago Press. 249 p.
- Higgins, H. (2002). *Intermedial Perception or Fluxing Across the Sensory*. In *Convergence: The Journal of Research Into New Media Technologies*. Vol. 8, pp. 59–76.
- Kachkov, I. A. (2021). *Poetika romana V. F. Odoevskogo «Russkie nochi»: intermedial'nyi aspekt [Poetics of V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights": The Intermedial Aspect]*. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 19. No. 4, pp. 305–319.
- Kachkov, I. A., Prashcheruk, N. V. (2019). *Chernoviki V. F. Odoevskogo kak klyuch k ponimaniyu romana «Russkie nochi» [Archival Documents of V. F. Odoevsky as a Key to Understanding of the Novel "Russian Nights"]*. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. Vol. 5. No. 4 (20), pp. 64–74.
- Kattenbelt, C. (2006). *Theatre as the Art of the Performer and the Stage of Intermediality*. In *Intermediality in Theatre and Performance*. Amsterdam, New York, Rodopi, pp. 31–41.
- Khaminova, A. A. (2011). *Roman V. F. Odoevskogo «Russkie nochi» v aspekte intermedial'nogo analiza [V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights" in the Aspect of the Intermedial Analysis]*. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 343, pp. 23–26.
- Khaminova, A. A., Zilberman N. N. (2014). *Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoi gumanitarnoi nauki [The Theory of Intermediality in the Context of Modern Humanities]*. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 389, pp. 38–45.
- Khin, E. Yu. (1959) V. F. Odoevskii [V. F. Odoevsky]. In *Odoevskii V. F. Povesti i rasskazy*. Moscow, GIKhL, pp. 3–38.
- Kovtun, N. V. (2004). *Roman V. F. Odoevskogo «4338 god» i traditsii intellektual'noi utopii v Rossii [V. F. Odoevsky's Novel "4338th Year" and the Traditions of Intellectual Utopia in Russia]*. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. Vol. 307. No. 5, pp. 179–183.
- Odoevsky, V. F. (1959). *4338-i god [4338th Year]*. *Povesti i rasskazy*. Moscow, GIKhL, pp. 416–448.
- Odoevsky, V. F. (1975). *Russkie nochi [Russian Nights]*. Leningrad, Nauka. 320 p.
- Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V. F. Odoevskii. Myslitel'-pisatel' [From the History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker-Writer]*. Vol. 1. Part. II. Moscow, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh. 479 p.
- Tsekhnovits'er, O. V. (1926). *От редактора [From the Editor]*. In *Odoevskii V. F. 4338-i god*. Moscow, Ogon'ek, pp. 3–10.
- Wolf, W. (2011). (Inter)mediality and the Study of Literature. In *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. Vol. 13, pp. 1–9.
- Wolf, W. (2016). *Intermediality Revisited. Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality*. In *Word and Music Studies. Essays in Honor of Steven Paul Scher and on Cultural Identity and the Musical Stage*. Vol. 4, pp. 13–34.

Данные об авторе

Качков Илья Александрович – аспирант, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, 51.
E-mail: ilya.kachkov@urfu.ru.

Author's information

Kachkov Ilya Alexandrovich – Postgraduate Student, Assistant of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

«РЕЗОНАНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО» РУССКОГО КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА: «ОБОЙДЕННЫЕ» Н. С. ЛЕСКОВА И «ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Евдокимова О. В.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2558-1297>

Самойлова Е. П.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-5949>

Аннотация. В статье впервые установлены поэтико-типологические соответствия между романом Н. С. Лескова «Обойденные» (1865) и романом Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868–1869). Выявлена общая для них тема – «вочеловечения» героя, восходящая к творчеству В. А. Жуковского. Реминисценции к «старинной повести» «Ундина», балладе «Эолова арфа», «стихотворной повести» «Наль и Дамаянти», к лирическому тексту «Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне», в котором синтезированы многие темы, мотивы, приемы поэтики В. А. Жуковского, образуют лирико-философский подтекст романа Н. С. Лескова. Наличие метафизирующего смысла поэтического подтекста – типологическая черта русского классического романа (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский). Смыслорождающая тема романа «Идиот» – «приговоренного к смертной казни» – одна из центральных тем «Обойденных» Н. С. Лескова. Князь Мышкин и Нестор Долинский наделены близкими воззрениями на истину – она с человеком, у которого «не могло быть врага». Кульминационный момент в онтологической трагедии героев – выбор между «совершенными красавицами», способными «понимать истину сердцем». Специфика изобразительной системы произведений определяется взаимодействием слова и изображения. Обнаруженные поэтико-типологические соответствия представляют историю классического романа в его константах и вариациях, свидетельствуя о ее целостности. Способ связи в процессе образования целостности укоренен в традиции русской культуры, охарактеризован исходя из концепций С. Г. Бочарова – «генетическая память литературы» и В. Н. Топорова – «резонантное пространство» культуры. Онтологическая основа творчества, глубоко сознаваемая Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским, логика развития «форм культуры» явились условиями, при которых поэтика романа «Идиот», бросающая «вызов всем поэтикам от Аристотеля до наших дней», подготовлена романом, не претендующим на исключительность, недоволеленным. «Обойденные» и «Идиот» соотносимы как эскиз, наделенный новаторской поэтикой, и совершенная картина.

Ключевые слова: поэтика романа; русские классические романы; резонантное пространство литературы; русская литература; литературные жанры; литературные сюжеты

Для цитирования: Евдокимова, О. В. «Резонантное пространство» русского классического романа: «Обойденные» Н. С. Лескова и «Идиот» Ф. М. Достоевского / О. В. Евдокимова, Е. П. Самойлова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 96–104. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-08.

THE “RESONANT SPACE” OF THE RUSSIAN CLASSIC NOVEL: N. S. LESKOV’S “NEGLECTED PEOPLE” AND F. M. DOSTOEVSKY’S “THE IDIOT”

Olga V. Evdokimova

Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2558-1297>

Elena P. Samoylova

Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract. The article establishes poetic-typological correspondences between N. S. Leskov's novel "Neglected People" (1865) and F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" (1868–1869). The study has revealed a common theme for both of them – "hominization" of the character – going back to the creative works of V. A. Zhukovsky. The allusions to such works as the "Undine, an Old Novella", the ballad "The Harp of Aeolus", the "poetic story" "Nala and Damaiani", the lyrical text "Detailed Report about the Moon. Message to Her Majesty the Empress Maria Feodorovna", which synthesizes many themes, motifs, and poetic techniques of V. A. Zhukovsky form the lyrical-philosophical subtext of Leskov's novel. The presence of a poetical subtext metaphysically interpreting the meanings is a typological feature of the Russian classic novel (I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, F. M. Dostoevsky). The meaning-generating theme of the novel "The Idiot" – "a person sentenced to death" – is one of the central themes of Leskov's novel "Neglected People". Prince Myshkin and Nestor Dolinsky have similar views on the truth – it is on the side of the person who "cannot have an enemy". The climax in the ontological tragedy of both characters lies in the choice between "perfect beauties" capable of "understanding the truth with their hearts". The specificity of the artistic systems of the novels is determined by the interaction between its verbal and visual aspects. The poetic-typological correspondences discovered by the study show the classic novel's story in its constants and variations and demonstrate its holistic nature. The method of expressing coherence in the process of formation of holistic nature is rooted in the Russian cultural tradition. It is characterized drawing on the concepts of S. G. Bocharov – "the genetic memory of literature" and V. N. Toporov – "the resonant space" of culture. The ontological basis of creativity, deeply felt by Leskov and Dostoevsky, and the logic of development of the "form of culture" were the conditions under which the poetics of the novel "The Idiot" that challenged "all poetics from Aristotle to our time" was prepared by the novel that did not pretend to be either exclusive or complete. The novels "Neglected People" and "The Idiot" can be correlated both as sketches endowed with novel poetics and as perfect pictures.

Keywords: poetics of the novel; Russian classic novels; resonant space of the literature; Russian literature; literary genres; literary plots

For citation: Evdokimova, O. V., Samoylova, E. P. (2022). The "Resonant Space" of the Russian Classic Novel: N. S. Leskov's "Neglected People" and F. M. Dostoevsky's "The Idiot". In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 96–104. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-08.

В науке о творчестве Лескова роман «Обойденные» интерпретируется как произведение, которое нельзя вписать в ряд его знаменитых антигиллистических романов «Некуда» и «На ножах». Известный исследователь хроникально-романического наследия писателя Жан-Клод Маркадэ закрепил такую традицию трактовки романа: «Жаль, что „Обойденные“ написаны не столь ярко, как „Некуда“. Попадаетея немало штампов, затертых выражений. <...> К тому же этот роман занимает вполне определенное место в истории европейской литературы второй половины XIX века. Он предвещает появление в романе антимантического персонажа, того, которого Музиль назовет „человеком без свойств“. <...> Просто можно отметить, что Лесков отдал свою дань определенному веянию времени, которое разовьется в XX веке, увидевшем, как антигерой становится объектом романного повествования» [Маркадэ 2006: 115].

Книга Маркадэ написана в XX веке. Но и в 2021 году этот текст Лескова понимается как «единственный... роман, от начала до конца посвященный любви» [Кучерская 2021: 259],

отстаивающий «право людей быть заурядными» [Там же: 261]. В заключении размышлений исследователя, однако, говорится, что таких героев писатель учился изображать и «у ближних своих, романтиков» [Там же: 264].

**Лирико-философский подтекст
в русском классическом романе:
«Обойденные» и тема «вочеловечения»
героя (В. А. Жуковский)**

Поэтика «Обойденных» провоцирует изучать роман в сравнении с текстами разных литературных направлений. Многие параллели проведены [Видуэцкая 1988; Хан Нам 1998; Гасникова 2006; Мехтеев 2021], но не описаны тематика и лирико-философский подтекст, восходящие к творчеству Жуковского, вступающие в противоречие с тем утверждением, что Лесков бытоописательно изобразил «заурядных людей».

Происхождение главных героинь романа Лескова связано с именем, наводящим балладный ужас на его обитателей, хозяин-«князь» показан как «владыка Морвены»: «Имение князя стало местом всяческих ужа-

сов; в народе говорили, что все эти утопленники и удавленники встают по ночам и бродят по княжьим палатам, стоная о своих душах, погибавших в вечном огне, уготованном самоубийцам. Эолова арфа, устроенная вверху большой башни княжеского дома, при малейшем ветерке наводила цепенящий ужас повсюду, куда достигали ее прихотливые звуки. <...> Князь не изменялся. Он жил один, как владыка Морвены, никого не принимал и продолжал свирепствовать» [Лесков 1998: 57].

В примечаниях к новейшему полному собранию сочинений Лескова упоминание в тексте «Обойденных» эоловой арфы прокомментировано без отсылки к творчеству Жуковского: указано, что Эол – мифологический «повелитель ветров», а эолова арфа – «музыкальный инструмент в виде гуслей» [Лужановский 1998: 699], т. е. бытового предмет.

Вместе с тем очевидно, что описание состояний, испытанных человеком в княжеском имении, дано в образах ужаса и страха вечной смерти. Оно не только тематически подчеркнуто наследует балладам Жуковского, но и напоминает о «категории поэтического мышления» поэта – «ужасное» [Прозоров 2017]. В этом свете «эолова арфа» «Обойденных» – полигенетическая реминисценция балладного мира Жуковского и конкретно «Эоловой арфы» (1814), которая, по словам автора научного комментария к ней, «является средоточием важнейших биографических, эстетических и художественных смыслов» творчества русского романтика, вариацией «на универсальную тему культуры (любовь сильнее смерти)» [Ветшева 2008: 321]. Эта тема константна для образов главных героев романа Н. С. Лескова.

«Владыко Морвены» в незначительной трансформации (у Лескова – «владыка») переселился на страницы романа, а универсальные смыслы темы «вечной, неумирающей любви» [Зайцев 1999: 238] наследовались без отклонений от первоисточника, в частности в таких его строках:

Где жизнь без разлуки,
Где всё не на час –
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас

[Жуковский 2008: 80].

Комплекс чувств главного героя романа, вызванных смертью возлюбленной, переживание им жизни как жизни вечной [Лесков 1998: 276–281] реминисцентны не только относительно баллады «Эолова арфа», но и произведения Жуковского 1820 года, объединившего многие мотивы и темы творчества поэта, – «Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне». Интегрирующей и у поэта, и у прозаика является любовно-лунная тема: «Луна меня тревожит: лучи ее как будто падают мне прямо в мозг и в сердце» [Лесков 1998: 279], – Лесков. Жуковский:

Кто изъяснит нам, что она,
Сия волшебная луна,
Друг нашей ночи неизменный?
Не остров ли она блаженный
И не гостиница ль земли,
Где, навсегда простясь с землею,
Душа слетается с душою,
Чтоб повидаться издали [Жуковский 2008: 202].

Метафизируют любовную тему в «Обойденных» и упоминания имен знаковых героев Жуковского: «И вы тоже ведь очень... этакий интересный Наль, тоскующий о Дамаянти...» [Лесков 1998: 209], – из стихотворной повести «Наль и Дамаянти» (1837–1841).

Узнаваемы, памятны в образе Доры («Дамаянти»), названной и «розовой ундиной» [Лесков 1998: 191], черты образа героини из «старинной повести» Жуковского «Ундина» (1836). На это совпадение уже обращал внимание Хан Нам Су. Изображение и поэтической, и прозаической ундины создано переплетением тем любви, разлуки, верности, дано в раскрытии сложной диалектики природного и духовного в чувстве; общий для них – путь «вочеловечения», обретения души через переживание любви и смерти.

Реминисцентное поле темы «Любовь сильнее смерти», образованное сетью присутствующих в тексте отсылок к творчеству романтика и балладника Жуковского, сформировало лирико-философский подтекст романа Лескова. Такой метафизирующий смыслы подтекст – установленная типологическая черта поэтики русского классического романа. Глубокое исследование функций «лирико-символического подтекста» в романе второй половины XIX века

содержат труды В. М. Марковича, посвященные «классическим» романам И. С. Тургенева [Маркович 2018].

Формы присутствия творчества Жуковского в текстах Достоевского изучаются и в аспекте поэтики, и в аспекте эстетики [Альми 2002; Жилиякова 2004]. В работе А. Н. Кошечко проанализирована тема «вочеловечения» героя, восходящая к произведению Жуковского («Ундина»), как одна из центральных экзистенциальных тем Достоевского [Кошечко 2014].

Само наличие лирико-философского подтекста в «Обойденных» противоречит пониманию и трактовке текста как бытового любовного романа, укорененного только в сфере беллетристики. Противопоставив своих героев нигилистам, «лишним людям», «исключительным героям», Лесков изобразил не «заурядного человека» (хотя и номинировал его как «не героя»), а человека, свободного от ограничивающих суть социальных ролей, не кажущегося, а пребывающего, т. е. в том ракурсе, который актуализирован в словах героини Достоевского Настасьи Филипповны, обращенных к князю Мышкину: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» [Достоевский 2019: 163].

В случае Лескова речь идет не о сознательной установке или идее автора, а о том ракурсе изображения человека, который порожден именно поэтикой романа. При этом отметим, что взаимообусловленность замысла и воплощения, формы и смысла, свойственная роману «Идиот», в «Обойденных» не была достигнута полностью.

«Обойденные» и «Идиот»: поэтико-типологические соответствия в системе персонажей, приемах изображения

Роман Лескова вышел из печати в 1865 году («Отечественные записки»), ранее автор предлагал его для публикации в журнале братьев Достоевских «Эпоха» [Лесков 1958: 256], в котором уже был издан очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (в «Эпохе» – «нашего уезда»). Очевидно, что Лесков считал эти свои произведения близкими творчеству и журналу Досто-

евского, т. к. всегда обстоятельно взвешивал, где нужно опубликовать тот или иной текст.

Автор романа «Идиот» был внимателен к романам «рассказчика». Известен его отзыв о романе «На ножах»: «Читаете ли Вы роман Лескова в „Русском вестнике“? Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества, – но зато отдельные типы! Какова Ванско (курсив Достоевского. – О. В., Е. П.), видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! <...> Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попикив! Каков отец Евангел! (курсив Достоевского. – О. В., Е. П.)» [Достоевский 1986: 172].

Среди опубликованных литературоведческих трудов о творческих пересечениях Достоевского и Лескова [Виноградов 1961; Пульхритудова 1971; Туниманов 1997; Мовнина 2018] нет таких, в которых были бы установлены поэтико-типологические соответствия между романами «Обойденные» и «Идиот».

Однако в рецензии, атрибутированной Лескову только в 60-е годы XX века И. В. Столяровой, писатель отзывался на начало публикации романа «Идиот» симптоматично: «Некоторые видят в романе „Идиот“ проведение автором такой идеи: честная простота и бесхитрость, откровенная, непоколебимая правдивость, соединенная с глубокою гуманностью и пониманием человеческой души, а главное, правдивая простота во всех отношениях с людьми, честность и любовь к ним – есть всепобеждающее, гигантски сильное средство к достижению каких бы то ни было общественных или частных целей. <...> Основания для этого есть» [Столярова 1968].

По сути, здесь названы принципы, на которых построены отношения к людям и к миру одной из главных героинь «Обойденных» – «ундины» Доры [Лесков 1998: 126].

Наметим важнейшие из поэтико-типологических соответствий между романами Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова¹, подчеркнув, что творческая индивидуальность писателей, резкие оценки ими констант стиля друг друга (см. указанную статью В. В. Виноградова)

¹ Обозначенный путь исследования и некоторые аспекты сопоставления романов см.: Кобзева Д. В. «Обойденные» Н. С. Лескова и «Идиот» Ф. М. Достоевского: к истории изучения русского классического романа. Выпускная квалификационная работа, выполненная на кафедре русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена под руководством проф. О. В. Евдокимовой и защищенная в 2020 году.

как будто бы не предполагают никаких соот-
ветствий.

Нестор Игнатьевич Долинский – централь-
ный герой «Обойденных» – своим летописным
именем укоренен в истории России (ср.: имя
князя Мышкина – «...имя историческое, в Ка-
рамзина „Истории“ найти можно и должно...»
[Достоевский 2019: 9], он – вынужденный пу-
тешественник в начале романа, в конце пове-
ствования – вечный странник (ср.: тема стран-
ничества и образ Мышкина).

Доминантные характеристические черты
образа героя Лескова – кротость, доброта, не-
винность (образ главного героя романа Досто-
евского в этих аспектах рассматривал, напри-
мер, А. П. Скафтымов) [Скафтымов 1972].

«Голубиное сердце» – Долинский – вос-
принимает каждый день как день перед каз-
нью: «Ах, это самоё худшее состояние, кото-
рое я знаю; это хуже дня перед казнью, по-
тому что все дни *перед казнью*» [Лесков 1998:
211] (Курсив Лескова. – О. В., Е. П.). В науке
о творчестве Достоевского установлено, что
тема «приговоренного к смертной казни» –
смыслорождающая тема в романе «Идиот»
[Новикова 2016].

И Мышкин, и Долинский сознательно пре-
бывают только в милующем и любовном отно-
шении к другому, но постоянно оказываются
в сюжетных ситуациях, тяготеющих к полю-
су зла. Будучи верным, Долинский вынужден
изменять; искренне любя, он погрузил в море
страданий родных сестер (ср.: отношения в лю-
бовном треугольнике Мышкин – Настасья Фи-
липповна – Рогожин). Но праведница-мать
Долинского считала, что он «будет истинный
инок Божий» [Лесков 1998: 71], т. к. способен
к «сосредоточенной, самосозерцательной и
молитвенной жизни» [Там же], в конце ро-
мана герой Лескова выбирает путь мистика
и проповедника-миссионера (ср.: интерпрета-
ции образа Мышкина в амплитуде «князь Хри-
стос» – «лже-Христос») [Примечания к роману
«Идиот» 2020].

Странность Долинского акцентируется на
протяжении всего повествования о нем (ср.:
«чужеземец» Мышкин). Странствует он от лю-
бви земной – к «чистой любви до слез и молитвы
Богу» [Лесков 1998: 207] (ср.: «И как это любить
двух?» [Достоевский 2019: 535], – Мышкин – На-
стасья Филипповна – Аглая). «Слабый человек»,

с точки зрения почти всех исследователей, До-
линский имеет такое представление об истине,
которое свойственно в романе «Идиот» только
одному герою – князю Мышкину: истина с че-
ловеком, у которого «не могло быть врага» [Ле-
сков 1998: 195].

И Долинский, и Мышкин поставлены пе-
ред выбором между «совершенными» краса-
вицами, «женщинами», способными «пони-
мать истину сердцем» [Лесков 1998: 196]. Выбор
этот – кульминационный момент в трагедии
героев. В основе ее у Достоевского лежит, го-
воря словами Вяч. Иванова, «онтологическая
добродетель»: «Любовь к жизни как таковой,
а не только к радостям и наслаждениям бы-
тия, – любовь, которая выдерживает испы-
тание огнем страдания...» [Иванов 2021]. Бу-
дет преувеличением квалифицировать роман
«Обойденные» как мистическую трагедию. Но
стремление Лескова сформулировать и даже
пропагандировать в высказываниях героев
свое опытное, и в практическом, и в метафи-
зическом смысле, представление о жизни как
феномене, в корне противопоставленном «те-
ории – сочинению» [Лесков 1998:119], о правде
как «вещи решенной» («...ищите прежде всего
царствия Божия и правды Его...») [Лесков 1998:
120]) готовит будущую мистическую траге-
дию – роман «Идиот».

Трагические усилия «вочеловечения», обре-
тения души в попытках приблизиться к любви,
которая сильнее смерти, ставят и героев рома-
на «Идиот» (Рогожин – Настасья Филипповна –
Мышкин), и героев «Обойденных» (Анна Ми-
хайловна – Долинский – Дора) в балладные,
а потому исключительные поэтико-метафи-
зические любовные ситуации, которые, по на-
блюдениям исследователя творчества Жуков-
ского, предполагают «выход, сопряженный
с решительным отречением от умопостигае-
мых представлений о мире» [Прозоров 2017:
126]. Собственно, тот же «выход» актуален и для
читателя.

Мотивы образов Настасьи Филипповны
и Доры – «восхитительной красоты девушки»,
напоминающей «заблудившуюся к людям ун-
дину» [Лесков 1998: 50], – во многом совпада-
ют (сердца, знающего истину, детскости, вины,
прощения, смерти и др.). Вместе с тем именно
характеристика другой героини Достоевско-
го – Аглаи Епанчиной – собирает рассеянные

по тексту лесковского романа черты портрета его главной героини: «Но ведь это такое *самвольное и фантастическое* создание, что и рассказать нельзя! Все *великодушия, все блестящие качества сердца и ума* – это все, пожалуй, в ней есть, но при этом *каприз, насмешки, словом, характер бесовский и вдобавок с фантазиями*» [Достоевский 2019: 329] (курсив наш. – О. В., Е. П.).

Образ сестры Доры – Анны Михайловны – «тоже прекрасной» [Лесков 1998: 51] темами поругания красоты, сердца, стремящегося жертвовать, напоминает некоторые черты образа Настасьи Филипповны; другими – земной разумностью, способностью принять посланное судьбой – Александру Ивановну Епанчину. Именно слова этой героини Лескова ставят финальную точку в повествовании и закрепляют за образом Долинского высоко-романтические черты вечного странника: «Слышите? Это он (курсив Лескова. – О. В., Е. П.) стучит там [в сердце. – О. В., Е. П.] своим дорожным посохом» [Лесков 1998: 316].

Роман «Идиот» в последнее время активно изучается с точки зрения диалога слова и живописи в его изобразительной системе [Перлина 2017]. «Обойденные», и в этой особенности поэтического своеобразия, предшествующие тексту Достоевского, исследованы в данном аспекте мало. Между тем в романе Лескова представлены различные формы изображения: живописные полотна, иконы, живые картины, галереи музея, один из сюжетообразующих героев – художник, главные персонажи (Дора и Долинский) введены в текст через сопоставление с героями картин, на которые они смотрят в Лувре [Лесков 1998: 50–51].

«Картина» – самая частотная характеристика событий, состояний, портретов, пейзажей в «Обойденных». Применима она к явлениям текущей жизни и имеющим статус метафизических. Так, патер Зайончек, вникая в «книгу памяти», создает «картину» души Долинского: «Все это летит, летит века, тысячелетия, летит, и по известным законам отпечатывается, наконец, на какой-нибудь огромной, самой далекой планете. Мир рушится; земля распадается золою; наши плотские глаза выгорели, мы видим далеко, и вот тебе перед тобой *твоя картина* (курсив Лескова. – О. В., Е. П.). Ты весь в ней, с тех пор, как бабка перевязала тебе пу-

ловину, до моего последнего „аминь“ над твоей могилой» [Лесков 1998: 302].

Экфрастическое высказывание Лескова и здесь, и в целом романа определено той же интенцией, что и Достоевского – автора романа «Идиот». Созерцание «глазами души», «выгоревшими глазами» требует определенного зрения. Такую разрешающую оптику для читателя, обуславливая способность узреть, романисты находят и в словесном, и в живописном способах изображения, диалогически синтезируя их в «картине», естественно, индивидуальной у каждого писателя.

«Резонантное пространство» литературы и история русского классического романа

Нет достоверных фактов, которые позволили бы документально зафиксировать событие чтения Достоевским романа Лескова, тем более невозможно утверждать, что великий романист намеренно использовал лесковские темы, мотивы и другие приемы поэтики.

Однако обнаруженные поэтико-типологические соответствия свидетельствуют о целостности истории русского классического романа, о его константах и вариациях. Из накопленных литературоведческой наукой характеристик способа связи в процессе образования целого («память жанра» (М. М. Бахтин), «единая кровеносная система» (И. П. Роднянская), «генетическая память литературы» (С. Г. Бочаров)) [Бочаров 2012] в данном случае более содержательна – «резонантное пространство» (В. Н. Топоров) [Топоров 1988: 125]. Резонанс – не только отклик, отголосок, способность усиливать, увеличивать силу чего-либо, но суть самой творческой субстанции, «основы бытия» и принципа «существования» связанных с ней текстов. Конечно, В. Н. Топоров писал о «повторениях – подобиях», характерных не для литературы Новейшего времени, но, отметим, о явлениях «русской христианской традиции». Вторая половина русского XIX века – «эпоха слова», время, для которого онтологическая основа творчества всесторонне осознаваема.

Если даже допустить, что Лесков читал роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) [Хан 1998], герой которого, Алеша, с точки зрения исследователей, предшествует князю Мышкину, то и в этом случае «резонантное пространство» будет более актуально, чем

любое другое определение типа взаимосвязи текстов. Так, в силу конечного смысла в наметенной цепи соответствий: следование Лескова за идеей Достоевского («Униженные и оскорбленные»), Достоевского – за развитием собственной идеи («Обойденные»), намеренно или в аспекте «генетической памяти» не столь важно, с очевидностью обнаруживает общую устремленность литературы второй половины XIX века к воплощению образа «положительно прекрасного» человека («Идиот»).

Установленные поэтико-типологические соответствия еще раз доказывают исключительность положения Лескова в русской куль-

туре, его неузнаваемость, но они также подчеркивают органическую укорененность и востребованность поэтики признанного рассказчика в историко-литературном процессе «золотого века», как в аспекте поэзия – проза (Жуковский – Лесков), так и в аспекте «большой» классический роман (Достоевский) – текст Лескова, принадлежащий многим литературным рядам («гении», беллетристика, массовая литература). Поэтика романа «Идиот», бросающая «вызов всем поэтикам от Аристотеля до наших дней» [Морсон 2001: 8], подготовлена романом, не претендующим на исключительность, культурным.

Литература

- Альми, И. Л. О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» / И. Л. Альми // О поэзии и прозе. – СПб. : Скифия, 2002. – С. 327–338.
- Бочаров, С. Г. О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти / С. Г. Бочаров // Генетическая память литературы. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – С. 7–44.
- Ветшева, Н. Ж. Примечания / Н. Ж. Ветшева // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 320–327.
- Видуэцкая, И. П. Чернышевский и Лесков. (Из литературной полемики 60-х гг.) / И. П. Видуэцкая // Чернышевский и литература Советского Союза. – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1988. – С. 120–146.
- Виноградов, В. В. Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX века / В. В. Виноградов // Проблема авторства и теория стилей. – М. : Гослитиздат, 1961. – С. 487–555.
- Гасникова, О. М. Функции пушкинских цитат в речи героев романа «Обойденные» Н. С. Лескова / О. М. Гасникова // Вестник Чувашиянского университета. – 2006. – № 4. – С. 373–378.
- Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. Т. 8. – СПб. : Наука, 2019.
- Достоевский, Ф. М. Письмо А. Н. Майкову от 18/30 января 1871 года / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 29. Книга первая. – Л. : Наука, 1986. – С. 172.
- Жилиякова, Э. М. «Светлана» В. А. Жуковского в художественном мире Ф. М. Достоевского / Э. М. Жилиякова // Достоевский и время : сб. статей. – Томск : Издательство ТГУ, 2004. – С. 47–50.
- Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3 / В. А. Жуковский. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 456 с.
- Зайцев, Б. К. Жуковский / Б. К. Зайцев // Собрание сочинений : т. 1–5; 6–11 (доп.). Т. 5. – М. : Рус. кн., 1999. – С. 177–328.
- Иванов, Вяч. Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика / Вяч. Иванов. – СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. – С. 81–82.
- Кошечко, А. Н. Ценностные парадигмы сентиментализма и романтизма в генезисе экзистенциального сознания Достоевского: к вопросу о становлении метода / А. Н. Кошечко // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 7 (148). – С. 150–154.
- Кучерская, М. А. Лесков. Прозёванный гений / А. М. Кучерская. – М. : Молодая гвардия, 2021. – 621 с.
- Лесков, Н. С. Обойденные / Н. С. Лесков // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 5. – М. : Терра, 1998. – С. 50–317.
- Лесков, Н. С. Письмо Н. Н. Страхову от 6 марта 1865 года / Н. С. Лесков // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 10. – М. : ГИХЛ, 1958. – С. 255–256.
- Лужановский, А. В. Примечания к роману «Обойденные» / А. В. Лужановский // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 5. – М. : Терра, 1998. – С. 696–713.
- Маркадэ, Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Ж.-К. Маркадэ. – СПб. : Академический проект, 2006. – 478 с.
- Маркович, В. М. Эволюция художественной системы Тургенева-романиста в 1855–1862 гг. / В. М. Маркович // О Тургеневе. Работы разных лет. – СПб. : Росток, 2018. – С. 281–410.
- Мехтеев, В. Г. Лермонтовские цитаты и аллюзии в романе Н. С. Лескова «Обойденные» / В. Г. Мехтеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 2. – С. 278–282.
- Мовнина, Н. С. Авторская стратегия в рассказе Н. С. Лескова «По поводу “Крейцеровой сонаты”» / Н. С. Мовнина // Мир русского слова. – 2018. – № 3. – С. 77–82.
- Морсон, Г. С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика / Г. С. Морсон ; пер. с англ. Т. Касаткиной // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М. : Наследие, 2001. – С. 7–27.

- Новикова, Е. Г. «Нарисовать лицо приговоренного» / Е. Г. Новикова // «NOUS SERONS AVEC LE CHRIST». Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 14–82.
- Перлина, Н. М. Тексты-картины и экрфазисы в романе Достоевского «Идиот» / Н. М. Перлина. – СПб. : Алетейя, 2017. – 286 с.
- Примечания к роману «Идиот» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. Т. 9. – СПб. : Наука, 2020. – С. 436–865.
- Прозоров, Ю. М. Категории поэтического мышления В. А. Жуковского. «Ужасное» / Ю. М. Прозоров // В. А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. – СПб. : Полиграф, 2017. – С. 170–231.
- Пульхритудова, Е. М. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений) / Е. М. Пульхритудова // Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство : сб. ст. – М. : Сов. писатель, 1971. – С. 87–138.
- Скафтымов, А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» / А. П. Скафтымов // Нравственные искания русских писателей. – М. : Художественная литература, 1972. – С. 23–87.
- Столярова, И. В. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова / И. В. Столярова // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. филол. наук. – 1968. – № 339, вып. 72. – С. 224–229.
- Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 2 / В. Н. Топоров. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1988. – 684 с.
- Туниманов, В. А. Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков в 1873 году: литературная дуэль / В. А. Туниманов // Ars philologiae: проф. А. Б. Муратову ко дню шестидесятилетия : сб. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 172–190.
- Хан, Нам Су. Роман Н. С. Лескова «Обойденные» в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хан Нам Су. – СПб., 1998. – 24 с.

References

- Almi, I. L. (2002). O romanticheskom «plaste» v romane «Prestuplenie i nakazanie» [About the Romantic “Stratum” in the Novel “Crime and Punishment”]. In *O poezii i proze*. Saint Petersburg, Skifiya, pp. 327–338.
- Bocharov, S. G. (2012). O kremenosnoi sisteme literatury i ee geneticheskoi pamyati [On the Circulatory System of Literature and Its Genetic Memory]. In *Geneticheskaya pamyat' literatury*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 7–44.
- Dostoevsky, F. M. (1986). Pis'mo A. N. Maikovu ot 18/30 yanvarya 1871 goda [Letter to A. N. Maykov Dated January 18/30, 1871]. In *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Vol. 29. Kniga pervaya*. Leningrad, Nauka, p. 172.
- Dostoevsky, F. M. (2019). Idiot [Idiot]. In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 t. Vol. 8*. Saint Petersburg, Nauka.
- Gasnikova, O. M. (2006). Funktsii pushkinskikh tsitat v rechi geroev romana «Oboidennyye» N. S. Leskova [The Functions of Pushkin's Quotations in the Speech of the Heroes of the Novel “Neglected People” by N. S. Leskov]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 4, pp. 373–378.
- Han, Nam Su. (1998). Roman N. S. Leskova «Oboidennyye» v istoriko-literaturnom kontekste [The novel by N. S. Leskov “Neglected People” in the Historical and Literary Context]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 24 p.
- Ivanov, Vyach. (2021). Dostoevskii. Tragediya. Mif. Mistika [Dostoevsky. Tragedy. Myth. Mysticism]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», pp. 81–82.
- Koshechko, A. N. (2014). Tsennostnye paradigmy sentimentalizma i romantizma v genezise ekzistentsial'nogo soznaniya Dostoevskogo: k voprosu o stanovlenii metoda [Value Paradigms of Sentimentalism and Romanticism in the Genesis of Dostoevsky's Existential Consciousness: On the Question of the Formation of the Method]. In *Vestnik TGPU*. No. 7 (148), pp. 150–154.
- Kucherskaya, M. A. (2021). Leskov. Prozevannyi genii [Leskov. The Overlooked Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya. 621 p.
- Leskov, N. S. (1958). Pis'mo N. N. Strakhovu ot 6 marta 1865 goda [Letter to N. N. Strakhov Dated March 6, 1865]. In *Sobranie sochinenii: v 11 t. Vol. 10*. Moscow, GIKhL, pp. 255–256.
- Leskov, N. S. (1998). Oboidennyye [Neglected People]. In *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Vol. 5*. Moscow, Terra, pp. 50–317.
- Luzhanovskiy, A. V. (1998). Primechaniya k romanu «Oboidennyye» [Notes to the Novel “Neglected People”]. In *Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Vol. 5*. Moscow, Terra, pp. 696–713.
- Markade, Zh.-K. (2006). Tvorchestvo N. S. Leskova. Romany i khroniki [Creativity of N. S. Leskov. Novels and Chronicles]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 478 p.
- Markovich, V. M. (2018). Evolyutsiya khudozhestvennoi sistemy Turgeneva-romanista v 1855–1862 gg. [The Evolution of the Artistic System of Turgenev the Novelist in 1855–1862]. In *O Turgeneve. Raboty raznykh let*. Saint Petersburg, Rostok, pp. 281–410.
- Mekhteev, V. G. (2021). Lermontovskie tsitaty i allyuzii v romane N. S. Leskova «Oboidennyye» [Lermontov's Quotes and Allusions in N. S. Leskov's Novel “Neglected People”]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. T. 14. Issue 2, pp. 278–282.
- Morson, G. S. (2001). «Idiot», postupatel'naya (protsessual'naya) literatura i tempika [“Idiot”, Translational (Procedural) Literature and Tempo] / transl. by T. Kasatkina. In *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, Nasledie, pp. 7–27.
- Movnina, N. S. (2018). Avtorskaya strategiya v rasskaze N. S. Leskova «Po povodu “Kreitzerovoi sonaty”» [The Author's Strategy in N. S. Leskov's Story “About the Kreutzer Sonata”]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 77–82.
- Novikova, E. G. (2016). «Narisovat' litso prigovorennoho» [“Draw the Face of the Condemned”]. In «NOUS SERONS AVEC LE CHRIST». Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot». Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 14–82.

Perlina, N. (2017). *Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane Dostoevskogo «Idiot»* [Texts–Paintings and Paraphrases in Dostoevsky’s Novel “The Idiot”]. Saint Petersburg, Aleteiya. 286 p.

Primechaniya k romanu «Idiot» [Notes on “The Idiot”]. (2020). In *Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 t.* Vol. 9. Saint Petersburg, Nauka, pp. 436–865.

Prozorov, Yu. M. (2017). Kategorii poeticheskogo myshleniya V. A. Zhukovskogo. «Uzhasnoe» [Categories of V. A. Zhukovsky’s Poetic Thinking. “Terrible”]. In V. A. Zhukovskii v istoriko-literaturnom osveshchenii. *Estetika. Poetika. Traditsii*. Saint Petersburg, Poligraf, pp. 170–231.

Pulkhritudova, E. M. (1971). Dostoevskii i Leskov. (K istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii) [Dostoevsky and Leskov. (To the History of Creative Relationships)]. In *Dostoevskii i russkie pisateli. Traditsii, novatorstvo, masterstvo: sb. st.* Moscow, Sovetskii pisatel’, pp. 87–138.

Skaftymov, A. P. (1972). Tematicheskaya kompozitsiya romana «Idiot» [Thematic Composition of the Novel “Idiot”]. In *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisatelei*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 23–87.

Stolyarova, I. V. (1968). Neizvestnoe literaturnoe obozrenie N. S. Leskova [Unknown Literary Review by N. S. Leskov]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria filologicheskikh nauk*. No. 339. Issue 72, pp. 224–229.

Toporov, V. N. (1988). *Svyatost’ i svyatye v russkoi dukhovnoi kul’ture: v 2 t.* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture, in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul’tury». 684 p.

Tunimanov, V. A. (1997). F. M. Dostoevskii i N. S. Leskov v 1873 godu: literaturnaya duel’ [F. M. Dostoevsky and N. S. Leskov in 1873: A Literary Duel]. In *Ars philologiae: prof. A. B. Muratovu ko dnyu shestidesyatiletii: sb. st.* Saint Petersburg, Izdatel’stvo SPbGU, pp. 172–190.

Vetsheva, N. Zh. (2008). Primechaniya [Notes]. In Zhukovsky, V. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* Vol. 3. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur, pp. 320–327.

Viduetskaya, I. P. (1988). Chernyshevskii i Leskov. (Iz literaturnoi polemiki 60-kh gg.) [Chernyshevsky and Leskov. (From the Literary Controversy of the 60s)]. In *Chernyshevskii i literatura Sovetskogo Soyuza*. Erevan, Izdatel’stvo Erevanskogo universiteta, pp. 120–146.

Vinogradov, V. V. (1961). Dostoevskii i Leskov v 70-e gody XIX veka [Dostoevsky and Leskov in the 70s of the XIX Century]. In *Problema avtorstva i teoriya stilei*. Moscow, Goslitizdat, pp. 487–555.

Zaytsev, B. K. (1999). Zhukovsky [Zhukovsky]. In *Sobranie sochinenii: t. 1–5; 6–11 (dop.)*. Vol. 5. Moscow, Russkaya kniga, pp. 177–328.

Zhilyakova, E. M. (2004). «Svetlana» V. A. Zhukovskogo v khudozhestvennom mire F. M. Dostoevskogo [“Svetlana” by V. A. Zhukovsky in the Artistic World of F. M. Dostoevsky]. In *Dostoevskii i vremya: sb. statei*. Tomsk, Izdatel’stvo TGU, pp. 47–50.

Zhukovsky, V. A. (2008). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [The Complete Set of Works, in 20 vols.]. Vol. 3. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 456 p.

Данные об авторах

Евдокимова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: odnodum8@mail.ru.

Самойлова Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: aleandr2000@gmail.com.

Authors’ information

Evdokimova Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Russian Literature Department, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia).

Samoylova Elena Pavlovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Literature Department, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 19.05.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 19.05.2022; date of publication: 31.10.2022

ЛИРИКА ЛИДИИ ХАИНДРОВОЙ: МОТИВНАЯ СПЕЦИФИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ

Куликова Е. Ю.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается лирика Лидии Хаиндровой – поэтессы, чье творчество расцвело в первой половине XX века в Харбине и Шанхае. Актуальность исследования заключается в выявлении особенностей поэтики стихотворных сборников Хаиндровой, что поможет уточнить представления о литературе восточной ветви русской эмиграции. В качестве методологической основы работы выступают культурно-исторический, феноменологический, типологический и компаративный подходы. Цель работы состоит в том, чтобы показать лирику Хаиндровой во взаимосвязи с русской культурой и, в частности, с Серебряным веком, от которого эмигранты, несмотря на обстоятельства, не были оторваны ни в эпоху революции, ни в последующие годы.

В статье представлены отклики на лирику и творческую судьбу Лидии Хаиндровой из «Поэмы без предмета» Валерия Перелешина – знаменитого восточного эмигранта, окончившего свои дни в Бразилии. Отмечена, кроме того, особая близость поэзии Хаиндровой к творчеству Анны Ахматовой (вплоть до подражательных элементов), проанализированы отдельные стихотворные параллели. Обозначена также поэтическая и человеческая близость Хаиндровой с Лариссой Андерсен – упоминания в «Поэме...» Перелешина, письма, отзыв Андерсен на стихотворение «Тополиха».

В исследовании рассмотрен лирический космос Лидии Хаиндровой – основные мотивы и образы, наполняющие ее стихотворные сборники: Апокалиптические мотивы, столкновение «цветов зла» и «евангельских гроз», флористические образы, сад как метафора судьбы, метафора любви и в некоторых случаях одиночества и т. д. Показана романтическая ориентация поэтессы: многие мотивы ее лирики заимствованы у романтиков (грозы, горы, дорога, путь вверх, падение), но в то же время в ее творчестве нет острой оппозиции, нет отчетливых антитез, нет сильных эмоций отрицания. Лидия Хаиндрова не проводит стихотворных экспериментов, не пробует разнообразные размеры и ритмы на вкус, не эпатирует читателя пугающими образами, ее поэзия тиха, спокойна и бесхитростна.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская поэзия; русские поэтессы; поэтическое творчество; русская эмиграция; литературная эмиграция; лирические жанры; лирические сюжеты; поэтические мотивы

Б л а г о д а р н о с т и: работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Д л я ц и т и р о в а н и я: Куликова, Е. Ю. Лирика Лидии Хаиндровой: мотивная специфика и художественная генеалогия / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 105–114. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09.

THE LYRICAL WORKS OF LYDIA KHAINDROVA: MOTIF SPECIFICITY AND ARTISTIC GENEALOGY

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

A b s t r a c t. The article deals with the lyrical works of Lydia Khaindrova, a poetess whose poetic activity was in full swing in the first half of the twentieth century in Harbin and Shanghai. The urgency of the study lies in identifying the specific features of the poetics of Khaindrova's collections, which can help clarify the ideas about the literature of the eastern branch of the Russian emigration. The cultural-historical, phenomenological, typo-

logical and comparative approaches serve as the methodological basis of the study. The purpose of the article is to present Khaïndrova's lyrical works in their unity with Russian culture and, in particular, with the Silver Age, from which emigrants, despite the circumstances, were not cut off either during the era of the revolution or in subsequent years.

The article presents the responses to Khaïndrova's lyrical works and creative activity from "Poem Without an Object" by Valery Pereleshin, a famous oriental emigrant who ended his days in Brazil. In addition, the study notes the special links of Khaïndrova's poetry with Anna Akhmatova's works (up to imitative elements) and analyzes individual poetic parallels. The poetic and human affinity of Khaïndrova with Larissa Andersen is also indicated – the mentions in the "Poem" by Pereleshin, the letters, and Andersen's review of the poem "Topolikhá".

The study considers the lyrical cosmos of Khaïndrova – the main motifs and images that fill her poetic collections: apocalyptic motifs, the clash of "flowers of evil" and "gospel thunderstorms", floristic images, garden as a metaphor of fate, the metaphor of love and in some cases loneliness, etc. The author demonstrates the romantic orientation of the poetess: many motifs of her lyrical works are borrowed from the romantics (thunderstorms, mountains, road, way up, fall), but at the same time, there is no sharp opposition in her works, no distinct antitheses, no strong emotions of denials. Khaïndrova does not make experiments in poetry, does not taste various meters and rhythms, and does not shock the reader with frightening images – her poetry is quiet, calm and unsophisticated.

Key words: Russian poetry; Russian poetesses; poetic creative activity; Russian emigration; literary emigration; lyrical genres; lyrical plots; poetic motifs

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the First Half of the 20th Century as the Area of Literary Transfer".

For citation: Kulikova, E. Yu. (2022). The Lyrical Works of Lydia Khaïndrova: Motif Specificity and Artistic Genealogy. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 105–114. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-09.

«Лидия Хаиндрова относится к тем поэтам Русского Зарубежья, чье творчество расцвело в 30-х-40-х годах в Харбине и Шанхае. Молодая поэтесса издала там три книги своих стихотворений, принимала участие в альманахах и коллективных поэтических сборниках, много печаталась в периодических изданиях» [Хаиндрова 2003: 5], – пишет в предисловии к сборнику стихов и прозы Хаиндровой «Сердце поэта» Е. Таскина. В книгу вошли стихотворения прижизненных сборников «Ступени» (1939), «Крылья» (1941), «На распутье» (1943), коллективного сборника «Остров» (1946), неизданной книги «Сердце» и последнего сборника стихов автора «Даты, даты...» (1976).

Нельзя сказать, что творчество Хаиндровой является белым пятном в литературоведении. О ее стихах писали и дальневосточные исследователи (А. А. Забияко и Г. А. Эфендиева [Забияко, Эфендиева 2008], С. И. Якимова [Якимова 2009]), во Владивостоке была защищена диссертация Мяо Хуэя о китайской культуре в русской эмигрантской традиции, где упоминались стихи Хаиндровой («Китайская пашня», в частности) [Мяо Хуэй 2016], можно назвать и статьи из Перми (А. А. Арустамовой и Д. А. Третьяковой-Суворовой [Арустамова, Третьякова-Суво-

рова 2018], Чжана Юаньюаня [Юаньюань 2021]) и др. С другой стороны, специального обзора и анализа лирики поэтессы сделано не было, о ней говорилось либо в контексте всей русской восточной эмиграции, либо акцент был сделан на ее мемуарах, либо касался китайских мотивов в ее произведениях. Между тем интересно посмотреть на особенности поэтики стихотворных сборников Лидии Хаиндровой.

Раннее детство Хаиндровой прошло в имении деда на Кавказе. Она была привезена в Харбин ребенком в 1916 г., там и окончила русскую гимназию. В 1928 г. начала печататься: участвовала в кружках «Молодая Чураевка», «Пятница» (в Шанхае), работала в издательстве газеты «Заря» (Харбин), ее стихотворения публиковали в газетах «Чураевка» и «Русское слово», в журнале «Понедельник», «Парус», «Рубеж», «Феникс», в сборниках «Излучины», «Семеро», «Багульник», «Остров», в «Гумилевском сборнике» (см. об этом: [Хаиндрова 2003: 24]).

Хаиндрова писала в автобиографии: «Общепринятое мнение: Родина одна, Отчизна одна. Ну а как же быть, если, как говорится, мы с молоком матери всосали в себя любовь к Китаю, я имею в виду не Китай хунвейбинов и цзаофаней наших дней, а тот Китай, а скорее

Маньчжурию, которые мы знали в младенчестве, в юности и зрелости» [Хаиндрова 2003: 274–275]. В Лидии Хаиндровой «не было русской крови: отец – Ивлиан Хаиндрава – грузин по национальности, мать – полька. Приехав (по сути же – вернувшись) из родового грузинского имения в 6-летнем возрасте в Маньчжурию, Хаиндрова не знала ни России, ни русского языка. Но затем, выучив его „лучше любого русского“, она не только стала писать на русском стихи, но и, позабыв грузинский, считала язык Пушкина родным. В процессе вхождения в русскую культуру – в первую очередь, через овладение языком, – она также пришла к осознанию своей принадлежности сразу к двум этническим общностям: грузинской и русской» [Забияко, Эфендиева 2008: 117–118].

В «Поэме без предмета» В. Перелешин неоднократно упоминает Хаиндрову. Вот описание ее внешности, данное поэтом как сравнение настоящего и прошлого. Лицо Хаиндровой воспринимается в динамике, но с обратным временным ходом – от «среброкудрой императрицы» к юной девушке:

Дано грузинкам среброкудрым
достоинство императриц:
как часто перед взором мудрым
я раболепно падал ниц!
Хаиндрову черноволосой
застал я – стройной, остроносой,
великолепно-молодой
(не родилась она седой) [Перелешин 1989: 54].

В Китае Хаиндрова выпустила три сборника стихотворений – «Ступени», «Крылья», «На распутье». В 1947 г. поэтесса уехала в Советский Союз, поселилась в Краснодаре, где в 1976 г. был напечатан сборник ее стихов «Даты, даты...».

Ли Яньлин в предисловии к циклу «„Сирены“ у Сунгари» указывает: «В русской эмигрантской литературе в Китае поэзия занимала заметное место, и среди поэтов поэтессы выглядят более привлекательными, можно сказать, что они занимают свое почетное место на Парнасе. Некоторые стихотворения своими высокохудожественными достоинствами сравнимы с подлинными жемчужинами, которые вначале родились в России, а сформировались в Китае» [Мяо Хуэй 2016: 105–106].

Представим еще одну цитату о Хаиндровой из «Поэмы без предмета» В. Перелешина:

В Шанхае трутневик (не пчельник)
еще гнусавил в те года;
чрезмерно кислый «Понедельник»,
чрезмерно сладкая «Среда».
Мы своевольно завладели
Вторым из постных дней недели,
и неприметно, под шумок,
возникла Пятница – кружок
восьми поэтов, но закрытый.
Лезгинку, Лида, пропляши,
крылами, Лара, помаши –
и властвуйте над верной свитой...

[Перелешин 1989: 243]

Национальный грузинский танец пляшет, конечно, Лидо, как называли Хаиндрову поэты, а сборник стихов «Крылья», вышедший у Хаиндровой в Шанхае в 1941 г., откликается в образе Лариссы Андерсен.

В дневнике Хаиндровой читаем: «У каждого есть дом, если дома нет – любимый, если нет любимого – надежда его встретить. У меня же ничего нет... А стихи: не дом ли, не любимый, не надежда ли?» [Хаиндрова 2003: 378]. «Счастье и любимое творчество – это уже рай осуществленный, – но несчастье совместно с творчеством – это огромная ценность – может быть, лучшее даже сочетание, чем первое, потому что страдания рождают глубину» [Хаиндрова 2003: 378].

Здесь слышны отголоски лирики Ахматовой: «Одной надеждой меньше стало, / Одной песней больше будет» [Ахматова 2016: 74]. Вообще, «звучание женской лиры русского Харбина определила в первую очередь поэзия Анны Ахматовой. Конечно, во власти ахматовских интонаций и поэтических приемов оказались женщины-авторы не только дальневосточного, но и европейского зарубежья и, конечно, самой метрополии» [Забияко, Эфендиева 2008: 75].

Ахматовские интонации и реминисценции из ее стихов постоянно звучат в стихах Хаиндровой, да и сам общий строй ее лирики ориентирован на точеную эпиграмматичность и точность формулировок Ахматовой, особенно ранней. «В основе ахматовских формул, – писал В. М. Жирмунский, – лежит не общее суждение, а точное и тонкое восприятие явления внешнего мира, иногда даже только остро и точно переданное непосредственное ощущение»

ние как выражение стоящего за ним психического факта... Особенно характерно употребление таких эпиграмматических строк в качестве концовок стихотворений» [Жирмунский 1973: 96]. Возможно, Хаиндрова, неосознанно (или осознанно?) копируя Ахматову, придавала своим стихам элементы психологической драмы или философской зарисовки.

Приведем несколько примеров.

1.
Свежесть и чуткость мои утрачены,
Стало спокойным горе мое...
Горько услышать ангелу падшему,
Как серафим поет... [Хаиндрова 2003: 31]

Ср. у Ахматовой:

Нам свежесть слов и чувства простоты
Терять не то ль, что живописцу – зренью...
[Ахматова 2016: 77]

...Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно [Ахматова 2016: 42].

Слово «спокойно» – одно из любимых (точнее, нелюбимых) в лирике Ахматовой: так чаще всего (но не всегда!) характеризуется у нее нелюбовь.

...Улыбнулся спокойно и жутко.
И сказал мне: «Не стой на ветру»
[Ахматова 2016: 24].

...Муж мой, вернувшись, спокойно сказал...
[Ахматова 2016: 34]

...А не дописанную мной страницу –
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука
[Ахматова 2016: 70].

2.
Казалось бы, стихи – из ничего.
Не в них и облака и травы.
И вздохи зябнувшей дубравы
Находим в песне величавой
Мы отзвук сердца своего.
Из сердца рвутся, нет управы.
Так из чего они, стихи? [Хаиндрова 2003: 144]

У Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи... [Ахматова 2016: 187]

3.

Строки
...Теперь сияньем глаз твоих
Мне ни один не улыбнется –
Того, кто навсегда затих,
Земная слава не коснется...
[Хаиндрова 2003: 102]

отсылают к знаменитому ахматовскому:
Земная слава как дым,
Не этого я просила... [Ахматова 1998: 212]

Стихотворение Хаиндровой создано в год смерти ее возлюбленного М. П. Григорьева. Михаил Петрович Григорьев был писателем, переводчиком с японского языка. С ним Хаиндрова познакомилась в 1939 г. «Дружба, переросшая во взаимную любовь, вызвала многие из написанных ими стихотворений, – рассказывает Т. Пищикова, составитель сборника стихов и прозы Хаиндровой „Сердце поэта“. – Мне помнятся интереснейшие беседы, которые они вели между собой и с нашей мамой, и стихи, часто звучавшие среди беседы» [Хаиндрова 2003: 7]. А в тексте Ахматовой имеется в виду бронзовый памятник Пушкина (чьим потомком считал себя Н. В. Недоброво, к которому обращено стихотворение). Пушкин оказывается в позиции неизменного любовника лирической героини, подобно тому, как в других ахматовских текстах Муза – ее подруга, сестра. Бронзовый цвет памятника может обозначать и арапскую смуглость Пушкина, важную для поэтов Серебряного века¹ («смуглый отрок», «смуглая рука» и «смуглые ноги» Музы), и пластическое ощущение темного, объемного предмета, выступающего из рамок кружащейся вокруг него метели, как в стихотворении «Когда о горькой гибели моей...». Свой памятник Ахматова тоже представляет бронзовым, как бы заимствуя для себя пушкинский цвет.

4.

Осмысляя свою поэтическую сущность, Хаиндрова пишет стихотворение «Муза» (1938).

¹ Ср., например, у Цветаевой: «смуглая рука» Пушкина; «Не он ли, смуглый, крадет с арбы / Рукой моей – абрикосы». Цветаева, как и Ахматова, присваивает себе смуглую руку Пушкина.

Разумеется, ахматовский подтекст здесь совершенно очевиден и, пожалуй, специально провозглашен, однако, так или иначе, молодая поэтесса наполняет текст своими ассоциациями и образами:

Муза
 Когда я ожидать перестаю,
 Приходишь ты, смугляночка родная,
 И строфы гордости гортанно исторгая,
 Мне говоришь про Родину мою.
 Ты с ней живешь, и корни в ней твои.
 С тобой земля делилась внешней силой...
 Пока полмира я исколесила,
 Почти забылся плеск ручьев в крови.
 Кому же было легче
 Иль трудней?
 Я вслушиваюсь в твой гортанный говор
 И все не знаю языка родного,
 Но плеск ручьев храню в крови своей
 [Хаиндрова 2003: 44].

Цитата про «смуглую руку» Музы представлена выше («Допишет Музы смуглая рука» [Ахматова 2016: 70]), и пушкинское происхождение этой «смуглости» обозначено (вплоть до бронзового памятника у Ахматовой). «Смугляночка родная» у Хаиндровой – это и пушкинско-ахматовско-цветаевская линия, однако и грузинское происхождение поэтессы тоже коррелирует с этими образами: смуглый цвет лица лирической героини вписан в поэтический контекст.

В стихотворении Хаиндровой дублирован не только ахматовский заголовок, но и начальный синтаксический ход:

Когда я ночью жду ее прихода,
 Жизнь, кажется, висит на волоске...
 [Ахматова 2016: 173]

Но в своем стихотворении Лидия Хаиндрова вспоминает и свою Грузию («строфы гордости гортанно исторгая», «гортанный говор»), язык которой она забыла, но вместо него помнит «плеск ручьев», который становится метафорой ее ностальгии. Хаиндрова говорила, что у нее «три Отчизны... Россия – Отчизна, хотя ни капли русской крови во мне нет. Меня породила с ней вся ее многовековая история, со всеми ее взлетами и падениями. Грузия – Отчизна

потому, что это страна моего отца, а Китай Отчизна, потому что он вскормил и вспоил меня» [Хаиндрова 2003: 277].

5.

Кроме того, внезапное начало – с союза «и» или «а» – ахматовская черта, отмеченная еще Жирмунским, тоже используется Хаиндровой неоднократно. Стихотворение «В книгохранилище» начинается так:

...А¹ тем, кто скажет, что они спокойно
 На полках отдыхают без людей...
 [Хаиндрова 2003: 145]

...И² матери ждут помощи детей,
 Не опоздайте, – человек не вечен...
 [Хаиндрова 2003: 147]

Во всех перечисленных текстах можно увидеть подражательность, то есть те свойства лирики поэтессы, которых Гумилев называл «подахматовками», но в то же время Хаиндрова имеет и свой голос, свою мягкую, легкую интонацию: она говорит не пафосно – тихо, душевно. Конечно, формулы ее вторичны, но узнаваемы и покоряют своей открытостью и сердечностью.

Лирический мир Хаиндровой строится на описании душевных переживаний, в какой-то мере определенных мэтрами русской классики или известными поэтами Серебряного века, но описанные в текстах чувства, безусловно, встраиваются в личную картину бытия поэтессы.

Кажется, что лирическая героиня растянута между двумя полюсами: «цветы зла» и «евангельские грозды». Отчаяние и гибель мира, видимая Хаиндровой через свою судьбу, через судьбу других русских поэтов-эмигрантов, отражается в стихах не прямо, не конкретно: образы смутны и символичны, но они легко читаются:

Расплакавшийся звездный луч
 В густые сумерки скатился.
 Ночь прилегла у снежных туч,
 И тихо колокол молился.
 Как синий мрак, печаль вползла,
 Раскашлялся бураном ветер...
 И оттого, что много зла, –
 Не выйдет солнце на рассвете
 [Хаиндрова 2003: 33].

¹ Курсив мой – Е.К.

² Курсив мой – Е.К.

Апокалиптические мотивы достаточно отчетливо проявляются в лирике Хаиндровой: зло постоянно выступает то как некое обобщенное явление или состояние бытия на фоне тревожного пейзажа, чаще всего сумрачного (сумрака вообще много у Хаиндровой – и интериоризированного, и чисто природного: «Встревоженные в небе тучи / Не могут слезы превозмочь» [Хаиндрова 2003: 34]), то как зло человеческое, рожденное именно людьми («Мир острою враждою, злобой полон» [Хаиндрова 2003: 47]; «Отчего моя бессильна память / О любви и злобе рассказать?» [Хаиндрова 2003: 134]), но тем не менее, как у романтиков, душа человека почти всегда сливается с природой («Вражда и злоба... Закружила вьюга» [Хаиндрова 2003: 47]; «...ищет свою молодую ханум, / Которую злобный похитил самум» [Хаиндрова 2003: 95]; «Не увидишь нас в серой одежде / Чуждой осени злой и недужной» [Хаиндрова 2003: 105]; «уносят злобные вихри» [Хаиндрова 2003: 120]), и этому есть объяснение:

Почти людская у природы злоба,
Коварна и изменчива она [Хаиндрова 2003: 112].

Зло, кроме того, интерпретируется и в библейском контексте, как в стихотворении Самсон («Но кто предскажет злобы час, / Когда она созреет в нас? / Вчера друзья – враги они. / И крови жаждут...» [Хаиндрова 2003: 62]).

В одном из поздних стихотворений Хаиндрова дает объяснение тому, что человеческое зло, как правило, имеет свои корни в зле природном, стихийном. Впрочем, рядом всегда стоит добро и уравнивает бытие:

Проговорилась радостным стихом.
А небо грозами проговорилось.
Добро дается пополам со злом,
Как у меня сегодня получилось.
Есть четкое деление границ,
Но зло с добром переплелось повсюду.
Вчера в неторопливом лете птиц
Я, как свою, угадывала смуту

[Хаиндрова 2003: 126].

Бодлеровские цветы зла в трактовке Хаиндровой – это обман и пустота жизни (и, конечно, революционных для лирики стиховых экспериментов, как у Бодлера, у поэтессы нет):

Жизнь обманула, жизнь прошла,
Изменчивая, как сирена
Мы лишь цветы встречали зла
И тяжкие объятья плена [Хаиндрова 2003: 49].

Между тем цветов не зла, но разных других в ее стихах тоже много – от увядших («Цветы, в которых красок больше нет» [Хаиндрова 2003: 79]), обозначающих конец жизни как «тоску угаснувшего лета» [Хаиндрова 2003: 88], до скорбных и кладбищенских:

И только милость Божия над ними
Рассыпала безвестные цветы...
[Хаиндрова 2003: 50]

и символизирующих вечную жизнь и возрождение, как в Китайской пашне:

И, встречая легкие зарницы,
Ласково кивнут тебе цветы.
Станет взрослым сын твой желтолицый,
Тишину полей поймет, как ты
[Хаиндрова 2003: 66].

Надо отметить, что В. Перелешин часто использовал в стихах флористические метафоры: поэзия как сад, журналы – сады, в целом – сад харбинской поэзии. А поэтессы выступают как садовые феи. Посмотрим, как описан в «Поэме без предмета» вечер, где продавались книги Перелешина, Хаиндровой и Андерсен:

На вечер Пятницы в «Атомик»
сбежалось множество гостей.
А на столе в соседнем зале
уже остывшие лежали
худые отпрыски семьи:
хаиндровские и мои,
да книжка милая Ларисы
«Луга земные» – дивный сад!
А гости пили шоколад
и вызывали нас на бисы,
а после раскупили вмиг
два-три десятка наших книг
[Перелешин 1989: 294].

На вечере продавались книги Хандровой («Ступени», «Крылья»), Перелешина («На распутье», «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем» и «Жертва») и «По земным лугам» Л. Андерсен. Перелешин в своей «Поэме...»,

как правило, поминает Хаиндрову и Андерсен вместе: во всех цитатах рядом с «Лидо» появляется Ларисса¹.

В стихах Хаиндровой тоже неоднократно упоминаются сады (вплоть до Гефсиманского), сады чаще выглядят символически, иногда обрастают какими-то конкретными и яркими деталями, возникает впечатление, что сад для поэтессы – это метафора судьбы, метафора любви и в некоторых случаях одиночества:

Примиренность от осени эта:

Вот опять осыпается сад [Хаиндрова 2003: 34].

Цветет ли роз тот ярко-красный куст,
Где ветви винограда цепко стлались?..
Не может быть, чтоб в памяти остались
Живые розы, если сад стал пуст

[Хаиндрова 2003: 45].

Мне ничего не надо.

Лишь этот миг, что ветерок донес

Из памяти замкнувшегося сада

[Хаиндрова 2003: 56].

Тебе была дана печаль минут
И слез невыплаканных звездная плеяда.
Они живут и создают уют
Благословенного покоем сада

[Хаиндрова 2003: 57].

Пронзительно от ветра дни кричали,
Но в пышной седине приморский сад
И зябнущие северные дали
Лишь больше приукрасили наряд

[Хаиндрова 2003: 68].

Как засияет сад земной у нас,
И сколько нежности мы отдадим друг другу,
Когда придет наш долгожданный час,
И ты ко мне свою протянешь руку

[Хаиндрова 2003: 87].

Евангельская тематика у Хаиндровой, как правило, связана с описанием душевных взлетов и падений, тяжелого пути вверх, как

на метафорическую Голгофу. «Лидия Хаиндрова прибегала к библейско-евангельским образам в стихотворениях, связанных с темой исторической памяти и эмигрантской судьбы („Беженцы“, „Не закричу“, „Евангелие“») [Забияко, Эфендиева 2008: 362]. Однако евангельский подтекст в лирике Хаиндровой во многом идет фоном в текстах, где ведущим мотивом является путь (особенно концентрированы библейские мотивы в сборнике стихов «Крылья»):

Дорога горная... Сад Гефсиманский розов –

От факелов, от возбужденных лиц.

Встают пред ней евангельские грозы,

И дремлет грусть в тени густых ресниц

[Хаиндрова 2003: 53].

Путь Хаиндровой – это дорога жизни сквозь три родины, о которых она неизменно пишет с любовью и которых ей всегда не хватает (Грузия, Россия, Китай). В Китае она грустит о Грузии и России, в России – о Грузии и Китае. Это путь к старости, к смерти сквозь лишения и беды:

С годами замолкает понемногу

Так страстно в жизнь влюбленная душа,

И в дальнюю собираемся дорогу,

Кто медленно, кто тяжело, кто спеша

[Хаиндрова 2003: 90].

Часто трудное движение по дороге жизни овеяно в стихах Хаиндровой трагическими любовными переживаниями, и они подаются в ахматовском ключе – на натяжении мотивов *разлука/одиночество/усталость*:

Но, мудрая, и я пушусь в дорогу,

Чтоб встретиться с тобой когда-нибудь.

Я прошлое захлопнула, как двери:

Довольно мне падений и высот

[Хаиндрова 2003: 96].

В связи с мотивом дороги у восточных эмигрантов стабильно встречается сочетание «пыль чужих дорог» (см. название книг стихов и прозы П. П. Булыгина [Булыгин 2009]

¹ ...Хаиндрову черноволосой застал я – стройной, востроносой, великолепно-молодой (не родилась она седой)...
...Другая – Андерсен Ларисса: большие лунные глаза, танцовщица, поэт, актриса... [Перелешин 1989: 54–55].

и Б. Н. Волкова [Волков 1934]¹), есть эта формула и у Хаиндровой:

И, отмета пыль чужих дорог,
Сказать, к земле родимой прикасаясь:
Я для тебя берег, как только мог,
Сны некогда приснившегося рая
[Хаиндрова 2003: 101].

Приснившийся рай – это мечта, как в Евангелии, принять Бога и мир, и, несмотря на сложную судьбу, что вполне отражено в лирике, поэтесса Божий мир принимает.

С одной стороны, совершенно отчетливо выступает в лирике Хаиндровой романтическая ориентация, многие мотивы заимствованы у романтиков (грозы, горы, дорога, путь вверх, падение), но, с другой, нет обостренной оппозиции, нет отчетливых антитез, нет сильных эмоций отрицания. Светлая лирическая героиня, приемлющая свое и чужое, наслаждающаяся и «бродягой-лучом», и «холодной хмурую зимой», и «солнцем юга», и в целом «жизнью-хикурою»... Лидия Хаиндрова не ищет стихотворных экспериментов, не пробует разнообразные размеры и ритмы на вкус, не эпатирует читателя пугающими образами, ее поэзия тиха, спокойна и бесхитростна. Как и Ахматова, Хаиндрова порой создает афоризмы – быть может, не слишком эффектные и запоминающиеся, но, впрочем, достаточно, точные и отражающие ее даже в печали гармоничный мир, несмотря на вовсе не гармоничную и благополучную судьбу:

Счастье – недоставленная почта,
Спрятанная кем-то про запас
[Хаиндрова 2003: 134].

По-настоящему тот молод,
Кто не умеет забывать [Хаиндрова 2003: 133].

Счастье
Себя мы понапрасну мучим
Исканьем счастья своего:

Ведь было в нашей жизни лучшим
Лишь ожидание его [Хаиндрова 2003: 128].

В письме к Хаиндровой Лариссы Андерсен из Иссанжо от 26 марта 1975 г. читаем: «А почему же, Лидо, Вы считаете себя неудачником? Это, конечно, вопрос каверзный, не хотите, не отвечайте. О себе скажу, я не знала, что я неудачник, а вот Миша Волин читал доклад о дальневосточных поэтах и обо мне сказал, что у меня было все, кроме удачи в жизни. Ну тут я подумала, подумала и решила, что правда. Даже чуть не прослезилась над собой. Это ведь так, смотря с какой стороны смотреть. „Еще есть полбутылки“ или „уже нет полбутылки“.

Что касается Ваших стихов, Лидо, то они мне все, все понравились очень. В каждом есть то главное качество, что называлось избитым, банальным, но таким необходимым для поэзии (да и для поэзии ли только?) словом – „душа“. И в стихах Ваших и в Вас самой полно „души“, и за это и стихи Ваши и Вас я очень люблю. И еще мне нравится их перепев, не слишком скованный рифмами. А что касается Тополихи, то каждый раз, когда я читаю, – задевается какая-то сокровенная, очень, видно, большая струнка, и глаза начинают мокреть. Это еще ничего, а хотелось бы по-бабьи заголосить, запричитать. Честное слово. Почему так? Ведь вот, напиши такую критику о стихотворении, будет не солидно, а спой это стихотворение, да еще под гитару, с хорошим мотивом, – ползала завоет, и я хуже всех. „Полезного“ тут тоже немного» [В погаснувшем прошедшее воскресло 2011: 75].

Я думала – это ласточка,
А это лист тополиный.
Он кружится и трепещет
В тревоге почти человеческой.
Бедняга, сорвался с ветки
И носится он в пространстве.
Все дальше от тополихи
Уносят злые вихри.

¹ О книге стихов Волкова «В пыли чужих дорог», «первое название которой было „Реестр моих переживаний“» [Проскурина 2021: 268], пишет Е. Н. Проскурина. Е. Дубровина полагает, что, возможно, формула «пыль чужих дорог» у Волкова возникла под влиянием стихотворения Булыгина «Из сказки о маленьком белом ангеле» (1921): «А в пыли дороги / Упавший деревянный крест лежит» [Булыгин 2009: 52]. Однако мы, скорее, согласимся с исследовательницей, которая допускает также, что «названия этих двух книг „Пыль чужих дорог“ и „В пыли чужих дорог“ простое совпадение, совпадение по схожести судеб, по жизни, прошедшей „в пыли чужих дорог“» [Дубровина 2022: 60]. Общение с внучатой племянницей Булыгина Т. С. Максимовой – инициатором издания творческого наследия поэта – убеждает в том, что эта ретроспективная формула, использованная составителями тома стихов и прозы, уже отрефлексирована временем и взглядом из XXI века на судьбу писателя.

В тревоге, почти человеческой
 Она замирает от страха
 Не плачь, не плачь, тополица, —
 Сына умчали вихри,
 Осенние, злые вихри
 Будут еще листочки,
 Будут еще сыночки.
 Не плачь, не плачь, тополица!

[Хаиндрова 2003: 120]

В отличие от других силлабо-тонически ритмизованных и скрепленных рифмами стихотворений (как правило, у Хаиндровой это четырех- и пятистопные ямбы), «Тополица» написана дольником, переходящим в акцентный стих, без использования рифмовки. Хаиндрова ориентировалась на говорную поэзию, этот текст и читается как плач – причитание по погибшему сыну с обилием повторов (и синтаксических, и семантических). В русской народной поэзии психологический параллелизм – один из основных приемов (см., например: «То не ветер ветку клонит, / Не дубравушка шумит, / – То мое сердечко стонет, /

Как осенний лист, дрожит»). Этот же прием использует и Хаиндрова.

Очевидна, кроме того, аналогия с лермонтовским листком («Я бедный листочек дубовый, / До срока созрел я и вырос в отчизне суровой. / Один и без цели по свету ношуся давно я, / Засох я без тени, увял я без сна и покоя» [Лермонтов 2000: 200]), только лирическая точка зрения у Хаиндровой передана образу Тополихи – матери, переживающей разлуку с сыном. Если первая часть стихотворения более «лермонтовская» – о трагической судьбе оторванного тополинного листа, то вторая переводит ракурс на оставшуюся без сына мать, которая по страшной прихоти бытия («Сына умчали вихри, / Осенние, злые вихри») обездолена и обескровлена от страха и безнадежности.

В этой метафоре слышен намек на покинутую интеллигенцией Россию, на судьбы российской эмиграции, да и всей рассеянной по свету русской культуры. Понятно, почему это стихотворение так понравилось Лариссе Андерсен.

Литература

- Арустамова, А. А. Тема памяти в творчестве Лидии Хаиндровой / А. А. Арустамова, Д. А. Третьякова-Суворова // *Филология в XXI веке*. – 2018. – № 2. – С. 90–96.
- Ахматова, А. А. Малое собрание сочинений / А. А. Ахматова. – СПб. : Азбука, 2016. – 626 с.
- Ахматова, А. А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 1. Стихотворения. 1904-1941 / А. А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 1998. – 968 с.
- Булыгин, П. Пыль чужих дорог: Собрание стихотворений / П. Булыгин. – М. : Academia, 2009. – 480 с.
- Волков, Б. В пыли чужих дорог / Б. Волков. – Берлин : Парабола, 1934. – 176 с.
- «В погаснувшем прошедшее воскресло»: письма Л. Н. Андерсен к Л. Ю. Хаиндровой // *Культурная жизнь Юга России*. – 2011 – № 5 (43). – С. 68–77.
- Дубровина Е. М. Литература русской диаспоры / Е. М. Дубровина. – М. : Издательство «Юрайт», 2022. – 320 с.
- Жирмунский, В. М. Творчество Анны Ахматовой / В. М. Жирмунский. – Л. : Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1973. – 184 с.
- Забяко А. А. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) / А. А. Забяко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
- Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 2 / М. Ю. Лермонтов. – М. : Воскресенье, 2000. – 404 с.
- Мяо, Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае : дис. ... канд. филол. наук / Мяо Хуэй. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. – 178 с.
- Перелешин, В. Поэма без предмета / В. Перелешин ; под ред. С. Карлинского. – Холиок : Нью Ингленд Паблшинг Ко, 1989. – 411 с.
- Проскурина, Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова / Е. Н. Проскурина // *Сюжетология и сюжетология*. – 2021. – № 1. – С. 264–280.
- Хаиндрова, Л. Ю. Сердце поэта / Л. Ю. Хаиндрова. – Калуга : Издательство «Полиграф-Информ», 2003. – 416 с.
- Юаньюань, Ч. Творчество В. Перелешина в контексте литературы русского зарубежья в Китае / Ч. Юаньюань. – Текст : электронный // *Миграционная лингвистика*. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-pereleshina-v-kontekste-literatury-russkogo-zarubezhya-v-kitae> (дата обращения: 21.08.2022).
- Якимова, С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока / С. И. Якимова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – 111 с.

References

- Akhmatova, A. A. (1998). *Sobranie sochinenii: v 6-ti t.* [Collected Works, in 6 vols.]. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 1904–1941. Moscow, Ellis Lak. 968 p.
- Akhmatova, A. A. (2016). *Maloe sobranie sochinenii* [Small Collected Works]. Saint Petersburg, Azbuka. 626 p.
- Arustamova, A. A., Tretyakova-Suvorova, D. A. (2018). Tema pamyati v tvorchestve Lidii Khaindrovoi [The Theme of Memory in the Work of Lydia Khaindrova]. In *Filologiya v XXI veke*. No. 2, pp. 90–96.
- Bulygin, P. (2009). *Pyl' chuzhikh dorog: Sobranie stikhotvoreniy* [Dust of Other People's Roads: A Collection of Poems]. Moscow, Academia. 480 p.
- Dubrovina, E. M. (2022). *Literatura russkoi diaspory* [Literature of the Russian Diaspora]. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 320 p.
- Khaindrova, L. Yu. (2003). *Serdtshe poeta* [Poet's Heart]. Kaluga, Izdatel'stvo «Poligraf-Inform». 416 p.
- Lermontov, M. Yu. (2000). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Complete Collection of Works, in 10 vols.]. Vol. 2. Moscow, Voskreseniye. 402 p.
- Miao, Hui. (2016). *Izobrazhenie traditsionnoi kitaiskoi kul'tury v russkoi emigrantskoi literature v Kitae* [Depiction of Traditional Chinese Culture in Russian Emigrant Literature in China]. Dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, Dal'nevostochniy federal'nyi universitet. 178 p.
- Pereleshin, V. (1989). *Poema bez predmeta* [Poem without Subject] / ed. by S. Karlinsky, Holyoke, N'yu Inglend Publising Ko. 411 p.
- Proskurina, E. N. (2021). Vostok v tvorchestvom soznanii B. Volkova [The East in the Creative Mind of B. Volkov]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 1, pp. 264–280.
- «V pogasnuvshem proshedshee voskreslo»: pis'ma L. N. Andersen k L. Yu. Khaindrovoi [“In the Extinguished Past, the Past Is Resurrected”: Letters from L. N. Andersen to L. Yu. Khaindrova]. (2011). In *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. No. 5 (43), pp. 68–77.
- Volkov, B. (1934). *V pyli chuzhikh dorog* [In the Dust of Other People's Roads]. Berlin, Parabola. 176 p.
- Yakimova, S. I. (2009). *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* [Literature of the Russian Diaspora of the Far East]. Khabarovsk, Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 111 p.
- Yuanyuan, Ch. (2021). Tvorchestvo V. Pereleshina v kontekste literatury russkogo zarubezh'ya v Kitae [The Work of V. Pereleshin in the Context of Russian Literature Abroad in China]. In *Migratsionnaya lingvistika*. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-pereleshina-v-kontekste-literatury-russkogo-zarubezhya-v-kitae> (mode of access: 21.08.2022).
- Zabiyako, A. A., Efendieva, G. V. (2008). «Chetvert' veka bezzhenskoi sud'by...» (*Khudozhestvennyi mir liriki russkogo Kharbina*) [“A Quarter of a Century of Refugee Fate...” (Artistic World of the Lyrics of Russian Harbin)]. Blagoveshchensk, Amurskii gosudarstvennyi universitet. 428 p.
- Zhirumsky, V. M. (1973). *Tvorchestvo Anny Akhmatovoi* [Creativity of Anna Akhmatova]. Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoe otdelenie. 184 p.

Данные об авторе

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: kulis@mail.ru.

Author's information

Kulikova Elena Yurievna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Sector of Literary Criticism, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 27.09.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 27.09.2022; date of publication: 31.10.2022

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-4(Джонсон С.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-10. ББК Ш33(4Вел)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

СЮЖЕТ ОТШЕЛЬНИЧЕСТВА В ЭССЕ С. ДЖОНСОНА «ВИДЕНИЕ ФЕОДОРА, ПУСТЫННИКА С ТЕНЕРИФ, НАЙДЕННОЕ В ЕГО КЕЛЬЕ»

Макарова Л. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

Аннотация. В статье рассматривается «Видение Феодора» Сэмюэля Джонсона как пример одного из поучительных произведений английской литературы эпохи Просвещения. Целью работы явился анализ сюжета в аспекте преломления в нем визионерской традиции. Историко-литературный комментарий позволил уточнить оценки «Видения» в английской критике XVIII века и подходы современного англоязычного литературоведения к эссе. Определена оригинальность идеи С. Джонсона в сюжетостроении видения, которая заключается в создании ситуации отшельничества героя на экзотическом острове Тенерифе. Обращение к путевым очеркам «Путешествие на Гебриды» С. Джонсона помогло обозначить возможные причины создания писателем художественного образа острова как «правдоподобного» пространства для духовного опыта Феодора. Эффект достоверности видения достигается и с помощью мотива рукописи, найденной в келье, и аллюзии в имени героя. Сложное внутреннее состояние героя (страстное желание подняться на вершину горы и сомнение в поступке) становится исходным пунктом в развитии сюжета. Писатель использует традиционный визионерский мотив сна, благодаря которому Феодор получает возможность увидеть окрестности Тенерифе в ином свете и получить нравственный урок. Под водительством духа Хранителя Феодор обозревает гору Бытия и исследует горное пространство как аллегория жизненного пути. Аналитизм в описании людского потока напоминает рассуждения Р. Декарта в трактате «Страсти души» и свидетельствует о сложном понимании природы человеческой души в «Видении» Джонсона. Писатель полагает, что в жизни разум и правоверие являются единственно верными духовными опорами. Сделан вывод о том, что Джонсон модифицирует традицию жанра видения для воплощения просветительской программы. В духе времени писатель усиливает дидактический пафос, придает повествованию «документальность» и правдоподобие и приближает переживания Феодора к читателям «Наставника».

Ключевые слова: английское просвещение; английская литература; английские писатели; литературное творчество; литературные жанры; эссе; литературные сюжеты; отшельничество; литературные герои; видения; герой-визионер; аллегории

Для цитирования: Макарова, Л. Ю. Сюжет отшельничества в эссе С. Джонсона «Видение Феодора, пустытника с Тенериф, найденное в его келье» / Л. Ю. Макарова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 115–124. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-10.

THE THEME OF “HERMITAGE” IN SAMUEL JOHNSON’S ESSAY “THE VISION OF THEODORE, THE HERMIT OF TENERIFFE, FOUND IN HIS CELL”

Ludmila Yu. Makarova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

Abstract. The article considers “The Vision of Theodore” by Samuel Johnson as an example of the cautionary tales of the English Enlightenment literature. The aim of the article is to analyze the plot in terms of refraction of the visionary tradition in it. The historical-literary commentary has made it possible to clarify the evaluations of “The Vision of Theodore” in the 18th century English criticism and the approaches of the modern English literary criticism to the essay. The study highlights the originality of Johnson’s idea in the construction of the plot of the vision, which consists in the creation of the situation of hermitage of the protagonist on the exotic island of Tenerife. A look at the travelogue essays “The Journey to the Hebrides” by Johnson has helped the author of the article to identify possible reasons for the writer’s creation of an artistic image of the island as a “plausible” space for Theodore’s spiritual experience. The effect of the authenticity of the vision is also achieved through the motif of the manuscript found in the cell and the allusion in the protagonist’s name. The protagonist’s complicated inner state (including his passionate desire to climb the mountain and the doubts about the action) becomes the starting point in the development of the plot. Johnson uses the popular visionary motif of a dream due to which Theodore gets an opportunity to see the surroundings of Tenerife in a different light and learn a moral lesson. Under the guidance of the guardian spirit, Theodore observes the mountain of Existence and explores the mountain space as an allegory of the life path. The analytical nature of the description of the human flow resembles the reasoning of R. Descartes in his treatise “Passions of the Soul” and testifies to the complex understanding of the essence of the human soul in “The Vision of Theodore” by Johnson. The writer believes that reason and faith are the only true spiritual supports in life. It is concluded that Johnson modifies the tradition of the visionary genre to implement the enlightenment program. In the spirit of the times, the writer enhances the didactic pathos, makes the narrative sound documentary and true-to-life, and brings Theodore’s experiences closer to the readers of “The Preceptor”.

Keywords: English Enlightenment; English literature; English writers; literary creative activity; literary genres; essay; literary plots; hermitage; literary characters; visions; visionary character; allegories

For citation: Makarova, L. Yu. (2022). The Theme of “Hermitage” in Samuel Johnson’s Essay “The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, Found in His Cell”. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 115–124. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-10.

В богатой художественными традициями западноевропейской литературе Просвещения выделяются такие произведения, которые «насыщены не эмоциями, а мыслью, развертывающиеся перед читателями тезисы – сюжеты» [Пахсарьян 2001: 96]. Это высказывание Н. Т. Пахсарьян, описывающее положение философской повести в жанровой системе эпохи, можно отнести и к произведениям иных жанров, но также представляющих дискуссию, связанную с поиском ответов о жизни, обществе и человеке. Во многих повестях и эссе XVIII в., пафос которых заключался в совершенствовании нравственности, «примеры», выступающие в роли аргументов в полемике, призваны были пробудить самосознание читателя, активизировать его разум и заострить внимание на значимых просветительских идеях. В ряду поучительных произведений английской ли-

тературы XVIII века находится написанное великим мыслителем и писателем Сэмюэлем Джонсоном эссе «Видение Феодора, пустычника Teneriffского, найденное в келье».

Это произведение вызывает исследовательский интерес с жанровой точки зрения: в главении есть указание на «видение», переживаемое героем. Как известно, эссеистика эпохи Просвещения стала полем проявления визионерской традиции: произведения, написанные в жанре видения, мы встречаем в творчестве Р. Стила, Дж. Аддисона, Г. Филдинга. Пластичная форма эссе, открытого для экспериментов, позволила и С. Джонсону актуализировать черты средневекового жанра и представить его модификацию в «Видении Феодора», вопросы поэтики которого привлекли наше внимание.

Современному российскому читателю «Видение Феодора» практически не известно;

редко оно встречается в исследованиях отечественных литературоведов: лишь узкие специалисты обращались к этому произведению С. Джонсона со второй половины XX века до 2010-х гг. [Кубачева 1962; Левин 1967; Шелемова 2013]¹. Между тем, читательской среде второй половины XVIII века были знакомы аллегорические произведения Джонсона; в их числе и «Видение Феодора»: в 1760 г. оно было переведено на русский язык с немецкого и, став популярным среди читателей, в течение трех десятилетий выдержало пять изданий в российских журналах [Левин 1967: 30]. Полагаем, что необходимо уточнить некоторые сведения об изданиях произведения С. Джонсона и осветить оценки эссе в английской критике и подходы к изучению «Видения», представленные в современном англоязычном литературоведении.

«Видение Феодора» было написано в 1748 году для дидактической хрестоматии драматурга и книгопродавца Роберта Додсли «Наставник, или всеобщая система воспитания, преподающая первые основания учения» в 12 частях и двух томах [Dodsley 1748: 520–530]. В этом издании, а также в «Журнале джентльмена» [The Gentleman's magazine 1748: 159–163] «Видение» было напечатано анонимно, однако имя автора было известно первым критикам писателя, а само произведение оценивалось положительно. Так, изучая восприятие «Видения» современниками С. Джонсона, Гвин Кольб, американский специалист по аллегорической прозе писателя, ссылается на свидетельство Томаса Тайерса о том, что «Видение» было написано Джонсоном «за одну ночь» [Kolb 1984: 107]. Мнения, высказанные епископом Томасом Перси, Джозефом Тауэрсом, Джеймсом Харрисоном, схожи с оценкой, данной Джеймсом Босуэллом: он назвал «Видение» «самой красивой аллегорией человеческой жизни» [Kolb 1984: 122]. В период с 1748 по 1810 гг. «Видение Феодора» издавалось как в составе «Наставника», так и самостоятельно во множестве английских журналов. Эссе включалось и в собрания сочинений писателя начи-

ная с самого первого 1787 г. [Johnson 1787: 145–162] и до наиболее полного собрания произведений Джонсона, издаваемого с 1958 г. в Йельском университете [Johnson 1990: 195–213].

В соответствии с воспитательной целью «Наставника» размещенное в разделе XII «Человеческая жизнь и манеры» «Видение» сопровождалось предуведомлением, обращенным к читателям – ученикам: это рассуждения Учителя, в которых объясняется «разница между привычками, чувствами и страстями», рационально и взвешенно доказывается необходимость обзаведения хорошими привычками и следования правилам воспитания. «Видение Феодора» не случайно следовало за «Уроками хороших манер» как произведение, посвященное вопросам выбора жизненного пути под предводительством разума и веры или в сетях привычек и нравственных недугов.

В хрестоматию Р. Додсли вошли не только произведения, специально созданные для нее, но также известные читателям по другим изданиям. Такими явились два перевода с греческого, связанные с «Видением Феодора» в обрамлении рассуждений Наставника: размышления о страстях завершаются «Выбором Геракла», диалогом, составленным Продиком и рассказанным Ксенофонтом в «Памятных вещах Сократа»; дидактические замечания о «приобретении мудрых и благоразумных чувств и мнений» иллюстрируются «Картиной человеческой жизни» Кебеса – фиванца, ученика Сократа. Сюжеты сопутствующих «Видению» переводов с греческого стали достаточно популярными ко времени жизни и творчества С. Джонсона. Еще в эпоху Ренессанса образ Геракла, размышляющего над выбором жизненного пути, был интерпретирован в христианских традициях в трактате Ф. Петрарки, в произведениях М. Пальмьери, С. Бранта, Б. Джонсона. В Новое время сюжет о выборе Геракла послужил предметом размышлений Э. Шефтсбери², был положен в основу одноименного эссе Дж. Аддисона. «Картина человеческой жизни» Кебеса, написанная в середине II в. до н. э. на основе теории Платона о пред-

¹ Изучая русские переводы «Видения Феодора», исследователи Кубачева, Шелемова и Ф. Каримиан не указывают авторство С. Джонсона, лишь в работе Ю. Д. Левина устанавливается «английский источник русских статей» [Левин 1967: 7].

² Э. Шефтсбери заказал картину на сюжет «Выбора Геракла» и написал предназначенную для художника Паоло ди Маттеусу «Заметку об историческом проекте, или Табулатуру Суда Геракла...», текст которой был известен просвещенным английским читателям.

существовании, явилась одним из первых аллегорических описаний жизненного пути с его сложностями и искушениями. Рассуждениям Кебеса «о природе добра и зла» и об «управлении своими пороками», воплощенными в полярных образах благородства и неблагородства, был созвучен «дуализм средневековых представлений, резко расчленивших мир на полярные пары противоположностей» [Гуревич 1984: 84]. А затем и просветительские представления о нравственном выборе и духовном возвышении души человека оказались близки сентенциям античного писателя. Неслучайно в первой половине XVIII века «Картина» активно переводилась на европейские языки¹. Английский критик Числхолм Хью сравнивал произведение Кебеса с «Путем паломника» Беньяна (1684 г.), а в эссе «Данте» И. В. Гёте писал о том, что «пространственное построение Дантова Ада» таково, «будто перед нами перевернутая картина Кебеса»: «воронка вместо конуса»². В предисловии к «Наставнику», которое написал сам С. Джонсон, писатель отмечал, что обе басни «имели наивысший авторитет в древнем языческом мире», хотя путь к мудрости предполагает в первую очередь знание Священного Писания.

Современные англоязычные исследователи, изучая «Видение», неоднократно обсуждали вопрос о сходстве произведения С. Джонсона с греческими переводами Продика и Кебеса: в какой степени на замысел писателя повлияли «Выбор Геракла» и «Картина», когда он разрабатывал свой сюжет на тему, ставшую ведущей в XVIII веке – пути достижения человеческого счастья [Цит. по: Kolb 1990: 183]. Гвин Колб предполагает в своих изысканиях, что оригинальность произведения Джонсона обусловлена обращением писателя к традиции жанра видения, широко представленной в английской литературе от «Жемчужины», среднеанглийской поэмы, до «Видения Мирзы» Дж. Аддисона. Опираясь на предположение Г. Колба, мы рассмотрим произведение С. Джонсона в связи с преломлением визионерской традиции.

В «Видении Феодора» тема выбора пути в стремлении к счастью разворачивается в по-

вестовании, связанном с отшельничеством на острове. Именно изоляция некогда светского человека на экзотическом острове Тенерифе определяет новизну подхода Джонсона к разработке визионерского сюжета.

Обратим внимание на развернутое заглавие эссе, в котором сообщается о пережитом видении, указываются отшельническое положение героя, его имя, название острова Тенерифе, а также уточняется то обстоятельство, при котором о судьбе Феодора стало известно: «видение... найдено в келье» (162). Обилие перечисленных обстоятельств призвано создать эффект «правдоподобия» «Видения»: как в средневековой традиции, материалом для повествования становится история «из жизни», произошедшая с самим ясновидцем, им и записана [Ярхо 1989: 28]. Однако акцент на «документальной» основе истории Феодора считается также особенностью литературы Просвещения, отличающейся «пристрастием к факту» [Шайтанов 1987: 21]. И введенный в сюжет мотив найденной рукописи в большей степени должен свидетельствовать о «достоверности» судьбы отшельника и вызывать доверие у юного читателя, которому адресована хрестоматия Р. Додсли.

В связи с обозначенными художественным пространством и с именем героя возникает ряд вопросов. Почему именно Тенерифе избирается Джонсоном для места развития действия во «Видении»? Как связан Феодор со своими одноименными предшественниками – христианскими святыми? В ответах на эти вопросы помогает собрание сочинений С. Джонсона 1825 г. в девяти томах [Johnson 1825]. В девятом томе в ряду произведений сначала следуют путевые очерки «Путешествие на Гебриды», а затем «Видение Феодора». Конечно, не хронология написания произведений объясняет их публикацию в одном томе и друг за другом: видение написано в 1748 г., а «Путешествие» в 1775 г. Вероятно, произведения объединяет общая тема выбора достойного, нравственно-го жизненного пути, который может служить примером для будущих поколений читателей. Напомним, что в «Путешествии на Гебридские

¹ В XVIII веке перевод «Картины» на русский язык был осуществлен А. Кантемиром в 1729 г., на английский произведение Кебеса переведено Дж. Кольером в 1710, а также Томасом Скоттом в 1754 г.

² Это сравнение привел И. В. Гете, глядя на фреску Андрео ди Чоне (Орканья), который в капелле Строцци изобразил дантовский Ад с подробно выписанными девятью кругами [Гете 1980: 388–389].

острова» отражены впечатления от посещения С. Джонсоном внешних Шотландских островов, которые когда-то были местами подвижничества знаменитых кельтских святых, среди которых святые Брендан, Кормак, Роллан, Колумба. И то, что суровые острова в Атлантике являлись местами отшельничества, неудивительно: как пишет Преподобный Андрей Филлипс, «если подвижники Востока удалялись в пустыни, а аскеты Севера – в леса, то пустынноики Запада уходили спасаться на острова, подвизались на побережье и возле устьев рек – эстуариев, возведя бесчисленное количество островных и прибрежных храмов» [Филлипс 2013]. Эту землю монахи – скотты, ищущие аскезы и «белого мученичества», хотели обратить ко Христу, дали свой язык, название стране Альба (Шотландия), оставили после себя отшельнические домики, кельи и монастыри. Полагаем, наряду с изучением природы и состояния культуры современной Джонсону Шотландии, писателю были интересны места, связанные со святыми и сохранившие память об их деяниях. Об этом свидетельствует одна из его записей «Путешествия на Гебриды»: «Говорят, что некоторые из этих разрушений встречаются на островах, ныне необитаемых; но я сомневаюсь, что мы можем отсюда сделать вывод, были ли они когда-либо заселены. Хорошо известно, что религия средневековья возлагала слишком много надежд на одинокие аскезы. Добровольное уединение было великим искусством умилоствления, с помощью которого преступления стирались, а совесть успокаивалась; поэтому не исключено, что молельни часто строились в местах, где уединение наверняка не вызывало беспокойства» [Johnson 1825: 62]. Отмечая особую атмосферу отдаленного от мира островного пространства, Джонсон подчеркивает, насколько оно способствует духовному уединению. Размышления писателя о суровой природе Гебридских островов и о древних памятниках – свидетельствах отшельничества как пути исполнения духовных обетов – помогают объяснить и причину возникновения образа Тенерифе в «Видении Феодора». Необычный ландшафт с возвыша-

ющимся пиком вулкана Тейде, вероятно, мог стать основой «правдоподобного» образа окруженного океаном безлюдного острова, в центре которого «каменные холмы горы Тенерифе» (162)¹.

Неслучайным является и имя героя: Феодор, означающее «дар Божий» и отсылающее к святым, среди которых вспоминается Феодор Иорданский, христианский отшельник, почитаемый в лике преподобных в Православной и Католической церкви. Известно, что в юности он удалился в Иорданскую пустыню, приняв монашество. Однако отшельничество вымышленного Феодора Тенерифского, хотя и вынужденное, не имело изначально цели духовного служения. Герой сам отмечает, что уединился ради смены обстановки для обретения покоя и счастья. В прошлом занимавшийся торговлей с целью обогащения, наслаждавшийся вниманием женщин, чувствительный к лести и исполненный тщеславия, достигший величия, но не испытавший счастья, Феодор резко порывает с привычным для него миром и оказывается на острове Тенерифе: «Здесь увидел я плоды, траву и воду, и здесь решился я ожидать смерти, которая, как я уповаю, придёт наконец сладостно меня успокоить» (162). Произошли перемены в образе жизни будущего визионера: «в добровольном» отшельничестве за пределами привычного мира цивилизации, вне деловой и светской среды он лишен «мирских забот», «склонности блуждать дальше, необходимости добывать средства к существованию»; благоразумие и терпимость, строгость и воздержание в окружении природы – вот что выбирается героем. Уделом становится тихое, скромное существование, без потрясений, взлетов и падений.

Автор намеренно подчеркивает длительное пребывание героя на острове. Во вступлении герой дважды упоминает о десятилетиях одиночества, подобно тому, как Даниэль Дефо перечислял годы пребывания на острове Робинзона Крузо или Джонатан Свифт считал годы путешествий Гулливера. О том, что сорок восемь лет уединения не способствовало изменению нрава, свидетельствует то неожидан-

¹ В силу того, что язык русских переводов эссе, сделанных во второй пол. XVIII века, устарел, а также не всегда точно текст перевода соответствует тексту оригинала (например, перевод М. И. Веревкина [Сновидение Феодора 1789–1792: 518–529]), мы здесь и далее цитируем «Видение Феодора» по изданию собрания сочинений С. Джонсона 1825 года [Johnson 1825: 162–175] с указанием страниц в круглых скобках. Перевод наш (Л. Ю. Макарова).

ное внимание к скале, которая возвышалась над крышей отшельнического домика Феодора и манила героя. Вид «скалы, нависшей над келью» (163) пробуждает в душе Феодора желание подняться и покорить высоту, чтобы затем «увидеть и вершину горы, у подножия которой он так долго жил» (164). Сам Феодор аналитически относится к прошлому, и возникшее желание оценивает критически, раскрывая борьбу со своими помыслами: «это движение моих мыслей я старался подавить не потому, что оно казалось преступным, а потому, что оно было новым; и все перемены явно не к лучшему, тревожат ум, научившийся на опыте не доверять себе» (163). В раздумьях героя нужно обратить внимание на те философские уроки, которые он извлек из своей прошлой жизни: возможные перипетии он оценивает скептически, испытывая страх утратить покой в устройстве настоящей жизни. Главное, что в оценке своих возможностей и путей, перед ним открывающихся, Феодор опирается на самого себя. И испытывает недоверие к своей природе, так и не изменившейся кардинально! Сэмюэль Джонсон приводит своего героя и читателей к пониманию того, что «тварная природа» непреодолима в результате только перемены обстоятельств. Мотив недоверия героя к самому себе усиливается благодаря пронизательности Феодора: он подозревает, что созерцание природы избирает по причине «скрытого желания еще раз смешаться с жизненными сценами», а «нетерпение заточения проистекает из какой-нибудь земной страсти» (163). «Привычка», «Земная страсть», «скрытое желание» (162–163) – это ключевые понятия, которые препятствуют переменам в нраве Феодора, таким образом, Джонсон подводит читателя к мысли о том, что необходимы иные условия для духовного развития человека и преодоления страстей и скрытых неразумных желаний.

Целая гамма чувств, свидетельствующих о смятении героя – рассеянье, сомнения, упреки и подозрения в собственном страхе и вместе с тем неодолимое желание осуществить намерение – все это в комплексе сподвигает Феодора начать восхождение. В картине, открывшейся взору героя, выделяем важные моменты, которые сближают повествование с жанром видения, и первым сигналом является встреча с проводником. В минуту отдыха

«в тени листвы», «под дуновения весеннего ветра», когда физическая усталость одолела тело героя, а сомнения в продолжении пути вновь охватили его душу, Феодор испытывает «непреодолимую тяжесть» и «смирняется со сном» (163). С. Джонсон вводит в сюжет традиционный для видения мотив сна, тем самым подчеркивается избранничество души отшельника, которому дана возможность получить урок. Кроме того, благодаря мотиву сна повествование о Феодоре становится «похоже на древние чудеса», и потому считается «годным «для просвещения душ»», как писал Беда Достопочтимый в предисловии к «Видению Дриктхелма» [Ярхо 1989: 22–23].

«Предавшись сну», Феодор слышит шум крыльев, ставший знаком появления существа, превосходящего человека по своим размерам: этот поводырь представляется «одним из благожелательных существ, которые присматривают за детьми праха, чтобы уберечь их от тех зол, которые в конце концов не приведут к добру и которые они не навлекут на себя по своим собственным ошибкам» (164). Проводник значим для Феодора как «дух Хранитель», неоднократно побуждающий героя продвигаться дальше в своем странствии, «исследовать во круг без страха: наблюдать, созерцать, [...] получать наставления» и «быть мудрым» (164). Дух Хранитель, в отличие от поводыря визионера в сюжете средневекового видения, намерен не только приобщить Феодора к эсхатологическому пространству, но и показать примеры проявления различных нравов с целью просветления героя в его земном пути. Призыв, звучащий рефреном на протяжении всего пути Феодора, станет и его собственным приветствием к «сыну Упорства» – читателю (162).

Следующий важный момент – это странствие горы Бытия, как определяет ее Наставник. Поясним, что, называя гору, писатель использует слово «existence»: “The Mountain of Existence is before thee, survey it...” (164). В «Словаре Сэмюэля Джонсона» разграничиваются «genesis» как «Первая книга Моисея, которая объясняет процесс творения мира» и «existence»: слово трактуется буквально как «state of being», т. е. «состояние бытия». Уточнить смысл «existence» можно и через слово «life»: в третьем значении слово «жизнь» означает «possession of terrestrial existence» [Johnson

1755]. Думаем, именно земное существование, в котором многообразно проявляются вечные сущности, имел в виду Сэмюэль Джонсон в сюжете «Видения». Эта гора превосходит по своей высоте гору Тенерифе, которая являлась целью Феодора: «до вершины [горы Бытия] человеческий глаз никогда не мог бы добраться» (164). Кроме того, она будто бы лишена основания (у основания ее «пустота и тьма») и парит в небе. Устройство горы с «пологим подъемом у подножия, усыпанным цветами», серединой – «более крутой, прерываемой пропастью», разбросанными дворцами и беседками», вершиной с «бесплодными расселинами скал» и несколькими «вечнозелеными растениями» (164) – становится аллегорией жизненного пути и финала, который каждый обретет в зависимости от совершенных благодеяний и ошибок. Соответственно, толпа взбирающихся на вершину людей – это обобщенный образ человечества, мужчин и женщин, проживающих в течение подъема целую жизнь и испытывающих на пути к вершине воздействие поводырей, одни из которых помогают достичь цели и обрести блаженство, другие создают препятствия и увлекают души в пропасть.

Невинность, Воспитание, Рассудок, Правоверие, Вождление, Страсти и Привычки – спутники поднимающихся людей – предстают в антропоморфных образах. Подчеркивая чистоту души человека в начале жизни, в духе идей Д. Локка, Джонсон представляет Невинность в образе «целомудренной девы в белой одежде» (165); Воспитание, возглавляющее шествие, непрестанно заботясь о душах шествующих, «имеет важный вид и нечто повелительное» (165). Пагубное воздействие Вождления подчеркивается намерением фигуры побудить шествие «сбиться с дороги», «оставить стезю» (166), указанную Воспитанием. По мере «взросления» душ за ними начинают следовать «пигмеи» (167) с цепями в руках – это аллегорические образы дурных Привычек, опутывающих человека исподволь, незаметно и лишаящих его воли. Они становятся неизменными спутниками тех, кто склонен к Вождлению, не восприимчив к увещанию Предосторожности и забывает о Воспитании. В прямой зависимости от власти Привычек над душами находится их рост: Пигмеи вырастают, становясь великанами, если сила их превосходит волю

человека, попадающего в рабство пороков. «Богинями» на горе Бытия оказываются Разум и Правоверие. Выводя эти фигуры, помогающие идти «путем Блаженства», Джонсон ставит акценты в их влиянии на душу человека. Разум предстает изображенным как более податливая фигура, склонная к «договору» с пагубными Привычками, и следование Разуму не может укрепить волю человека от воздействия Вождлений и Страстей: людей под гнетом этих недугов ожидает «страна Сладострастия и ров Отчаяния» (168). Гордость, Привычки, Сладострастие – это то, что ослабевает силу Рассудка. «Привычки накладывают оковы, Отчаянье повергает в бездну, в ущелья по ту сторону мрака», и «из этих темниц никто уйти не может» (169). Однако те, кто слышит голос Рассудка, вспоминают о Воспитании и присоединяются к Правоверию. Шествие таких спутников единообразно, внимание не отвлекается на окружающие предметы, «пленяющие взор».

Размышляя о своем воздействии на душу человека, Разум объясняет, что «сила его состоит в увещании, а не в принуждении»; «он уже представил опасность выбора [человека]». Только лишь Правоверие «может провести через неравные места, стремнины» (168). Более того, зрение Разума ограничено, и он не в силах сопровождать людей сквозь туман, скрывающий видимую часть на вершине горы, где расположены храмы Счастья. Лишь острый взор Веры способен разглядеть путь Блаженства сквозь завесу мрака.

Развернуто Феодор описывает испытания, которым подвергают шествующих Страсти, Вождления, как они «нападают», «сворачивают с истинного пути на ложный», и путь этот «многолюднее истинного» (170–171). Сцены «коварства», «обмана», «сворачивания последователей Разума» напоминают дихотомию страстей и их влияние на человеческий организм в трактате Р. Декарта «Страсти души». Декарт раскрыл механизм образования гнева через соединение с другими страстями, проанализировал возникновение благосклонности, негодования, жалости, великодушия через «движение духов». Так, например, трактует философ чувство жалости: это «вид печали, смешанный с любовью или доброжелательностью к тем, кто переживает какое-нибудь незаслуженное горе» [Декарт 1989, 1: 135]. И Джонсон будто бы

перенимает стиль картезианского размышления и рационально и подробно иллюстрирует картину жизненного пути и влияния на нравственность человека самых разных факторов, среди которых дурные привычки занимают главенствующее место.

Наблюдения за участью душ, утрачивающих волю и погружающихся в меланхолию (174), печалят Феодора и ввергают его в раздумья. «Пока [он] размышлял об этой жалкой сцене, [его] покровитель воззвал: «Вспомни, Феодор, и будь мудрым, и пусть не одолеет тебя привычка» (175). Видение внезапно прерывается в наивысший миг переживаний героя, и повествование контрастно завершается картиной цветущей природы в свете солнечных лучей. Яркие, светлые тона в описании природы передают ощущение покоя и радости в мире и помогают понять состояние души героя: урок воспринят Феодором, и на пятьдесят седьмом году уединения он «оставляет [...] наставление

человечеству, чтобы его одинокие часы не были потрачены напрасно» (175). Рукопись Феодора становится своего рода «документом», свидетельствующим о свершившейся в герое духовной перемене.

Благодаря просветлению отшельничество Феодора Тенерифского обретает значение духовного служения, а записанное видение, в просветительском смысле и в соответствии с целями «Наставника», должно служить уроком для учеников как путь достижения Блаженства. Таким образом, обращение к жанровой традиции видения в сюжете эссе позволило С. Джонсону воплотить дидактическую программу и представить сквозь призму визионерского взгляда отшельника Феодора «достоверно» и «правдоподобно» пеструю картину человеческих нравов, примеры духовной стойкости и слабости, а также возможность праведного устройства жизни под руководством Разума и Правотверия.

Литература

- Гете, И. В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10: Данте / И. В. Гете. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 388–389. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174176&tr=10&yuid=184vw6w6ea518400033> (дата обращения: 17.09.2022). – Текст : электронный.
- Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – С. 84.
- Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1: Страсти души / Р. Декарт ; сост., ред. В. В. Соколова ; пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн [и др.]. – М. : Мысль, 1989. – С. 135.
- Кубачева, В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века / В. Н. Кубачева // XVIII век. Т. 5. – Л. : Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1962. – С. 295–315.
- Лабутина, Т. Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 51. – М. : Аквилон, 2015. – С. 151–164.
- Левин, Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века / Ю. Д. Левин // Эпоха просвещения: из истории международных связей русской литературы / под общей ред. М. П. Алексеева. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1967. – С. 30.
- Никулина, С. С. Образы визионеров и видений в «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного / С. С. Никулина. – Текст : электронный // Via in tempore. История. Политология. – 2021. – Т. 48, № 2. – С. 328–337. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-vizionerov-i-videniy-v-tserkovnoy-istorii-naroda-anglovedy-dostopochtennogo/viewer> (дата обращения: 17.09.2022).
- Пахсарьян, Н. Т. «Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»? / Н. Т. Пахсарьян // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000 : учебное пособие / под ред. Л. Г. Андреева. – М. : Высшая школа, 2001. – С. 96.
- Филипп, А. Святые и святые Гебридских островов / А. Филипп. – 2013. – URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=63311&yuid=17ur6j9k2y576610261> (дата обращения: 12.09.2022). – Текст : электронный.
- Шайтанов, И. О. «Столежье безумно и мудро...» / И. О. Шайтанов // Англия в памфлете: Английская публицистическая проза нач. XVIII века. : пер. с англ. / сост., авт. предисл. и коммент. И. О. Шайтанов. – М. : Прогресс, 1987. – С. 21.
- Шелемова, А. О. Восточные сюжеты в русской журнальной прозе второй половины XVIII века: тексты, жанровая специфика, идейные приоритеты / А. О. Шелемова, К. Фаззех. – Текст : электронный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 9–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnye-syuzhety-v-russkoy-zhurnalnoy-proze-vtoroy-pолоviny-xviii-veka-teksty-zhanrovaya-spetsifika-ideynye-prioritety?yuid=184vyr2r4040271853> (дата обращения: 17.09.2022).
- Эпштейн, М. Эссеизм в культуре Нового времени / М. Эпштейн // Парадоксы новизны. – М. : Прогресс, 1987. – С. 334–379.
- Ярхо, Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» / Б. И. Ярхо // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. Вып. 4. – М., 1989. – С. 22–23.

Johnson, S. *Dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different significations by examples from the best writers: To which are prefixed a history of the language, and an English grammar* : in 2 vols. / S. Johnson. – London : Printed by W. Strahan etc., 1755. – URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/> (mode of access: 17.09.2022). – Text : electronic.

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // *The works of Samuel Johnson in nine volumes*. Vol. 9 / S. Johnson. – London : Printers Oxford, Talboys and Wheeler, 1825. – P. 162–175. – URL: <https://books.google.tm/books?id=Uo8xkujIA78C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson* : in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. J. G. Kolb. – New Haven and London : Yale University Press, 1990. – P. 195–213. – URL: <http://www.yalejohnson.com/frontend/> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell* / S. Johnson. – Text : electronic // Johnson S. Hawkins J. *The works of Samuel Johnson, LL.D. Together With his Life, and Notes on his Lives of the Poets in eleven volumes*. Vol. XI. – London : Printed for J. Buckland, J. Rivington and Sons, 1787 – P. 145–162. – URL: <https://archive.org/details/workssamueljohno9hawkgoog/page/91/mode/2up> (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. Editor's introduction / G. J. Kolb. – Text : electronic // *Johnson S. The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson* : in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. J. G. Kolb. – New Haven and London : Yale University Press, 1990. – P. 183. – URL: http://www.yalejohnson.com/frontend/sda_viewer?n=106857 (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. *The vision of Theodore: Genre, Context, Early Reception* / G. J. Kolb. – Text : electronic // *Johnson and His Age* / ed by J. Engell. – Harvard : Harvard University Press, 1984. – P. 107–124. – URL: https://books.google.co.uk/books?id=mRL8t_wVl-EC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_vpt_buy#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell (Johnson) / S. Johnson. – Text : electronic // *The Gentleman's magazine*. – 1748. – Vol. XVIII, No. 4. – P. 159–163. – URL: https://archive.org/details/sim_gentlemans-magazine_1748-04_18_4 (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell. – Text : electronic // Dodsley R. *The Preceptor: Containing a general course of education where in the first principles of polite learning are laid down in a way most suitable for trying the genius, and advancing the instruction of youth* : in 12 p., in two volumes. Part XII. Vol. 2. – London : Dodsley, 1748. P. 520–530. – URL: https://books.google.st/books?id=YOb3PfsaSm8C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

References

Dekart, R. (1989). *Sochineniya: v 2 t.* [Works, in 2 vols]. Vol. 1: *Strasti dushi* / ed. by V. V. Sokolova, transl. by S. Ya. Sheinman-Topshtein et al. Moscow, Mysl', p. 135.

Epshteyn, M. (1987). *Esseizm v kul'ture Novogo vremeni* [Essayism in the Culture of Modern Times]. In *Paradoksy novizny*. Moscow, Progress, pp. 334–379.

Filips, A. (2013). *Svyatye i svyatyni Gebriidskikh ostrovov* [Saints and Sanctaries of the Hebrides]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=63311&sysclid=l7yp6j9k2y576610261> (mode of access: 12.09.2022).

Gete, I. V. (1980). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols]. Vol. 10: *Dante*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 388–389. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174176&p=10&sysclid=184vw6w6ea518400033> (mode of access: 17.09.2022).

Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. 2nd edition. Moscow, Iskusstvo, p. 84.

Johnson, S. (1748). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In *The Gentleman's magazine*. Vol. XVIII. No. 4, pp. 159–163. URL: https://archive.org/details/sim_gentlemans-magazine_1748-04_18_4 (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1755). *Dictionary of the English Language: In Which the Words Are Deduced from Their Originals and Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers: To Which Are Prefixed a History of the Language, and an English Grammar*, in 2 vols. London, printed by W. Strahan etc. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1787). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In Johnson, S. Hawkins, J. *The works of Samuel Johnson, LL.D. Together With his Life, and Notes on his Lives of the Poets in eleven volumes*. Vol. XI. London, printed for J. Buckland, J. Rivington and Sons, pp. 145–162. URL: <https://archive.org/details/workssamueljohno9hawkgoog/page/91/mode/2up> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1825). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In *The works of Samuel Johnson in nine volumes*. Vol. 9. London, Printers Oxford, Talboys and Wheeler, pp. 162–175. URL: <https://books.google.tm/books?id=Uo8xkujIA78C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (mode of access: 17.09.2022).

Johnson, S. (1990). *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell*. In Kolb, J. G. (Ed.). *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*, in 20 vols. Vol. 16: *Rasselas and Other Tales*. New Haven and London, Yale University Press, pp. 195–213. URL: <http://www.yalejohnson.com/frontend/> (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. (1984). *The vision of Theodore: Genre, Context, Early Reception*. In Engell, J. (Ed.). *Johnson and His Age*. Harvard, Harvard University Press, pp. 107–124. URL: https://books.google.co.uk/books?id=mRL8t_wVl-EC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_vpt_buy#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

Kolb, G. J. (1990). Editor's Introduction. In Johnson, S. *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson, in 20 vols.* Vol. 16: *Rasselas and Other Tales* / ed. by G. J. Kolb. New Haven and London, Yale University Press, p. 183. URL: http://www.yale-johnson.com/frontend/sda_viewer?n=106857 (mode of access: 17.09.2022).

Kubacheva, V. N. (1962). «Vostochnaya» povest' v russkoi literature XVIII – nachala XIX veka [The Oriental Tale in Russian Literature of the 18th Century – the First Half of the 19th Century]. In *XVIII vek.* Vol. 5. Leningrad, Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN, pp. 295–315.

Labutina, T. L. (2015). Retseptsiya ideinogo naslediya angliiskogo Prosveshcheniya v SShA, Frantsii i Rossii v XVIII veke [Reception of the Ideological Heritage of the English Enlightenment in the USA, France and Russia in the XVIII Century]. In *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii.* Issue 51. Moscow, Akvilon. pp. 151–164.

Levin, Yu. D. (1967). Angliiskaya prosvetitel'skaya zhurnalistika v russkoi literature XVIII veka [English Educational Journalism in the Russian Literature of the XVIII Century]. In Alekseev, M. P. (Ed.). *Epokha prosveshcheniya: iz istorii mezh-dunarodnykh svyazei russkoi literatury.* Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, p. 30.

Nikulina, S. S. (2021). Obrazy vizionerov i videnii v «Tserkovnoi istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo [Images of Visionaries and Visions in “Historia Ecclesiastic Agentis Anglorum” by Bede the Venerable]. In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya.* Vol. 48. No. 2, pp. 328–337. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-vizionerov-i-videniy-v-tserkovnoy-istorii-naroda-anglov-bedy-dostopochtennogo/viewer> (mode of access: 17.09.2022).

Pakhsharyan, N. T. (2001). «Ironiya sud'by» veka Prosveshcheniya: obnovlennaya literatura ili literatura, demonstriruyushchaya «ischerpannost' starogo»? [“The Irony of Fate” of the Age of Enlightenment: Updated Literature or Literature Demonstrating the “Exhaustion of the Old”?]. In Andreev, L. G. (Ed.). *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000: uchebnoe posobie.* Moscow, Vysshaya shkola, p. 96.

Shaytanov, I. O. (1987). «Stolet'e bezumno i mudro...» [“The Century Is Crazy and Wise”]. In Shatanov, I. O. (Ed.). *Angliya v pamflete: Angliiskaya publitsicheskaya proza nach. XVIII veka.* Moscow, Progress, p. 21.

Shelemova, A. O., Faezech, K. (2013). Vostochnye syuzhety v russkoi zhurnal'noi proze vtoroi poloviny XVIII veka: teksty, zhanrovaya spetsifika, ideinye priority [Eastern Plots in Russian Magazine Prose the Second Half of XVIII Century: Texts, Genre Specificity, the Ideological Priorities]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* No. 3, pp. 9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnye-syuzhety-v-russkoy-zhurnalnoy-proze-vtoroy-poloviny-xviii-veka-teksty-zhanrovaya-spetsifika-ideinye-priority?ysclid=l84vyr2r4o40271853> (mode of access: 17.09.2022).

The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell. (1748). In Dodsley R. *The Preceptor: Containing a general course of education where in the first principles of polite learning are laid down in a way most suitable for trying the genius, and advancing the instruction of youth, in 12 parts, in two vols.* Part XII. Vol. 2. London, Dodsley, p. 520–530. URL: https://books.google.st/books?id=YOb3PfsaSm8C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (mode of access: 17.09.2022).

Yarkho, B. I. (1989). Iz knigi «Srednevekovye latinskie videniya» [From the Book “Medieval Latin Visions”]. In *Vostok-Zapad: Issledovaniya, perevody, publikatsii.* Issue 4. Moscow, Nauka, p. 22–23.

Данные об авторе

Макарова Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: zeppelin2302@yandex.ru.

Author's information

Makarova Lyudmila Yur'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching of Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 17.09.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 17.09.2022; date of publication: 31.10.2022

TRAVELOGUES OF SLOVENIAN FEMALE WRITERS AND THEIR THEMES

Anna G. Bodrova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8625-6589>

Abstract. The purpose of this paper is to study the specificity of travelogues created by Slovenian female writers in the late 19th and early 20th century. The primary focus is on the texts of Luiza Pesjak, Marica Strnad, Marica Gregorič Stepančič, Marija Kmet and Alma Karlin. Three aspects are considered in the paper: genre peculiarities of the texts (purposes of travel, categories “Own / Other / Alien”), gender and national issues and the interconnection between them – it is a period of the active struggle of women for emancipation and a time of intensive formation of national identity. The writings of the German-speaking author Alma Karlin as well as her travels themselves stand out from the travelogues and journeys of other authors due to their scale. The aims of travels are radically different. A. Karlin wants to explore the world; she compares herself with the pioneer explorer Columbus. M. Gregorič-Stepančič also dreams of the precedence – she wants to be the first woman to visit the North Pole. M. Strnad writes with irony about her role of the missionary in the “barbarian” Russia. The discovery of the world beauty appears as a purpose of L. Pesjak’s travel, it correlates with the Romantic values. The texts in question reflect the categories of “Own / Other / Alien” in different ways – some of them show an aversion and intolerance to the people of other races (Karlin, Strnad, Kmet), others demonstrate a fascination with other cultures (Gregorič-Stepančič, Pesjak). Almost all the travelogues address both the issue of women’s rights (for example, the dangers for women traveling unaccompanied, women’s situation in other countries, etc.) and the problem of the national identity (national stereotypes, search for national identity, etc.). All the texts in Slovenian are marked with Pan-Slavism; the female authors count themselves Slovenes and Slavs. In contrast, Karlin’s travelogues raise the problem the loss of national identity.

Keywords: Slovenian literature; Slovenian female writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary travels; travels by women; travelogues; national identity; national stereotypes; women’s letters

For citation: Bodrova, A. G. (2022). Travelogues of Slovenian Female Writers and Their Themes. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 125–134. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-11.

ТРАВЕЛОГИ СЛОВЕНСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ И ИХ ПРОБЛЕМАТИКА

Бодрова А. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8625-6589>

Аннотация. Цель настоящего исследования – изучение специфики травелогов, созданных словенскими писательницами в конце XIX – начале XX вв. В центре внимания находятся произведения Луизы Песьяк, Марицы Стрнад, Марицы Грегориц-Степанчич, Марии Кмет и Альмы Карлин, которые впервые анализируются как образцы жанра травелого. Рассматриваются три аспекта: жанровая специфика текстов (информация о цели путешествия, категория «свой/другой/чужой»), гендерная и национальная проблематика и их связь – в этот период активизируется борьба за женскую эмансипацию и активно формируется национальная идентичность. Творчество немецкоязычной писательницы Альмы Карлин и сами ее путешествия по масштабу значительно отличаются от поездок и травелогов других вышеперечисленных авторов. Цели поездок во многом отличаются. А. Карлин хочет освоить мир, сравнивает себя с первопроходцем Колумбом. М. Грегориц-Степанчич также мечтает о первенстве – она хочет стать первой женщиной, оказавшейся на Северном полюсе. М. Стрнад с иронией пишет о роли миссионера в «варварской» России. Целью поездки Л. Песьяк можно считать познание красот мира, что соответствует системе ценностей романтизма. Категория «свой/другой/чужой» по-разному проявилась в данных текстах – от неприятия и отчуждения по отношению к представителям других наций (Карлин, Стрнад, Кмет) до восхищения другой культурой (Грегориц-Степанчич, Песьяк). Почти во всех травелогах затрагивается как женский вопрос (например, как сложно и опасно путешествовать женщине без сопровождения, положение женщин в других странах), так и проблема национальной идентичности (национальные стереотипы, поиск

собственной идентичности). Все словенскоязычные тексты отличает панславизм, писательницы считают себя словенками и славянками, в травелогах Карлин, напротив, проблематизируется утрата национальной идентичности.

Ключевые слова: словенская литература; словенские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные путешествия; женские путешествия; травелоги; национальная идентичность; национальные стереотипы; женское письмо

Для цитирования: Бодрова, А. Г. Травелоги словенских писательниц и их проблематика / А. Г. Бодрова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 125–134. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-11.

Einleitung. Die Frage nach Besonderheiten der slowenischen Frauenreiseliteratur ist neu in der Forschung. Dabei legt bereits der Analysegegenstand an sich einen in der gegenwärtigen Wissenschaft äußerst aktuellen interdisziplinären Ansatz nahe. Die Auseinandersetzung mit weiblichen Reiseberichten setzt zweifellos eine Zuwendung zu Methoden und Befunden der Gender-Analyse voraus. Darüber hinaus erscheinen literaturwissenschaftliche, ethnologische und anthropologische Ansätze als höchst produktiv.

Stoffsammlung. Ermittlung der slowenischen Autorinnen von Reiseberichten. Die Suche nach weiblichen Reiseberichten ist keine leichte Aufgabe, da sie meist nur in Zeitschriften publiziert wurden. Bis heute habe ich Texte folgender Verfasserinnen ermittelt: Luiza Pesjak (1828–1898), Marica Strnad (1872–1953), Marica Gregorič-Stepančič (1876–1954), Marija Kmet (1891–1974) in Alma Karlin (1889–1950).

Am umfangreichsten ist der Nachlass von Alma Karlin. Sie reiste ohne Begleitung und finanzierte ihre Reisen selbst. Auf ihrer achtjährigen Weltreise besuchte sie Peru, Panama, Costa Rica, Honduras, Mexiko, die USA, Hawaii, Japan, Korea, China, Taiwan, Australien, Neuseeland, Fidschi, Neukaledonien, Papua-Neuguinea, Indonesien, die Karolinen, Jawa, Malaysia, Thailand, Indien und viele andere Länder. 1930 wurde im deutschen Wilhelm Köhler-Verlag der erste Teil ihres Reiseberichts mit dem Titel „Einsame Weltreise“ herausgegeben, im nächsten Jahr der zweite Teil: „Im Banne der Südsee“. Die beiden Bücher haben einen Untertitel: „Die Tragödie einer Frau“. Die Auflage jedes Teils zählte 10 000 Exemplare, sie wurden schnell ausverkauft, deshalb wurden die Bücher 1932 neu verlegt (die Neuauflage jedes Teils machte 20 000 Exemplare aus). 1933 erschien der „dritte“ Teil, tatsächlich der zweite Teil des Reiseberichtes „Im Banne der

Südsee“ mit dem Titel „Erlebte Welt, das Schicksal einer Frau“.

Texte der anderen Autorinnen können sich an ihrem Umfang mit Alma Karlins Werk gar nicht messen. Ihre Reisen hatten ebenso in zeitlicher und räumlicher Hinsicht ein viel bescheideneres Ausmaß, einige davon können gar als Ausflüge bezeichnet werden. Luiza Pesjak schrieb den Aufsatz „In Dresden“ („V Draždanih“, 1877) und „Reiseerinnerungen“ („Popotne spomine“, 1884), in denen sie über ihre Reisen durch Norditalien und die Schweiz berichtet (der Comosee, Lago Maggiore usw.).

Marica Strnad veröffentlichte 1898 in der Zeitung „Slovenski narod“ den Text „Im Nebel. Reisebericht“ („V megli. Potopis.“) Es geht da um die Schiffsreise aus Triest nach Venedig. 1899 erschien in derselben Zeitung „Ein Brief aus Russland. Reiseerinnerungen“ („Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja“), ein Jahr später veröffentlichte sie „Allelei aus Russland“ („Marsikaj iz Rusije“, 1900).

Marica Gregorič-Stepančič schrieb über Skandinavien: „Wanderung durch Skandinavien“ („Izprehod po Skandinaviji“, 1922) sowie kleinere Reiseotizen „Die Krypta in Lund“ („Lundska kriptā“, 1912) und „Der Dom zu Uppsala“ („Upsalska katedrala“, 1912). Von ihr stammt außerdem der Reisebericht „Ein Ausflug auf den Balkan“ („Izlet po Balkanu“, 1912).

Marija Kmet verfasste einen einzigen Reisebericht: „Aus Bosnien“ („Iz Bosne“, 1914).

Reisebegleitung. Eine bedeutende Frage lautet: Mit wem sind diese Frauen gereist? Es war nämlich unüblich für eine Frau, im 19. und sogar noch im frühen 20. Jahrhundert ohne Begleitung zu reisen. Luiza Pesjak fuhr nach Dresden mit ihrer Tochter zusammen und reiste durch Italien mit einer weiblichen Begleiterin, deren Name unbekannt ist (interessanterweise gebraucht sie in diesem Reisebericht die grammatische Form des weiblichen Duals).

Marica Strnad reiste aus Triest nach Venedig mit ihrer Freundin und deren Mann zusammen. Interessanterweise wurde „Ein Brief aus Russland“, wie schon gesagt, von der ersten Person in der männlichen Form und im Singular geschrieben, da werden keine Mitreisenden erwähnt (obwohl wir wissen, dass Marica nach Russland mit ihrem künftigen Mann fuhr).

Marija Kmet reiste allein, das gilt ebenso, wie oben schon erwähnt, für Alma Karlin.

Marica Gregorič-Stepančič reiste allein durch Skandinavien, wenn sie auch auf einem Teil ihres Weges eine weibliche Begleiterin serbischer Herkunft hatte. Durch den Balkan reiste sie mit VertreterInnen des Turnvereins „Sokol“ („Falke“) zusammen. Der Reisebericht wird zuerst von der ersten Person Singular geschrieben: „An einem heißen Julimorgen verließ ich Triest und schon am Nachmittage schloss ich mich den Sokol-Leuten in Zidani most an“. Weiter schreibt die Erzählerin von der ersten Person Plural: „Im aristokratischen Zagreb sind wir ausgestiegen“ [Gregorič 1912: 14] oder „wir sind in Belgrad angekommen“ [Gregorič 1912: 15].

Reiseziele. Luiza Pesjak beschreibt begeistert sowohl Kulturdenkmäler als auch Naturschönheiten, manchmal konzentriert sie sich auf Menschen, denen sie auf der Reise begegnet: „Die Frau ist sehr jung, lebhaft, blühend schön, der Herr ist noch nicht alt, aber blass und mager, schweigt immer und hustet ununterbrochen. ‘Armer’ dachten wir über ihn und ‘arme’ – über sie auch, vielleicht noch ärmer als er“ [Pesjak 1884: 417]. Am Ende des Reiseberichtes teilt die Erzählerin den Lesenden ihre Entdeckung mit: Es stellt sich heraus, dass das reisende Paar ein Graf und eine Gräfin sind. „Klar wurde mir, was die Frau dazu bewegt hat, ihr blühendes junges Leben mit dem Leben ihres hinsterbenden Gatten zu verbinden. Und trotzdem – eine Arme!“ [Pesjak 1884, 10: 681].

Die Autorin beschreibt da eine für die Reisen typische Begegnung und Bekanntschaft. Aus einigen Begegnungen mit diesem aristokratischen Paar, aus fragmentarischen Eindrücken, aus äußeren Zeichen konstruiert Luiza Pesjak für sich und für die Lesenden ein bestimmtes Muster der menschlichen Charaktere und Beziehungen.

Pesjaks Reiseerinnerungen strotzen von begeisterten Beschreibungen der Schönheiten, die sie gesehen hat. Man kann darüber sprechen, dass

ihr Reiseziel darin besteht, die Schönheit der Welt zu erleben: „Schnell vergingen zwei Stunden bis zum Comosee [...]. Mehr als je ergriff mich solch eine unbeschreibliche Freude, die ich immer fühle, wenn man sagt: gehe in die Welt hinaus! Es hat ja sich doch gelohnt – o, Glück! – die langersehnten Naturwunder zu erleben.“ [Pesjak 1884: 416].

Pesjak, die eine passionierte Verehrerin von Prešeren war, betont die Schönheit der Welt in ihren Texten. Das rückt ihr Werk in ästhetischer Hinsicht in die Nähe der Romantik, die der Kategorie der Schönheit einen hohen Wert zuwies, dabei Emotionen, Gefühle nicht weniger, mitunter sogar höher, schätzte als die rationale Erkenntnis.

Alma Karlin schätzte dagegen die Erkenntnisse, die Raumerschließung, Ermittlung von Informationen am höchsten. Als Ziel ihrer Reise fasst sie die Bekanntschaft mit neuen Ländern und ihren Bräuchen auf. So beschreibt sie ihren Zustand nach dem ersten Aufenthalt in den Tropen: „Todemüde kehrte ich heim und dennoch überbefriedigt. Ich hatte die erste Tropenweihe empfangen. So möchte Columbus gefühlt haben, als sich ihm, so nahe von Barbados, eine neue Welt aufgetan. Ich bereute kein Opfer. Lernen wollte ich, schreiben, malen, das erlebte Wunder in jeder Weise anderen mitteilen“ [Karlin Einsame 1930: 39].

Die Anzahl der Länder, welche Alma besucht hat, verblüfft. Die Idee der Raumerschließung wird fast zu ihrer Zwangsidee. Karlin fühlt sich in jedem Falle gezwungen ihren Weg weiterzugehen. Diese Idee ist mit ihrer Selbstidentifikation als einer Neuentdeckerin eng verbunden. Es geht dabei um eine hypermaskuline Einstellung, die auf die Traditionen der männlichen Reisenden und Entdecker zurückgeht. Karlins Reiseberichten ist ebenso der koloniale Blick auf die Welt eigen. Wie andere VertreterInnen des kolonialen Diskurses studiert sie lokale Traditionen, sammelt ethnographisches Material. Nicht von ungefähr ist das Wissen vom Standpunkt der postkolonialen Theorie aus eng mit der Eroberung der Territorien, ihrer Kolonisierung verbunden.

Marica Gregorič-Stepančič träumt auf ihrer Reise durch Skandinavien ebenso von der Überlegenheit: Sie will die erste Slowenin sein, die den Nordpol betreten würde. Laut ihrer Aussage habe den Nordpol schon der erste Slowene besucht, und zwar Dr. Knific: „Ich habe mich mit dem Gedanken abgefunden, dass ich die erste Slowenin bin, die das Nordkap betritt, wie ich ein paar Tage früher

die erste war, die den Nordpol betrat“ [Gregorič 1922, 7: 76].

Gregorič-Stepančičs Texte enthalten dydakthische Elemente. Sie neigt zu belehrenden Beispielen. Z. B. zeigt sie sich dadurch fasziniert, dass alle Fahrgäste im Zug lesen (sogar Frauen) oder haben sonst eine Beschäftigung: „In skandinavischen Zügen lesen nicht nur Männer, sondern auch Frauen; wenn sie aber nicht lesen oder sich nicht um ihr Kind kümmern, dann sind sie mit einer Handarbeit beschäftigt“ [Gregorič 1922: 29]. Sie geht detailliert auf die Ausstattung der Züge, ihren Komfort ein: „A propos kann ich bemerken, dass die skandinavische Eisenbahn für Reisende ein sehr bequemes Verkehrsmittel ist. Sauberkeit und Ordnung sind überall, wohin man auch blickt, wenn man auch in der vierten Klasse fährt. [...] In jedem Wagen gibt es ein Regal mit drei Gläsern und einer Flasche Wasser, das auf jeder Station ausgewechselt wird, darum kümmern sich spezielle Angestellte; in jedem Wagen ist außerdem ein Müllkorb, so dass man Müll nicht auf den Fußboden oder ins Fenster hinausschmeiße.“ [Ibid].

Weiter behauptet sie, dass solche Ordnung auch in ihrer Heimat sein sollte: „Und ich dachte, so sollte es auch bei uns sein! Dann aber nach einiger Überlegung schloss ich: Hm, wie kann es denn möglich sein, denn unsrige Leute würden alles klauen, den Müllkorb, die Gläser, die Flasche und den Untersatz: andere Erziehung und andere Sitten!..“ [Ibid]. An diesem Beispiel kann man die Herabsetzung des „Eigenen“ zugunsten dem „Anderen“ feststellen. Auf diese Kategorien werden wir noch zu sprechen kommen.

Wenn Gregorič ihre Reiseerfahrungen mitteilt, fordert sie andere Menschen ihrem Beispiel zu folgen: „ich empfehle es jeder Person, der es die Lebensbedingungen erlauben, – wenn man das Schönste und Großartigste, was unsere Heimat zu bieten hat, gesehen hat – eine Reise durch Skandinavien zu machen. Man wird solch einen Ausflug nie bereuen!“ [Gregorič 1922, 12: 143].

Gregoričs Text strotzen von sachlichen Informationen, Zahlen, Namen. Mitunter erinnert ihr Reisebericht an einen gründlichen Reiseführer.

Was Marica Strnad angeht, so ließen sie, wie schon erwähnt wurde, die privaten Umstände, zwar die Liebe zu einem Kapelan, sich auf den Weg machen. Aber in „Ein Brief aus Russland“ präsentiert sich ironisch die erzählende Instanz als einen Missionar, der Bewunderung verdient:

„Stiefmutter!.. Falsche Mutter!.. Unterdrückte und hungrige Stieftöchter. Nein, nein! Kein Wort darüber, denn der Mensch vergisst die Bosheit der ganzen Welt in den Armen seiner Mutter ... O du, barbarisches Russland! Als ich mich auf den Weg machte, war es mir wie dem Jüngling, der die Tür seines Elternhauses an seinen Rücken gebunden hat, damit fremde Türen nicht auf seine Fersen schlugen. Lachen Sie über meine Naivität? Mein Gott, ist das zum Lachen, wenn man aus dem Land der Kultur und Ordnung in die unzivilisierte Welt hinauskommt? Das ist eine Heldentat, die kein Lachen, sondern Bewunderung verdient! Bewundert mich wie einen Missionar, der sich mühsam mit einem Kreuz in der Hand einen Weg macht – zu den Wilden! Hahaha...“ [Strnad 1899: 1].

Bezeichnenderweise wird weiter im Text die Vorstellung von der „Wildheit, Unkultiviertheit“ Russlands widerlegt. Karandasch betont die Bequemlichkeit der russischen Züge, nicht nur in der ersten, sondern auch in der dritten Klasse. Besonders begeistert ist der Narrator von Wartesälen und Erfrischungsräumen:

„Wie geschmackvoll, wie reich sind diese Räume ausgestattet! Wie in den Märchen der ‘1001 Nacht’! Auf den Tischen stehen wunderschöne Palmen und andere breitblättrige Pflanzen, dazu sind an den Fenstern und in den Ecken solche Lampen, solche Kronleuchter, ach, es ist einem, als sei er zu einem Abendempfang bei einem Reichen eingeladen. Kann es sein, dass ich im barbarischen Russland unterwegs bin?! Ach, nein, ich bin in Wien, eben in Wien!..“ [Strnad 1899, 270: 1].

Der Erzähler fordert zum Schluss des Reiseberichtes seine Landleute auf, seinem Beispiel zu folgen: „Brüder, tut euch selbst was Gutes, lernt Russisch und beglückt eure jungen Gattinnen mit einer Hochzeitsreise durch Russland! Und ihr, ältere Herren, ... kommt mit euren Gattinnen und Kindern den orthodoxen Osten bewundern!“ [Ibid].

Marija Kmet spricht nicht viel über das Ziel ihrer Reise, fordert nur die Lesenden auf, Bosnien zu besichtigen, das „schön ist und dessen wert, gesehen zu werden.“ [Kmet 1914: 219].

Bei der Behandlung der Reisepraktiken ist der Unterschied zwischen Reisenden und TouristInnen zu berücksichtigen, wenn auch die Grenze oft fließend ist. Die TouristInnen machen eine standardisierte Reise mit. Die hier in Frage kommenden Autorinnen stellen ihre Reisen dem Standard-

programm der touristischen Besichtigung von Sehenswürdigkeiten gegenüber.

In dieser Hinsicht ist die Erzählstrategie markant, die Luiza Pesjak im Text „In Dresden“ („V Draždanih“) verwendet. Dieses Werk beginnt als ein Bericht der begeisterten Reisenden. Es werden Objekte genannt, die besucht werden müssen, dabei geht es in vielem um ein standardisiertes Touristenangebot. Besonders hebt die Erzählerin die berühmte Gemäldegalerie hervor: „...und jetzt, mein lieber Freund, führe ich dich ins Heiligtum der Kunst, in die Dresdener Gemäldegalerie. [...] Ob dein Herz nicht stark klopft, wenn du solche Schönheit siehst? [...] O, siehe und sieh zu! [...] Und jetzt, wenn du entflammt bist und denkst, dass du das Schönste gesehen hast, zeige ich dir den Weg in einen Raum im Nordteil der Galerie, ich öffne den Türvorhang, Worte ersterben auf deinen Lippen, du stehst vor der Sixtinischen Madonna!“ [Pesjak 1877: 146–147].

Weiter werden aber die Leseerwartungen gebrochen: Die Narratorin vergisst touristische Sehenswürdigkeiten und berichtet ihre private Geschichte. Sie erinnert sich, wie sie früher (1854) durch Deutschland reiste und unter anderem die Oper in Dresden besuchte. Sie war so fasziniert von der Kunst der berühmten spanischen Sängerin (La Grua), die Agathe in Webers Oper „Der Freischütz“ darstellte, dass sie am Abend lange nicht einschlafen konnte. Als sie jedoch endlich einschlief, hatte sie einen Traum: „Als mich schon in der Morgenfrühe der Schlaf überfiel, kniete ich im Traum vor der Sixtinischen Madonna, um sie herum wurden Webers Melodien gesungen und aus der Ferne lächelte mir süß mein süßes Kind und streckte mir seine runden Ärmchen entgegen“ [Pesjak 1877: 148]. Achtzehn Jahre später kam die Erzählerin wieder in Dresden an und besuchte die Oper. Diesmal sang ihre Tochter Agathes Partie.

Alma Karlin erklärt ebenso ihre Abneigung, allbekannte Tatsachen mitzuteilen und touristische Orte zu beschreiben. Wenn sie über ihre Reise durch Indien schreibt, bemerkt sie: „Es ist gar nicht meine Absicht, die unzähligen Tempel und Tempelchen [...] zu beschreiben, denn das würde einen ganzen dicken Band füllen, und das findet man, wohl besser, als ich es könnte, schon von anderen beschrieben.“ [Karlin Im Banne: 315]. Oder sie meint, wenn sie über Delhi schreibt: „doch das Fesselndste bleiben nach wie vor die kleinen Geschäfte, in denen gearbeitet wird und in denen

sich das Leben abspielt. Die Beschreibung der bekannten Bauten findet man in jedem Reisewerk.“ [Ibid: 325].

Reisebericht und Autobiographie. Die Analyse der Reiseberichte legt die Frage nach der Spezifik dieses Genres nahe. Anhand der Texte, die hier behandelt werden, lässt sich über Merkmale des Reiseberichts diskutieren. Der Reisebericht unterscheidet sich einerseits von der Emigrationsliteratur, andererseits von der Autobiographie. Dabei hat er viel Gemeinsames mit der Memoirenprosa, hat Merkmale der Literatur, die als Ego-Dokumente definiert wird.

Die AutorInnen der Reiseberichte erzählen nicht nur über gesehene Städte, Länder und Erscheinungen, sondern ebenso über sich selbst, über Ereignisse ihres Lebens. Andrijan Lah schreibt: „Wenn der Reisende mit sich selbst beschäftigt ist und der Weg nur eine Nebensache ist, dann bekommen wir unterschiedliche Formen der Autobiographie“ [Lah 1999: 9]. Laut Lah findet im Falle des Reiseberichtes „eine Begegnung mit dem Weg“ statt [Ibid].

Sowohl ForscherInnen als auch AutorInnen der Reiseberichte weisen auf eine enge Verwandtschaft zwischen dem Genre des Reiseberichtes und dem der Autobiographie hin. Nikolai Michajlowitsch Karamsin (1766–1826), der russische Historiker und Schriftsteller, bemerkte im Aufsatz „Briefe eines reisenden Russen“ (1792), dass man heutzutage nicht dazu reise, um fremde Länder kennenzulernen und sie wahrheitsgetreu zu schildern, sondern um die Gelegenheit zu haben, über sich selbst zu erzählen [Karamzin 1964: 729]. Ein Übergang vom Reisebericht zur Autobiographie ist etwa im Text „In Dresden“ („V Draždanih“) festzustellen.

Eine enge Verbindung zwischen dem Genre des Reiseberichtes und der Autobiographie ist besonders offensichtlich in Alma Karlins Texten, genauer gesagt, kann man dabei um eine Konstruktion der Autobiographie sprechen. Sie berichtet nicht nur über gesehene Länder, sondern auch über ihre Lebensereignisse. Es geht z. B. darum, wie sie eine Arbeit suchte, wie sie verliebt war.

Wenden wir uns noch einem Beispiel der gebrochenen Leseerwartungen zu, die das Genre des Reiseberichtes impliziert, dem Text von Marica Strnad „Im Nebel“ („V megli“). Einerseits ist das ein Bericht über die Reise aus Triest nach Ve-

nedig. Andererseits erfahren die Lesenden nie, was die Erzählerin in Venedig erlebt hat. Die Erzählung beschränkt sich auf die Darstellung der Ereignisse auf dem Schiff bis zum Moment, als die Reisenden es verlassen. Wegen des dichten Nebels konnte das Schiff lange Zeit nicht ablegen, dann konnte es einige Stunden lang nicht anlegen. Strnad beschreibt die lange Erwartung, die qualitativ wird, schildert die Schiffsmannschaft, gibt Geschichten wieder, welche der Schiffskapitän erzählt hat (wie er geheiratet hat, wie die Neuvermählten die Seekrankheit ertragen) oder teilt das nach der Meinung der Mitreisenden sehr ungewöhnliche Geständnis eines Seemanns mit, dass er seine Schwiegermutter sehr liebe. Schließlich steigen die Reisenden im Hafen von Venedig aus dem Schiff in eine Gondel um und damit endet die Erzählung.

Das „Eigene“ und das „Andere / Fremde“. Für Reiseberichte ist die Opposition des „Eigenen“ und des „Anderen“ charakteristisch. In der Forschung macht man außerdem mitunter einen Unterschied zwischen dem „Anderen“ und dem „Fremden“. Die Kategorie des „Fremden“ ist in Alma Karlins Texten stets präsent. Bekanntlich war sie eine Gegnerin der Mischehen. Manchmal erwähnt sie den „Rassengeruch“ So leidet sie etwa, wenn sie mit Zügen reist, wegen der Nähe der Vertreterinnen der anderen Rasse, sie zeigt sich irritiert, dass sie stets essen, ebenso wegen ihrer Gerüche, ihres Lärms. Wenn sie Überlegungen zur Unvereinbarkeit der Rassen anstellt, zitiert sie eine Strophe aus Kiplings Ballade: „der Osten ist der Osten, der Westen ist der Westen“ [Karlin Im Banne: 324].

In „Ein Brief aus Russland“ stellt Strnad Juden, nicht Russen, als „fremd“ hin: „Ja, nur kurze Zeit bin ich in der dritten Klasse gereist, denn ich fühlte mich trotz meinen demokratischen Ansichten sehr unwohl dort... unter Juden. [...] Sie sprachen schreckliches Deutsch und ... hm! Einige verbreiteten im Abteil unerträglichen Gestank, besonders wenn es warm war“ [Strnad 1899: 1].

Marija Kmet lernte zu Beginn ihrer Reise einen Slowenen auf dem Schiff kennen, der in Bosnien lebte. Dieser berichtete ihr über die „Fremdheit“ Bosniens trotz der Sprachverwandtschaft: „Bosnien ist so fremd für alle, obwohl es nicht weit von unserem Land liegt und die Sprache ist unserer Sprache ähnlich, aber alles ist für uns so fremd“ [Kmet 1914: 216]. Die Autorin beschreibt Einheimi-

sche, die sie nach ihrer Ankunft in Sarajevo sah mit Sympathie, aber sie erzählt auch über Slowenen in Bosnien, die von jenen abschätzend „Schwabern“ genannt werden, das lautet wie eine Art Bestätigung der Meinung des Mitreisenden vom Schiff. Marija Kmet berichtet, dass Slowenen dort ein schweres Leben haben, denn die Kultur ist ganz anders, fremd in Bosnien: „man fühlt sich fremder als wenn man in Amerika wäre“ [Kmet 1914: 219].

Andere Autorinnen akzentuieren weniger diese Kategorie der „Fremdheit“. So spricht die Erzählerin in Luiza Pesjaks „In Dresden“, die auf Bühnenerfolge ihrer Tochter sehr stolz ist, den Wunsch aus, ihre Tochter aus der großen fremden Welt wegzutragen (da ist die Opposition von „Geborgenheit – Ungeborgenheit“ präsent): „Die Liebe, die Mutterliebe schreckte vor dem Opfer zurück, das Teuerste für immer in fremden Armen zu lassen, wenn es auch Arme der Kunst seien!.. und ich, ich würde sie (die Tochter – A.B.) lieber vor der Menge verbergen, würde mit ihr lieber in die stille Heimat fliehen“ [Pesjak 1877: 146–147].

Reisebericht und Intertextualität. Das Genre des Reiseberichtes zeichnet sich durch seine Literaturzentriertheit, intensive intertextuelle Verbindungen aus. Die VerfasserInnen der Reiseberichte nehmen Traditionen anderer AutorInnen auf, sie zitieren literarische Beispiele. So greift Luiza Pesjak sehr oft zu literarischen Texten anderer Autoren, sie erwähnt in ihren Werken Vergil, Schiller, Körner, Eichendorff. Marica Gregorič erwähnt die Namen von Shakespeare, Bjornson, Ibsen.

Ich möchte auf ein Beispiel näher eingehen, das auf die Ambivalenz des Werks von Alma Karlin Licht wirft. In ihrem Bericht über die Reise nach Indien erwähnt sie Kipling. Wenn sie Lahore besucht, erklärt Karlin, dass es Kiplings Heimat sei (in Wirklichkeit wurde Kipling in Bombay geboren – A.B.). Gerade sein nostalgisches Gedicht „Der Weg nach Mandalay“ („The Road to Mandalay“, 1892), das Erinnerungen eines britischen Soldaten enthält, der in Burma gekämpft hat, bewegt Karlin dazu, diesen Ort zu besuchen, der durch zahlreiche Tempel und Pagoden berühmt ist. Auffällig ist, dass die Figur des Soldaten, die in diesem Gedicht präsent ist, stört Karlin, die sich wiederholt zum Pazifismus bekannt hat, nicht. In der Nachfolge von Kipling, „dem Barden des britischen Empire“, schlägt sich Karlin auf die Seite der Kolonisatoren. In der Studie, die weiblichen

Reiseberichten des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts gilt, schreibt Habinger über die „fiktive Maskulinität“ im kolonialen Kontext und führt Karlins Schriften als deren Beispiel an, in denen die Zugehörigkeit zum „schwachen“ Geschlecht durch die Zugehörigkeit zur weißen, zur „höheren“ Rasse ausgeglichen werde [Habinger 2006: 100].

Frau als eine „andere“ in Reiseberichten. Die Vorstellung von dem „anderen“ ist zugleich ein Gegenstand von Gender Studies. Die Frau als „andere“ wird in der Gender-Forschung behandelt. Dieser Begriff entstand in der Existenzphilosophie. Laut Simone de Beauvoir ist die Frau eine „andere“, eine Figur, die in der Gesellschaft marginalisiert und als zweitrangig behandelt wird. Diese diskriminierte Lage prägt unter anderem literarische Texte.

Wie schon erwähnt wurde, haben zwei Bücher Karlins einen Untertitel: „die Tragödie einer Frau“. Auf solche Weise betont die Verfasserin ihre Zugehörigkeit zum weiblichen Geschlecht. In den Texten gibt es zahlreiche Überlegungen, wie schwer es für eine Frau ist zu reisen. Karlin klagt über praktische Schwierigkeiten im Alltag, die sie behauptet mutig zu meistern, sowie über mehrere Vergewaltigungsversuche (obwohl es ihr, wie sie berichtet, immer gelingt, dem Täter zu entfliehen). Nach einem solchen Überfall schreibt die Erzählerin: „In drei Tagen war ich auscolumbust. [...] Von da ab kannte ich meine Grenzen und hatte überdies das Gruseln erlernt. Die Taupfeilertapferkeit war weg. Von da an ging ich durch das Leben als Weib, nicht als verrücktes Mägdelein...“ [Karlin Einsame 1930: 71].

In diesem Fragment gebraucht Karlin den Okkasionalismus „auscolumbust“: Sie, die davon träumte, der zweite Columbus zu werden, soll ihren Traum von unbegrenzten Möglichkeiten aufgeben. Sie wird dessen bewusst, dass sie als Frau in ihrer Mobilität begrenzt ist.

Luiza Pesjak erinnert sich an eine unangenehme Fahrt mit der Postkutsche (Diligence), in der sich die Reisende, durch eine dünne Wand vom Schaffner getrennt, ganz hilflos fühlen würde, wenn ein Dieb oder ein Bandit auf das Trittbrett springen würde. Die Erzählerin ruft auf: „Gott, hilf Frauen, welche Angst haben und in solchen absurd eingerichteten Diligencen reisen müssen!“ [Pesjak 1884: 614]. Für einen Augenblick habe sie schreckliche Angst ergriffen, als sie ein Messer in der Hand

des Mannes sah, der auf dem Trittbrett fuhr. Im nächsten Moment habe es sich herausgestellt, dass er mit diesem Messer nur Brot schneiden wollte.

„**Weibliches Schreiben**“. Der Gender-Aspekt ist eng mit dem Begriff „weibliches Schreiben“ verbunden. Dieser Begriff ist sehr umstritten. Einige ForscherInnen akzeptieren ihn nicht, bzw. halten ihn für diskriminierend. Merkmale von „weiblichem Schreiben“ stellt man auch bei männlichen Autoren fest. Die ForscherInnen, die diese Kategorie verwenden, verstehen unter „weiblichem Schreiben“ Alogizität, Interesse für das Körperliche (Gerüche, Essen, Toiletten, Aussehen) sowie erhöhte Emotionalität. Beispiele solcher Gefühlsbetontheit, die sich unter anderem in Ausrufen manifestiert, findet man bei Pesjak, Strnad, weniger bei Kmet. Fast alle Autorinnen, um die es hier geht, schreiben viel über Essen. Ernährung spielt eine sehr große Rolle in Karlins Texten, Gregorič beschreibt Büffets in Schweden, berichtet, was SkandinavierInnen in Zügen essen, gibt Informationen über skandinavische Küche im Allgemeinen. Pesjak beschreibt ein Abendessen im Hotel, Strnad bezeugt großes Interesse am russischen Teetinken. Alle Autorinnen gehen auf Kleidungsdetails ein.

Viele von diesen Autorinnen wenden sich speziellen Frauenproblemen und Frauenschicksalen zu. Strnad schreibt über die Schönheit der Russinnen und zeigt sich begeistert von ihrer guten Bildung: „Russinnen so hochgebildet und fast alle kurzsichtig, weil sie leidenschaftlich Bücher lieben. Von jener verruchten Emanzipation [...] hört man und sieht man in Russland gar nichts“ [Strnad 1900: 1].

Gregorič schreibt am Ende ihres skandinavischen Reiseberichtes über das Aussehen der skandinavischen Frauen: „Was Frauen angeht, muss ich sagen, dass sie keine Schönheiten mit edlen Gesichtszügen, einer fein geschnittenen Nase und dem klassischen Kinnoval sind, dabei aber sind sie so, dass jede ohne Ausnahme als „eine schöne Frau“ bezeichnet werden kann. [...] Vermutlich ist ihre glatte Haut der kalten Kost, dem Verzicht auf Rauchen und alle Alkoholgetränke zu verdanken“ [Gregorič 1922, 12: 143].

Pesjak behandelt die Themen der Mutterschaft, der Mutterliebe und der Kinder. Karlin beschäftigt die Beziehungen zwischen den Geschlechtern, sie ist, wie oben gesagt wurde, eine Gegnerin der

Mischehen. Oft schreibt sie über das Frauenlos. In ihren Texten sind feministische Inhalte auszumachen. Dabei sind ihre Aussagen ambivalent, häufig schreibt sie verächtlich über Frauen. Einerseits zeigt sie sich an Leben der Frauen interessiert und bezeugt ihre Sympathie mit ihnen, andererseits reproduziert sie Stereotype der patriarchalen Gesellschaft (sie will mit „höher entwickelten“ Männern verkehren, will Columbus werden).

Die von Gender-Theorien nahegelegten methodischen Ansätze, die hier eingesetzt werden, bergen jedoch das Risiko der Generalisierung, Standardisierung, der Verwischung der Tatsachen. So unterscheidet sich etwa Gregorič-Stepančičs Text von anderen, er wirkt monoton, trocken. Das Körperliche spielt darin so gut wie keine Rolle.

Nationale Identität. Einen Forschungsgegenstand stellt die nationale Identität dieser Autorinnen dar. Heutzutage wird die nationale Identität als eine Konstruktion der Neuen Zeit aufgefasst. Diesem Problem gelten die Schriften von Benedict Anderson und anderen ForscherInnen. Das 19. Jahrhundert ist einer der Höhepunkte im Prozess der Bildung der nationalen Identität, im slowenischen Gebiet fand dieser Vorgang auch Anfang des 20. Jahrhunderts intensiv statt. Deshalb kann diese Problematik in den zu behandelnden Werken nicht übergangen werden.

Die Spezifik des Reiseberichtes setzt schon die Hinwendung zum „Anderen“ oder „Fremden“ voraus. Die Reiseberichte, um die es hier geht, handeln von anderen Ländern, anderen Völkern. Wie schon erwähnt, ist der Reisebericht eng mit der Autobiographie verbunden und die Beschreibung von anderen Ländern hängt mit der Suche nach der eigenen Identität zusammen. In allen erwähnten Reiseberichten ist dieser Aspekt präsent. Die Gender- und nationalen Probleme berühren sich ständig.

Gregorič-Stepančič schreibt in „Ein Ausflug auf den Balkan“ über „Warme Gefühle des nationalen Selbstbewusstseins, verwurzelt in unserer Brust“ [Gregorič 1912: 15].

Der Panslawismus, das Thema der slawischen Einheit sind nicht nur in Gregoričs Texten präsent. Slowenische reisende Frauen identifizieren sich selbst, außer Karlin, als Slawinnen. Das Slawentum wird zum Reflexionsgegenstand ihrer Texte. So schreibt Pesjak in „In Dresden“: „Und hier ging auch in alten Zeiten dein leiblicher Bruder, – und dieses Land war slawisch“ [Pesjak 1877: 146].

Die zu analysierenden Texte befassen sich mit der Konstruktion der Grenzen zwischen nationalen Identitäten, sie verwenden und erzeugen Stereotype.

So schreibt Strnad in „Im Nebel“ über den lustigen Charakter, der ihrer Ansicht nach gerade Kroaten eigen ist. Die Erzählerin teilt ihrer Begleiterin ihre Vermutung mit: „Sie werden sehen, dass der Kommandant Kroat ist. Sein ‘Gesang’ verrät ihn; Italiener haben das nicht. Noch etwas verrät ihn: dieser Humor, diese Lustigkeit und Lebendigkeit, welche den Kroaten sogar im hohen Alter nicht verlassen“ [Strnad 1898: 1].

Anhand der oben zitierten Fragmente kann man die Erzeugung von nationalen und Gender-Stereotypen verfolgen. Es werden in beiden Fällen dieselben sprachlichen Mittel verwendet: Simplifizierung, Generalisierung, Hyperbel, Einschätzung, Antithese.

In der Übergangsperiode, als einige Staaten aufhörten zu existieren und neue entstanden, besteht die hartnäckige Suche nach nationalen Identitäten neben dem Vorhandensein der hybriden Identität. Das veranschaulicht Karlins Fall: „Daß man heute in Europa eine Paßheimat und eine andere Sprachheimat haben kann, hat man im Ausland keine Ahnung, und das können die guten Neuseeländer und andere Völker nicht begreifen.“ [Karlin Einsame 1930: 321].

Drei Aspekte: Genre, Gender und Nationalität. Ich bin auf drei Aspekte der Reiseberichte eingegangen: Genre, Gender und Nationalität. Als Ergebnis der Analyse kann man offensichtlich über eine enge Verbindung dieser drei Aspekte sprechen. Fließend erscheinen ebenso Grenzen des Reiseberichtes als Genres, das sich zwischen der fiktionalen und nichtfiktionalen Literatur befindet. Die Konstruktion der nationalen Identität, die die Autorinnen zu formulieren versuchen, ist auch unscharf und das Produkt einer Konvention. Gleich unscharf ist die Gender-Spezifik dieser Texte, die sowohl Merkmale aufweisen, die als Gender-spezifisch gelten, als auch solche die darüber hinausgehen. In der Nationalismus- und in der Gender-Theorie ist der Begriff der Performativität gültig, der von Judith Butler in Bezug auf Gender verwendet wurde [Butler 1990: 139]. Benedict Anderson fasst die Nation als eine Konstruktion auf [Anderson 2001: 221]. Gender und Nationalität erscheinen als problematische

Konstruktionen, Produkte diskursiver Praktiken. Die analysierten Texte zeigen die Verwandtschaft der konstruktiven Praktiken in Bezug auf Gender und Nationalität miteinander. „Wir, Slowenen, sie, Kroaten, sie, Skandinavier, wir, Frauen...“

Besonders auffällig ist in den weiblichen Reiseberichten dieser Periode die Verbindung der nationalen und der Gender-Problematik. Gerade zu dieser Zeit bildet sich die slowenische nationale Identität heraus und nimmt die Frauenbewegung zu.

Литература

- Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва : Кучково поле ; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 288 с.
- Карамзин, Н. В. Избранные сочинения в двух томах. Том 1 / Н. В. Карамзин. – М. ; Л. : Художественная литература, 1964. – 809 с.
- Butler, J. P. *Gender Trouble: feminism and the subversion of identity* / J. P. Butler. – New York ; London : Routledge, 1990. – 221 p.
- Cixous, H. *The Laugh of the Medusa. Reading Rhetorical Theory* / H. Cixous. – New York : Harcourt, 2000. – P. 879–893.
- Gregorič-Stepančič, M. Izlet po Balkanu / M. Gregorič-Stepančič // *Naša bodočnost*. – 1912. – 4/1. – S. 14–17.
- Gregorič-Stepančič, M. Izprehod po Skandinaviji / M. Gregorič-Stepančič // *Jadranka*. – 1922. – 2/3. – S. 29–30.
- Gregorič-Stepančič, M. Izprehod po Skandinaviji / M. Gregorič-Stepančič // *Jadranka*. – 1922. – 2/7. – S. 76–77.
- Gregorič-Stepančič, M. Izprehod po Skandinaviji / M. Gregorič-Stepančič // *Jadranka*. – 1922. – 2/12. – S. 142–143.
- Habinger, G. *Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert* / G. Habinger. – Wien : Promedia, 2006. – 399 S.
- Karlin, A. *Einsame Weltreise* / A. Karlin. – Minden in Westfalen ; Berlin ; Leipzig : Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. – 331 S.
- Karlin, A. *Im Banne der Südsee* / A. Karlin. – Minden in Westfalen ; Berlin ; Leipzig : Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. – 381 S.
- Kmet, M. *Iz Bosne* / M. Kmet // *Ljubljanski zvon*. – 1914. – 34/4. – S. 214–219.
- Lah, A. *Vse strani sveta: slovensko potopisje od Knobleharja do naših dni* / A. Lah. – Ljubljana : Rokus, 1999. – 208 s.
- Pesjak, L. *Popotni spomini* / L. Pesjak // *Ljubljanski zvon*. – 1884. – 4/7. – S. 416–420.
- Pesjak, L. *Popotni spomini* / L. Pesjak // *Ljubljanski zvon*. – 1884. – 4/10. – S. 614–616.
- Pesjak, L. *Popotni spomini* / L. Pesjak // *Ljubljanski zvon*. – 1884. – 4/11. – S. 680–682.
- Pesjak, L. *V Draždanih* / L. Pesjak // *Zvon*. – 1877. – 3/10. – S. 146–150.
- Strnad, M. *Marsikaj iz Rusije* / M. Strnad // *Slovenski narod*. – 1900. – 33/197. – S. 1.
- Strnad, M. *Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja* / M. Strnad // *Slovenski narod*. – 1899. – 32/268. – S. 1.
- Strnad, M. *Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja* / M. Strnad // *Slovenski narod*. – 1899. – 32/270. – S. 1.
- Strnad, M. *V megli* / M. Strnad // *Slovenski narod*. – 1898. – 31/84. – S. 1.

References

- Anderson, B. (2001). *Vooobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. On the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole, KANON-press-Ts. 288 p.
- Butler, J. P. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London, Routledge. 221 p.
- Cixous, H. (2000). *The Laugh of the Medusa. Reading Rhetorical Theory*. New York, Harcourt, pp. 879–893.
- Gregorič-Stepančič, M. (1912). *Izlet po Balkanu*. In *Naša bodočnost*. Vol. 4/1, S. 14–17.
- Gregorič-Stepančič, M. (1922). *Izprehod po Skandinaviji*. In *Jadranka*. Vol. 2/3, S. 29–30.
- Gregorič-Stepančič, M. (1922). *Izprehod po Skandinaviji*. In *Jadranka*. Vol. 2/7, S. 76–77.
- Gregorič-Stepančič, M. (1922). *Izprehod po Skandinaviji*. In *Jadranka*. Vol. 2/12, S. 142–143.
- Habinger, G. (2006). *Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert*. Wien, Promedia. 399 S.
- Karamzin, N. V. (1964). *Izbrannyye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 809 p.
- Karlin, A. (1930). *Einsame Weltreise*. Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig, Druck und Verlag von Wilhelm Köhler. 331 S.
- Karlin, A. (1930). *Im Banne der Südsee*. Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig, Druck und Verlag von Wilhelm Köhler. 381 S.
- Kmet, M. (1914). *Iz Bosne*. In *Ljubljanski zvon*. Vol. 34/4, S. 214–219.
- Lah, A. (1999). *Vse strani sveta: slovensko potopisje od Knobleharja do naših dni*. Ljubljana, Rokus. 208 s.
- Pesjak, L. (1877). *V Draždanih*. In *Zvon*. Vol. 3/10, S. 146–150.
- Pesjak, L. (1884). *Popotni spomini*. In *Ljubljanski zvon*. Vol. 4/7, S. 416–420.
- Pesjak, L. (1884). *Popotni spomini*. In *Ljubljanski zvon*. Vol. 4/10, S. 614–616.
- Pesjak, L. (1884). *Popotni spomini*. In *Ljubljanski zvon*. Vol. 4/11, S. 680–682.
- Strnad, M. (1898). *V megli*. In *Slovenski narod*. Vol. 31/84, S. 1.
- Strnad, M. (1899). *Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja*. In *Slovenski narod*. Vol. 32/268, S. 1.
- Strnad, M. (1899). *Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja*. In *Slovenski narod*. Vol. 32/270, S. 1.
- Strnad, M. (1900). *Marsikaj iz Rusije*. In *Slovenski narod*. Vol. 33/197, S.1.

Данные об авторе

Бодрова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

E-mail: a.bodrova@spbu.ru.

Author's information

Bodrova Anna Gennadievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Slavic Philology, Philological Faculty, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 18.01.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 18.01.2022; date of publication: 31.10.2022

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 378.016:82. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-12. ББК ШЗр. ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 5.8.2

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА ДИСТАНТЕ

Терентьева Н. П.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Челябинск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1386-6116>

Галицких Е. О.

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1145-3315>

А н н о т а ц и я. Внедрение дистанционного обучения в вузах страны обуславливает необходимость анализа его результатов. Целью авторов было выявление эффективных форматов и технологий организации самостоятельной деятельности студентов-филологов при изучении методики преподавания литературы в условиях дистанционного обучения. Это своеобразный эксперимент, с одной стороны, и поиск методологии, с другой. Показаны приемы, активизирующие работу с методической периодикой, пособиями, цифровыми ресурсами, в том числе перевод информации в тексты новой природы с использованием визуальных средств и цифровых технологий. Рефлексия результатов обучения, проведенная в форме диалога студентов и преподавателей, обнаруживает значительное расширение представлений студентов о методике, ее креативном и ценностном потенциале, обогащение инструментария работы с информацией, возможности профессионального диалога, творческой самореализации будущего учителя. Определены условия, необходимые для эффективного обучения методике в дистанционном формате: смысловой, ценностный вектор в предъявлении учебного материала, определяемый его практической значимостью для будущего учителя, четкость в определении целей и задач, алгоритм выполнения заданий, системная организация самостоятельной работы студентов, которые пополняют свою методическую копилку, создаваемую на протяжении изучения всего курса, целенаправленно, продуктивно, последовательно, алгоритмично, конструктивно осваивая методические источники и материалы разных жанров и форматов, применяют цифровую грамотность, демонстрируют умение учиться в условиях дистанта. Принципиальна значимость диалога, обратной связи, рефлексии, живого, заинтересованного общения, понимания, доверия и поддержки во взаимоотношениях студентов и преподавателей. Статья адресована как студентам, так и педагогам вузов и представляет научный интерес для разработки новых дидактических векторов развития процесса образования в условиях дистанционного, гибридного обучения и цифровизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: методика преподавания литературы; методика литературы в вузе; студенты-филологи; информационно-коммуникационные технологии; информатизация образования; информационная образовательная среда; дистанционное обучение; дистанционные образовательные технологии;

формы обучения; самообразование студентов; информационные методические ресурсы; обратная связь; рефлексия

Для цитирования: Терентьева, Н. П. Методические ресурсы для студентов-филологов на дистанте / Н. П. Терентьева, Е. О. Галицких. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 135–144. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-12.

METHODS RESOURCES FOR E-LEARNING STUDENTS OF PHILOLOGY

Nina P. Terentieva

South Ural State Humanities Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1386-6116>

Elena O. Galitskikh

Vyatka State University (Kirov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1145-3315>

Abstract. The introduction of distance learning in the Russian universities makes it necessary to analyze its results. The aim of the authors was to identify effective formats and technologies for organizing independent activities of e-learning philology students in the study of methods of teaching literature. On the one hand, it is a kind of experiment; on the other hand, it is a search for new methods. The article highlights techniques that stimulate work with methods periodicals, manuals, digital resources, including the translation of information into texts of a new nature using visual means and digital technologies. The reflection of learning outcomes conducted in the form of a dialogue between students and teachers reveals a significant expansion of students' ideas about the methods as a discipline and its creative and value-based potential, the development of the tools for work with information, the opportunities for professional dialogue, and the creative self-realization of the future teacher. The authors describe the conditions necessary for effective e-learning of the methods of teaching literature: the semantic, value-based vector in the presentation of learning material, determined by its practical significance for the future teacher, clarity in defining aims and objectives, the task completion algorithm, the systemic organization of independent work of students who expand their methods knowledge and skills throughout the course by purposefully, productively, consistently, algorithmically, and constructively mastering methods sources and materials of different genres and formats, apply digital literacy, and demonstrate the ability to study remotely. The importance of dialogue, feedback, reflection, lively, interested communication, understanding, trust and support in the relationship between students and teachers is fundamental. The article is addressed to both students and university teachers and may be of scholarly interest for the development of new didactic vectors for the development of the education process.

Keywords: methods of teaching literature; method of teaching literature at higher school; students-philologists; information and communication technologies; informatization of education; digital education environment; distance learning; e-learning technologies; learning forms; students' self-education; digital methods resources; feedback; reflection

For citation: Terentieva, N. P., Galitskikh, E. O. (2022). Methods Resources for e-Learning Students of Philology. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 135–144. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-12.

Как известно, «есть упоение в бою» [А. С. Пушкин]. Прошедшие два года убедили в том, что экстремальная ситуация для педагогики, методики – это вызов, с одной стороны, и шанс, возможность, активный поиск, с другой. Однозначно то, что из дистанта (признанный лингвистикой неологизм для обозначения дистанционного обучения¹) мы вышли другими, что

дистант отнюдь не временное, экстремальное событие образования и что его результаты в целом важно осмыслить с позиций цифровой дидактики, чтобы в ближайшей перспективе разработать и обосновать методологию дистанционного обучения. Отметим, что интерес к проблеме преподавания литературы в школе в дистанционном формате возник незамедли-

¹ Новые слова и словари новых слов. 2020: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 220 с.

тельно: убедительным доказательством тому стала онлайн-лаборатория Гильдии словесников «Русский и литература в дистанте», проведенная уже 27 марта 2020 года. Столь же оперативным был отклик сетевого издания «Могу писать», центра инновационного педагогического образования «Умная методика»¹, чего нельзя сказать о преподавании литературных и методических дисциплин в вузе. И в настоящее время в научной электронной библиотеке статьи по этой проблеме немногочисленны, что свидетельствует о ее актуальности.

В основе дистанционного обучения студентов вуза лежит организация их самостоятельной учебной деятельности. В методологии философии образования XXI века (Б. С. Гершунский, З. Р. Девтерова, В. А. Плешаков, Ю. В. Сенко и др.) и инновационных технологий профессионального образования (Е. О. Галицких, Е. С. Полат, Е. А. Ходырева и др.) доказано, что мыслительная деятельность студентов наиболее активна в процессе самостоятельной работы, когда им удается интегрировать потоки информации в осмысленный и объективированный результат-продукт разного уровня сложности – от вебинара до проекта, от научной статьи до курсовой работы, от создания портфолио до сборки кейса. В современном университете студенты ориентированы не на получение готовой информации, а на формирование компетенций, осмысление результатов своих поисков и открытий, на их применение в живой практике познания и преподавания уже в условиях дистанционного обучения и цифровой среды.

Самостоятельная работа студентов-филологов, будучи неотъемлемой составляющей образовательного процесса в вузе, сопутствует традиционным аудиторным занятиям, и опыт ее организации широко представлен в педагогической литературе: организация читательской деятельности студентов как путь самообразования и способ получения обратной связи (Е. О. Галицких), опыт проектной читательской деятельности (Т. Г. Галактионова), читательский портрет молодого учителя (Д. Н. Федоров). Вместе с тем в недавней экстремальной ситуации организация самостоятельного освоения разнообразных информационных методиче-

ских ресурсов студентами стала, на наш взгляд, центральным событием дистанционного обучения, а дистант – своеобразным образовательным «полигоном» для апробации технологий обучения студентов-филологов методике.

Сложности дистанционного освоения методики связаны прежде всего с тем, что это практико-ориентированная дисциплина. С одной стороны, необходимо обращение к теоретическим основам методики, с другой – важно отработать разнообразные способы практической деятельности учителя во взаимодействии с учениками. Работа в дистанционном формате побудила каждого преподавателя вуза определить тексты для самостоятельного освоения студентами как в плане содержательном (проблемы методики, образовательные технологии, культурологический контекст), так и источниковедческом, связанном в современных условиях с разными способами коммуникации, предъявления методической информации в цифровом пространстве интернета [Galitskikh, Terentyeva 2020]. На завершающем этапе изучения дисциплины «Методика обучения литературе» (8 семестр) и факультатива «Актуальные проблемы обучения литературе в школе» (4 курс) – именно в этот период образовательный процесс был переведен в дистанционный режим весной 2020 года – была выстроена и апробирована работа со следующими информационными ресурсами, профессионально необходимыми учителю-словеснику:

- Статьи по методике из журнала «Филологический класс».
- Видеозаписи вебинаров корпорации «Умная методика» (Ю. В. Ээльмаа, Ю. В. Малкова, Н. Р. Ванюшева), СПБАППО (Ю. В. Малкова), корпорации «Росучебник» (М. М. Казбек-Казиева), мастерской «Читательский дневник сегодня» (Е. С. Квашнина).
- Материалы сайта Гильдии словесников (на выбор студентов).
- Выпуски атласа «100 проектов про чтение» (Р. В. Раппопорт, Е. И. Казакова, Т. Г. Галактионова).
- Учебник «Методика обучения литературе в школе» / под общ. ред. Н. М. Свириной (СПб., 2018).

¹ Русский и литература на дистанте. URL: <https://slovesnik.org/kopilka/metodicheskie-razrabotki/prepodavanie-russkogo-i-literatury-v-usloviyakh-distanta.html>; Как работать во время карантина. URL: <https://mogu-pisat.ru/about/now/5359232/>; Обучение онлайн: новый опыт и решения. URL: <http://kursy.ummetodika.ru/marafon-distant>.

Отбор содержания учебного материала и образовательных ресурсов для апробации был продиктован местом конкретных тем в программе обучения методике на определенном этапе (локальность), что предполагало дальнейшее расширение видového и содержательного спектра ресурсов при подготовке к подпрактике на 5 курсе.

Признаемся, что методическая периодика – весьма редкая гостья в круге чтения студентов-филологов, будущих педагогов. Для студентов, не всегда разборчивых в стремлении «себе присвоить ум чужой», интернет с готовыми конспектами уроков стал своеобразной альма матер. Дистант создал условия для решения этой проблемы: пара – 1,5 часа учебного времени – вполне может быть посвящена самообразовательному осмысленному чтению статьи с экрана, а также личностной и профессиональной рефлексии прочитанного.

Отбирая методические источники, мы делали ставку на статьи, которые на частном, локальном материале дают представление о значимом методическом явлении, проблеме с возможностью «переноса» знаний о приеме, технологии, структуре урока на изучение другого литературного произведения. Выбор был остановлен на открытом, общедоступном (это крайне важно) архиве журнала «Филологический класс». Необходимыми критериями выбора статей были методическая актуальность и мастерство в их написании: они интересны для будущих учителей, грамотно методически структурированы и понятны студентам, соответствуют программе и определенному разделу изучения методики (в нашем случае – развитие письменной речи, технологии в литературном образовании). Так, оптимально содержательными для освоения технологий смыслового и медленного чтения стали статьи Э. Р. Бикбаевой и О. А. Даниловой¹. Обращение к статье Н. А. Милашевич и В. Б. Сергеевой² раскрыло методику работы над жанром эссе, которая было дополнена творческим заданием: после чтения эссе Нобелевского лауреата

Ольги Токарчук «Окно» написать эссе, сделав темой важную для читателя цитату.

Не менее значимым стал выбор приемов читательской интерпретации методических статей, связанный с возможностью перевода их смысла в текст иной природы («тексты новой природы») [Тексты новой природы... 2016] или иного жанра. Предложенное студентам задание было сформулировано так:

1. Прочитайте статью внимательно.

2. Прочитайте произведение, о котором идет речь.

3. Осмыслите содержание статьи, методический потенциал и переведите информацию в текст новой природы или нового жанра: эссе (ваши мысли, чувства после прочтения статьи, ее оценка), диалог с автором; опорный конспект урока; методическая памятка; таблица, схема, интеллект-карта, облако слов, инфографика, глоссарий, эйдос-конспект, скетчноутинг (на выбор).

4. Важное условие – в вашем распоряжении одна страница формата А4. Если задание выполнено от руки (схема, инфографика и др.), можно представить фото.

Ограничения в объеме – принципиальное условие, которое располагает к критическому чтению, выбору существенных фактов, осмыслению материала, его компрессии, структурированию. Выбор способов методической интерпретации статей стимулировал творчество студентов, использование ими визуальных и цифровых технологий [Sosnovskaya 2021]. Нам близка мысль В. С. Браташ о том, что на основе трансформации учебных текстов целесообразно строить вербальное высказывание, в котором «задействованы коды различных семиотических систем». «Такие тексты «новой природы» предполагают большую гибкость и вариативность, так как могут объединить в себе уже существующие форматы трансформации текста (диаграмму, схему и таблицу), поддерживают творческое осмысление информации и групповой формат работы, предусматривают отражение эмоционального отклика на прочитанный текст...» [Браташ 2020: 10]. Критерии оценивания подобных работ

¹ Бикбаева Э. Р. Большие тайны малых жанров: проект урока литературы по рассказу Н. Дашевской «Крендельков» // Филологический класс. 2018. № 2. С. 129–133; Данилова О. А. Прием «медленного чтения» на уроках по современной прозе: рассказ Нины Дашевской «Ой, то не вечер» // Филологический класс. 2017. № 1. С. 34–37.

² Милашевич Н. А., Сергеева В. Б. Жанр – личность – смысл: образовательный ресурс урока литературы в 10 классе по эссе Д. В. Драгунского // Филологический класс. 2018. № 1. С. 72–77.

связаны с полнотой осмысления материала, корректностью, лаконизмом его презентации с учетом выбранного жанра. Поощрялись творческий компонент – особенно когда это касалось различных форм визуализации, а также выражение отношения к прочитанному, его оценка.

Поддержанию атмосферы диалога на дистанте способствовали самопрезентация, обратная связь для всех участников методического диалога, афиширование и обязательная личностная рефлексия результатов работы (*Мои методические открытия. В чем методическая ценность статьи? Вклад в методическую копилку*). Рефлексия после выполнения очередного задания фиксировалась в Google Классе. Интерактивный формат, творчество и рефлексия поддерживали мотивацию изучения методики.

Успешность работы с первыми журнальными статьями сделала возможным расширение

круга чтения методической периодики. После работы над тремя указанными выше статьями студенты обратились к составленному нами списку из 40 статей из архива журнала. Им предстояло выбрать одну из статей и презентовать ее в виде аннотации. Затем, по аналогии с буккроссингом, был организован article-кроссинг: его участники выложили в группе в социальных сетях свои работы, собрав таким образом методическую копилку, и составили индивидуальные списки для дальнейшего самообразовательного чтения по технологии «Список» [Галицких 2016].

Коллективная профессиональная рефлексия была проведена в форме составления дайджеста заветных мыслей, важных советов, наставлений, изречений педагогов – авторов прочитанных статей. Приведем пример дайджеста, раскрывающего актуальные для будущего учителя проблемы методики.

Рис. 1. Дайджест «Читай и учись учить!»

Настоящее «погружение» в методику требовало обращения к разного рода ресурсам, в том числе сетевым. Мы предложили студентам открыть для себя сайт Гильдии словесников, выбрав самый интересный для каждого из них материал, и представить его в виде презентации (10–15 слайдов). Студенты отдали предпочтение статьям и методическим материалам М. А. Павловой, О. В. Смирновой, Т. Ю. Смирновой, С. В. Волкова, А. А. Скулачева, С. Л. Ка-

ганович, И. А. Мухиной, Е. С. Абельюк, И. И. Коган, С. И. Красовской, А. К. Северинец). Фестиваль идей Гильдии стал итогом этой работы, а набор презентаций пополнил методическую копилку студентов.

Знакомство с фундаментальными проблемами современной методики сопровождалось оформлением опорных конспектов лекций, вебинаров, выложенных на канале YouTube (Ю. В. Малкова «Развитие речи учащихся в ус-

ловиях самоизоляции», «Чего не могут наши дети? – как учить писать и говорить в старшей школе»; Ю. В. Ээльмаа «Урок литературы в цифровой школе»). Такое деятельностное расширение «методических горизонтов» ведет к тому, что студенты-филологи убеждаются в безграничном творческом потенциале методики, а также начинают ощущать свою причастность методическому сообществу.

Что касается работы с учебником, мы предлагали студентам для самостоятельного ознакомления отдельные темы нового учебника «Методика обучения литературе» («Развитие речи на уроках литературы», «Оценивание на уроках литературы») [Методика обучения литературе 2018]. Этот учебник отличает добротный методический аппарат – свою эффективность показало письменное выполнение студентами заданий для самостоятельной работы. Работа над темами «Внеклассная работа», «Внеклассное чтение» была дополнена обращением к различным изданиям атласа «100 проектов про чтение»: в ходе круглого стола студенты представляли самый интересный, по их мнению, проект, оформив его паспорт, а затем, объединившись в группы, работали над своими проектами по продвижению книги и чтения для дальнейшей их реализации в период подпрктики.

Любой учебный процесс для оценки его результативности и успешности требует рефлексии, тем более если он протекает в новом формате, близком к эксперименту. Рефлексия предполагает «обращение индивида к своему внутреннему миру, к своему опыту – мышления, деятельности, переживаний и т. д. – ко всему тому, что он видел, слышал, читал, делал, думал, чувствовал и т. п., и к тому, как, почему и зачем он так видит, делает, думает, чувствует» [Богин. URL]. Субъектами рефлексии выступают вузовский преподаватель и студенты-филологи. Нас интересовали три проблемы:

- Удался ли диалог при обучении в дистанционном формате?
- Что взять из дистанта в повседневную практику обучения методике?
- Чем студенты обогатили свою методическую копилку для дальнейшей педагогической деятельности?

Педагогу важно знать, «как наше слово отзовется». Организация личностной и профес-

сиональной рефлексии студентов – проявление диалога в обучении. Мы исходили из бахтинского понимания диалога как ответственного поступка, «события бытия», структура которого может быть описана тремя категориями: 1) *я-для-себя*, 2) *другой-для-меня*, 3) *я-для-другого* [Бахтин. URL]. Интерактивность, обратная связь являются неперенными сторонами дистанционного обучения.

Для активизации рефлексивных реакций мы обратились к студентам с развернутым письмом, которое, при всей официальности учебной ситуации, носило выраженный личностный характер, так как и от студентов мы ожидали открытой, честной и личностной реакции:

«Позади три месяца освоения методики в дистанционном формате. Это ситуация эксперимента, поиска со всеми вытекающими последствиями... Это вызов для всех нас. Мне очень не хотелось, чтобы это была ситуация отчуждения, изоляции, формализации учебного процесса. Я рада, что, помимо собственно МОЛ, у нас был факультатив, который давал свободу погружения в «живую» методику – разную: теоретическую, практическую, а главное – творческую! Методические журналы, сайты, вебинары, мастер-классы... Ваши замыслы – конспекты уроков с «разбором полетов». Я благодарна вам за творческий отклик – иногда фонтан творчества! Я по-новому открыла для себя вас и ваши возможности! Спасибо за творческий резонанс!

Содержание рефлексии: методика на дистанте: «за» и «против». Рефлексия может быть представлена в выбранной вами форме: эссе, таблица (за и против), инфографика, интеллект-карта, методические рекомендации (Что делать? Чего не делать?) и т. п.

Интересно узнать ваше мнение: что мы приобретаем в условиях дистанционного обучения методике, что теряем? Возможен ли живой дистант с «человеческим лицом»? Что делать, «чтоб не пропасть поодиночке» (Б. Окуджава)? Что взять из дистанта в учебный процесс? Что вам особенно понравилось делать (задания, формы работы)? Что было целесообразно? Какие из предложенных материалов были для вас самым открытием? Загляните в свою методическую копилку.

Что для вас Number one: методическая статья из журнала «Филкласс» или с сайта Гильдии словесников, вебинар из «Умной методики», конспект

урока студента? Получится своего рода методический рейтинг.

Резюме и пожелания педагогу (т. е. мне): критические тоже приветствуются».

Обратимся к систематизированным и проанализированным материалам рефлексивных откликов студентов.

Что будущие педагоги не могут принять в дистанционном обучении:

– Нет живого контакта с преподавателем. Качественное образование предполагает живое общение с профессиональными, квалифицированными специалистами-преподавателями.

– Дистанционное образование не подходит для проявления и развития коммуникативности. Очень важны опыт публичных выступлений, ощущения контакта с аудиторией, живого разговора с присутствующими.

– Не все можно изучить дистанционно. В некоторых случаях нельзя обойтись без практических занятий под руководством опытного наставника.

Понятно, что неприятие дистанционного формата обучения вызвано прежде всего нарушением привычной коммуникации, взаимодействия с участниками образовательной деятельности.

Что же оказалось привлекательным в «дистанте» для студентов? Выделим заявленные позиции.

Опыт самостоятельного освоения методического материала (учимся учиться)

– Вы давали нам необходимую свободу: мыслей, творчества в конспектах, анализе статей и т. п.

– Дистанционное обучение приучает к персональной ответственности. На аудиторном занятии уровень ответственности намного ниже, потому что спрашивают со всей группы в целом, на дистанте же получается, что на каждый вопрос должен отвечать персонально каждый студент. Это сложнее, но и намного полезнее.

– У каждого студента была возможность индивидуально подойти к выполнению задания. Он мог показать себя, возможно, раскрыть в себе новые возможности. Видеолекции, статьи и пр. оформлялись каждым студентом в удобной для него форме.

Действительно, «дистант», как это ни парадоксально, стал для студентов пространством

свободы, самоорганизации, самостоятельности и персонализации обучения.

Расширение «методических горизонтов» – содержательного и жанрового спектра методических источников, вовлеченных в самостоятельную работу студентов.

– Статьи из «Филологического класса» и с сайта «Гильдии словесников». Это открытие! А краткие сведения и отклик на многие статьи однокурсников позволят мне сэкономить драгоценное время и выбрать тот материал, который будет отвечать моим целям (презентации, «articlecrossing»).

Обогащение методического инструментария работы с информацией, освоение текстов новой природы.

– Понравилось составлять опорные конспекты. Обычно мне сложно сжать текст, так как кажется, что важна каждая мысль.

– Было увлекательно анализировать и преобразовывать материал в интересной форме (схема, таблица, инфографика и т. д.), а также рефлексировать по актуальной теме.

Творчество

– Очень много возможностей для творчества и самовыражения.

– Не менее интересным для меня было осмысление статьи с сайта Гильдии словесников. Вот тут мне захотелось «покреативить».

Важно, что опыт работы в нестандартных условиях позволил студентам пережить «расширение личности» через творчество и выйти за рамки привычной самооценки.

Обратная связь

– Контроль преподавателем выполнения заданий (дисциплина).

– Развернутые комментарии на выполненное домашнее задание (всегда приятно получить указание на недочеты и похвалу, осознавать важность своей работы).

Диалог

– В это сложное для нашего привычного восприятия время мы смогли найти общий язык, договориться. Спасибо Вам за понимание!

– Невозможно быть не услышанным, незамеченным, не оцененным, не успеть «вставить слово».

Единство свободы, высокой степени самостоятельности, самоорганизации, осознание обязательности выполнения заданий, с одной

стороны, и педагогическая организация процесса обучения преподавателем, поэтапный контроль выполнения заданий, определенный ритм, постоянство обратной связи создают у будущих учителей живое представление о сочетании «свободы и необходимости» в работе педагога для достижения результатов обучения. Это и есть проявление педагогики поддержки.

Преимственность с традиционным форматом обучения

– Все было точно так же (наполненно, результативно, интересно!), только в другом формате, к которому (хоть и трудно, и неудобно, и немного не до конца) мы все сумели приспособиться. В итоге дистант стал не такой уж плохой заменой обыкновенной очной форме – возникли трудности, но они все были преодолимы.

Педагогическое сообщество

– Я даже не представляла, сколько талантливых учителей, которые в сети Интернет, на сайте Гильдии словесников делятся своим опытом, стараются быть полезными.

Результат обучения

– Несмотря на удаленное обучение, не было «простоев» или нехватки материала, задания предлагались интересные, я постоянно знакомилась с чем-то *новым в методике преподавания литературы*, можно даже сказать, что в таком формате я получила даже больше материала, как для образования, так и для личностного роста, чем при обычной форме обучения.

– Теперь у меня есть опыт, теперь я знаю, как можно дистанционно обучаться и обучать.

Действительно, в условиях дистанционного обучения открываются ценностные измерения методики: новые ресурсы и возможности профессионального самообразования, освоения педагогических технологий через собственный опыт активного участия в образовательной деятельности, через освоение опыта педагогов-практиков – отсюда личностное открытие и переживание того, сколько талантливых учителей, для которых преподавание литературы – сфера творчества, поиска, самореализации, готовности поделиться методическими открытиями. И студенты начинают осознавать свою причастность этому сообществу.

В топ рейтингового списка актуальных методических источников, по выбору будущих педагогов, попали самостоятельно освоен-

ные материалы сайта Гильдии словесников. Среди них особо выделены статьи С. Л. Каганович «Еще раз об анализе поэтического текста» и С. В. Волкова «Надо ли заставлять детей читать то, что задают в школе?». Из самостоятельно проработанных методических материалов с канала *YouTube* частотностью выбора отмечены лекции Ю. В. Малковой «Развитие речи учащихся в условиях самоизоляции», «Чего не могут наши дети? – как учить писать и говорить в старшей школе» и Ю. В. Ээльмаа «Урок литературы в цифровой школе», а также вебинар Е. С. Квашниной «Читательский дневник сегодня». Из методических статей (архив журнала «Филологический класс»), указаны следующие:

– Коптяева Т. Е. Работа с произведениями малых жанров на уроках русского языка и литературы.

– Данилова О. А. Прием «медленного чтения» на уроках по современной прозе: рассказ Н. Дашевской «Ой, то не вечер».

– Бикбаева Э. Р. Большие тайны малых жанров: проект урока литературы по рассказу Н. Дашевской «Крендельков».

– Алексеева М. А. Образ Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (урок-мастерская).

– Гутрина Л. Д. В чем фокус?: (урок по творчеству М. Я. Бородинской в школе).

– Милашевич Н. А., Сергеева В. Б. Жанр – личность – смысл: образовательный ресурс урока литературы в 10 классе по эссе Д. В. Драгунского.

– Соловьева Ф. Е. Формирование представлений о жизни как экзистенциальной ценности гуманизма (на примере анализа рассказа А. П. Платонова «Цветок на земле» в 5 классе).

Итоговая рефлексия позволила определить условия, необходимые для эффективного обучения в дистанционном формате.

Поставим на первое место гуманизацию образовательного процесса в широком смысле этого понятия: диалог, живое, заинтересованное общение, понимание, отношения доверия и поддержки рождают событийную общность участников педагогической коммуникации. Обратная связь, диалоговая рефлексия становятся необходимыми коммуникативными инструментами обучения методике.

Особую значимость приобретает смысловой, ценностный вектор в предъявлении учебного материала, четкость в определении целей и задач, алгоритмов выполнения заданий: классическая методическая триада: Что? Зачем? Как? Это касается прежде всего системной организации самостоятельной работы студентов, освоения методических источников и материалов разных жанров и форматов, овладения умением учиться.

Самостоятельное освоение значительного информационного массива, осмысление методического материала, организация личностной и профессиональной рефлексии «запускаются» технологически через перекодировку, преобразование информации, обращение к «текстам новой природы», визуальным практикам, цифровым технологиям, что позволяет студентам ощутить важность творчества, самореализации, нового открытия своих возможностей.

Опыт работы и анализ результатов дистанционного обучения методике литературы в локальный период убедили в том, что дистант и цифровизация в разумном стратегическом, содержательном и технологическом соотношении позволяют привести в методику новое измерение, сделать ее освоение гуманитарно ориентированным, полифоничным, персона-

лизированным. Дистант не может быть альтернативой традиционному образовательному процессу, но способен его обогатить: укажем, например, на медиаэкологический подход к литературному образованию (А. А. Архангельский, Е. С. Романичева, А. А. Новикова). Очевидно, что мы переживаем период экспериментов, педагогических прецедентов, активного инновационного опыта. Необходим системный гуманитарный подход к решению проблемы гибридного обучения методике. А. Г. Асмолов своевременно указал на проблему «страхования антропологических рисков», перехода «от антропологических рисков к антропологическому конструированию реальности» [Асмолов. URL]. Это положение имеет прямое отношение к методологии трансформации литературного образования в условиях не только дистанционного, но и гибридного обучения. Поскольку уже выявлены сильные и слабые стороны дистанционного образования, то видится перспектива разработки таких форматов и технологий, которые бы могли их максимально учесть. И в этом поиске предметные методики должны быть ориентированы на будущее в образовании и подготовку учителей к профессиональной деятельности в цифровой среде.

Литература

- Асмолов, А. Г. Сочтемся смыслами: антропологические изыскания помогают развиваться русской школе / А. Г. Асмолов. – URL: <https://asmolovpsy.ru/ru/audio/356> (дата обращения: 19.06.2022). – Текст : электронный.
- Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин. – URL: <http://philosophy.ru/library/bahtin/post.html> (дата обращения: 19.06.2022). – Текст : электронный.
- Богин, Г. И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику / Г. И. Богин. – URL: http://www.psy.az/lib.php?book_id=379download=book (дата обращения: 19.06.2022). – Текст : электронный.
- Браташ, В. С. Визуальные заметки (скетчноутинг) как инструмент трансформации учебного текста : дис. ... канд. пед. наук / Браташ В. С. – СПб., 2020. – 365 с.
- Галицких, Е. О. Диалог в образовании как способ становления толерантности : учеб. пособие для слушателей системы доп. проф. пед. образования / Е. О. Галицких. – М. : Акад. Проект, 2004. – 233 с.
- Галицких, Е. О. Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества / Е. О. Галицких. – М. : Библиомир, 2016. – 272 с.
- Девтерова, З. Р. Методология реализации систем дистанционного обучения / З. Р. Девтерова. – Текст : электронный // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 11. – С. 31–39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-realizatsii-sistem-distantsionnogo-obucheniya/viewer> (дата обращения: 25.09.2022).
- Методика обучения литературе в школе : учебник для студентов филологических факультетов педагогических вузов : в 2 кн. Кн. 2 / под общ. ред. Н. М. Свириной. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 304 с.
- Педагогические технологии дистанционного обучения : учебное пособие для вузов / Е. С. Полат [и др.] ; под редакцией Е. С. Полат. – 3-е изд. – Москва : Издательство «Юрайт», 2020. – 392 с.
- Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы : сборник материалов VIII международной научно-практической конференция «Педагогика текста», Санкт-Петербург, 21 октября 2016 г. / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – СПб. : Издательство «Лема», 2016. – 118 с.
- Федоров, О. Д. Читательский портрет современного молодого российского учителя / О. Д. Федоров // Непрерывное образование. – 2017. – № 1 (19). – С. 73–76.
- Ходырева, Е. А. Инновационные технологии профессионального образования: компетентность, самостоятельность, творчество / Е. А. Ходырева. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. – 107 с.

Galitskikh, E. O. A Digital Model of the Organization of Individual Reading for Students Studying Pedagogy / E. O. Galitskikh, N. P. Terentyeva. – Text : electronic // ARPHA Proceedings. – 2020. – Vol. 3. – P. 661–668. – URL: <https://ap.pensoft.net/article/22321/> (mode of access: 10.06.2022).

Sosnovskaya, I. V. Visualization Practices in Training Pedagogy Students / I. V. Sosnovskaya, N. I. Nikonova, S. Yu. Zalutskaya, N. P. Terentyeva, E. O. Galitskikh. – Text : electronic // Webology. – 2021. – Vol. 18, Special Issue on Computing Technology and Information Management. – URL: <https://www.webology.org/issue.php?volume=18&issue=49&page=4> (mode of access: 10.06.2022).

References

Asmolov, A. G. *Sochtemysya smyslami: antropologicheskie izyskaniya pomogayut razvivat'sya russkoi shkole* [Let's Consider the Meanings: Anthropological Research Helps to Develop the Russian School]. URL: <https://asmolovpsy.ru/ru/audio/356> (mode of access: 10.06.2022).

Bakhtin, M. M. *K filosofii postupka* [To the Philosophy of the Post]. URL: <http://philosophy.ru/library/bakhtin/post.html> (mode of access: 10.06.2022).

Bogin, G. I. *Obretenie sposobnosti ponimat'*. *Vvedenie v filologicheskuyu germenевtiku* [Gaining the Ability to Understand. Introduction to Philological Hermeneutics]. URL: http://www.psy.az/lib.php?book_id=379download=book (mode of access: 16.06.2022).

Bratash, V. S. (2020). *Vizual'nye zametki (sketchnouting) kak instrument transformatsii uchebnogo teksta* [Visual Notes (Sketchnouting) as a Tool for the Transformation of the Educational Text]. Dis. ... kand. ped. nauk. Saint Petersburg. 365 p.

Devterova, Z. R. (2010). Metodologiya realizatsii sistem distantsionnogo obucheniya [Methodology of Implementation of Distance Learning Systems]. In *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. No. 11, pp. 31–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-realizatsii-sistem-distantsionnogo-obucheniya/viewer> (mode of access: 25.09.2022).

Fedorov, O. D. (2017). Chitatel'skii portret sovremennogo mladogo rossiiskogo uchitelya [Reader's Portrait of a Modern Young Russian Teacher]. In *Nepreryvnoe obrazovanie*. No. 1 (19), pp. 73–76.

Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). (2016). *Teksty novoi prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoi shkoly* [Texts of a New Nature in the Educational Space of a Modern School]. Saint Petersburg. Izdatel'stvo «Lema». 118 p.

Galitskikh, E. O. (2004). *Dialog v obrazovanii kak sposob stanovleniya tolerantnosti* [Dialogue in Education as a Way to Develop Tolerance]. Moscow, Akademicheskii Proekt. 233 p.

Galitskikh, E. O. (2016). *Chtenie s увлечением: masterskie zhiznetvorchestva* [Reading with Passion: Workshops of Life Creation]. Moscow, Bibliomir. 272 p.

Galitskikh, E. O., Terentyeva, N. P. (2020). A Digital Model of the Organization of Individual Reading for Students Studying Pedagogy. In *ARPHA Proceedings*. Vol. 3, pp. 661–668. URL: <https://ap.pensoft.net/article/22321/> (mode of access: 16.06.2022).

Khodyreva, E. A. (2011). *Innovatsionnye tekhnologii professional'nogo obrazovaniya: kompetentnost', samostoyatel'nost', tvorchestvo* [Innovative Technologies of Professional Education: Competence, Independence, Creativity]. Kirov. Izdatel'stvo VyatGGU. 107 p.

Polat, E. S. et al. (2020). *Pedagogicheskie tekhnologii distantsionnogo obucheniya* [Pedagogical Technologies of Distance Learning]. Moscow. Izdatel'stvo «Yurait». 392 p.

Sosnovskaya, I. V., Nikonova, N. I., Zalutskaya, S. Yu., Terentyeva, N. P., Galitskikh, E. O. (2021). Visualization Practices in Training Pedagogy Students. In *Webology*. Vol. 18, Special Issue on Computing Technology and Information Management. URL: <https://www.webology.org/issue.php?volume=18&issue=49&page=4> (mode of access: 10.06.2022).

Svirina, N. M. (Ed.). (2018). *Metodika obucheniya literature v shkole: v 2 kn.* [Methods of Teaching Literature at School, in 2 books]. Book 2. 2nd edition. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 304 p.

Данные об авторах

Терентьева Нина Павловна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454085, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: terninapavl@yandex.ru.

Галицких Елена Олеговна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

Адрес: 610020, Россия, Киров, ул. Преображенская, 41, корп. 11.
E-mail: galitskiheo@rambler.ru.

Authors' information

Terentieva Nina Pavlovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Department of Literature and Teaching Methods of Literature, South Ural State Humanities Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia).

Galitskikh Elena Olegovna – Doctor of Pedagogy, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University (Kirov, Russia)

BLENDING LEARNING MODEL OF RUSSIAN LANGUAGE FOR CHINESE STUDENTS

Ruiting Yan

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7214-6899>

Nina L. Fedotova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2881-7202>

Abstract. The paper explores the linguo-didactic possibilities of using a blended learning model of Russian as a foreign language in post-pandemic conditions. The authors propose an innovative model of blended learning on the basis of the Chinese app WeChat and justify the latter's advantages compared with other applications: a wide range of functions, a high degree of interactivity, openness and a free access to various open e-learning resources designed for Russian as a foreign language and the providing of high motivation of Chinese students for learning Russian.

Four problems have been identified: low effectiveness in implementing the ideas of blended learning, a lack of electronic teaching resources, a low level of technological training of the learning process participants and the low efficiency of the existing blended learning models. A definition is given of the concept of blended learning in post-pandemic conditions. The paper presents a didactic design of the learning process using a blended learning model of Russian as a foreign language developed on the basis of the WeChat platform: Block 1 – materials posted in a WeChat public account; Block 2 – materials posted in a public account and using the Bilibili mini-program in WeChat, Block 3 – material intended for learning in the lesson (partial use of WeChat) and Block 4 – a chat using a videocall in WeChat.

The paper identifies stages of work within the blended learning model: the initial stage of learning content development; the stage of classroom differentiation and modification of the teaching materials; the stage of implementing the blended learning model; the stage of correcting and improving the model. The use of WeChat for teaching Russian to Chinese students allows organizing the learning process for this group of students more effectively, increasing the students' motivation and ensuring the durability of knowledge, skills and competencies in different kinds of language behaviour. It has been proved that the technical characteristics of WeChat make it possible to substantially reduce the time spent on posting the learning content.

Key words: blended learning; learning model; traditional learning; online learning; WeChat; Russian as a foreign language

For citation: Ruiting, Yan, Fedotova, N. L. (2022). Blended Learning Model of Russian Language for Chinese Students. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 145–154. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-13.

МОДЕЛЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Янь Жуйтин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7214-6899>

Федотова Н. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2881-7202>

Аннотация. В статье исследуются лингводидактические возможности применения модели смешанного обучения русскому языку как иностранному (ПКИ) в условиях постпандемии. Предлагается инновационная модель смешанного обучения на основе разработанного в Китае приложения WeChat и обоснована.

выявляются его преимущества по сравнению с другими приложениями: широкий набор функций, высокая степень интерактивности, открытость и свободный доступ к разнообразным открытым обучающим электронным ресурсам, предназначенным для обучения русскому языку как иностранному, обеспечение высокой мотивированности китайских учащихся в изучении русского языка.

Выявлены 4 проблемы: низкая продуктивность при реализации идей смешанного обучения, дефицит электронных обучающих ресурсов, низкий уровень технологической подготовки субъектов учебного процесса и низкий коэффициент действенности существующих моделей смешанного обучения. Дано определение понятия смешанного обучения в условиях постпандемии. Представлен дидактический дизайн учебного процесса с использованием модели смешанного обучения РКИ, разработанной на основе платформы WeChat: Блок 1 – материалы, размещенные в публичном аккаунте WeChat; Блок 2 – материалы, размещенные в публичном аккаунте, и использование мини-программы Bilibili в WeChat, Блок 3 – материал, предназначенный для изучения на уроке (частичное использование WeChat), и Блок 4 – беседа с использованием видеозвонка в WeChat.

В статье определены этапы работы в рамках смешанного обучения: этап первичного формирования учебного контента; этап дифференциации учащихся и модификации учебных материалов; этап реализации модели смешанного обучения РКИ; этап корректирования и совершенствования модели смешанного обучения РКИ. Приводятся примеры заданий, разработанных на платформе WeChat. Использование WeChat при обучении китайских студентов русскому языку позволяет более эффективно организовать учебный процесс для данного контингента учащихся, повысить мотивацию студентов и обеспечить прочность знаний, навыков и умений в разных видах речевой деятельности. Доказано, что технические характеристики WeChat дают возможность максимально снизить временные затраты на размещение обучающего контента.

Ключевые слова: смешанное обучение; модель обучения; традиционное обучение; онлайн-обучение; WeChat; русский язык как иностранный

Для цитирования: Янь, Жуйтин. Модель смешанного обучения китайских студентов русскому языку / Янь Жуйтин, Н. Л. Федотова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 145–154. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-13.

Introduction. The Covid-19 pandemic has caused an unprecedented global crisis in the modern world. There are reasons to believe that it will accelerate many processes taking place in society, which will, in one way or another, lead to certain transformations in various fields of life. The measures taken for the prevention and control of the epidemic have pervaded all the spheres of human activity, including education. The coronavirus has posed many challenges for the traditional classroom learning, but at the same time has created new unique opportunities for evaluating the effectiveness of blended learning models, in particular, those for learning foreign languages.

In recent years, the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language are undergoing significant change influenced by latest information technology innovations and 5-G network. Following the pandemic, a trend has emerged towards a gradual replacement of the traditional models of learning Russian as a foreign language by blended learning ones. In the last five years, especially since 2020, issues concerning teaching Russian as a foreign language in the paradigm of blended learning have had continuing relevance.

The aim of the article is to reveal the linguo-didactic potential of the WeChat platform for teaching the Russian language to Chinese students and to develop a blended learning model of Russian as a foreign language (BLR model) in post-pandemic conditions. The study uses the analytic-synthetic method (analysis of approaches and points of view), the method of observation (studying the conditions of teaching Russian and the learning process), the communicative-pragmatic method (studying the particular features of communication in a foreign language in the context of blended learning) and modelling (developing a model of blended learning).

Blended learning of Russian as a foreign language in a pandemic: current problems

According to the classical definition, blended learning is the disruptive option and an educational technology that combines teacher-assisted learning (face-to-face) with online learning and involves the student control over the path, place, time and pace of learning, as well as the integration of the learning experience with the teacher and online [Horn & Staker 2011; Christensen et al. 2013].

The process of adopting and developing blended learning has not been an easy one. Studying the history of implementing blended learning in Russia and abroad in the last ten years shows that it rapidly develops in the universities of many countries.

Innovative models have been proposed, for example, the cyclic model of blended learning [Baydikova 2020], a model of mobile learning [Kasatkina 2017; Samosenkova et al. 2019], a model of blended learning using artificial intelligence (based on a Chatbot) [Bikkulova & Ivkina 2021; Al-Qaysi et al. 2019], etc.

However, new approaches have now emerged in the field of education that criticize and throw doubt on blended learning. This is due to a number of problems that have arisen in the process of implementing blended learning with the spreading of coronavirus infection.

During quarantine period, almost all universities faced new challenges, which made many of them change completely to online learning or to a mixture of online and offline learning and move the learning process from the classroom to the virtual medium. As a result, several flaws were revealed in the models of blended learning. Thus, according to K. Schwab and Th. Malleret, even before the outburst of the pandemic there had been certain risks that could not be eliminated, and the spreading of coronavirus only increased these risks [Schwab 2020: 7].

Analysis of a number of works on the problems of blended learning has revealed four problems:

1. Low effectiveness in implementing the ideas of blended learning

The most serious problem that occurs when a BLR model is used during quarantine is its low effectiveness, which is due to a number of factors: a lack of high-speed Internet connection, ineffective use of the information technologies' didactic potential, teachers' conservatism, etc.

2. A lack of electronic teaching resources

Before Covid-19, the development of online resources for teaching Russian as a foreign language had been at the beginning stage; besides, there was a lack of high-quality electronic teaching resources that could provide the effectiveness of the learning process, for a majority of subjects.

3. A low level of technological training of the learning process participants

Although various creative models of blended learning have long been used in different educational systems, they are not yet sufficiently widespread in the universities of Russia. The lack of mastery of technological skills by teachers and learners makes it difficult for them to adapt themselves to the new learning environment in a short time. The majority of teachers have not yet gained sufficient experience of blended learning, they have a vague idea of what techniques are best suited for this kind of learning.

4. Low efficiency of blended learning models

The recent years have seen the development of innovative methods and technologies of blended learning. However, research in methodology and our experience show that a small number of those who teach Russian as a foreign language use blended learning models, or they use only elements of these models. This is due to several reasons, the main of which, in our opinion, is expense and too high demands on time, which made a certain number of teachers and students sceptical about introducing new models of blended learning and led to internal psychological resistance to their practical implementation. Compared with the traditional model of learning, many blended learning models are not easy to adapt to different learning environments, or to different subjects. Blended learning places greater demands on the learning process and increases the load of both students and teachers. On the one hand, because of the extremely heavy strain and intensity of classes the teacher finds it difficult to apply individual approach in the classroom. On the other hand, the student has to spend much more time on learning a subject and doing work as an independent learner at home, which can lead to stress in the new conditions that the student is not accustomed to. It is our belief that although in this situation the student's performance might improve, this does not necessarily result from the use of a blended learning model, and thus can hardly serve as something that proves the dependence of students' performance on the model of learning.

Among the problems mentioned above, one that is the most pressing is the didactic design of BLR models. The world has now entered a post-pandemic period, which is characterized by instability, disturbance, complexity and an uncertain future, so that at any moment something may disrupt the normal course of learning. In our view,

one of the possible ways of solving this problem might be a blended learning technology [Fedotova & Yan Ruytin 2021].

Works dealing with blended learning models are numerous and varied [Kachalova et al. 2021; Blinov et al. 2021; Agustin R. Veras 2017]. However, there is no reason to claim that all the problems have been solved. Thus, as far as designing blended learning models is concerned, there is no type (such as, for instance, the flipped classroom type) that could be used for teaching different subjects. Most of the existing models of blended learning are rigid, they lack flexibility, and their practical implementation seldom takes into consideration the psychological condition or the emotional state of students, or their national characteristics.

One can claim that it is currently relevant to develop a workable BLR model and design learning activities based on this model. The model should not only be efficient but also allow one to control the amount of psychological pressure on the student.

Developing BLR models in the post-pandemic period

When one is developing a new BLR model, the main difficulty lies in defining the concept “blended learning” in the post-pandemic period.

There is still a lack of common understanding of the term “blended learning”. In the wider sense, the majority of researchers see it as an agglomeration of different theories of learning, means of learning, models of learning, etc. Analysis of works shows that in defining blended learning Russian educationalists focus on combining the strong points of traditional classroom learning and online learning [Belovodskaya 2012; Bekisheva 2016].

In defining the concept of blended learning in the post-pandemic period we would like to emphasize that there is no fixed format (best possible relationship of classroom learning to online learning) for such kind of learning. What is important is that a blended learning model contribute to effective knowledge acquisition and the development of durable skills. Consequently, a crucial feature of blended learning is its flexibility. When an accepted BLR model cannot adapt to changing situations of learning, its successful use will be in question. In the post-pandemic period, the first factor to take into consideration in implemen-

ting blended learning models is the instability of the learning environment. Even if one or another model is accepted, the blueprint for organizing the learning process can suddenly be disrupted by social factors that have not been provided for. To ensure the effectiveness of teaching, a model should work in such a way that both teachers and learners can promptly and adequately respond to possible changes in the learning process. Practice-based approach to learning foreign languages can also be implemented through the Internet, so compared with the corresponding models of teaching other subjects the BLR model does not have precisely specified requirements for the proportion of autonomous practical classes; besides, the main teaching materials can be used either offline or online, which testifies to the flexibility of the model.

In this connection it can be assumed that in the post-pandemic period blended learning of Russian as a foreign language should strike a balance between classroom learning and online learning. In the actual process of learning, this model will constantly change depending on the social environment (for example, the deterioration or improvement of the epidemiological situation), the learners' degree of adaptation, the degree of intensiveness of the program and other factors.

Thus, in post-pandemic conditions, the BLR model is understood as a flexible model of learning Russian as a foreign language with a constantly changing relative proportion of different learning formats, one of which predominates in a given period depending on the epidemiological situation and the psychological state of the learners.

Advantages of a blended learning model based on WeChat platform

Implementing a model of blended learning requires one or a combination of several technology supports as auxiliary training tools that allow one to organize the learning process in the most effective and flexible way and realize the potential of various forms of integrating the learning process participants. In this case, the teacher's first task is to select the suitable tools and combine their didactic potential in the best possible way.

To achieve the goal of greater integration, the promotion of high quality learning resources and equality of education, it becomes necessary to use a learning platform or a mobile app characterized

by openness and offering foreign students access to various open resources for learning Russian. These requirements are matched by WeChat, an app that is the most popular among the Chinese.

WeChat is a free multi-purpose app developed by Tencent company in 2011 to provide messaging services. In 2021, the number of active WeChat users exceeded 12 billion people. WeChat provides text messaging, voice messaging and video conferencing not only between individuals, but also between groups of people.

The first research papers on the use of WeChat in blended learning were published as early as 2012. Because of the rapid improvements in mobile apps, WeChat is now used not only as a messaging app. It successfully integrates various resources and has built its own ecosystem with a wide range of functions, the same as those of VK, WhatsApp, Facebook, Twitter, Google pay, TikTok, AliExpress and many other apps. Also, research is in progress on blended learning models of foreign languages using WeChat [Antropova 2018].

It is appropriate to integrate WeChat into the blended learning process of Russian as a foreign language for a number of reasons:

1. WeChat has a highly interactive character, which online learning is obviously lacking in. Given that Chinese students regularly use WeChat for various purposes, we believe that this app is quite suitable for widening the channels of interaction between the participants of the learning process.

2. The functions of the public account and mini programs built into WeChat can be used as a network shell for storing, posting and disseminating information and integrating learning resources. WeChat allows teachers and learners to easily combine all the existing learning resources they find useful into a single database and post them on the Internet free of charge, including materials for classroom, online and independent learning.

3. Using WeChat in the process of blended learning of Russian as a foreign language allows saving the time required for developing a new platform for posting open information, consequently learners' motivation is enhanced significantly.

In view of the above, it is our suggestion that WeChat be used as technical support for organi-

zing online learning and promoting independent learning in implementing the BLR model.

Didactic design of the BLR model using WeChat

Based on the definition of the term "blended learning in the post-pandemic period" one can tackle the task of designing the learning process. The BLR model using WeChat that we propose for Chinese students (Level B1) will allow increasing the quality and effectiveness of teaching.

As is known, management of the learning process is performed in stages [Orlov 1988]. Our model involves four stages:

- I. Initial development of learning content.

- II. Classroom differentiation and modification of the teaching materials.

- III. Implementing the BLR model.

- IV. Correcting and improving the model.

In every stage, the learning content is determined by teachers depending on their specific learning goal and objectives.

Let us discuss each of the stages in greater detail.

I. Initial development of learning content.

Nowadays many researchers admit the complex multi-level nature of the blended learning model: it is a system consisting of several components seen as parameters of the learning model [Gvozdeva 2020; Graham 2006; Singh 2001]. In the first stage, the teacher analyzes the content of the course as a whole and the learning strategies of the students, identifies factors that impede the acquisition of the knowledge and skills which form the basis of the learning content.

The teacher's main methodological tasks are as follows:

- 1) defining the overall goal of teaching the course;

- 2) preliminary collection and analysis of authentic teaching material, incorporating it into the plan of the lesson in accordance with the goal thereof, determining the workable volume of the material and the time needed for fulfilling the learning objectives in the classroom and online;

- 3) getting acquainted with the ways of using WeChat and its functions, creating a public account, posting the necessary electronic learning resources on the public account and in the mini programs of WeChat and their integration.

II. Classroom differentiation and modification of the teaching materials.

There is no doubt that the teacher’s adequate assessment of the individual qualities and needs of every student is extremely important for blended learning of Russian as a foreign language to be successful. It is essential to differentiate the classroom using parameters that determine whether language acquisition in blended learning conditions will be successful and whether the knowledge and skills acquired will be durable.

Thus, before the first class the teacher should become acquainted with every student using a survey (WeChat mini-program Questionnaire Star), a placement test to assess the level of skills in the Russian language, and a one-to-one chat by

means of a video call in WeChat. This will allow the teacher to fulfill the following tasks:

- 1) establish the students’ motivation for learning Russian and their interests outside the classroom;
- 2) find out the students’ professional interests;
- 3) reveal the students’ attitude to classroom learning, online learning and blended learning;
- 4) find out the volume and structure of the students’ knowledge of the language, in particular, gaps in their knowledge;
- 5) gauge the students’ capacity for autonomous learning, the degree of self-discipline and personal responsibility;
- 6) devise an individual education plan for independent work of every student (see Table 1).

Table 1. Using WeChat to Differentiate Students and Modify Learning Content

TYPES OF WORK	PARAMETERS TO BE MEASURED	SUPPLEMENTARY MOBILE FEATURES	OBJECTIVE
Testing	Volume and structure of language knowledge	Mini-program Questionnaire Star in WeChat WeChat video call	<ul style="list-style-type: none"> • Devising an individual plan for independent work • Modification of learning content
Survey One-to-one chat	<ul style="list-style-type: none"> • motivation and interests • emotional attitude to learning formats • degree of self-discipline and responsibility • capacity for autonomous learning • future professional prospects 		

Based on the analysis of the information obtained the teacher can define specific learning goals and objectives, put students in mini-groups and modify the content of the learning materials, devise a plan for working with these materials, select electronic learning resources taking into consideration individual psychological traits of every student.

It is worth noting that the establishment of a positive correlation between the students’ performance and motivation, the analysis of their motivational sphere and the identification of the prime motive are among the most important conditions for implementing blended learning of Russian as a foreign language.

At this stage, it is important to determine the students’ emotional attitude to studies. We share the point of view expressed by I. A. Zimnyaya that if the learning material itself or the process of its perception and remembering inspires a feeling of

joy or satisfaction, this creates psychological conditions for effective acquisition [Zimnyaya 1991]. In other words, the transformation of passive learning into active learning occurs only when conditions are created for a positive emotional attitude to acquiring the Russian language.

Besides, based on the principle of goal-setting one can claim that building motivation through setting the goals of learning activity is a productive educational action ensuring high quality of learning. An individual learning plan helps the student to concentrate on studies, work persistently and enthusiastically on the learning material and achieve the goal set.

III. Implementing the BLR model.

At this stage, students are expected to work using prepared learning materials provided as three separate presentations that the students can get access to by entering a keyword in a WeChat public account (see Table 2).

Table 2. Relationship of Blended Learning Model Blocks and Presentations

PRESENTATION 1 (PRE-CLASSROOM WORK)		PRESENTATION 2 (CLASSROOM WORK)	PRESENTATION 3 (ONLINE LESSON)
Block 1	Block 2	Block 3	Block 4
Public account WeChat	Public account and mini-program Bilibili in WeChat	Material to be studied in the classroom	Videocall WeChat

These presentations include problem-based activities. We would like to emphasize that at this stage, for the purpose of building phonetic skills in Russian, learners perform some of the home activities orally and under asynchronous control of the teacher, which allows the teacher to make timely diagnosis of the learners' language problems, in particular, phonetic problems, and creates further conditions for the interaction between the teacher and the learners. For example:

Activity 1: Прочитайте слова и словосочетания, запишите чтение и пришлите преподавателю голосовыми сообщениями в чат WeChat.

To develop listening skills, video activities are included, links to which are sent to students in the form of QR-codes. Learners scan the QR-code to watch a video episode in the WeChat mini-program Bilibili. A special function of this mini-program is the posting of Danmu. Danmu is a type of video comment, with viewers' comments overlaid directly on top of the video as it is playing, which makes it possible to combine watching video with a simultaneous exchange of comments. Owing to this function, the teacher will be able to know what problems the learners encounter and what is difficult for them to understand as they are watching.

Presentation 1, which consists of Blocks 1 and 2, is developed for pre-classroom independent learning

Block 1 presents the grammar part of the lesson. The activities are based on the principles of problem-based learning. The formation of independent cognitive activity in the process of verbal interaction is one of the most important learning objectives. However, in the traditional model of teaching Russian as a foreign language, a great dependence of the student on the student's book and the teacher is evident. Block 1 provides authentic examples from video clips or textual materials from other blocks, learners formulate grammar rules themselves based on the contexts suggested, solve learning problems suggested by

the teacher, which lays the foundations for durable acquisition of knowledge in the topic being studied. When learners face difficulties, they will be able to type in key terms (for example, 'complex sentences with attributive clauses') in a WeChat public account and receive a link to a micro video lesson that contains an explanation of the grammar focus that the teacher found on the Internet or recorded themselves. It is worth noting that the public account is open for recording not only to students of a particular group, it is open to everybody, which makes it possible to disseminate learning resources.

Block 2 is an introduction to the lesson. The main objective of this block is to stimulate the learners' interest in the new topic and to lay the foundations for the practical use of the Russian language in the classroom. This block includes work on pronunciation, vocabulary, developing listening and reading skills. By doing various activities students acquaint themselves with grammar features and vocabulary items of the language they study, practice using them in different communicative situations and in different forms of communication.

Presentation 2 (classroom work). The activities in presentation 2 are more practice-oriented than the pre-classroom ones. Students perform the activities using the language knowledge obtained and the skills developed. Such activities can also be professionally oriented. For example:

Activity 2: Представьте, что Вы окончили университет и теперь Вам нужно искать работу в России. Выберите один из предложенных сайтов, составьте свое резюме. Отправьте свое резюме преподавателю через WeChat.

Activity 3: Отсканируйте QR-код, посмотрите видео 3, кратко опишите, как проходит собеседование (аудиозапись монолога пришлите преподавателю через WeChat).

Presentation 3 provides learning materials for an online lesson using WeChat. In this block, a complex objective is set – to practice using

vocabulary and grammatical structures in communicative situations of learning, consolidate the material studied and control the level of formation of skills and competencies within a particular topic. One can claim that durable acquisition of learning material by students is ensured by the students' awareness of the professional prospects of using the language studied. For foreign students, the Russian language is not just a medium of instruction for courses taught in this language, it prepares them for adaptation in the post-information society, where intellect is the dominant force. The ability to seek information actively and consciously, absorb and analyze the information obtained and solve various problems effectively is extremely important for a university graduate. Thus, in teaching Russian as a foreign language it is important to create conditions for students to have an opportunity to use the language knowledge obtained in solving specific problems that they can encounter in their future career. The teacher gives students the task to prepare within a specified period of time for a learning activity, e. g., a role play "Making a CV and preparing for an interview", on their own or in a group. Then the students work in pairs while the teacher monitors, evaluates the communication tactics used and draws conclusions based on the results obtained.

IV. Correcting and improving the learning model.

At this stage, the teacher's task is to make a comprehensive evaluation of the learners' achievements by the following parameters:

1. The quality of implementing the individual learning plan (25%).
2. Performing pre-classroom activities and home activities for classroom work (25%).
3. Being active in the classroom (10%) and in online lessons (30%).

Литература

- Аль-Кайси, А. Н. Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (уровень А1) / А. Н. Аль-Кайси, А. Л. Архангельская, О. И. Руденко-Моргун // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 239–244. – DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.52.
- Антропова, М. Ю. Мобильные технологии в учебном процессе (на примере китайского Wechat) / М. Ю. Антропова // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 218–224.
- Байдикова, Н. Л. Циклическая модель смешанного обучения: технологический подход / Н. Л. Байдикова // *Концепт*. – 2020. – № 1. – С. 39–50. – DOI: 10.24411/2304-120X-2020-11004.
- Бекишева, Т. Г. Смешанное обучение: современные тенденции в вузах / Т. Г. Бекишева // *Современные исследования социальных проблем*. – 2016. – № 11 (2). – С. 37–42.
- Беловодская, А. Возможности применения модели смешанного (интегрированного) обучения РКИ / А. Беловодская // *Слово.ру: Балтийский акцент*. – 2012. – № 4. – С. 69–72.
- Биккулова, О. С. Чат-бот в методике преподавания РКИ / О. С. Биккулова, М. И. Ивкина // *Мир русского слова*. – 2021. – № 1. – С. 91–96. – DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-91-96.

4. Results of the final assessment (10%).

After that, in order to further improve the model of learning, the teacher should conduct a survey and have a discussion with students during the last lesson so as to find out their attitude to this model of learning.

Conclusions. Blended learning is one of the main directions of the reform of education and teaching foreign languages in the modern information society. This learning format can introduce changes to the learning process due to the modification of the traditional approaches to off-line learning, application of the principle of individualization and raising the quality of training future professionals. The study conducted shows that blended learning holds promise for improving the performance of Chinese students. The didactic potential of WeChat opens up many possibilities for teaching Russian as a foreign language. WeChat gives students regular free access to authentic learning material, which contributes, on the one hand, to the development and deep integration of electronic learning resources and, on the other hand, to increasing the students' motivation for learning the Russian language. The main advantage and distinctive feature of a BLR model using WeChat is optimization of the learning process in terms of interiorization and exteriorization. The WeChat app offers a greater number of alternative forms of applying knowledge of the language not only in learning situations, but also in various real-life communicative situations, allows students to meet their cognitive needs and contributes to better outcomes in teaching the Russian language.

Блинов, В. И. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология / В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина, И. С. Сергеев // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 5. – С. 44–64. – DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64.

Гвоздева, А. В. Теоретико-дидактические основы смешанного обучения в вузе / А. В. Гвоздева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4 (56). – С. 207–213.

Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. М.: Просвещение, 1991. – 219 с.

Касаткина, Н. Н. Модели мобильного обучения иностранному языку / Н. Н. Касаткина // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 1. – С. 88–91.

Качалова, Г. А. Смешанное обучение: ожидания и реальность / Г. А. Качалова, Т. К. Багавиева, В. В. Бутаков // Вестник педагогических инноваций. – 2021. – № 3 (63). – С. 120–129.

Орлов, Ю. М. Стимулирование побуждения к учению : учеб. пособие / Ю. М. Орлов, Н. Д. Творогова, В. И. Шкуркин. – М.: Моск. мед. институт им. И. М. Сеченова, 1988. – 152 с.

Самосенкова, Т. В. Мобильное обучение как эффективная образовательная технология на занятиях по русскому языку как иностранному / Т. В. Самосенкова, И. В. Савочкина, А. В. Гончарова // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 2 (38). – С. 307–319. – DOI: 10.32744/pse.2019.2.23.

Федотова, Н. Л. Смешанное обучение иностранному языку vs аудиторное и онлайн-обучение (по результатам анкетирования китайских студентов) / Н. Л. Федотова, Жуйтин Янь // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 178–186. – DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-178-186.

Шваб, К. COVID-19: Великая перезагрузка / К. Шваб, Т. Маллере. – Швейцария: FORUM PUBLISHING, 2020. – 114 с. – URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

Agustin, R. Veras, Jr. Proposed Blended Learning Model for Don Mariano Marcos Memorial State University – South La Union Campus (DMMSU-SLUC) / Jr. Agustin R. Veras. – Text : electronic // SMCC Higher Education Research Journal. January 2017. – Vol. 3. – DOI: 10.18868/sherj.03.00117.07. – URL: <https://ejournals.ph/article.php?id=11348> (mode of access: 10.03.2022).

Christensen, C. M. Is K-12 Blended Learning Disruptive? An Introduction of the Theory of Hybrids / C. M. Christensen, M. B. Horn, H. Staker. – The Clayton Christensen Institute, 2013. – 48 p.

Graham, C. R. Blended Learning systems: Definition, Current Trends, and Future Directions / C. R. Graham // The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / ed. by C. J. Bonk, C. R. Graham. – San Francisco: Pfeiffer Pub., 2006. – P. 3–21.

Horn, M. B. The Rise of K-12 Blended Learning / M. B. Horn, H. Staker. – Innosight Institute. Charter School Growth Fund, 2011. – 17 p.

Singh, H. A White Paper: Achieving Success with Blended Learning. Centra Software Retrieved, 2001 / H. Singh, C. Reed. – URL: <https://maken.wikiwijs.nl/userfiles/f7d0e4f0bd466199841ede3ee21261.pdf> (mode of access: 07.12.2021). – Text : electronic.

References

Agustin R. Veras, Jr. (2017). Proposed Blended Learning Model for Don Mariano Marcos Memorial State University – South La Union Campus (DMMSU-SLUC). In *SMCC Higher Education Research Journal*. Vol. 3. DOI: 10.18868/sherj.03.00117.07. URL: <https://ejournals.ph/article.php?id=11348> (mode of access: 10.03.2022).

Al-Qaysi, A. N., Arkhangelskaya, A. L., Rudenko-Morgun, O. I. (2019). Intellectuaĭnyi goslovoĭ pomoshchnik Alisa na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo (uroven' A1) [Intelligent Voice Assistant Alice at the Lessons of Russian as a Foreign Language (level A1)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 12. No. 2, pp. 239–244. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.52.

Antropova, M. Yu. (2018). Mobil'nye tekhnologii v uchebnom protsesse (na primere kitaiskogo Wechat) [Mobile Technologies in the Educational Process (on the Example of the Chinese Wechat)]. In *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. Vol. 3. No. 3, pp. 218–224.

Baydikova, N. L. (2020). Tsiklichnaya model' smeshannogo obucheniya: tekhnologicheskii podkhod [Cyclic Model of Blended Learning: A Technological Approach]. In *Kontsept*. No. 1, pp. 39–50. DOI: 10.24411/2304-120X-2020-11004.

Bekisheva, T. G. (2016). Smeshannoe obuchenie: sovremennye tendentsii v vuzakh [Blended Learning: Current Trends in Universities]. In *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. No. 11 (2), pp. 37–42.

Belovodskaya, A. (2012). Vozmozhnosti primeneniya modeli smeshannogo (integrirovannogo) obucheniya RKI [Possibilities of Using the Model of Mixed (Integrated) Education in Russian as a Foreign Language]. In *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*. No. 4, pp. 69–72.

Bikkulova, O. S., Ivkina, M. I. (2021). Chat-bot v metodike prepodavaniya RKI [Chatbot in Russian Language Teaching Methods]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 91–96. DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-91-96.

Blinov, V. I., Esenina, E. Yu., Sergeev, I. S. (2021). Modeli smeshannogo obucheniya: organizatsionno-didakticheskaya tipologiya [Blended Learning Models: Organizational and Didactic Typology]. In *Vyshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 30. No. 5, pp. 44–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64.

Christensen, C. M., Horn, M. B., Staker, H. (2013). *Is K-12 Blended Learning Disruptive? An Introduction of the Theory of Hybrids*. The Clayton Christensen Institute. 48 p.

Fedotova, N. L., Yan, Ruytin (2021). Smeshannoe obuchenie inostrannomu yazyku vs auditornoe i onlain-obuchenie (po rezul'tatam anketirovaniya kitaiskikh studentov) [Blended Learning of a Foreign Language vs Classroom and Online Learning (Based on the Results of a Survey of Chinese Students)]. In *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 178–186. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-178-186.

Graham, C. R. (2006). *Blended Learning systems: Definition, Current Trends, and Future Directions. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs* / ed. by C. J. Bonk, C. R. Graham. San Francisco, Pfeiffer Pub., pp. 3–21.

Gvozdeva, A. V. (2020). Teoretiko-didakticheskie osnovy smeshannogo obucheniya v vuze [Theoretical and Didactic Foundations of Blended Learning at a University]. In *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (56), pp. 207–213.

Horn, M. B., Staker, H. (2011). *The Rise of K-12 Blended Learning*. Innosight Institute. Charter School Growth Fund. 17 p.

Kachalova, G. A., Bagavieva, T. K., Butakov, V. V. (2021). Smeshannoe obuchenie: ozhidaniya i real'nost' [Blended Learning: Expectations and Reality]. In *Vestnik pedagogicheskikh innovatsii*. No. 3 (63), pp. 120–129.

Kasatkina, N. N. (2017). Modeli mobil'nogo obucheniya inostrannomu yazyku [Models of Mobile Learning of a Foreign Language]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 1, pp. 88–91.

Orlov, Yu. M., Tvorogova, N. D., Shkurkin, V. I. (1988). *Stimulirovanie pobuzhdeniya k ucheniyu* [Stimulating the Motivation to Learn]. Moscow, Moskovskii meditsinskii institut imeni I. M. Sechenova. 152 p.

Samosenkova, T. V., Savochkina, I. V., Goncharova, A. V. (2019). Mobil'noe obuchenie kak effektivnaya obrazovatel'naya tekhnologiya na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Mobile learning as an effective educational technology in the lessons of Russian as a Foreign Language]. In *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. No. 2 (38), pp. 307–319. DOI: 10.32744/pse.2019.2.23.

Schwab, K., Malleret, Th. (2020). *COVID-19: Velikaya perezagruzka* [COVID-19: The Great Reset]. Switzerland, Forum Publishing. 114 p. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf> (mode of access: 15.03.2022).

Singh, H., Reed, C. (2001). A White Paper: Achieving Success with Blended Learning. In *Centra Software Retrieved*. URL: <https://maken.wikiwijs.nl/userfiles/f7doe4fobd466199841ede3ee221261.pdf> (mode of access: 07.12.2021).

Zimnyaya, I. A. (1991). *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of Teaching Foreign Languages at School]. Moscow, Prosveshchenie. 219 p.

Данные об авторах

Янь Жуйтин – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: st091531@student.spbu.ru.

Федотова Нина Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: n.fedotova@spbu.ru.

Authors' information

Ruiting Yan – Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Fedotova Nina Leonidovna – Doctor of Pedagogy, Professor of Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 16.04.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 16.04.2022; date of publication: 31.10.2022

УДК 37.016:792(091). DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-14. ББК Ч403(2)5. ГРНТИ 14.09.35. Код ВАК 5.8.2

РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЭПОХИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Приказчикова Е. Е.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается роль театральной культуры Смольного института в педагогическом дискурсе 1770–1780-х гг., когда само художественное образование людей эпохи Просвещения было немислимо без помощи театра. На примере «театра Мельпомены» и «театра Талии» анализируется специфика театрального образования смолянок, многие положения которого находят свое отражение в переписке императрицы Екатерины II и Вольтера. Автор статьи подчеркивает дидактико-педагогическую важность театральной составляющей в воспитании смолянок, касающуюся не только жанра трагедии («Семира» А. Сумарокова, «Заира» Вольтера), но и жанра комической оперы («Земира и Азор» Г. Мармонтеля, «Нанина, или Побезденное предрассуждение» Вольтера, «Служанка-госпожа» Д. Перголези). В обоих случаях театральная культура способствовала формированию независимого и самостоятельного характера у смолянок-актрис. Он мог реализовать себя как в трагедийном ключе (судьба Е. Рубановской), так и в традициях комической оперы, где культивировался тип активной, уверенной в себе, кокетливой, но с чувством собственного достоинства девушки, которой благодаря собственным усилиям удастся изменить свою судьбу и добиться счастья (Е. Нелидова). Важным аспектом статьи является анализ судеб выпускниц Смольного института в эго-документах эпохи, например в автодокументальной прозе И. М. Долгорукого, который одним из первых в русской словесности показал формирование социального типа «барышни»-компаньонки, выпускницы Смольного института, главным преимуществом которой в глазах ее «благодетелей» было умение играть на любительской сцене. Формирование этого образа в мемуарной прозе происходит на три десятилетия раньше, чем это произошло в литературной традиции «натуральной школы», например в «Наших, списанных с натуры русскими» (1841). В финале статьи анализируются причины, по которым утопические педагогические установки Смольного института не были реализованы до конца. Сама же театральная культура Смольного института уступила свое место более прозаической, но лично ориентированной культуре бидермайера, в то время как на смену комической опере приходит жанр водевиля, не ставящий перед собой никаких задач, связанных с педагогическим дискурсом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : педагогический дискурс; эпоха Просвещения; утопия; воспитание идеального человека; театральное образование; смолянки; театральная культура; комическая опера

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приказчикова, Е. Е. Роль театральной культуры в педагогическом дискурсе Смольного института эпохи императрицы Екатерины II / Е. Е. Приказчикова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 155–169. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-14.

THE ROLE OF THEATER CULTURE IN THE PEDAGOGICAL DISCOURSE OF THE SMOLNY INSTITUTE IN THE EPOCH OF EMPRESS CATHERINE II

Elena E. Prikazchikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>

Abstract. The article discusses the role of the theatrical culture of the Smolny Institute in the pedagogical discourse of the 1770s–1780s, when the very artistic education of the people of the Enlightenment was unthinkable without the help of the theater. On the example of the “Melpomene Theater” and “Thalia Theater”, the author analyzes the specificity of the theatrical education of Smolny students, many of whose principles are reflected in the correspondence between Empress Catherine II and Voltaire. The author of the article emphasizes the didactic-pedagogical importance of the theatrical component of the education of Smolny students, which concerns not only the genre of tragedy (“Semira” by A. Sumarokov, “Zaire” by Voltaire), but also the genre of comic opera (“Zemira and Azor” by G. Marmontel, “Nanina, or Defeated Prejudice” by Voltaire, “Servant-Mistress” by D. Pergolesi). In both cases, the theatrical culture contributed to the formation of an independent and self-sufficient character in Smolny actresses. It might be realized both in a tragic way (the fate of E. Rubanovskaya), and in the traditions of a comic opera, where the type of an active, self-confident, flirtatious, but self-respecting girl was cultivated, who, thanks to her own efforts, manages to change her fate and achieve happiness (E. Nelidova). An important aspect of the article is the analysis of the fate of the graduates of the Smolny Institute in the ego-documents of the era, for example, in the ego-documentary prose of I. M. Dolgoruky, who was one of the first in Russian literature to show the formation of the social type of a “lady”-companion, a graduate of the Smolny Institute, whose main advantage in the eyes of her “benefactors” was the ability to play on an amateur stage. The formation of this image in memoir prose takes place three decades earlier than it happened in the literary tradition of the “natural school”, for example, in “Ours, drawn from life by Russians” (1841). At the end of the article, the author analyzes the reasons why the utopian pedagogical goals of the Smolny Institute were not fully implemented. The theatrical culture of the Smolny Institute itself gave way to a more prosaic, but personally oriented Biedermeier culture, while the comic opera was replaced by the vaudeville genre, which did not set itself any tasks related to pedagogical discourse.

Keywords: pedagogical discourse; epoch of Enlightenment; utopia; education of an ideal person; theatrical education; Smolny students; theater culture; comic opera

For citation: Prikazchikova, E. E. (2022). The Role of Theater Culture in the Pedagogical Discourse of the Smolny Institute in the Epoch of Empress Catherine II. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 155–169. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-14.

Введение. «Пышные игры Мельпомены» как воплощение театральной жизни являются важнейшей чертой культурного облика русского XVIII в. Как писал еще в начале XX столетия театровед и искусствовед В. Н. Всеволодский-Гернгросс: «Только императрица Елисавета с ее яркими порывами, с ее любовью к веселию и роскоши, с ее беспечностью и романтичностью, с ее органическим эстетизмом, – только она могла согреть и взлелеять зарождавшийся театр» [Всеволодский-Гернгросс 2003: 9]. Профессор Стэнфордского университета Стефан Орджил в 1975 г. в монографии «Иллюзия власти», посвященной английскому политическому театру, отмечал: «Dramas at court were not entertainments in the simple and dismissive sense <...> They were

expressions of the age’s most profound assumptions about the monarchy»¹ [Orgel 1975: 8]. Уже в наше время Кирилл Осповат, научный сотрудник Института славистики Университета Гумбольта в Берлине, в своей монографии 2016 г. «Terror and pity: Alexander Sumarokov and the theater of power in Elizabethan Russia» («Ужас и жалость: Александр Сумароков и театр власти в Елизаветинской России») доказывает эту идею на примере русского политического театра, трагедии А. Сумарокова «Гамлет», которая, как мы помним, была достаточно далека от английского первоисточника [Ospovat 2016].

Американский славист М. Левитт видел психологическую и историографическую задачу трагедий классицизма в том, «чтобы преодо-

¹ Драммы при дворе не были просто развлечением <...> Они были выражением самых глубоких представлений эпохи о монархии (перевод автора статьи – Е. П.).

леть все преграды и вопреки всему продемонстрировать добродетель и героизм» [Левитт 2015: 165]. С точки зрения М. Левитта, «Сцена стала лабораторией, в которой можно было создать и протестировать идеальное „я“, поставив его в ситуации, где проверяются стойкость добродетели, ее величие и несгибаемость» [Там же: 167]. Окуляцентричность трагедии как основной элемент ее поэтики М. Левитт видел в истинном видении, когда речь идет «о необходимости сделать истину (добродетель, честь, любовь) зримой вопреки всем препонам» [Там же: 169].

Само художественное образование людей XVIII в. было немыслимо без помощи театра. М. С. Неклюдова, говоря о русском театре XVIII в., определяла его положение как положение «между екатерининской Талией и елизаветинской Мельпоменой» [Неклюдова 2018]. Действительно, в театральной культуре Смольного института «екатерининская Талия», преимущественно жанр комической оперы, зачастую играла большую роль, чем трагедии, хотя трагический дискурс из культуры Смольного института тоже, разумеется, не исключался.

Как справедливо писала Т. Н. Ливанова: «Ни один журнал в XVIII в., никакая книга не смогла бы настолько широко распространить актуальные темы, мотивы, напевы на обширной территории России, как это сделала комическая опера» [Ливанова 1953: 426].

Разумеется, данное обстоятельство было обусловлено спецификой литературной ситуации в России 1770–1780-х гг., когда в эпоху становления сентиментальной поэтики происходит естественное смещение внимания писателей с «высоких» классицистических жанров к жанрам, в которых воспевались бы душевные добродетели «естественного» человека, часто принадлежащего к третьему сословию, и доказывалось преимущество жизни на лоне природы. Представляется важным, что «в отличие от своей французской родственницы, русская комическая опера никогда не рассматривалась в качестве оппонента культурной политике двора» [Немировская 2008: 38]. Справедливость этой мысли И. Д. Немировской подтверждает тот факт, что первая русская комическая опера «Анюта» М. И. Попова не только была сыграна перед Екатериной II 26 августа 1772 г., но даже

ее либретто было опубликовано за счет кабинета императрицы.

Однако и Талия, и Мельпомена способствовали реализации одной из важнейших функций театра: исправлению и усовершенствованию общественных нравов. Рассмотрение данного аспекта театральной культуры эпохи применительно к Смольному институту составляет **актуальность** нашего исследования. Не случайно А. Сумароков после завершения своего директорства над Петербургским императорским театром и переезда в Москву с утопической верой в силу Просвещения писал императрице Екатерине II 4 июня 1769 г.: «Театр есть училище бродягам по жизни человеческой» [Сумароков 1980: 121]. Наблюдая же вблизи московскую жизнь, он заключал: «А здесь театр надобнее еще, нежели в Петербурге, ибо и народа и глупостей здесь больше. Ста Молиеров требует Москва, а я при других делах по моим упражнениям один только» [Там же: 122].

Учитывая данное обстоятельство, не стоит удивляться тому, что театр должен был играть важную роль в государственном педагогическом проекте под названием Смольный институт. Культурологи А. Н. Фанталов и М. А. Мазягина, характеризуя специфику воспитания и образования в Смольном, имели все основания называть его «экспериментальной площадкой в сфере женского образования» [Фанталов 2020: 79].

Цель статьи заключается в подробном рассмотрении места и роли театральной культуры в педагогическом дискурсе Смольного института екатерининской эпохи. Под театральной культурой в данном случае понимается важнейшая часть утопической антропологической стратегии воспитания женщин «новой породы», предполагающая веру в то, что игра на сцене в постановках современных авторов и авторов прошлого поможет смолянкам выработать тип характера и манеру поведения, соответствующую высокому званию идеальной женщины эпохи Просвещения. Статья является важным дополнением наших предыдущих работ [Приказчикова 2009, 2022], в которых основной упор делался на сам утопический пафос воспитания идеальной женщины в Смольном институте без конкретизации утопических стратегий, способствующих достижению дан-

ной цели¹. В этом заключается **новизна** нашего исследования.

В статье используются **методы** культурно-исторического, сравнительно-исторического, типологического, жанрового, гендерного анализов, а также элементы антропологического анализа утопической составляющей эпохи Просвещения.

Результаты исследования

Утопическая составляющая педагогического проекта Екатерины II

В 1764 г. императрицей Екатериной II было утверждено, разработанное И. И. Бецким «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», которое ставило перед собой грандиозные педагогические задачи: «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение» [Бецкой 1764 (1): 1]. При этом Бецкой прекрасно осознавал разницу между хорошим образованием и хорошим воспитанием, утверждая: «...один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина» [Там же: 2]. Основная же задача «Генерального учреждения...» формулировалась так: «произвести сперва способом воспитания... *новую породу, или новых отцов и матерей*, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, а от них дети передали бы таки своим детям, и так следует из родов в роды в будущие веки» [Там же: 2].

Французский философ Д. Дидро, активно поддержавший педагогический проект Екатерины II, неустанно хвалил императрицу за организацию Смольного института, подчеркивая его утопическую составляющую: «Здесь осуществили самую чудесную и самую полезную из химер: создали школу, какой никогда не было, какой нет ныне и какой не будет никогда, – школу, которая, быть может, оказалась бы невозможной ни в одной из стран Европы. Если это учреждение упрочится, то лицо империи изменится менее чем в двадцать лет, ибо женщины повелевают мужчинами» [Дидро 1947: 105].

А. Н. Фанталов и М. А. Малязина проанализировали типологию сходства и отличий между Смольным институтом и французским Сен-Сиром, Королевским Институтом Святого Людовика, основанным в 1684 г. благодаря стараниям второй супруги короля Людовика XIV мадам де Ментенон [Фанталов 2020]. По результатам исследования ими была составлена таблица, из которой следовало, что Сен-Сир и Смольный объединяла, прежде всего, социальная стратификация воспитанниц как дворянских дочерей. Воспитанницы делились на классы по возрастам (всего 4 класса), при этом каждый возраст имел свою цветовую символику. В обоих учебных заведениях большое внимание уделялось театральным постановкам. Однако в Сен-Сире театральная культура господствовала главным образом в XVII столетии, уступив место в XVIII в. образованию светско-духовному, при котором участие воспитанниц в театральных постановках не поощрялось. Это позволило Вольтеру грустно заметить в письме к Екатерине II от 29 мая 1772 г.: «Не увижу я также и Вашего Сен-Сира, с которым наш Сен-Сир отнюдь не может сравниться. Наши девицы будут весьма набожные и очень честны, а Ваши присовокупят к сим двум похвальным качествам еще и то, что будут уметь играть комедии, что некогда и у нас делывалось» [Переписка российской императрицы Екатерины II 1803: 85].

Образовательная программа Смольного была весьма обширной. В «Уставе...» Смольного И. И. Бецкой предполагал, что помимо изучения катехизиса и догматов православной веры «должно их обучать российскому и чужестранным языкам, дабы на оных исправно читать, писать и говорить умели; арифметике, географии, истории, стихотворству и отчасти архитектуре и геральдике, а в художествах наставлять рисованию, миниатюре, танцеванию, музыке вокальной и инструментальной, шитью всякого рода, вязанию и плетению шелковому, нитяному, шерстяному и бумажному, а к сему присовокупить надлежит и все части экономики» [Бецкой 1764 (2): 14]. Таким образом, в течение 12 лет смолянка в идеале должна была

¹ Еще одной важной стратегией антропологической утопии воспитания идеального человека эпохи Просвещения может считаться так называемый библиофилический культурный миф, связывающий воспитание идеальной личности с исключительным влиянием на нее культуры интенсивного чтения правильных книг светского, а не религиозного характера, как это было раньше.

стать образцовой с точки зрения требований философии Просвещения женщиной.

**Место театральной культуры
в педагогическом проекте
Смолянского института**

Именно театральная культура рассматривалась Екатериной II и И. И. Бецким в качестве логического завершения воспитания «идеальной» женщины эпохи Просвещения.

Не случайно именно увлечение смолянок театром нашло отражение в знаменитых «смоляных» портретах Дмитрия Левицкого (1772–1776 гг.). Например, Екатерина Нелидова представлена художником в театральном костюме оливкового цвета, исполняющей роль Сербины в итальянской опере-буфф «Служанка-госпожа» Джованни Перголези. В этой опере она играла роль молодой плутоватой служанки Сербины, которой удалось завоевать сердце дворянина Пандольфа.

Поэт А. А. Ржевский в своих «Стихах к девице Нелидовой» (1773) так описывал ее театральную игру:

Как ты, Нелидова, Сербину представляла,
Ты маску Талии самой в лице являла,
И, соглашая глас с движением лица,
Приятность с действием и с чувствами взоры,
Пандолфу делая то ласки, то укоры,
Пленила пением и мысли, и сердца
[Ржевский 1972: 297].

Не менее известным «театральным портретом» является портрет Екатерины Хрущевой и Екатерины Хованской, на котором 11–12-летние девочки «играют» в комической опере «Капризы любви, или Нинетта при дворе». В интернете можно встретить информацию, со ссылкой на искусствоведа Нину Молеву и Елену Петину, что автором этой пасторальной оперы был итальянец Винченцо Киаппи (Чампи)¹. На самом деле либретто оперы было написано в 1755 г. французом Шарлем-Симоном Фаваром на основе его романа «Нинетта при дворе». Автором музыки к опере был Андре Гретри.

Еще одной талантливой актрисой Смолянского института была Александра Левшина, любимица императрицы, которая вела с ней переписку и называла ее в письмах «чер-

номазая Лёвшушка». Левшина была дочерью премьер-майора П. И. Левшина и княжны Т. И. Кольцовой-Масальской. Левицкий написал ее портрет в 1775 г., когда Левшина с огромным успехом сыграла Заиру в одноименной трагедии Вольтера. В костюме Заиры и изобразил ее художник, а поэт А. П. Сумароков сохранил память об этом событии в строчке из «Письма к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой»: «Под видом Лёвшиной Заира умирает» [Сумароков 1957: 306].

Театральными успехами смолянок Екатерина II неизменно делилась с Вольтером, заставляя его принимать деятельное участие в своем педагогическом проекте. Например, она хвасталась, что воспитанницы, играющие как в трагедиях, так и комедиях, демонстрируют при этом величайший профессионализм: «они оказали большее искусство против тех, которые здесь от сего ремесла достают пропитание» (речь идет о профессиональных актерах – Е. П.) [Переписка российской императрицы Екатерины II 1803: 81]. Императрица просила у Вольтера совета, каким образом ставить пьесы в Смольном, если репертуар ограничен из-за присутствия в большинстве французских пьес любовной тематики, которая раньше времени может испортить нравственность смолянок, способствуя «к преждевременному возбуждению страстей» [Там же: 68]. Вольтер, соглашаясь с мнением императрицы, обещал ей собственноручно произвести «ревизию» некоторых французских пьес, убрав из них «спорные» в плане нравственности моменты. Тем не менее смолянки играли вполне серьезный театральный материал, часто обращаясь к пьесам самого Вольтера, о чем Екатерина II не без гордости ему сообщала. Это трагедия «Заира», комедии «Нанина, или Предубеждение побеждено» и «Блудный сын». Комедия «Блудный сын» в 5 действиях была написана прозой в 1736 г. «Нанина...» представляла собой пьесу в 3 действиях в стихах. Ее первое издание на русском языке было осуществлено в 1766 г.

Не был забыт и русский репертуар. На сцене Смольного института ставились трагедии А. Сумарокова. Об одной из них, «Семире», императрица специально писала Вольтеру, называя ее «лучшей из всех сочиненных

¹ Подробнее об этом: [Молева 2016].

г-м Сумароковым» [Переписка российской императрицы Екатерины II 1803: 80]. Как известно, А. Сумароков очень высоко ставил себя как поэта и драматурга. Например, в своем письме к императрице Екатерине II от 3 мая 1764 г. он заявлял: «...автор в России не только по театру, но и по всей поэзии я один <...> кроме моих драм, ни трагедии, ни комедии во сто лет еще в России не будет» [Сумароков 1980: 97]. В другом письме к императрице уже от 4 июня 1769 г. Сумароков выражал уверенность, что «быть адвокатом Мельпомены и Талии не только в одной России, но и во всей Европе пристойнее всех Вольтеру и мне» [Там же: 123].

Вольтера и Екатерину II объединяло отношение к театру как к учреждению, способствующему повышению общественной нравственности и благотворно влияющему как на зрителей, так и на актеров. «Всякое представление трагических или Комических сочинений, по мнению моему, – писал Вольтер 12 марта 1772 г., – есть воспитание превосходнейшее, от которого разум и тело получают более приятности, а голос, осанка и вкус образуются; при том навсегда остается в памяти из сочинения сотни страниц, кои напоследок можно, кстати, пересказать, и тем в беседах умножить приятности и удовольствие; словом, оно на всякой случай полезно» [Переписка российской императрицы Екатерины II 1803: 75].

«Театр Талии и Мельпомены» в судьбах воспитанниц Смольного института: между комедией и трагедией

Успехи смолянок достаточно быстро получили международное признание. 24 августа 1777 г., в день именин И. И. Бецкого, смолянки разыгрывали перед зрителями, среди которых были Екатерина II и шведский король Густав III, сцены из опер и комедий. В одной из сцен французской 4-актной комической оперы-балета «Земира и Азор» (либретто оперы было написано Ж.-Ф. Мармонтелем на сюжет сказки «Красавица и чудовище») смолянка Екатерина Хрущева, игравшая роль безобразного Азора, впоследствии персидского принца, проявила такое мастерство и искренность, что шведский король послал ей в подарок бриллиантовое сердечко. А уже из Швеции прислал в качестве подарка свой портрет и приборы для физического кабинета. В благодарность за это Екатерина II приказала в каждый набор

Смольного принимать по 6 шведских девочек благородного происхождения, если те изъявят желание учиться в России.

Гордость Екатерины II за успехи «женского образования» разделяли многие ее современники, например тот же А. Сумароков. Можно вспомнить уже упоминаемое его «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» (1774). В этом произведении поэт, восхищаясь театральными опытами смолянок, прославляет их как «возвышенных питомиц муз», «дщерей Талии и дщерей Мельпомены»: «От вас науке ждем и вкусу мы наград, И просвещенных чад. Предвижу, каковы нам следуют потомки» [Сумароков 1957: 307]. Это почти дословное повторение установки «Генерального плана», разработанного И. И. Бецким. Тем более что Сумароков не забыл в этом послании отметить и заслуги самого воспитателя: «Скажите Бецкому: сии его заслуги Чтут россы все и все наук и вкуса други, И что, трудясь о сем, блажен на свете он» [Там же: 307], и директрисы института госпожи Софии де Лафон: «Блажена часть твоя, начальница Лафон!» [Там же: 307]. И это были не просто слова. Внучка А. Сумарокова Анна, рожденная от дочери Сумарокова поэтессы Екатерины и драматурга Якова Княжнина, стала смолянкой второго набора, окончив институт в 1782 г., уже после смерти знаменитого деда.

Однако не все выдающиеся смолянки первого выпуска мечтали о придворной карьере. Некоторые из них вошли в историю благодаря своему гражданскому мужеству и умению отстаивать свои права, выступая не только против законов человеческих, но и божественных. Одной из таких смолянок была Е. В. Рубановская, дочь камер-фурьера Василия Кирилловича Рубановского, чей отец был простым украинским казаком, в свое время принятым в придворный хор, а затем, по милости императрицы Елизаветы Петровны, получившим российское дворянство. Рубановская при выпуске была удостоена золотой медали первой величины, но не была взята ко двору фрейлиной. Причиной этого, скорее всего, было не отсутствие красоты, хотя девушка не была красавицей, но ее прямой и независимый нрав. В силу этого она не хотела перенимать общего восторженного стиля обращения к императрице других смолянок, видевших в Екатери-

не II не только Мать отечества, но и буквально Матушку, для которой каждая из воспитанниц была любимой дочерью. Исследовательница А. Данилова обратила внимание на то, что, ведя переписку с воспитанницами, Екатерина II никогда не называет фамилии Рубановской, предпочитая называть ее по имени героинь сыгранных ею пьес, например госпожи Крупилык из пьесы Вольтера «Расточительный сын», и замечая, что ее «комплименты заучены» [Данилова 2007: 100]. А. Сумароков в «Письме к девицам Нелидовой и Барщовой» так описывал игру Рубановской в своей трагедии «Семира»:

Как Рубановская в пристойной страсти сей,
Со Алексеевой входила во раздоры,
И жалостные взоры Во горести своей,
Ко смерти став готовой, В минуты лютого часа
С Молчановой и Львовой Метала в небеса

[Сумароков 1957: 306].

Своим стихотворением Сумароков как бы предсказал героическую, но и трагическую судьбу Елизаветы Васильевны. После смерти своей старшей сестры Анны Васильевны, бывшей с 1775 г. супругой Александра Радищева и родившей ему 6 детей, двое из которых умерли во младенчестве, Елизавета взяла на себя заботы об осиротевшем семействе. После же отправки Радищева в сибирскую ссылку она поехала вслед за ним с двумя младшими детьми писателя, Екатериной и Павлом. Догнав Радищева в Тобольске, она отправилась за ним дальше: в Иркутск, а затем в Илимск. Впоследствии, став гражданской супругой человека, которого она давно любила, и разделяя с ним все тяготы ссылки, Елизавета родила трех детей в Сибири, но скончалась от простуды на обратном пути из ссылки и была похоронена в Тобольске. Так, за 30 лет до восстания на Сенатской площади смолянка Елизавета Рубановская-Радищева продемонстрировала образец героического, по классификации Ю. М. Лотмана [Лотман 1994], женского характера.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди трагедий, которые разыгрывались смолянками в 1770-е гг., доминируют две: «Семира» А. Сумарокова и «Заира» Вольтера. В обеих трагедиях мы встречаемся с феноменом идеального женского характера, соединяющего в себе как героизм, так и невинность. В обеих

пьесах отсутствует опасная, по мнению Екатерины II, тема недостойного монарха или монарха, совершающего недобрые деяния под влиянием дурных советников.

«Семира» Сумарокова, обладая не женской твердостью («Природа! Для чего я девой рождена?»), в желании спасти своего брата, бывшего киевского князя Оскольда, вместе с тем с нежностью и постоянством любит Ростислава, сына Олега. Олег, свергший с престола Оскольда, характеризуется в пьесе как правитель Российского престола, то есть законность его правления не ставится под сомнение. Семира в трагедии разрывается между родственными чувствами к брату и любовью к человеку, отец которого лишил ее брата престола, между «семейным» и «государственным» началами, конфликт между которыми не потерял своей остроты и в XVIII в. Достаточно вспомнить, как в момент дворянской революции 1762 г., возведшей на престол Екатерину II, Е. Р. Дашкова разрывалась между любовью к Екатерине II и верностью «воронцовской партии», к которой принадлежала ее родная сестра Елизавета, возлюбленная императора Петра III. Семире в конечном счете не приходится делать окончательный выбор: ее брат, смертельно раненный на поле брани, разрешает ей брак с Ростиславом, благословляя молодых. В результате «Семира» становится одной из немногих трагедий Сумарокова, за исключением «Дмитрия Самозванца», в которой можно говорить о счастливом финале, позволившем любящим соединиться друг с другом. «Заира» Вольтера, действие в которой происходит во время Крестовых походов, привлекала читателей XVIII в. своей толерантностью, провозглашением идеи веротерпимости, что вообще было характерно для мировоззрения автора. Орозман, султан Иерусалимский, наделен всеми добродетелями, ценимыми в христианском мире: «Великодушен, щедр, правдив, к желаньям строг, В законе христиан чем боле быть бы мог?» [Вольтер 1821: 56]. Но он – мусульманин, и это становится непреодолимым препятствием для его брака с горячо любимой им и любящей его невольницей Заирой, неожиданно оказавшейся дочерью старого Лузиньяна, принадлежавшего к роду Иерусалимских королей. Непримиримый конфликт двух религий приводит в конечном счете к трагическому финалу. Орозман, подозревая

Заиру в любви к рыцарю Нерестану, на самом деле являющемуся ее братом, убивает возлюбленную и, узнав правду, сам кончает свою жизнь самоубийством. Заира же, подобно Семире, оказавшись между ситуацией родственного и религиозного долга и «беззаконной» любви к мусульманину, так и не делает окончательного выбора, демонстрируя при этом все черты идеального героического характера: «Нет, слабость мне чужда; ни цепи, ниже гроб; Ничто склонить меня к позору не могло б» [Там же: 8–9]. При этом Заира демонстрирует совершенное равнодушие к власти и трону, который обещает ей Орозман, так как, как и положено девушке эпохи Просвещения, живет по закону «естественного равенства»: «Не занимаюсь я его высоким саном, Нет, в Орозмане я пленяюсь Орозманом» [Там же: 12].

Есть в трагедии еще одна важная для педагогической концепции Смольного идея о прямой зависимости мировоззрения и веры героя от данного ему воспитания. Так, Заира, с младенчества воспитанная при дворе султана, признается:

Родясь в Париже я, была бы христианкой;
Воспитанная здесь, живу магометанкой.
Поверь мне: чувства, нрав и вера, все есть плод
Нас образующих с младенчества забот.
И что наставников, иль кровных поученье
В сердца детей вперит: пример и упражненье,
И времени рука глубоко вкоренят,
То разве небеса едины истребят [Там же: 10].

Можно сказать, что именно такими: верными чувству долга и чести, кровным узам, послушными родителям, обладающими чувствительной душой и уважением к верховной власти, какими были героини Сумарокова и Вольтера, Екатерина II и И. Бецкой хотели видеть смолянок, исходя из репертуара трагедий, в которых те играли. Можно предположить, что именно такую установку внушали лучшим воспитанницам первого «звездного» выпуска Смольного руководство института в лице И. Бецкого и госпожи С. Лафон. Данная установка нашла свое отражение в судьбах смолянок 1770-х гг.

К примеру, смолянка первого выпуска Наталья Семеновна Борщова, дочь лейб-гвардии отставного фурьера, у которого кроме дочери Натальи было еще 6 детей и всего 130 душ кре-

постных, после окончания Смольного стала фрейлиной великой княгини Марии Федоровны, сделав впоследствии блестящую придворную карьеру. В 1809 г., в правление императора Александра I, Борщова получает звание гофмейстерины и награждается женским орденом российской империи, орденом св. Екатерины. Реализовала она себя и как счастливая мать семейства. От брака с К. С. Мусиным-Пушкиным у нее родилось 8 детей.

Екатерина Ивановна Нелидова, получившая золотую медаль второй величины и фрейлинский шифр, была дочерью армейского поручика И. Д. Нелидова, владельца 500 душ в Тверской и Смоленской губерниях. Не обладая красотой в общепринятом смысле слова, невысокая и «чернявая» Нелидова поражала окружающих необыкновенной живостью и грацией движений, что прекрасно отражено в ее портрете кисти Д. Левицкого. Князь И. М. Долгоруков дал такую характеристику Нелидовой: «Девушка умная, но лицом отменно дурная, благородной осанки, но короткого роста, черная, как жук <...> до того умная и любезная, что всякий, говоря с ней, забывал, что она дурная. Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен, и она многое из него умела делать» [Долгоруков 1997: 143].

Впоследствии, будучи фрейлиной великой княгини Марии Федоровны, Нелидова станет фавориткой великого князя, а затем императора Павла I. По словам князя И. М. Долгорукова, хорошо знавшего как Нелидову, так и Павла еще в бытность того великим князем, «Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен <...> Нелидова умела править и умом его, и темпераментом» [Долгоруков 1997: 143–144]. Власть Нелидовой была основана на том, что Павел I знал и ценил ее предельную искренность, благородство и прямоту мыслей, неспособность к интригам. В первые годы правления императора в руки Нелидовой попал контроль за распределением высших должностей в стране, но к своей чести (и к чести всех смолянок!), она не будет злоупотреблять этим, часто выступая перед императором в роли просительницы за несправедливо гонимых им людей. Благодаря Нелидовой Павел отказался от наиболее одиозных своих деяний, например уничтожения ордена Святого Георгия Победоносца.

Еще одна исключительная личность первого выпуска, уже упоминаемая нами, – Г. И. Алы-

мова, также выпускница 1776 г., закончившая институт с золотой медалью и фрейлинским шифром. Ее портрет кисти Д. Левицкого, где она занимается музицированием на арфе, является одним из лучших образцов русского классицизма в живописи. После смерти своего первого супруга, поэта А. Ржевского, она сочелась узами брака с человеком, который находился заведомо ниже ее на социальной лестнице. Ее избранником стал И. П. Маскле, уроженец Савойи, человек не дворянского происхождения и бывший моложе невесты на 20 лет. Маскле был учителем французского языка, впоследствии переводчиком басен И. И. Крылова и И. Хемницера. Ко времени вступления в брак Ржевской было более 45 лет, и она уже была бабушкой. Чтобы прекратить толки, Ржевская добилась аудиенции у императора Александра I, который благословил их союз и пожаловал Маскле российское дворянство.

Влияние педагогической составляющей жанра комической оперы на формирование идеальной женщины-смолянки эпохи Просвещения

Репертуар комических опер Смольного неизменно выдвигал на первый план образ активной, уверенной в себе, кокетливой, но с чувством собственного достоинства девушки, которой благодаря собственным усилиям удастся изменить свою судьбу и добиться счастья. Именно такой предстает перед зрителями пленительная и кокетливая Сербина (Серпина), которой при помощи хитроумной интриги со слугой своего хозяина Веспоне, сыгравшего роль грозного капитана Темпеста, требующего от хозяина 4000 крон за свой брак со служанкой, удастся заполучить в мужья уважаемого неаполитанского врача Уберто. В постановке смолянок образ врача, который в екатерининской России не рассматривался в качестве удачной партии, был заменен на образ неуклюжего дворянина Пандольфа. Во французской комической опере Г. Мармонтеля «Земира и Азор», написанной на известный сказочный сюжет, очень много черт, обусловленных эпохой сентиментализма. Азор – заколдованный персидский принц и обладает чувствительным сердцем. По словам красавицы Земиры, дочери купца Сандера, он оказывает ей «чувствительнейшее попечение, нежнейшее дружество» [Мармонтель 1783: 66].

Сама Земира, также обладающая чувствительным сердцем, уговаривает своего отца не расстраиваться из-за потери богатства, указывая на природное равенство людей и возможность быть счастливым без него: «Многое ли потребно, дабы быть благополучну? Птица, в лесах живущая, подобно нам богатства не имеет: но весь день поет, а ночь покоится. Одно у ней гнездо: и нет ни в чем недостатка. Нередко в полях видала я бедного и веселого земледельца. Он утешается своей подругою и воспевает свое благополучие <...> Али в силах будет исправлять и один полевою работу: а вы, сестрицы мои, и я будем жатву собирать» [Там же: 25–26]. Сандер восхищается своей младшей дочерью, замечая: «О бедная! Сколь меня трогает ее рассудок, доброе сердце и горячность ко мне» [Там же: 26]. В заколдованном замке Азора красавицу встречают книги и клавесин – символы женского просвещения XVIII столетия. Сам же Азор, рисуя будущее времяпрепровождение в замке Земиры, не забывает об учении, что также указывает на культурный код Просвещения. Он говорит красавице: «Ты имеешь многие дарования, имеешь склонность к учению: проводи пражные часы в различных упражнениях. Науки, богатая природа, сады, испещренные живейшею зеленью, птицы, цветы» [Там же: 52]. В финале оперы достойным вознаграждением Земиры за доброе сердце и отсутствие корысти становится престол, на который восходит расколдованный царь Камира, возводя на него и свою прекрасную возлюбленную.

Наконец, в «Нанине...» мы видим, как с благословения всех честных людей комедии совершается «неравный брак» между графом Ольбаном и бедной сиротой Наниной, воспитанницей в доме графа. Прекрасной и добродетельной Нанине граф предпочитает надменную и жестокосердную бароншу Орм, презиращую Нанину и видящую в ней лишь «рабью дочь», деревенскую девчонку, взятую из нищеты. В комедии очень много нравоучительных сентенций, посвященных обязанностям хорошей жены по отношению к доброму сердцем, но порочному нравом мужу. Сам Граф признается: «Я порочен, однако женщины произведены для исправления испорченных сердец, для услаждения наших горестей, для умягчения наших нравов, для нашего успокоения и,

одним словом, чтоб лучшими сделать нас» [Нанина 1766: 9]. Данная сотериологическая функция женщин в пьесе как нельзя лучше коррелировала с предназначением женщин «новой породы», как ее представляли в Смольном институте. Поэтому не стоит удивляться тому, что многие бедные выпускницы Смольного института, став «барышнями» в чужих богатых домах, не теряли надежду сделать хорошую партию. Образы многих таких барышень мы находим в эго-документах князя И. М. Долгорукова, талантливого актера-любителя, автора одних из самых обширных мемуарных текстов XVIII в., выдержанных в жанровой форме семейных мемуаров. Из этих же текстов следует, что даже после окончания института умение профессионально играть в любительских спектаклях стало визитной карточкой смолянок. Исследователь В. П. Степанов справедливо назвал его мемуары «одним из интереснейших образцов русской прозы того времени» [Степанов 2004: 6]. Образы смолянок встречаются в двух автобиографических текстах князя: «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни...» и «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». Это не удивительно, так как обе жены князя – Евгения Сергеевна Смирная и Аграфена Алексеевна Пожарская – были смолянками, или, как их называл мемуарист, монастырками. Особенно князь был привязан к своей первой супруге, которую называл «женщина несравненная» [Долгоруков 1997: 26]. Она была дочерью бедных дворян (мать Евгении имела всего 17 душ крестьян в Тверской губернии, воспитывая четырех сыновей и 2 дочерей) и лишилась отца во время восстания Е. Пугачева. Смолянка четвертого набора, Евгения отличалась большими художественными талантами и особой грациозностью. Долгоруков так вспоминал о первой супруге: «Она прекрасно пела, танцевала, играла на арфе и к театральному выражению, то есть к декламации, была очень склонна. Собою не хороша, но миловидна, мала ростом, но стройна» [Долгоруков 2004: 121]. Еще во время учебы в Смольном она так поразила императрицу Екатерину II прекрасной игрой во французской комической опере «La belle Arsène»

(«Прекрасная Арсена») Пьера-Александра Монсиньи, что та приказала положить в ломбард на ее имя 2000 рублей на приданое. Евгения Смирная закончила Смольный институт в 1785 г., удостоившись малой золотой медали и шифра императрицы. Это позволило ей стать фрейлиной сначала великой княгини Натальи Алексеевны, которая к ней особенно благоволила, а после ее смерти великой княгини Марии Федоровны. Долгоруков писал в своих воспоминаниях о смолянках как об идеальных женах, признаваясь: «Большая часть знакомых мне девушек были монастырки. Привыкнув к обращению с ними, я пленялся их воспитанием, простосердечием, добродетельными побуждениями души и здравым рассудком. Они не умели притворяться и лукавить, всегда были открыты со всяким и никакого не показывали кокетства в поведении» [Там же: 122].

В воспоминаниях Долгорукова впервые в русской литературе зафиксировано появление социального типа «барышни», воспитанницы, компаньонки, живущей в богатых домах и ответственной за культурный досуг дворянской семьи. Подробно данный тип будет описан в русской словесности лишь у авторов «натуральной школы»¹. Однако у авторов натуральной школы образ барышни уже не будет связываться с воспитанницами закрытых учебных заведений. Это, скорее, образ сироты, которая росла у чужих людей, где она научилась терпеть и приноравливаться ко всем. Ее функции в доме благодетелей касаются главным образом помощи по хозяйству. В очерке, автором которого выступает Княжна... А., читаем: «Куда ни явится барышня, она везде нужна: там ходит за больным; здесь сводит детей погулять; тут поможет шить платье, съездит в ряды купить что нужно, выслушает жалобу на горькую участь... с нею делятся всеми хлопотами, всеми тягостями жизни» [Наши, списанные с натуры 1986: 36]. В XVIII в. функция барышни-смолянки в знатных домах в большей степени была связана с культурно-просветительским началом, олицетворением которого была театральная культура. «Барышнями» в XVIII столетии часто становились бедные и незнатные воспитанницы Смольного института, которые не остались при дворе, получив фрейлин-

¹ [Русский очерк... 1986] или [Наши, списанные с натуры русскими... 1986].

ский шифр, и не смогли сразу после выпуска сделать достойную партию. Будучи сам прекрасным актером, Долгоруков часто выходил на сцену любительского театра с подобными «барышнями-смолянками» и оставил о них подробные воспоминания.

Так, Ивкова характеризуется им как «девушка милая, острая, любезная, а вдобавок собой пригожая» [Долгоруков 1997: 152]. Девушка «жила в доме принцессы Барятинской, под скромным наименованием барышни; богато одарена природой, заменяла все прочие недостатки фортуны любезным обращением» [Там же: 152]. Долгоруков признается, что «будучи короток в доме принцессы, по случаю забав и театральных зрелищ, я часто с г-жой Ивковой играл комедии. Ничто так не сближает молодых людей; я чуть-чуть в нее не влюбился в комедии “Le Philosophe marie” („Женатый философ“ Филиппа Детуша 1727 г. – Е. П.), в которой я, по одобрению публики, играл удачно первую роль, то есть самого философа. Она мастерски мне помогала в роли субретки. Известно, что подобные роли достаются всегда самым острым и проворным девушкам. Такова точно была пригожая Ивкова» [Там же: 152].

Еще одной «барышней» из воспоминаний Долгорукова была Анна Васильевна Львова, сирота, монастырка, жившая в доме генеральши Бороздиной. Анна Львова, по характеристике мемуариста, «изрядно была воспитана, пользовалась некоторыми талантами, но слишком снисходительна и готова угождать всем домашним <...> Что бы ни занудилось сыграть, пропеть, съездить, зазвать, удержать, заманить, словом, все попадало в должность Львовой, и она не могла ни от чего отговориться» [Там же: 152]. Когда в доме Бороздиной появился благородный театр, Долгоруков играл с Львовой в «Сивильском цирюльнике» «разумеется, по-французски: тогда русский язык был еще под анафемой» [Там же: 134]. Он был графом Альмавива, она – Розиной. Долгоруков признается: «Роли наши нас так соединили, что уже мне скучно было, когда нет репетиции <...> Львова была весела, смешлива, я редко задумывался. Прекрасное сочетание нравов! Помню донныне с удовольствием все наши проказы, ссоры, дуэли, сплетни и круговеньки, которые украшают в памяти моей время пылкой моей молодости» [Там же: 134].

Однако попытки смолянок выйти за пределы дворянской субкультуры, занимаясь просвещением, в том числе и с использованием элементов театральной культуры, других российских сословий, как правило, были обречены на провал и приводили к трагическим последствиям. Одной их жертв подобного социального эксперимента стала родная сестра первой супруги мемуариста Надежда Сергеевна, закончившая Смольный через три года после Евгении. В Пензе она по собственной воле вышла замуж за купца Алферова, которого Долгоруков характеризует как «молодой, красивый малый, но дикарь, без всякого воспитания, медведь в человеческом кафтане» [Там же: 104]. Долгоруков признается, что не мог себя заставить показаться на этом свадебном пиршестве, в то время как его жена-смолянка «имела твердость сопровождать сестру к венцу и всеми наружными видами истинного сострадания закрыть от публики неравенство сестриного супружества» [Там же: 104–105]. Судьба сестры оказалась трагической: «Алферов обходился с ней очень дурно, и даже жестоко; он ее запер, оторвал от общества и лишил здоровья. Недолго живши в таком мучительном состоянии, она оплакивала, наконец, горькими слезами свое заблуждение, скоро зачахла и скончалась бездетна» [Там же: 104]. Примечательно, что, признавая желание свояченицы «управлять» своим мужем, Долгоруков видит в ее неравном браке лишь проявление корыстолюбия, утверждает, что Надежда Сергеевна «польстилась на его богатство» [Там же: 104]. Разумеется, нельзя полностью исключать в этом случае материальный расчет, но, учитывая молодость, красоту и мужскую мощь жениха, можно предположить, что невеста действительно его полюбила и искренно надеялась поднять, в плане культуры и воспитания, до своего уровня. Однако в данном случае на смену педагогической утопии Смольного института пришла дистопия.

Заключение. Приведенные в статье примеры позволяют сделать достаточно обоснованный вывод относительно возможностей реализации утопической составляющей педагогического проекта Смольный институт в области театральной культуры.

Польский исследователь Е. Шацкий предположил отождествлять утопию одновременно

с несбыточной мечтой, идеалом, экспериментом и альтернативой [Шацкий 1990], приводя доводы в защиту каждого из этих определений. По мнению исследователя, «утопия – это мечта, которая становится системой, идеалом, разросшимся в целую доктрину» [Шацкий 1990: 30]. Что касается утопии, понимаемой как эксперимент, то рассматриваемая с этой точки зрения утопия «...всегда проникнута желанием лучше познать мир путем мысленной проверки того, чего нельзя еще проверить в действительности» [Там же: 33]. Наконец, утопия, понимаемая как альтернатива, предполагает «несогласие утописта с существующим миром – тотальное несогласие <...> Он сжигает мосты между идеалом и действительностью <...> Он максималист» [Там же: 35]. Именно четвертый подход к утопии кажется Шацкому наиболее правильным, так как это как раз те утопии, «из-за которых рушились империи» [Там же: 36], то есть осуществлялся тот революционный потенциал утопии, о котором говорилось выше.

Смольный институт особенно в эпоху Екатерины II с полным основанием можно отождествить с осуществляемой на практике мечтой-идеалом, экспериментом и альтернативой. В него было вложено много финансов и сил как самой императрицы Екатерины II, так и ее помощников. Полученные результаты, хотя и были существенными, все же никак не могут характеризоваться как революционные. Утопическая составляющая жанра трагедии с ее явленной (окуляцентризм) миру добродетелью, которая ставилась, в случае с героическим самоубийством, выше религиозной традиции [Левитт 2015: 174–175], воспринималась как слишком смелая при воспитании женщин. Частично она находила свою реализацию в воспитании мальчиков в кадетских корпусах, где соперничала на примере «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха с библиофильческой мифологией эпохи Просвещения. Сам образ героической женской личности по типологии Ю. М. Лотмана [Лотман 1994] не привлекал Екатерину II, о чем свидетельствует ее отношение к Е. Рубановской. Более востребованным и соответствующим эмоциональной культуре эпохи Просвещения, с точки зрения императрицы, оказался типаж бойкой, веселой и независимой героини комических опер. Од-

нако и в данном случае стирания границ между сценой и зрительным залом, как это было с театральной культурой наполеоновской эпохи [Лотман 1994], не произошло. В полной мере плодами педагогического утопизма Смольного института в сфере театральной культуры было суждено воспользоваться лишь тем девушкам, которые смогли занять высокое положение с точки зрения женской социальной иерархии. Например, стать фрейлинами или удачно выйти замуж. Менее удачливые в этом отношении могли реализовать на театральной сцене хорошо знакомый им типаж бойкой героини, находясь в статусе «барышни»-компаньонки в знатных домах. Или же вообще стать жертвой гендерного утопического эксперимента, выйдя замуж за человека, принадлежащего к более низкому сословию, что демонстрирует судьба Надежды Смирной в воспоминаниях И. М. Долгорукого.

В январе 1785 г. императрица в последний раз лично присутствовала на экзамене четвертого выпуска смолянок. А. Данилова справедливо пишет по этому поводу: «Этим четвертым по счету выпуском, в котором теперь было уже 89 воспитанниц, заканчивался первый, блестящий период существования Воспитательного общества благородных девиц» [Данилова 2007: 133].

После смерти Екатерины II театральный дискурс Смольного института постепенно уступает место другой педагогической парадигме, связанной с именем императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I и матери российских императоров Александра I и Николая I. В новую эпоху упор будет сделан не на театрально-светское начало воспитания, но на воспитание семейных, «мещанских» (бюргерских) в хорошем смысле слова начал. Как писала Л. В. Чеснокова, характеризуя эпоху бидермайера 1815–1848 гг.: «...на первый план стали выходить ценности повседневной, буржуазной, городской жизни; домашний мир „маленького человека“, обывателя и мещанина» [Чеснокова 2017: 2]. Именно в эту эпоху частная жизнь начинает четко противопоставляться сфере публичности, где человек играет возложенную на него социальную роль. Как следствие, «...происходит идеализация домашней сферы, которая описывается как некое пространство для человека, находящегося в гармонии с Богом

и миром, характеризующееся досугом, комфортом и семейной гармонией» [Там же: 4]. Новая историческая эпоха вернулась к консервативной гендерной парадигме взаимоотношений, которая была частично скорректирована в эпоху Просвещения. В соответствии с этой парадигмой «муж был кормильцем и представителем семьи во внешнем мире, а жена как хозяйка дома и мать была центром приватной домашней сферы. В соответствии с библейскими заповедями она подчинялась мужу, была обязана рожать и воспитывать ему детей, создавать отдых от трудов и забот профессионального мира. Женщине были установлены столь тесные границы, что ей почти невозможно было самостоятельно поддерживать какие-то контакты за пределами ее семейного круга. Мужчина же был посредником между семьей и внешним миром». [Там же: 6]. Данная установка не могла не повлиять и на женскую культуру Смольного института. В результате этого идеал девушки-смолянки переместится от «Талии и Мельпомены» XVIII столетия к почтенной матери семейства, способной обшивать, кормить, обучать своих детей.

Что же касается комической оперы, то, существовавшая в качестве самостоятельного жанра около тридцати лет, она, в конце концов, уступила место водевилю, французские образ-

цы которого ставились на сцене Смольного еще в 1770-е гг. Так, в 1776 г. смолянки поставили пьесу «Деревенский петух» («Le Coe du village»). Однако жанровое развитие комической оперы и водевиля во Франции и России было различным. Как отмечает И. Д. Немировская: «...если во Франции жанр комической оперы основывался на водевиле, то в России, наоборот, водевиль перенял жанровую эстафету у русской комической оперы» [Немировская 2009: 31]. Можно предположить, что данное обстоятельство было во многом связано с тем воспитательным педагогическим дискурсом, которым был наполнен в России не только «театр Мельпомены», но и «театр Талии». И театральная культура Смольного института 1770–1780-х гг. это прекрасно доказывает, давая возможность девушкам «новой породы» через трагедии и комедии, в которых они играли, реализовать тип поведения «нового человека». Воспитание этого человека составляло одну из утопических задач эпохи Просвещения, являя миру утопию-эвпсихию, ставящую своей целью изменить природу человека в соответствии с законами разума и просветительской идеологии. И все же Смольный институт показал, каких высот в культурной и нравственно-этической жизни могут достигать русские женщины при благоприятных условиях воспитания и образования.

Литература

- Бецкой, И. И. (1) Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества / И. И. Бецкой. – СПб., [1764]. – 4 с.
- Бецкой, И. И. (2) Устав воспитания двухсот благородных девиц учреждения Ее Величества государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всероссийской матери отечества / И. И. Бецкой. – СПб., [1764]. – 33 с.
- Всеволодский-Гернгросс, В. Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне / В. Н. Всеволодский-Гернгросс. – СПб. : Гиперион, 2003. – 336 с.
- Вольтер. Заира, трагедия в пяти действиях, в стихах / Вольтер – М. : в типографии Августа Семена, 1821. – 83 с.
- Данилова, А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники / А. Данилова. – М. : Эксмо, 2007. – 464 с.
- Дидро, Д. Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря) / Д. Дидро // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10. – М., 1947. – С. 41–263.
- Долгоруков, И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / И. М. Долгоруков. – М. : Наука, 1997. – 390 с.
- Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего в 2 т. Т. 1 / И. М. Долгоруков. – СПб. : Наука, 2004. – 816 с.
- Ливанова, Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы : в 2 т. Т. 2 / Т. Н. Ливанова. – М. : Госмузизд, 1953. – 676 с.
- Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1994. – 399 с.
- Мармонтель, Г. Земира и Азор, опера в четырех действиях / Г. Мармонтель. – М. : в университетской типографии у Н. Новикова, 1783. – 92 с.
- Молева, Н. М. Дмитрий Григорьевич Левицкий / Н. М. Молева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Новая реальность, 2016. – 155 с.
- Нанина, или Побезденное предрассуждение. Комедия в трех действиях. – СПб., 1766. – 126 с.

- Наши, списанные с натуры русскими. Водовоз. Барышня. Армейский офицер. Гробовой мастер. Няня. Знахарь. Уральский казак. Факсимильное издание, напечатанное по изданию 1841 года. – М. : Книга, 1986. – 178 с.
- Неклюдова, М. С. Русский театр между екатерининской Талией и елизаветинской Мельпоменой / М. С. Неклюдова // *ШАГИ/STEPS*. – М. : Дело, 2018. – С. 275–281.
- Немировская, И. Д. Поэтика русской комической оперы XVIII века / И. Д. Немировская // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 38–47.
- Немировская, И. Д. От русской комической оперы к «раннему» водевилю: генезис, поэтика, взаимодействие жанров: середина XVIII в. – первая треть XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01, 17.00.02 / Немировская И. Д. ; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Москва, 2009. – 39 с.
- Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год : в 2 частях. Ч. 2. – М. : в вольной типографии Гария и Компании, 1803. – 171 с.
- Петина, Е. Фрейлины Ее Величества / Е. Петина. – СПб. : Аврора, 2000. – 61 с.
- Приказчикова, Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века / Е. Е. Приказчикова // *Вестник Челябинского государственного ун-та*. – 2009. – № 27 (165), вып. 34. – С. 105–115.
- Приказчикова, Е. Е. «Новая женщина» в дворянской среде. Смольный институт как проект / Е. Е. Приказчикова // «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуаль и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках : коллективная монография / под общей ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2022. – С. 726–746.
- Ржевский, А. А. Стихи в девице Нелидовой / А. А. Ржевский // *Поэты XVIII века : в 2 т. Т. 1. – Л. : Советский писатель, 1972. – С. 297.*
- Русский очерк. 40-50-е годы XIX века / сост., общ. ред., предисл. и комм. В. И. Кулешова. – М. : МГУ, 1986. – 544 с. – Серия: Университетская библиотека.
- Степанов, В. П. От редактора / В. П. Степанов // Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего в 2 т. Т. 1. – СПб. : Наука, 2004. – С. 5–6.
- Сумароков, А. П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. – Л. : Советский писатель, 1957. – 607 с.
- Сумароков, А. П. Письма / А. П. Сумароков // *Письма русских писателей XVIII века*. – Л. : Наука, 1980. – С. 68–224.
- Фанталов, А. Н. Сен-Сир и Смольный институт – первые учебные заведения для женщин во Франции и России / А. Н. Фанталов, М. А. Малазина // *Герценовские чтения. Художественное образование ребенка: стратегии будущего : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. К 30-летию отдела «Российский центр музейной педагогики и детского творчества Русского музея. 2020»*. – СПб. : ООО «Издательство ВВМ», 2020. – С. 75–81.
- Чеснокова, Л. В. Бидермайер: эпоха буржуазной приватности в европейской культуре / Л. В. Чеснокова. – Текст : электронный // *Концепт*. – 2017. – № 5 (май). – URL: <http://e-koncept.ru/2017/170105.htm> (дата обращения: 24.06.2022).
- Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М. : Прогресс, 1990. – 454 с.
- Orgel, S. The illusion of power: political theater in the English Renaissance / S. Orgel. – Berkeley : University of California Press, 1975. – 95 p.
- Ospovat, K. Terror and pity: Alexander Sumarokov and the theater of power in Elizabethan Russia / K. Ospovat. – Boston : Academic Studies Press, 2016. – 316 p.

References

- Betskoy, I. I. (1764). (1) *General'noe uchrezhdenie o vospitanii oboego pola yunoshestva* [General Institution on the Education of Both Sexes of Youth]. Saint Petersburg. 4 p.
- Betskoy, I. I. (1764). (2) *Ustav vospitaniya dvukhsot blagorodnykh devits uchrezhdeniya Ee Velichestva gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroy, samoderzhitsy vserossiyskoi materi otechestva* [The Chapter for the Education of Two Hundred Noble Maidens of the Institution of Her Majesty Empress Catherine II, Autocrat of the All-Russian Mother of the Fatherland]. Saint Petersburg. 33 p.
- Chesnokova, L. V. (2017). Biedermaier: epokha burzhuaznoi privatnosti v evropeiskoi kul'ture [Biedermeier: The Era of Bourgeois Privacy in European Culture]. In *Kontsept*. No. 5 (May). URL: <http://e-koncept.ru/2017/170105.htm> (mode of access: 26.06.2022).
- Danilova, A. (2007). *Blagorodnye devitsy. Vospitannitsy Smol'nogo instituta. Biograficheskie khroniki* [Noble Maidens. Pupils of the Smolny Institute. Biographical Chronicles]. Moscow, Eksmo. 464 p.
- Didro, D. (1947). *Filosofskie, istoricheskie i drugie zapiski razlichnogo sodержaniya (god 1773-i, s 5 oktyabrya po 3 dekabrya)* [Philosophical, Historical and Other Notes of Various Content (Year 1773, from October 5 to December 3)]. In *Sobranie sochinenii: v 10 t. Vol. 10*. Moscow, pp. 41–263.
- Dolgorukov, I. M. (1997). *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vsekh tekhn lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moei zhizni* [Temple of My Heart, or Dictionary of All Those Persons with Whom I Was in Different Relationships During My Life]. Moscow, Nauka. 390 p.
- Dolgorukov, I. M. (2004). *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-om godu ot rozhdeniya moyego: v 2 t. [The Story of My Birth, Origin and Whole Life, Written by Myself and Begun in Moscow in 1788 in the Month of August, in the 25th Year from My Birth, in 2 vols.]*. Vol. 1. Saint Petersburg, Nauka. 816 p.
- Fantolov, A. N., Malazina, M. A. (2020). Sen-Sir i Smol'nyi institut – pervye uchebnye zavedeniya dlya zhen-shchin vo Frantsii i Rossii [Saint-Cyr and the Smolny Institute – the First Educational Institutions for Women in France and Russia]. In *Gertsenovskie chteniya. Khudozhestvennoe obrazovanie rebenka: strategii budushchego: materialy VI Vserossiis-*

- koi nauchno-prakticheskoi konferentsii. K 30-letiyu ot dela «Rossiyskii tsentr muzeinoi pedagogiki i detskogo tvorchestva Russkogo muzeya. 2020»*. Saint Petersburg, OOO «Izdatel'stvo VVM», pp. 75–81.
- Livanova, T. N. (1953). *Russkaya muzykal'naya kul'tura XVIII v. v ee svyazyakh s literaturoi, teatrom i bytom: Issledovaniya i materialy: v 2 t.* [Russian Musical Culture of the XVIII century in Its Connections with Literature, Theater and Everyday Life: Research and Materials, in 2 vols.] Vol. 2. Moscow, Gosmuzizd. 676 p.
- Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nach. XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (XVIII – Early XIX Century)]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB. 399 p.
- Marmontel, G. (1783). *Zemira i Azor, opera v chetyrekh deistviyakh* [Zemira and Azor, Opera in Four Acts]. Moscow, v universitet-skoj tipografii u N. Novikova. 92 p.
- Moleva, N. M. (2016). *Dmitrii Grigor'evich Levitskii* [Dmitry Grigorievich Levitsky]. 2nd edition. Moscow, Novaya real'nost'. 155 p.
- Nanina, ili Pobezhdennoe predrassuzhdenie. Komediya v trekh deistviyakh* [Nanina, or Conquered Prejudice. Comedy in Three Acts]. (1766). Saint Petersburg. 126 p.
- Nashi, spisannyye s natury russkimi. Vodovoz. Baryshnya. Armeiskii ofitser. Grobovoi master. Nyanya. Znakhar'*. Ural'skii kazak [Ours, Written Off from Life by Russians. Water Carrier. Young Lady. Army Officer. Coffin Master. Nanny. Medicine Man. Ural Cossack]. (1986). Moscow, Kniga. 178 p.
- Neklyudova, M. S. (2018). *Russkii teatr mezhdru ekaterininskoi Taliei i elizavetinskoi Mel'pomenoi* [Russian Theatre between Catherine's Thalia and Elizabeth/s Melpomene]. In *SHAGI/STEPS*. Moscow, Delo. pp. 275–281.
- Nemirovskaya, I. D. (2008). *Poetika russkoi komicheskoi opery XVIII veka* [Poetics of Russian Comic Opera of the 18th Century]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 150. Book 6, pp. 38–47.
- Nemirovskaya, I. D. (2009). *Ot russkoi komicheskoi opery k «rannemu» vodevil'yu: genezis, poetika, vzaimodeystvie zhanrov: seredina XVIII v. – pervaya tret' XIX v.* [From Russian Comic Opera to “Early” Vaudeville: Genesis, Poetics, Interaction of Genres: The Middle of the 18th Century – First Third of the 19th Century]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk Moscow. 39 p.
- Orgel, S. (1975). *The Illusion of Power: Political Theater in the English Renaissance*. Berkeley, University of California Press. 95 p.
- Ospovat, K. (2016). *Terror and Pity: Alexander Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia*. Boston, Academic Studies Press. 316 p.
- Perepiska rossiiskoi imperatritsy Eekateriny II i gospodina Vol'tera, prodolzhashchayasya s 1763 po 1778 god: v 2 ch.* [Correspondence of the Russian Correspondence of the Russian Empress Catherine II and Mr. Voltaire, Which Lasted from 1763 to 1778, in 2 parts]. (1803). Part. 2. Moscow, v vol'noi tipografii Gariya i Kompanii. 171 p.
- Petinova, E. (2000). *Freiliny Ee Velichestva* [Maid of Honor of Her Majesty]. Saint Petersburg, Avrora. 61 p.
- Prikazchikova, E. E. (2009). *Antropologicheskaya utopiya Smol'nogo instituta i ee otrazhenie v memuarно-avtobiograficheskoi literature vtoroi poloviny XVIII veka* [Anthropological Utopia of the Smolny Institute and its Reflection in Memoirs and Autobiographical Literature of the Second Half of the 18th Century]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 27 (165). Issue 34, pp. 105–115.
- Prikazchikova, E. E. (2022). «Novaya zhenshchina» v dvoryanskoi srede. Smol'nyi institut kak proekt [“New Woman” in the Nobility. Smolny Institute as a Project]. In Repina, L. P. (Ed.). «Kul'tura dukha» vs «Kul'tura razuma»: intellektual'no i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh: kollektivnaya monografiya. Moscow, Akvilon, pp. 726–746.
- Rzhevskiy, A. A. (1972). *Stikhi v devitse Nelidovoi* [Poems in the Girl Nelidova]. In *Poety XVIII veka: v 2 t.* Vol. 1. Leningrad, Sovetskii pisatel', p. 297.
- Kuleshova, V. I. (Ed.). (1986). *Russkii ocherk. 40–50-e gody XIX veka* [Russian Essay. 40–50s of the XIX Century]. Moscow, MGU. 544 p.
- Shatsky, E. (1990). *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Moscow, Progress. 454 p.
- Stepanov, V. P. (2004). *Ot redaktora* [From the Editor]. In Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisanaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyats, na 25-om godu ot rozhdeniya moego v 2 t.* Vol. 1. Saint Petersburg, Nauka, pp. 5–6.
- Sumarokov, A. P. (1957). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 607 p.
- Sumarokov, A. P. (1980). *Pis'ma* [Letters]. In *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka*. Leningrad, Nauka, pp. 68–224.
- Volter. (1821). *Zaira, tragediya v pyati deistviyakh, v stikhakh* [Zaira, a Tragedy in Five Acts, in Verse]. Moscow, v tipografii Avgusta Semena. 83 p.
- Vsevolodsky-Gerngross, V. N. (2003). *Teatr v Rossii pri imperatritse Elizavete Petrovne* [Theater in Russia under Empress Elizaveta Petrovna]. Saint Petersburg, Giperion. 336 p.

Данные об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: miegata-logos@yandex.ru.

Authors' information

Prikazchikova Elena Evgenyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

«ИГРА В БИСЕР» С ИГОРЕМ ВОЛГИНЫМ: ТЕЛЕПЕРЕДАЧА О ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Красильников Р. Л.

Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4279-8263>

А н н о т а ц и я. Актуальность исследования обусловлена изучением телепередач о литературе как гибридных форм, возникших во время перехода от литературоцентризма к медиациентризму, решающему литературоцентристские задачи с помощью медиациентристских средств. Цель работы – комплексный анализ телепередачи о литературе «Игра в бисер» с Игорем Волгиным. Теоретико-методологической основой для исследования стала работа Пьера Бурдьё «О телевидении», в первую очередь ее часть, посвященная теледебатам. Следуя алгоритму, предложенному социологом, мы обращаем внимание не только на содержание передачи, но и на ее структурные, формальные особенности, в том числе фигуру ведущего, состав приглашенных экспертов, особенности сценария и монтажа, диктат времени на телевидении. Также для анализа программы используются структуралистский, семиотический, дискурсивный и типологический подходы. В результате исследования были получены следующие выводы. «Игра в бисер» является трансмедиа (мультиплатформенным) проектом, размещенным на четырех медиаплощадках и отражающим их коммуникативные преимущества и недостатки. С жанровой точки зрения передача определяется как телевизионное ток-шоу, которое представляет собой разговоры о классических литературных произведениях и сочетает принципы массовой продукции и высокий интеллектуальный уровень. Участники передачи (Игорь Волгин и приглашаемые им эксперты) олицетворяют определенный аудиовизуальный срез российской гуманитарной интеллигенции последнего десятилетия. С содержательной точки зрения ток-шоу рассматривается как собрание интерпретаций различных классических произведений, вписанное в «традиционную» (герменевтическую) исследовательскую парадигму. С формальной точки зрения «Игра в бисер» имеет не только устоявшуюся структуру, но и факторы вариативности, обеспечивающие разнообразие выпусков. В передаче используются различные телевизионные средства, позволяющие сделать ее более зрелищной и динамичной. Рассматривается также рецепция «Игры в бисер» на профессиональном уровне и с точки зрения ее популярности у широкой аудитории. Результаты исследования могут быть использованы в курсах, посвященных современным литературным и медийным практикам.

Ключевые слова: российское телевидение; телевизионные передачи; телепередачи; телеведущие; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; ток-шоу; телеканалы; телевизионные каналы; литературоцентризм; медиациентризм; трансмедиа; тема литературы

Для цитирования: Красильников, Р. Л. «Игра в бисер» с Игорем Волгиным: телепередача о литературе в контексте современной культуры / Р. Л. Красильников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 170–182. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-15.

“THE GLASS BEAD GAME” WITH IGOR VOLGIN: A TV SHOW ABOUT LITERATURE IN MODERN CULTURE

Roman L. Krasilnikov

Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4279-8263>

Abstract. The urgency of the study is determined by the interpretation of TV shows about literature as hybrid forms that appeared during the transition from literature-centrism to media-centrism, solving literature-centric problems via media-centric means. The aim of the work is to carry out a comprehensive analysis of the TV program about literature “The Glass Bead Game” with Igor Volgin. The work of Pierre Bourdieu “On Television”, and specifically its part devoted to television debates, became the theoretical and methodological basis for the study.

Following the algorithm suggested by the sociologist, the author pays attention not only to the content of the TV show, but also to its structural and formal features, including the figure of the presenter, the set of the invited experts, the peculiarities of the script and editing, and the importance of timing on television. The structural, semiotic, discursive and typological approaches are also used to analyze the show. The following conclusions were obtained as a result of the study. "The Glass Bead Game" is a transmedia (multi-platform) project located on four media platforms and reflecting their communicative advantages and disadvantages. From the genre point of view, the program is defined as a TV talk show, which includes conversations about classic literature works and combines the principles of mass production with a high intellectual level of presentation. The participants of the program (Igor Volgin and the experts invited by him) personify a certain audiovisual section of the Russian humanitarian intelligentsia of the last decade. From the content point of view, the talk show is viewed upon as a collection of interpretations of various classic works within the frame of the "traditional" (hermeneutical) research paradigm. From the formal point of view, "The Glass Bead Game" has not only an established structure, but also factors of variability, providing a diversity of issues. The show uses various television means to make it more spectacular and dynamic. The reception of "The Glass Bead Game" is also analyzed on the professional level and in terms of its popularity with a wide audience. The results of the study can be used in courses on contemporary literature and media practices.

Key words: Russian television; television shows; TV shows; TV presenters; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; talk show; TV channels; television channels; literature-centrism; media-centrism; transmedia; theme of literature

For citation: Krasilnikov, R. L. (2022). "The Glass Bead Game" with Igor Volgin: A TV Show about Literature in Modern Culture. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 170–182. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-03-15.

Постановка проблемы

Кризис книгоцентризма и литературоцентризма, приоритет в современной культуре электронных средств массовой коммуникации (этот феномен называется – возможно, не слишком удачно – переходом к медиацентризму [Кондаков 2016: 518]) привели сегодня к возникновению различных гибридных медиаформ. Наряду с репрезентацией в Интернете, ставшей привычным делом для художественной литературы, эти культурные явления время от времени стремятся вторгнуться еще и на телевидение. Так возникают телевизионные передачи о литературе, которые можно назвать характерным российским медиапродуктом. За последние годы появилось сразу несколько таких авторских телепрограмм, в том числе «Апокриф» В. Ерофеева, «Вслух» А. Гаврилова, «Экология литературы» Н. Александрова и др.

Почему же, несмотря на огромные возможности Интернета, отечественные культуртрегеры выбирают для своего медиапродукта именно телевидение? Ведь, казалось бы, процент телезрителей ежегодно неуклонно падает, а интернет-пользователей, напротив, растет [Болецкая 2019].

Во-первых, доля населения, вовсе отказавшихся от потребления телевидения, пока что

относительно мала: в 2019 г. называлась цифра 5% [Названа... 2019]. Хотя бы одну минуту в день телевизор смотрят более 70% россиян [Mediascope 2018].

Во-вторых, передачи о литературе сосредоточены на телеканале «Культура», который входит в состав ВГТРК – государственного предприятия, транслирующего официальную идеологию. «Культура» включена в пул из двадцати бесплатных телеканалов, доступных широкому населению страны. Это государственный проект, не способный существовать без бюджетного финансирования, поскольку его ключевым принципом является отказ от коммерческой рекламы¹. Согласно медиасследованиям, телеканал занимает в еженедельных рейтингах места во втором десятке, его смотрят около 1,5% зрителей, их основное ядро составляют люди от 45 до 64 лет, причем многие из них имеют высшее образование (43%), средний и выше среднего уровень дохода (73%)².

В этих цифрах скрывается третий фактор, влияющий на использование телевидения как площадки для литературной коммуникации. Культуртрегеры находят здесь нужную им аудиторию, зачастую ностальгирующую об уходящем в прошлое литературоцентризме. Эта аудитория смотрит канал «Культура», стремясь

¹ Телевизионный канал «Культура» // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20121101/907956468.html> (дата обращения: 30.04.2020).

² Культура // Media International Russia. URL: <http://mediainrussia.com/kultura> (дата обращения: 30.04.2020).

найти качественный интеллектуальный контент, который несвойственен телевидению и Интернету в целом как феноменам массовой культуры. Здесь минимизируются такие характерные черты СМИ, как коммерческая, ангажированность, стереотипность, зрелищность, апеллирующая к человеческим инстинктам [Костина 2006: 33], а на первый план – и в форме, и в содержании – выходят творческое начало, авторская индивидуальность, личное мнение, корректность дискуссии, в известной степени сложность смыслов, в конце концов осмысление национальной культуры. Таким образом, в условиях масштабного потока данных телеканал «Культура» выступает в качестве фильтра медиапродукции, решая для определенных кругов населения проблему ориентации в информационном обществе [Большц 2011: 19].

Наконец, многие телевизионные программы уже не являются таковыми в полном смысле этого слова. Если раньше архивы передач были доступны только в редакции каналов, то теперь многие из них можно обнаружить в Интернете. Вследствие цифровой конвергенции появились специфические медиапрактики, которых телевидение досетевой эпохи было просто-напросто лишено: неограниченный доступ потребителей к контенту, демонстрация количества просмотров, обратная связь с аудиторией в виде комментариев, возможность «поделиться» программой на других сайтах [Кастельс 2004: 221–222]. Все это, конечно, ведет к трансформации процесса потребления телевизионной продукции.

Вот в какой контекст вписывается телепередача «Игра в бисер» с Игорем Волгиным, которая стала объектом изучения в нашей статье. Наша задача – провести комплексный анализ этого медиапродукта, выявить его содержательные и формальные характеристики, рассмотреть его место в современной культуре.

Теоретико-методологической основой для нашего исследования, в частности, стала работа Пьера Бурдьё «О телевидении», в первую очередь ее часть, посвященная теледебатам [Бурдьё 2002: 45–52]. Несмотря на то что классик социологии рассматривает политический медиапродукт, его наблюдения касаются и ток-шоу в целом. Так, он предлагает обращать вни-

мание не только на содержание передачи, но и на ее структурные, формальные особенности, в том числе фигуру ведущего, состав приглашенных экспертов, особенности сценария и монтажа, диктат времени.

Анализ телепередачи «Игра в бисер»

Премьера «Игры в бисер» состоялась 15 ноября 2011 года, и программа выходит в эфир до сих пор (наше исследование датируется апрелем 2020 года). Передача пока что не представляет собой полностью законченный продукт, но такое большое количество материала (247 выпусков) уже может стать объектом для изучения.

Автор и ведущий «Игры в бисер» Игорь Волгин так описывает историю ее создания: «Идея носилась в воздухе. Руководство канала „Культура“ давно ощущало потребность в серьезной литературной передаче. Инициатором стал Сергей Леонидович Шумаков. Я предложил название – „Игра в бисер“. Это, конечно, не вполне по Герману Гессе. Здесь это лишь метафора, обозначающая усилия ума и равнодушие сердца. Собственно, это поиск сокровенных смыслов культуры. В поле зрения – вся мировая литература, где все аukaется и перекликается друг с другом. И, разумеется, отечественная словесность, которая, хотелось бы верить, „наше все“» [Выжutowич 2013].

В этом высказывании важны несколько моментов. Во-первых, убежденность в актуальности и необходимости «серьезной литературной передачи». Во-вторых, метафорическая трактовка названия программы. В-третьих, установка на поиск смыслов культуры через обсуждение мировой литературы, ее интертекстуальных связей. В-четвертых, характеристика отечественной словесности, с одной стороны, возводящая ее в абсолют, с другой – сопровождаемая легкой иронией и модальной конструкцией.

Это амбивалентное сочетание надежды на лучшее и неуверенности в будущем словесности свойственно и другим словам Волгина, сказанным во время передачи «Наблюдатель», предварявшей премьеру «Игры в бисер». На вопрос, для кого предназначена его программа, он ответил: «Для тех, кто читает книги, или для тех, кто намеревается их читать, то есть для читателя, конечно, прежде всего передача.

Все-таки в России книги, надеюсь, еще читают»¹. Безусловно, в словах Волгина проглядывают отзвуки литературоцентристской эпохи и опасения, близкие многим филологам.

Создание «Игры в бисер» можно считать своеобразным ответом любителей литературы на медиацентристские вызовы времени. Волгин так сформулировал цели передачи: «Цель, с одной стороны, просветительская. Но с другой – еще и исследовательская. Мы стремимся обнаружить в литературной классике потенциальные смыслы, востребованные сегодняшним днем» [Выжутович 2013]. Другими словами, автор программы стремится привлечь внимание зрителей на актуальность, вневременную ценность классики.

В то же время «Игра в бисер» использует для своих целей медиацентристские способы коммуникации с аудиторией. Так, она размещается на нескольких медиаплатформах: ее можно посмотреть не только по «Культуре», но и в Интернете – на портале телеканала², на YouTube³ и в социальной сети «ВКонтакте»⁴.

Разумеется, все эти четыре платформы отличаются друг от друга. О некоторых особенностях телевизионного показа (в частности, об аудитории «Культуры») уже было сказано ранее. Добавим, что «Игра в бисер» транслируется в будние дни; как нам удалось выяснить по архивам телепрограмм, вначале выпуски выходили в эфир во вторник, затем в четверг (как заявлено на портале канала – в 12:40, 18:40 и 00:40). Как видим, зрители имеют возможность посмотреть передачу трижды за сутки, в том числе в вечерний прайм-тайм.

В соответствии с природой телевидения «Игра в бисер» представляет собой одностороннюю отсроченную коммуникацию, лишенную обратной связи, ориентированную на анонимную рассредоточенную аудиторию посредством технического канала [Черных 2007: 13]. Следовательно, ей в известной степени свойственен диктат излагаемых мнений, которые могут не обладать достаточным уровнем доказательств.

Сайт телеканала «Культура» тоже ведет себя «авторитарно» по отношению к пользователю, как правило, не предоставляя ему возможности обратной связи (во всяком случае относительно передачи Волгина). Это «закрытое» пространство, где зрителю доступно лишь просматривать выпуски «Игры в бисер» и читать к ним анонсы. Тем не менее интернет-ресурс позволяет не подстраиваться под телепрограмму и обращаться к видео неограниченное количество раз.

На YouTube, судя по датировкам, отражающимся в поисковой системе, архив передачи начали размещать с апреля 2018 года. У «Культуры» на этом канале более 700 тысяч подписчиков, и имеется возможность обратной связи посредством комментариев. Пространство YouTube неформально, что зачастую приводит к прямо противоположным эмоциональным откликам на передачу – от восторженных до оскорбительных.

Наконец, соответствующий паблик «ВКонтакте» описывается так: «Данная страница создана, чтобы собрать все выпуски замечательной и почти невозможной в наше время передачи „Игра в бисер“ с ведущим – Игорем Волгиным»⁵. Администратор сообщества – пользователь под никнеймом «Игорь Лившиц», первая запись датируется 12 мая 2013 года, на группу подписаны около 4400 участников. В основном здесь выкладываются выпуски передачи и обсуждаются некоторые из них. Вместе с тем последняя запись в паблике датируется 21 октября 2017 года, что говорит о слабой активности сообщества.

В связи с последним фактом уместно сказать об источниковедческих и архивоведческих трудностях, с которыми сталкиваются исследователи (да и пользователи) интернет-ресурсов. Во-первых, сеть не является надежным хранителем информации: сайты могут устаревать и закрываться, теряя финансирование или интерес со стороны их основателей. Во-вторых, пространство Интернета само по себе не слыш-

¹ «Наблюдатель»: информационная программа // Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/155128/ (дата обращения: 30.04.2020).

² «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20921/ (дата обращения: 30.04.2020).

³ «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // YouTube. Телеканал «Культура». URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL66D1Gaegedq6S9AoaCsyTG3ZHc14cwxP> (дата обращения: 30.04.2020).

⁴ «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/igvbiser> (дата обращения: 30.04.2020).

⁵ Там же.

ком упорядочено. В случае с «Игрой в бисер» у нас были проблемы с датировкой выпусков, которая отсутствует на сайтах и отражается только в описании файлов в поисковой системе. Архив телепрограмм оказался неполным, к тому же время эфира передачи периодически менялось. Более того, отдельные выпуски («Колыбельные наших прабабушек» и «Венедикт Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора») указаны на сайте телеканала, но не обнаружены в Интернете вовсе, а самый первый выпуск – «И. С. Тургенев. Отцы и дети» – нашелся в сети, но отсутствует на всех медиaplatformах. Отличалось и выложенное количество видео: на сайте «Культуры» их 244, на YouTube – 233, «ВКонтакте» – 143, а всего таковых было насчитано 247.

Несмотря на обозначенные проблемы, констатируем, что, возникнув как телепередача, «Игра в бисер» постепенно перекочевала в Интернет на другие медиaplatformы. Очевидно, что эти процессы были обусловлены трансформацией медиaprостранства, возрастающей популярностью сети. В итоге программу можно назвать примером трансмедиа, то есть проекта, не только представленного на нескольких площадках [Gambarato 2016: 2], но и использующего свойственные им интерактивные возможности.

Еще один признак использования медиациентристских практик – жанр «Игры в бисер». Согласно аннотации к передаче, это ток-шоу¹. Действительно, основной формат программы – разговоры о классических литературных произведениях. Вместе с тем, если сопоставлять передачу с другими ток-шоу на телевидении, можно заметить, что в ней нет одного элемента (называемого исследователями обязательным для этого жанра) – зрительного зала [Уланова 2016: 248]. Безусловно, не секрет, что зрители в студии, как правило, играют отведенные им роли, симулируя реакцию на происходящее. Однако «Игра в бисер» утрирует свою «обособленность», даже символическим образом не пытаясь обозначить какую бы то ни было аудиторию.

В то же время в подходе к наполнению студии «Игра в бисер» не одинока на телека-

нале: этим она похожа на передачи «Агора» М. Швыдкого или «Тем временем» А. Архангельского (и отличается от «Культурной революции» М. Швыдкого или «Вслух» А. Гаврилова). Подобную медиапродукцию можно назвать «экспертными» ток-шоу.

Динамика любого ток-шоу зависит от фигуры ведущего, его энергетика и «харизмы». Игорь Леонидович Волгин (р. 1942) широко известен своими достижениями сразу в нескольких областях². Во-первых, он авторитетный исследователь, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова и Литературного института имени А. М. Горького, специалист по жизни и творчеству Ф. М. Достоевского, основатель Фонда Достоевского, вице-президент Международного Общества Достоевского. Во-вторых, он известный писатель, поэт, автор книг стихов, переводов, историко-документальной биографической прозы, член Союза писателей России, Русского ПЕН-центра, Международного ПЕН-клуба, основатель и руководитель литературной студии «Луч» (работающей при МГУ с 1968 г.), один из организаторов чтений «на Маяковке». В-третьих, он журналист, член Союза журналистов России, Международной ассоциации журналистов, автор нескольких телевизионных программ.

В биографии Волгина сочетаются два основных начала – исследовательское и творческое. Они заметны и в образе его как ведущего «Игры в бисер». С одной стороны, перед нами интеллект, хорошо подготовленный к передаче: на столе перед ним всегда лежат книги с закладками, листы с выписанными цитатами. Он не только дает всем высказаться, способствует построению своеобразной «полифонии» мнений, но и всегда управляет беседой, обозначает ее начало и конец, двигает ее вперед, адресуя вопросы участникам, в конце концов озвучивает и свою точку зрения. С другой стороны, Волгин регулярно читает отрывки из текстов, в том числе наизусть, в том числе своего собственного сочинения, проявляя свое артистическое начало.

Волгин сопоставим с другими ведущими «Культуры» (М. Швыдким, А. Архангельским,

¹ «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20921/ (дата обращения: 30.04.2020).

² Игорь Волгин: официальный сайт. URL: <http://www.volgin.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

Н. Александровым) и негласно противостоит журналистам, которые работают в политических и развлекательных ток-шоу на других телеканалах и обобщенный типаж которых описал Бурдые [Бурдые 2002: 47–49]. В «Игре в бисер» нет места откровенному диктату ведущего, неравномерному распределению времени между говорящими, неуважения или принижения чужого мнения. Эта передача – пример корректной, интеллигентной дискуссии, одной из задач которой служит демонстрация самой возможности такой коммуникации.

Таким образом, Волгин предстает перед нами как крупный исследователь и поэт, интеллектуал и интеллигент, начавший свою творческую и научную деятельность в 1960-е годы, чрезвычайно значимые для литературоцентрической эпохи в истории отечественной культуры (примечательно, что одним из немногих «живых» классиков, приглашенных в студию, оказывается Е. Евтушенко, автор формулы «Поэт в России больше, чем поэт»). А «Игра в бисер» как своеобразное произведение, безусловно, уже стала фактом биографии ведущего, отражающим круг его интересов и чтения.

Многогранность Волгина, его богатая биография, его исследовательская, творческая и общественная активность позволили ему добиться участия в передаче большого количества специалистов, авторитетных в самых различных областях. Рассмотрим более внимательно «набор» экспертов, участвовавших в программе.

В связи с «закрытостью» «Игры в бисер» возникает вопрос, кто может в ней считаться «мудрецом», «интеллектуалом», а кто не был допущен в студию. Волгин в одном из интервью так отвечал на вопросы о принципах отбора: «Это люди науки, режиссеры, критики, культурологи. Но важно, чтобы в программе участвовали и действующие писатели, “шкурой” чувствующие природу слова. И желательно, чтобы появлялись новые молодые лица, новые имена. <...> Мы обращаемся к исследователям, предположим, Булгакова или Платонова: по их публикациям можно предугадать, кто какую позицию займет. <...> у канала могут быть свои предпочтения. При этом никого не навязывают и не запрещают. Могут только заметить, что то или иное лицо не вполне вписывается в сюжет или слишком часто появляется на экране» [Выжutowич 2013].

Высказывание Волгина, безусловно, свидетельствует о неслучайности отбора, об определенной работе, связанной с ним. Вместе с тем анализ состава «ордена интеллектуалов» приводит к интересным выводам.

Прежде всего отметим, что участники ток-шоу наделяются преимущественно краткими именованиями. Чаще всего это имя, фамилия и короткий статус – «филолог», «режиссер», «поэт» и т. д. Как правило, называются организация, которую представляет эксперт, его научная степень, должность или звание, что, несомненно, повышает авторитет «мудреца». Нельзя не заметить, что подавляющее большинство экспертов представляет Москву, изредка в ток-шоу участвуют гости из Санкт-Петербурга и совсем в единичных случаях – из других провинциальных городов. Практически отсутствуют зарубежные специалисты (в двух передачах принимал участие филолог Александр Жолковский, довольно давно живущий в США).

Краткое именование статуса экспертов зачастую не позволяет понять, почему именно они становятся членами «ордена интеллектуалов». Лишь время от времени ведущий поясняет связь эксперта с произведением («специалист в этой области», «автор книги о писателе», «постановщик спектакля по произведению», «знакомый поэт»). В основном же право на высказывание подтверждается качеством самого высказывания: довольно-таки быстро становится ясен уровень специалиста – говорит ли он только о своем восприятии текста или озвучивает нетривиальную трактовку, излагает малоизвестные факты, цитирует иноязычный текст в оригинале. Бывает, ведущий обращается к «мудрецу» для ответа на частный вопрос, ради которого, по сути, эксперт и был приглашен (например, к учителю относительно восприятия произведения в школе). Практически всегда участники так же, как и Волгин, демонстрируют свою подготовку к передаче: пользуются книгами, закладками, выписками, в ходе дискуссии специально подчеркивают факт того, что перечитали текст.

Если посмотреть на возраст интеллектуалов, то, несмотря на слова Волгина о поиске «новых лиц», предпочтение явно отдается «старшим» специалистам, умудренным опытом. Примечателен и гендерный состав экс-

пертов: мужчины составляют большинство участников, что отвечает феминистическим выводам о преобладании маскулинности в интеллектуальной телепродукции [Van Zoopen 1991: 40].

Лишь изредка можно услышать обращение экспертов друг к другу по имени и отчеству. Гораздо чаще в студии звучат имена и обращение на «ты», что говорит о формировании «ордена интеллектуалов» преимущественно из знакомых и друзей Волгина.

То, что ведущий (или телеканал) предпочитает видеть в студии определенный круг участников, доказывается наличием экспертов, которые регулярно приглашаются в студию. Среди таковых, например, Д. Бак (на данный момент 18 раз), В. Новиков (14 раз), С. Шаргунов (13 раз), Е. Рейн (13 раз), И. Есаулов (12 раз), Н. Иванова (10 раз), В. Пустовая (10 раз), О. Лекманов (10 раз).

Является ли это проблемой? Напомним, что Бурдые дискуссию между знакомыми и друзьями считал неправильной, поскольку она лишает зрителя возможности услышать действительно противоположные точки зрения. Он также писал, что на телевидение в основном приглашаются так называемые *fast-thinker's*, способные быстро высказываться, экономя эфирное время [Бурдые 2002: 44]. Очевидно, что в передаче Волгина принимают участие именно такие люди. С одной стороны, это закономерно, потому что их деятельность (преподавательская, исследовательская, творческая), как правило, требует хороших риторических навыков. С другой – можно предположить, сколько высококлассных специалистов не попадает в студию. В результате можно констатировать, что «Игра в бисер» не способна дать максимально полную информацию об обсуждаемом литературном произведении.

Вместе с тем вспомним, что автор передачи и не ставил перед собой такой цели. На первый план в программе выходят «поиски сокровенных смыслов культуры», для которых, несомненно, нужна определенная атмосфера в студии – доверия друг к другу. Как известно, многие интеллектуалы сложны в общении и даже находятся в противостоянии, представляя различные мировоззренческие парадигмы. Поэтому команде «Игры в бисер» приходится учитывать самые разные нюансы, чтобы до-

биться высокого уровня не только дискуссии, но и взаимоотношений в студии. И некоторым зрителям, хорошо знакомым с интеллигентским сообществом, многие приглашения или не-приглашения понятны.

Кроме того, рассмотрев периодичность появления тех или иных специалистов в передаче, необходимо признать, что, как правило, они становятся участниками шоу не чаще одного раза в год. Также Волгин не боится приглашать тех, кто имеет скандальную славу (например, Д. Быкова), или тех, кто подвергает сомнению высокий статус обсуждаемого текста или писателя вообще (например, такое случилось в выпуске о «Заповеднике» С. Д. Довлатова). Все-таки определенный накал страстей оказывается необходим даже для «серьезной литературной передачи», и он подогревается различными способами.

Природа телевизионного ток-шоу приветствует также участие в нем «звезд». И тогда указанные выше эксперты оцениваются именно с точки зрения их узнаваемости в публичном пространстве, вовлеченности в другие проекты как самого телеканала «Культура», так и других медиаплощадок (например, Д. Бак записал большое количество уроков по русской литературе на телеканале «Карусель»). Конечно же, все эти специалисты широко известны благодаря своей медийной деятельности, в том числе своим книгам, лекциям и т. д. А такие участники передачи, как Е. Евтушенко, Е. Рейн, А. Кушнер, Е. Водолазкин, В. Бортко, К. Богомолов, Д. Быков, М. Веллер априори являются «селебрити». Без сомнения, популярность «Игры в бисер» обусловлена не в последнюю очередь приглашением этих людей.

Вместе с тем поражает многочисленность и многообразие специалистов, ставших участниками передачи. Это представители науки (литературоведы, историки, театроведы, физики, философы), литературы (поэты, прозаики, драматурги, переводчики, критики), театра (режиссеры, актеры, критики), кино (режиссеры, сценаристы), журналистики (радиоведущие, редакторы), религии (священники), учреждений культуры (музейщики, библиотекари) и образования (учителя). Это представители ведущих вузов (МГУ, СПбГУ, ВШЭ, РГГУ, Литинститута и др.), научных институтов (ИМЛИ, ИРЛИ и др.), театров (театра Олега

Табакова, МТЮЗа, «У Никитских ворот» и др.), музеев (Литературного музея, музея А. С. Пушкина, ГМИИ им. А. С. Пушкина и др.), изданий («Театра», «Знамени», «Октября», «Литературной России», «Вопросов литературы», «Нового мира» и др.). С одной стороны, эта особенность «Игры в бисер» не может не привлечь к передаче чрезвычайно разнообразную аудиторию. С другой – программа фиксирует очень значительный сегмент интеллектуальной жизни современной России, вносит существенный вклад в историко-культурную память страны, запечатлевая облик и суждения большей части отечественной гуманитарной интеллигенции.

Правда, здесь необходимо снова вспомнить об анализе телевизионной продукции в книге Бурдые, конкретнее – о временных ограничениях, накладываемых программами и их ведущими на выступающих [Бурдые 2002: 49]. Очевидно, что эксперты «Игры в бисер» не имеют возможности в течение 40-минутного выпуска высказать свои идеи полностью, привести достаточную аргументацию для своих тезисов, развить возникающую дискуссию. Зачастую возникает ощущение, что точки зрения, версии, интерпретации «повисают в воздухе», а настоящие споры разгораются достаточно редко. Следовательно, природа телевидения не позволяет экспертам продемонстрировать весь объем своих знаний. Однако заинтересованный зритель во время передачи способен получить толчок к тому, чтобы после обратиться к соответствующему классическому произведению, к соответствующим научным и творческим работам, реализовав тем самым основную функцию программы.

Рассмотрим теперь устоявшуюся структуру «Игры в бисер». Любой ее выпуск начинается с заставки: показываются переплетенные белые и черные объемные фигуры, в ограниченное пространство падают разноцветные шары, они движутся по лабиринту, сталкиваясь друг с другом, опережая друг друга, пока на их фоне не появляется название передачи. Параллельно звучит напряженная музыкальная тема, в которой преобладают струнные инструменты. Заставку можно назвать минималистичной и символичной: она вполне прозрачно обыгрывает название передачи и настраивает зрителя на серьезный лад.

Далее камера снимает сверху открытую книгу, читаемую Волгиным вслух (первые строки прозаического текста или одно лирическое стихотворение), делает поворот на 180 градусов и оказывается перед ведущим. В этот момент свет, который вначале выхватывал только книгу, освещает стол и участников дискуссии.

Стол, переключаясь с заставкой, тоже несет в себе следы символики названия: под верхней зеркальной плоскостью виден белый лабиринт, в который помещено несколько разноцветных шаров. Конечно, примечательна и круглая форма стола, уравнивающая статус беседующих.

Затем Волгин называет текст, из которого был озвучен отрывок, и представляет четверых «мудрецов». Они именуются ведущим «интеллектуальным составом», иногда добавляется слово «сильный», что лишний раз легитимизирует право экспертов на высказывание. Далее Волгин коротко рассказывает об обсуждаемом тексте: или об истории его создания, или о рецепции, или о сюжете.

Основная часть передачи состоит из вопросов гостям и их ответов. По некоторым словам в программе можно судить, что съемкам предшествует обсуждение хода беседы, во всяком случае очередности высказываний. Как уже говорилось ранее, экспертам почти не предоставляется возможность озвучить длинные рассуждения: «мудрецы» должны быстро формулировать свою точку зрения. Периодически ответы на вопрос завершаются с помощью монтажа, переход к новым микротемам не всегда логичен и вполне соотносим с известной в медиаисследованиях фразой «А теперь о другом...» [Постман 1999: 164–165].

Нельзя не обратить внимание на специфичность вопросов, задаваемых ведущим. На них практически никогда нельзя дать однозначного ответа, они нередко опираются на цитаты из обсуждаемого произведения, текстов других писателей и в рамках отведенного времени позволяют гостям продемонстрировать свою интеллектуальность. Примечательно, что точные ссылки на источники могут быть необязательными: участники дискуссии нередко используют формулировки «Есть мнение», «Некоторые исследователи считают», что в условиях телепередачи экономит время и не кажется неприемлемым (в отличие от настоящей научной полемики).

В целом в «Игре в бисер» преобладает «традиционный» подход к разбору художественного текста: характеристика историко-культурного и историко-литературного контекста, интерпретация тем, сюжетных ходов, анализ истории создания, текстологических вариантов, персонажей, способов повествования, пространства и времени, языка и стиля, экранизаций и инсценировок и т. д. При этом в передаче почти не используется научная терминология, непривычная для потенциального зрителя телеканала. Ему нет необходимости знать, что «поиски сокровенных смыслов культуры» методологически соотносятся с герменевтическим подходом, семантическим анализом, «реконструкцией идей», текстологией, установление интертекстуальных связей – с компаративным, историко-культурным и историко-литературным подходами. Другими словами, «серьезная литературная передача» не лишена установки на простоту, характерной для массовой продукции.

В финале «Игры в бисер» Волгин задает последний вопрос, адресованный всем экспертам, как правило, связанный с современным восприятием произведения («Возможен ли сегодня такой герой?», «Нужно ли читать сегодня это произведение?», «Насколько справедливы те или иные мнения о писателе?»).

Заканчивается выпуск тем, что ведущий читает последние строки обсуждаемого текста (под несколько сигнальных нот основной музыкальной темы), подводит краткий итог и призывает: «Читайте и перечитывайте классику!» Затем идут финальные титры.

Как видим, в структуре «Игры в бисер» используются различные способы поддержания зрительского внимания. Во-первых, это смена деятельности участников – от чтения вслух до монологов и диалогов. Во-вторых, работа с камерой, в частности ее круговое движение в начале передачи. В-третьих, монтаж: переходы между планами (общий – крупный, говорящий – слушающий – книга в руках), исключение «длиннот», пауз, ускорение смены «микротем». Все эти телевизионные приемы приводят к тому, что передача становится более динамичной [Воронова 2019: 114]. Правда, Волгин признавал, что он не участвует в мон-

таже программы и «поэтому иногда случаются досадные смещения акцентов, выпадение значимых <...> тем» [Выжурович 2013]. В связи с этим нельзя не задуматься о вопросе авторства телевизионной продукции.

Таким образом, в «Игре в бисер» достаточно много инвариантных элементов. Это и одинаковая структура передачи, и «традиционный» подход к произведению, и повторное участие экспертов в программе. Если смотреть выпуск, посвященные разным сочинениям одного и того же автора, то становятся видны повторы обсуждаемых вопросов и озвучиваемых концепций. Чтобы не вызвать ощущение однообразия у зрителя, авторы каждую неделю сильно меняют тему передачи, свободно переключая не просто от одного писателя к другому, но от одной эпохи к другой, от одной страны к другой. Дополнительными факторами вариативности становятся мастерство ведущего, подбирающего вопросы, ротация участников, а главное – многообразие самой литературы.

Многообразие рассматриваемой литературы, несомненно, является еще одним важным достижением «Игры в бисер». В 247 выпусках обсуждаются более 247 произведений (с учетом сборников поэзии и прозы). Это тексты и отечественной, и зарубежной, и детской классики, и входящие в школьную программу, и находящиеся за ее рамками, и даже написанные несколькими современными авторами (Е. Евтушенко, А. Кушнера, Е. Водолазкина). Конечно, возникает вопрос, что Волгин считает классикой. В некоторых спорных моментах (например, относительно «Приглашения на казнь» В. В. Набокова) ведущий говорит, что принадлежность данного произведения к классике – это «его мнение». В передаче о «Компромиссе» С. Д. Довлатова Волгин дает интересное определение: «Классика – это те писатели, без чьего присутствия, морального, литературного, литература непредставима, которые занимают какое-то место в традиции, без которых народ не полон»¹.

В выборе тем у автора «Игры в бисер» тоже есть свои предпочтения. Как специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, он посвятил большое количество выпусков произведениям этого автора (11 выпусков). Среди других «лю-

¹ «Игра в бисер» с Игорем Волгиным. «Компромисс» Сергея Довлатова // YouTube. Телеканал «Культура». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9oJtONjzxU> (дата обращения: 30.04.2020).

бимых» классиков ведущего – А. С. Пушкин (9), Н. В. Гоголь (8), А. П. Чехов (7), Л. Н. Толстой (6), М. А. Булгаков (6), У. Шекспир (5). И если одни писатели неоднократно были в центре внимания в передаче, то произведения других (например, Ф. Петрарки или Л. Н. Андреева) так и не стали пока предметом обсуждения.

Нам показалось продуктивным составить своеобразный рейтинг выпусков «Игры в бисер», основываясь на количестве читательских просмотров на портале телеканала «Культура» и на YouTube (в сумме). В большинстве своем передача набирала 3–5 тысяч просмотров. Для сравнения отметим, что другие проекты телеканала «Культура», схожие по формату («Вслух», «Экология литературы», «Агора», «Культурная революция»), имеют в среднем 1–2 тысячи просмотров.

Самое большое количество обращений наблюдается по отношению к выпуску, посвященному «Бесам» Ф. М. Достоевского (свыше 36 тысяч). Также в первую четверку, достигшую более 30 тысяч просмотров, вошли передачи о «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова (более 35 тысяч), «Братьях Карамазовых» (более 33 тысяч) и «Идиоте» (более 32 тысяч) Ф. М. Достоевского. Более 20 тысяч обращений набрали выпуски, посвященные «Игре в бисер» Г. Гессе (более 29 тысяч), «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (более 28 тысяч), «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера (более 24 тысяч), «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского (более 24 тысяч), роману «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса (более 22 тысяч).

На наш взгляд, если популярность одних выпусков можно объяснить включением соответствующих произведений в школьную программу, то другие, по всей видимости, достигли своего уровня благодаря действительно интересу среди зрителей.

Рейтинг просмотров косвенно свидетельствует о рецепции «Игры в бисер». Есть и другие показатели, говорящие о ее восприятии аудиторией. Прежде всего это длительность существования программы, по всей видимости, обусловленная ее качеством и популярностью (хотя, возможно, сыграли свою роль и другие, невидимые зрителю и исследователю факторы). Об общественном и государственном признании «Игры в бисер» свидетельствует вручение ей Национальной телевизионной пре-

мии ТЭФИ в номинации «Дневное ток-шоу» в 2016 году, а также финансовая поддержка со стороны Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, прописанная в начальных титрах некоторых выпусков.

Сам Волгин через полтора года после премьеры говорил следующее о полученной им обратной связи: «Мне трудно судить, но количество откликов воодушевляет. Я думал, что в силу прогрессирующего духовного одичания программа останется достоянием немногих. Но вот вышло уже более пятидесяти передач – и интерес только растет. „Игру в бисер“ смотрят в самых далеких уголках страны. И аудитория – не только учителя, библиотекари, врачи, студенты, ученые... Народ устал от „мыльных опер“. И вообще народ гораздо умнее, чем предполагают иные» [Выжутович 2013]. Это высказывание автора передачи интересно с точки зрения его взглядов и на потенциальную аудиторию, и на современную культурную ситуацию в целом. «Игра в бисер» изначально позиционировалась для «немногих», создавалась в условиях «прогрессирующего духовного одичания» и неожиданно «вскрыла» тот факт, что «народ гораздо умнее». В связи с этими словами программу можно воспринимать как отголосок «миссионерства» русской интеллигенции с ее алармизмом относительно кризиса цивилизации и обобщенным пониманием народа.

Как относится сам «народ» к «Игре в бисер», можно увидеть на YouTube и «ВКонтакте». Так, например, на самый популярный выпуск о «Бесах» Ф. М. Достоевского пользователи откликнулись в 54 комментариях. В основном это отклики, в основе которых лежат эмоции, а не аналитика. Из положительных отзывов процитируем такие: «Очень интересные люди собрались в студии. Спасибо за возможность слушать знатоков русской литературы», «Интересная тема, интересная дискуссия, замечательный ведущий! Спасибо». Из отрицательных: «А у меня создалось впечатление, что ни один из гостей так и не раскрыл суть „бесов“, которую подразумевал Достоевский...», «Иногда интересные мысли, постоянно перебивают», «Что за название программы? Подразумевается, что участники мечут бисер перед зрителями-свиньями?» Все же в комментариях встречается несколько откликов, представ-

ляющих собой размышления пользователя по поводу увиденного и прочитанного, например: «Дорогие, Достоевский православный человек и мыслитель. Он видит реальность России и людей своего времени с позиции верующего православного человека. Потому подходит к пониманию его героев, персонажей нужно с точки зрения православной антропологии, православной аскетики...»¹.

В целом комментарии на YouTube и «ВКонтакте» отражают природу уже не телевидения, а Интернета. Свободная обратная связь здесь не приводит к корректному обсуждению даже интеллектуальной медиапродукции. Зачастую анонимные пользователи, как правило, предпочитают давать короткие комментарии, эмоциональные, максималистские, неаргументированные, время от времени оскорбительные, с просторечными и бранными словами. Конечно, в этом контексте возникает вопрос, можно ли считать подобный материал показательным отражением зрительской рецепции. На наш взгляд, лишь с оговорками.

Выводы

В заключение исследования подведем его итоги.

1. «Игра в бисер» – продукт переходного периода, когда наблюдается кризис литературоцентристской эпохи (старых медиа) и утверждается медиациентризм (новые медиа). Поэтому передача, с одной стороны, преследует литературоцентристские цели (стремится сохранить высокий статус литературы), с другой – использует для их достижения медиациентристские средства (телевизионные и сетевые). Это сочетание призвано усилить просветительский эффект программы.

2. «Игра в бисер», возникнув в первую очередь как телевизионный продукт, сегодня размещается на четырех различных медиаплатформах (телевидение, Интернет) и может считаться трансмедиа проектом. Каждая медиaplatforma как источник имеет свои особенности (преимущества и недостатки, возможности и ограничения), отражающиеся на коммуникативных практиках, связанных с передачей.

3. С жанровой точки зрения «Игра в бисер» определяется как телевизионное ток-шоу

и представляет собой разговоры о классических литературных произведениях. В соответствии с указанным жанром передача относится к массовой продукции с ее принципами простоты, схематичности, технологичности, тиражируемости. Вместе с тем принадлежность «Игры в бисер» к каналу «Культура», задачи программы, состав участников, предмет и специфика обсуждения отражают высокий интеллектуальный уровень передачи, демонстрируют пример корректной дискуссии, тем самым сужая круг потенциальной аудитории.

4. «Игра в бисер» – в известной степени «произведение» Игоря Волгина, факт его биографии, отражающий круг его интересов и чтения. Создание и успех передачи во многом обусловлены фигурой ее ведущего, разноплановостью его личности, его организаторскими, исследовательскими и творческими достижениями и способностями.

5. В «Игре в бисер» (как и в романе Г. Гессе) сформировался своеобразный «орден интеллектуалов», элитарный клуб «мудрецов». Несмотря на относительную закрытость этого ордена, он демонстрирует определенный аудиовизуальный срез российской гуманитарной интеллигенции (представителей различных видов искусства и сфер деятельности) последнего десятилетия.

6. С содержательной точки зрения «Игра в бисер» представляет собой собрание интерпретаций различных классических произведений (отечественных, зарубежных, программных, детских), которое вписывается в «традиционную» (главным образом герменевтическую) исследовательскую традицию. Современные трактовки обсуждаемого произведения в передаче опираются на компаративистские, историко-культурные и историко-литературные знания, на анализ различных уровней текста.

7. С формальной точки зрения «Игра в бисер», несмотря на незавершенность проекта, обладает устоявшейся структурой (инвариантной сценарной схемой, бессменным ведущим, нередко повторяющимся составом участников, «традиционным» подходом к разбору обсуждаемого текста, установкой на популяризацию классики, однотипными монтажными прие-

¹ «Игра в бисер» с Игорем Волгиным. «Бесы» Ф. М. Достоевского // YouTube. Телеканал «Культура». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=93bWwAbWdHE&t=15s> (дата обращения: 30.04.2020).

мами). Вместе с тем в передаче есть факторы вариативности, обеспечивающие разнообразие выпусков (ротация экспертов, авторов произведений, оригинальность вопросов и интерпретаций).

8. В «Игре в бисер» используются различные телевизионные средства, позволяющие сделать передачу более зрелищной и динамичной, в том числе заставка, оригинальная музыкальная тема,двигающаяся камера, монтажные приемы (смена планов, исключение фрагментов, замедляющих темп дискуссии).

9. О рецепции «Игры в бисер» можно судить по тому, что передача была награждена Национальной телевизионной премией ТЭФИ (2016 г.), а также по количеству ее просмотров в Интернете и комментариям в социальных сетях.

Таким образом, «Игра в бисер», – несомненно, интереснейший феномен российской культуры последнего десятилетия, изучение которого помогает этому явлению сохраниться в историко-культурной памяти и проливает свет на многие процессы, происходящие в современном обществе и в медиа.

Литература

- Mediascope: Более 70% россиян смотрят телевизор каждый день. – Текст : электронный // Телеспутник. – 31.05.2018. – URL: <https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/news/mediascope-bolee-70-rossiyan-smotryat-televizor-kazhdyy-den/> (дата обращения: 30.04.2020).
- Болецкая, К. Интернет догоняет телевизор по охвату аудитории / К. Болецкая // Ведомости. – 28.05.2019. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/29/802699-internet-dogonyayet> (дата обращения: 30.04.2020). – Текст : электронный.
- Больш, Н. Азбука медиа / Н. Больш. – М. : Европа, 2011. – 136 с.
- Бурдые, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые. – М. : Прагматика культуры, 2002. – 160 с.
- Воронова, Т. А. Монтаж как средство художественной выразительности в телепроизводстве / Т. А. Воронова, В. В. Богатырев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2019. – № 2 (33). – С. 112–116.
- Выжutowич, В. Игорь Волгин: Мат в литературе стал признаком хорошего тона / В. Выжutowич. – Текст : электронный // Российская газета. – 22.05.2013. – № 107 (6083). – URL: <https://rg.ru/2013/05/22/volgin.html> (дата обращения: 30.04.2020).
- Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
- Кондаков, И. В. «Зритель»: новый субъект современной культуры / И. В. Кондаков // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 3, № 5. – С. 516–525.
- Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 28–35.
- Названа доля живущих без телевидения россиян. – Текст : электронный // LENTA.RU. – 15.01.2019. – URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/without_tv/ (дата обращения: 30.04.2020).
- Постман, Н. «А теперь... о другом...» / Н. Постман // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М. : УРСС, 1999. – С. 161–169.
- Уланова, Е. Э. Ток-шоу: характеристики, компоненты, особенности / Е. Э. Уланова // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2016. – С. 246–253.
- Черных, А. Мир современных медиа / А. Черных. – М. : Территория будущего, 2007. – 307 с.
- Gambarato, R. R. Transmedia storytelling panorama in the Russian media landscape / R. R. Gambarato, E. Lapina-Kratasiuk // Russian Journal of Communication. – 2016. – Vol. 8, No. 1. – P. 1–16.
- Van Zoonen, L. Feminist Perspectives in the Media / L. Van Zoonen // Mass Media and Society. – London : Arnold, 1991. – P. 31–52.

References

- Mediascope: Bolee 70% rossiiyan smotryat televizor kazhdy den' [More than 70% of Russians Watch TV Every Day]. (2018). In *Telesputnik*. URL: <https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/news/mediascope-bolee-70-rossiyan-smotryat-televizor-kazhdyy-den/> (mode of access: 30.04.2020).
- Boletskaia, K. (2019). Internet dogonyayet televizor po okhvatu auditorii [Internet Catches Up with TV in Terms of Audience Reach]. In *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/29/802699-internet-dogonyayet> (mode of access: 30.04.2020).
- Bolz, N. (2011). *Azбуka media* [ABC media]. Moscow, Europa. 136 p.
- Bourdieu, P. (2002). *O televidenii i zhurnalistike* [On Television and Journalism]. Moscow, Pragmatika kul'tury. 160 p.
- Voronova, T. A., Bogatyrev V. V. (2019). Montazh kak sredstvo khudozhestvennoi vyrazitel'nosti v teleproizvodstve [Montage as a Means of Artistic Expression in Television Production]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. No. 2 (33), pp. 112–116.
- Vyzhutovich, V. (2013). Igor' Volgin: Mat v literature stal priznakom khoroshego тона [Igor Volgin: Filthy Language in Literature Has Become a Sign of Good Taste]. In *Rossiiskaya gazeta*. No. 107 (6083). URL: <https://rg.ru/2013/05/22/volgin.html> (mode of access: 30.04.2020).
- Kastells, M. (2004). *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya. 328 p.

Kondakov, I. V. (2016). «Zrichitel'»: novyi sub"ekt sovremennoi kul'tury ["Zrichitel'": A New Subject of Modern Culture]. In *Observatoriya kul'tury*. Vol. 3. No. 5, pp. 516–525.

Kostina, A. V. (2006). Massovaya kul'tura: aspekty ponimaniya [Mass Culture: Aspects of Understanding]. In *Znanie. Poniimanie. Umenie*. No. 1, pp. 28–35.

Nazvana dolya zhivushchikh bez televideniya rossiyan [Named the Proportion of Russians Living without Television]. (2019). In *LENТА.RU*. URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/without_tv/ (mode of access: 30.04.2020).

Postman, N. (1999). «A teper'... o drugom...» ["And Now... about Something Else..."]. In Nazarov M. M. *Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniya*. Moscow, pp. 161–169.

Ulanova, E. E. (2016). Tok-shou: kharakteristiki, komponenty, osobennosti [Talk Show: Characteristics, Components, Features]. In *Mezhdistsiplinarnye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*. Krasnodar, Prosveshchenie-Yug, pp. 246–253.

Chernykh, A. (2007). *Mir sovremennykh media* [World of Modern Media]. Moscow, Territoriya budushchego. 307 p.

Gambarato, R. R., Lapina-Kratasiuk, E. (2016). Transmedia Storytelling Panorama in the Russian Media Landscape. In *Russian Journal of Communication*. Vol. 8. No. 1, pp. 1–16.

Van Zoonen, L. (1991). Feminist Perspectives in the Media. In *Mass Media and Society*. London, Arnold, pp. 31–52.

Данные об авторе

Красильников Роман Леонидович – доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь (Москва, Россия).

Адрес: 125502, Россия, Москва, ул. Лавочкина, 48.

E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com.

Author's information

Krasilnikov Roman Leonidovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Independent Researcher (Moscow, Russia)

Дата поступления: 08.05.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 08.05.2022; date of publication: 31.10.2022

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1'374:821.161.1-31(Белов В. И.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-16.
ББК Ш141.12-4+Ш33(2Рос-Рус)6-8,444. ГРНТИ 17.07.21. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ:

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА БЕЛОВА

(Рецензия на книгу: Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова: монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.: ил.)

Игошева Т. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Халикова Н. В.

Московский государственный областной университет (Мытищи, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4415-8179>

А н н о т а ц и я . В обзорно-критической статье представлен анализ коллективной монографии, посвященной повести В. И. Белова «Привычное дело». Это издание справочно-энциклопедического типа, охватывающее широкий круг литературоведческих, лингвистических, историко-культурных и философских понятий и идей, отраженных на страницах вершинного произведения вологодского писателя. В рецензируемой книге впервые дается комплексная оценка филологической содержательности, персонального ряда, регионализмов и других сопутствующих фактов художественного полотна, приводится библиография изучения «Привычного дела» в истории науки. Критико-аналитическая часть рецензии характеризует особенности состава словника, указывает на очевидные ошибки и погрешности в толковании номинаций, отмечает недостатки поискового аппарата, уточняет и дополняет авторские формулировки, рассматривает и обсуждает конкретные факты книги с целью улучшения структуры и содержательной части издания для дальнейшего использования опыта создания энциклопедии одного произведения в научной и учебно-педагогической теории и практике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : авторская лексикография; региональная культура; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; повести; литературные герои; филологическая терминология; языковая картина мира; рецензии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Игошева, Т. В. Энциклопедия жизни русской деревни: к 90-летию со дня рождения Василия Ивановича Белова (Рецензия на книгу: Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова: мо-

нография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.: ил.) / Т. В. Игошева, О. В. Никитин, Н. В. Халикова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 183–193. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-16.

ENCYCLOPEDIA OF THE LIFE OF THE RUSSIAN VILLAGE:

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VASILII IVANOVICH BELOV

(Review of the book: Encyclopedia of “Privychnoe delo” [“The Usual Thing”] by V. I. Belov: monograph / S. Yu. Baranov, L. A. Berseneva, T. N. Voronina, S. Kh. Golovkina, S. N. Patapenko, Yu. V. Rozanov, A.V. Fedorova; editor and author of the introductory article S. Yu. Baranov. Vologda: Polygraph-Periodicals, 2021. 655 p.: ill.)

Tatyana V. Igosheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Natalia V. Khalikova

Moscow Region State University (Mytishchi, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4415-8179>

Abstract. This overview critical article presents an analysis of the collective monograph devoted to the novel by V. I. Belov “Privychnoe delo” [“The Usual Thing”]. It is a reference book and an encyclopedia covering a wide range of literary, linguistic, historical, cultural and philosophical concepts and ideas reflected on the pages of the top work of the Vologda writer. For the first time, the book under review provides a comprehensive assessment of the philological content, personal range, regionalisms and other related facts of the artistic canvas. It includes a bibliography of the novel and summarizes the history of the study of this work in literary criticism. The critical and analytical part of the review characterizes the typical features of the dictionary, points out obvious mistakes and errors in the interpretation of the nominations, notes the shortcomings of the search engine, clarifies and supplements the author’s formulations, examines and discusses the specific facts of the book in order to improve the structure and content of the publication for further use of the experience of creating an encyclopedia of one work in scholarly and educational theory and practice.

Keywords: authored lexicography; regional culture; Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres of novella; literary characters; philological terms; linguistic worldview; reviews

For citation: Igosheva, T. V., Nikitin, O. V., Khalikova, N. V. (2022). Encyclopedia of the Life of the Russian Village: To the 90th Anniversary of the Birth of Vasiliï Ivanovich Belov (Review of the book: Encyclopedia of “Privychnoe delo” [“The Usual Thing”] by V. I. Belov: monograph / S. Yu. Baranov, L. A. Berseneva, T. N. Voronina, S. Kh. Golovkina, S. N. Patapenko, Yu. V. Rozanov, A.V. Fedorova; editor and author of the introductory article S. Yu. Baranov. Vologda: Polygraph-Periodicals, 2021. 655 p.: ill.). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 183–193. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-16.

Оценивая повесть В. И. Белова «Привычное дело», известный литературовед и критик И. Золотусский писал, что она «стала песней о прародине русского языка, русского крестьянского быта, русского вероисповедания и отношения к жизни и смерти. Это была

и песнь песней терпения, выживания, сопротивления доброй души нажиму, всесилию и торжеству зла... Выход „Привычного дела“ стал общенациональным событием» [Золотусский 2002: 7]. И действительно, эпоха 1960-х годов привнесла в нашу литературу много исто-

рически и культурно значимых произведений и имен: Даниил Гранин, Николай Рубцов, Василий Шукшин. Пришедшие «шестидесятники» начали раскрывать неудобные темы о войне, от пафоса победы и торжества социализма сосредоточились на истоках национальной культуры, на понимании трагедии русского народа в XX веке. Они писали о тех обычных людях из глубинки, в судьбах которых отразилось противоречивое время надежд и свершений. Повесть В. И. Белова как раз оказалась в центре дискуссий, «вздыбила» общественное сознание, разорвала цепь художественной романтики колхозной жизни, изнутри, из самой глубины Вологодского края показала «тепло добра», христианский мир простого русского человека, его боли и скорби, неистребимую силу и любовь. Это было художественное откровение для целого поколения читателей и остается таким до сих пор.

Энциклопедия, посвященная одному произведению, – жанр все еще достаточно новый в современной лексикографии. Она суммирует многолетний опыт изучения и комментирования ключевой повести писателя-деревенщика и показывает его место в литературной традиции России. Вместе с тем это исследование и о социально-исторической жизни послевоенного поколения. Художественно обработанные В. И. Беловым факты и документы вросли в канву «Привычного дела» голосами и поступками его героев, конфликтами и внутренними борениями, психофизиологией духа. Оттого нынешним ученым приходится особенно внимательно вникать в поток имен, событий и ситуаций минувших лет, в особенности их художественного воплощения. Аккумуляторами современного исследовательского знания о творчестве писателя в целом и повести «Привычное дело» в частности являются, прежде всего, «Беловские чтения», проходящие в Вологде с 2014 г., а также «Беловские сборники», публикуемые с 2016 г. по настоящее время (см. подробнее библиографию: [Энциклопедия... 2021: 622–641]). Кроме того, изданию книги предшествовала коллективная монография «Повесть В. И. Белова „Привычное дело“ как вологодский текст» [Баранов 2016]. Как мы видим, внимание к творчеству В. И. Белова не ослабевает и в настоящее время. На родине писателя в октябре 2022 г. готовятся юбилейные

мероприятия к 90-летней годовщине со дня его рождения. Обширен научный багаж аналитических трудов и откликов о произведениях этого оригинального художника слова (см.: [Энциклопедия... 2021: 622–641]). Благодаря ему и той когорте писателей его поколения так называемая «деревенская проза» стала большим направлением в отечественной литературе XX века, историческим эпосом русской жизни.

Рецензируемая книга «Энциклопедия „Привычного дела“ В. И. Белова» (далее – «Энциклопедия») подготовлена коллективом преподавателей-литературоведов Вологодского государственного университета (Л. А. Берсенева, Т. Н. Ворониной, С. Х. Головкиной, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розановым, А. В. Федоровой) под руководством тонкого, внимательного к художественной символике текста, обаятельного филолога С. Ю. Баранова, уже издавшего «Собрание сочинений» В. И. Белова в семи томах в 2011–2012 гг. (см. библиографию писателя и отдельные издания «Привычного дела»: [Там же: 621]) и немало содействующего тому, чтобы имя талантливого земляка продолжало жить не в формальных красках монографий и диссертаций, а во всем пространстве национальной картины мира – в духовном, историческом, этнографическом, философском, языковом, педагогическом смыслах. Этот замысел системного описания творчества писателя на примере энциклопедического разбора одного из произведений, включенность мира В. И. Белова в мировоззренческие установки времени, способность автора повести, а за ним и его интерпретаторов заглянуть за обе стороны жизни – официально-бытовую и духовную (повесть 1960-х годов об истории крестьянской семьи превратилась в художественную допронзительности летопись нескольких поколений советских людей), позволили ученым создать своего рода круг чтения, филологический компендиум, во многом выходящий за рамки беловской проблематики. Здесь мы можем прочесть не только обо всех персонажах повести, ознакомиться с толкованием и функциями этнографизмов, обрядовых явлений, собственных имен и апеллятивов, встречающихся в тексте, но и увидеть профессиональный разбор художественных особенностей произведения – его стиля и языка, критики и переводов, организации системы образов, времени и про-

странства сюжетного действия. С. Ю. Баранов и его коллеги во многих статьях раскрывают связи «Привычного дела», отдельных сюжетных линий и мотивов книги с историко-литературоведческой и народной традицией (см. статьи «Лад», «Маленький человек», «Матренин двор», «Новый мир», «Покров», «Петров день», «Север», «Течет речка», «Теркин» и др.), писателями, издателями и критиками В. И. Белова (Ф. А. Абрамовым, В. П. Астафьевым, Д. Я. Гусаровым, И. А. Дедковым, Е. Я. Дорошем, И. П. Золотусским, Ф. Ф. Кузнецовым, Е. И. Носовым, В. В. Петелиным, Ю. И. Селезевым, А. Я. Яшиным), подробно рассказывают об экранизации повести (с. 590–602). Последняя статья особенно интересна в свете культурно-исторических традиций отечественного кинематографа, выполнявшего большую просветительскую функцию. Значительное место в словнике занимают реалии советского быта («Армянское радио», «Барак», «Беломор», «Госстрах», «Колхоз», «Коммуна», «Кукуруза», «Недоимки», «Сельпо», «Справка по десятой форме», «Трактор ДТ-54» и мн. др.). Авторы особенно внимательны к описанию концептов художественного местодействия, обозначенных заголовочными словами «Война», «Город», «Детство», «Дом», «Жизнь», «Лес», «Родство», «Свое – чужое», «Семья», «Сон», «Смерть», «Сталин», «Стыд». Подобные статьи написаны глубоко и проникновенно и составляют особую научную ценность монографии. Стоит согласиться с известным исследователем авторской лексикографии Л. Л. Шестаковой, что такие книги «аккумулируют в себе различные „типы знаний“» [Шестакова 2011: 4]. Этим они, безусловно, привлекают внимание профессиональной читательской аудитории.

Во введении (с. 3–11) авторы проводят сопоставительный анализ своего труда с другими литературными энциклопедиями и книгами-комментариями ключевых для русской культуры произведений и находят ему место в ряду похожих изданий, причем прежде всего подчеркивается его педагогическая и просветительская цель: «Предшественниками энциклопедии одного произведения могут считаться книги-комментарии, ориентированные на школьную программу, выпускавшиеся обычно как пособия для учителей литературы, но на самом деле имевшие более широкую чита-

тельскую аудиторию» (с. 3). Вслед за просветительской направленностью авторы указывают и научный, внутренний смысл книги-комментария. Как и любая антология концептов, «Энциклопедия» позволяет увидеть конкретный фрагмент русской национальной языковой картины мира – русское крестьянство.

Когда объектом наблюдения является весь текст, все его важнейшие категории, то, помимо литературоведческого анализа, придется привлечь методологические приемы языковедческого, лингвокультурологического, социолингвистического и концептуального анализа, суммы самых разных контекстов материальной и духовной культуры. В рецензируемом издании это сделано авторами с большой филологической культурой. Отметим, в частности, включенность каждого внутритекстового феномена в речь и внутренний мир конкретного персонажа, текст произведения показан как уровень эталонной русской крестьянской речи и сознания. И. Р. Гальперин предупредил, что «исследователю любого крупного объекта, каким, к примеру, является текст, угрожает две опасности: с одной стороны, атомизация фактов объекта... (это может привести к тому, что исследователь за деревьями леса не увидит) и, с другой – глобализация объекта – недооценка изучения отдельных явлений в их сущностных характеристиках и функциях (масштабность обычно затемняет детали...)» [Гальперин 2008: 8]. В нашем случае авторам энциклопедии удалось избежать этих крайностей: каждый микрообраз, деталь, например *пестерь* – «заплетная сумка на лямках, с крышкой, из бересты», соотнесены с более сложными образами привычек, традиций и включаются в социокультурный, гендерный контекст, восходя, в конце концов, к одному из рассматриваемых в «Энциклопедии» концептов (*Дом, Семья, Жизнь* и т. п.): «Встречались искусно выделанные П. в форме конвертов красивого плетения с тисненым узором по бересте. <...> П. обычно хранились не в жилых избах, а в хозяйственных помещениях, поэтому в ПД Куров в юности „каждый день на гумно ходил вокруг пестеря плясать“, желая выработать навыки, необходимые молодому парню для участия в деревенских гуляниях» (с. 388).

Работа над любой энциклопедией начинается со словника. В уже изданных книгах та-

кого жанра, посвященных одному произведению (например, «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“» в пяти томах (1995) или «Онегинская энциклопедия» в двух томах (1999, 2004)), принципы составления словника различны. В первой он имеет научно-академический характер и представляет все аспекты энциклопедического описания древнерусского произведения: сюжетно-композиционное устройство, языковые, стилиевые особенности, историю изучения памятника и многое другое. При этом составители отказались от задачи комментирования памятника пословно. В основу «Онегинской энциклопедии» положен иной подход – принцип лексического состава «романа в стихах» А. С. Пушкина. И от глоссария его отличает включение в список словника образов и мотивов «Евгения Онегина». Литературоведческие понятия при этом в заголовочные статьи не вошли, что специально оговорено составителями в предисловии к этому изданию.

Если взглянуть на новую «Энциклопедию», посвященную повести В. И. Белова, то складывается впечатление, что его составители сделали попытку контаминировать различные подходы при составлении своего словника. С одной стороны, здесь комментируются реалии социально-исторического, культурного, бытового, этнографического характера. С другой – предпринята попытка подвести итог изучения художественных особенностей «Привычного дела». Кроме того, мы обнаруживаем информацию, связанную с отражением повести в критике 1960–1970-х гг., а также включение в словник отдельных образов и мотивов произведения.

Однако выдвинутые составителями принципы выдержаны не до конца. Например, в «Энциклопедии» есть статьи «Каменка» и «Предбанник», но при этом отсутствует «Баня» (хотя, как известно, именно в бане разворачивается один из важных эпизодов повести, в котором Иван Африканович и Мишка поневоле ночуют в сосновской бане после неудачного сватовства Нюшки). В тексте повести упоминаются и *колыбель*, и *люлька*, а в словнике присутствует только «Люлька». И такое предпочтение составителей осталось неясным. В справочнике находим понятие «Стыд» (с. 526), но отсутствуют другие концепты, связанные с чувствами персонажей (на-

пример, такие, как *восхищение*, *умиление*, *веселье*, *гнев*, *тревога*, *смущение*, *сочувствие* и т. п.). Совершенно закономерно и оправдано наличие в словнике литературоведческих понятий «Анекдот», «Время действия», «Комическое», «Сатира», «Трагическое» и др., связанных с изучением художественных особенностей повести В. И. Белова, но при этом бросается в глаза отсутствие таких, например, понятий, как «Сюжет», «Композиция», «История текста», «Текстология», «Источники текста», «Жанр», «Время создания» и т. п., что, к сожалению, обедняет литературоведческую сторону изучения произведения. Хотя частично эти характеристики фигурируют в других статьях («Север», «Яшин Александр Яковлевич» и т. д.) и иногда пересекаются в цитировании одних и тех же фрагментов. Однако полагаем, что структура литературоведческой энциклопедии в первую очередь должна учитывать ключевые научные понятия. Это связующие нити концепции практически любого словаря такого типа, они стягивают остальные элементы в единый центр, устанавливая опорные точки анализа текста.

Не всегда убедителен выбор составителей в пользу того или иного понятия, включенного в словник. Например, в нем имеются такие названия статей, как «Сон», «Сновидение» и «Место и время сна». Необходимость последней из приведенных статей вызывает сомнение, поскольку информация о том, где и когда тот или иной персонаж спит (если это так важно составителям), вполне могла быть размещена в статье «Сон». Вместе с тем статья «Плотничество» имеется, а «Плотник» – нет, хотя это слово неоднократно встречается в тексте повести.

Обратимся к анализу тех словарных статей, совокупность которых дает представление о повести как художественном тексте и стилистическом явлении. Прежде всего это «Язык „Привычного дела“» (с. 609–617), где отмечается главный признак – «сочетание литературного языка и живой народно-разговорной речи, свойственной жителям севернорусской деревни» (с. 109).

Основными объектами исследования языка «Привычного дела» в «Энциклопедии» стали вся сфера семантики отдельного слова, весь, по выражению В. В. Колесова, «ментальный цикл» слова – от диалектизма-понятия (*свάρца*,

заёзок) до концептов деревенской прозы (*Лад, Дом* и др.), а также категории текста и классы образов (*пространство, интерьер*). В «ментальный цикл» входят следующие этапы абстрагирования слова в различных культурно-исторических, социальных, психологических и художественных контекстах: оним репрезентирует понятие (*дягиль, рябина, дурман-трава*), понятие формирует образ (*осина*), который становится формой символа (*дерево*), вербализируя концепт (*Лес, Деревня, Семья*) как фрагмент картины мира (ср.: [Колесов 1992: 34]). Авторы монографии как раз и предлагают рассмотреть образы произведения как *мировоззренческие* категории, «как воплощение глубинных смыслов национального бытия» – т. е. как концепты, «если пользоваться современной терминологией» (с. 7).

Фактически вологодским ученым в сумме словарных статей удалось воссоздать такой речевой феномен, как *русская языковая личность крестьянина*, на примере современников героев произведения в тот период. Она в 30–60-е годы XX века стояла на скрещении нескольких речевых канонов: традиционно русского восприятия времени, пространства, человека (*Петров день, Покров, заговенье, кошенина, сороковины, Леоновы стóбжся, Катюшка, Ванюшка, мужик*) и нового, советского, городского восприятия действительности в слове – по сути, чуждого, но постоянно вторгающегося в исконную крестьянскую речь (*макинтош, наглядная агитация, Дом колхозника, интернет, зоотехник, корреспондент, накладная*). Речь крестьянства, прошедшая через идеологемы коллективизации, Первой мировой, Великой Отечественной, представленная совокупностью персонажей «Привычного дела», отраженная авторами в русской национальной и постсоветской речевой действительности, стала предметом размышлений ученых об общей культуре крестьянства целой эпохи.

Среди антропонимов и апеллативов «Энциклопедии» хорошо видны способы номинации детей и взрослых (*Ванюшка – Иван, Танька – Татьяна*), оценочные единицы (*Гаврила, Дашка Путапа, Митька, архаровцы, мокрехвостка, декабристы* – «осужденные за мелкое хулиганство по декабрьскому Указу Президиума Верховного Совета РСФСР» (с. 117)). В толковании антропонимов явно читаются символы трагического

мироощущения («Бурлак»), нищеты и сиротства, непосильного труда, горя («Нянька», «Обряжуха»). При ознакомлении с этими статьями отчетливо понимаешь, что временная линия маленького человека легко создается в русской классике с помощью антропонимов: *Акакий Акакиевич – Иван Денисович – Иван Африканович*. С другой стороны, антропонимы в словарных статьях *Дрынов – Теркин – Александр Невский*, включенные в поле концепта *Война*, позволяют увидеть духовное величие русского человека – защитника Отечества.

Яркие, запоминающиеся статьи написаны о символике топонимов повести: *Алма-Ата, Норвегия* (о мифологическом восприятии беспредельности пространства за деревней), *Мурманск, Воркута* (достаток, заработка, большие деньги, но и символ духовной опасности – по представлениям персонажа, там «ведь переделается все, перепазгаемся» (с. 22)), *Москва* (тревожный источник изменений традиционного уклада, но и гордости русского человека). Особым образом хочется отметить кономим *Шибаниха*, который как типичное обозначение деревни вообще, как место массовых репрессий крестьянства по трагическому мироощущению и ясно осознаваемой внутренней форме можно сравнить с тургеневским *Колотовка* в рассказе «Певцы» о судьбе самобытного талантливого крестьянства.

Статьи о полисимволизме и стилистической функции онимов – названий денежных единиц, «Алтын» (с. 12) и «Гривенник» (с. 105), – своеобразная оппозиция старой и новой бедности – дореволюционной и советской, колхозной реальности (сравним: *недоимки* и – *налог, госпоставки*). Отчасти ту же функцию антитезы двух мировоззренческих систем выполняют названия временных периодов и локативов: *Петров пост, водополье – Ялтинская конференция, коммуна*.

Онимы артефактов представлены в уникальных очерках о быте северного края. Статья «Барабанка» (с. 26) с любовью описывает пастуший быт, «Гармонь» (с. 87–92) – исчезающие границы духовных ценностей деревни. Отметим также очерки о *бадье, балане* (части бревна), *корье* и др.

В части статей представлен не внешний фон, привнесенный в произведение, а текстовый, мир тончайших внутренних поэтиче-

ских символов, в том числе звуковых (с. 169–174), и мотивов. Например, в «Близнечестве» (с. 37–38) собраны мифологический, биографический, народно-поэтический аспекты темы двойничества. В статье «Деревь» (с. 123–128) рассмотрены среди прочего особенности создания хронотопа повести.

Живая, богатая примерами и культурологическим разбором статья «Частушки» (с. 572–582) погружает читателя в детали жанра, расширяет местами грубую эстетику крестьянства речевой выразительностью и смеховой природой, обеспечивает «приращение смысла и оттенков настроений» (с. 575).

В целом исследуемый феномен в каждой словарной статье – область абстрактных понятий («Молитва», «Оплата труда»), предметный мир («Палисад», «Панацея», «Овсяный кисель»), концепты («Деньги», «Материнство»), персонажи («Мишка Петров», «Корреспондент»), факты, имеющие отношение к литературному процессу («Матренин двор»), стилистические приемы («Комическое», «Звуки») – не мыслится иначе, кроме как через восприятие персонажа в сложной субъектной и образной структурах произведения. Триединство *субъект – объект – процесс* восприятия и рефлексии обладает большими, по сравнению с двуплановым (форма – семантика), способами реализации смыслов – с учетом психологических особенностей говорящего и его многочисленных социальных ролей. Такие понятия, как *взлобок*, *вилашки*, *до тую́к*, бережно включены авторами статей в речеповеденческий контекст персонажа, в результате чего слово оживает, становится полновесным и понятным элементом коммуникации.

Полезный материал для филолога представляют словообразовательные модели, синонимические и гиперо-гипонимические ряды: *заезок*, *залавок*, *загорода*, *затес*, *заук*; части дерева (бревна) – *сушина*, *деревина*, *чурка*, *пень*, *колодник*, *валежина*, *кряж* и т. д., позволяющие судить о глубине, точности, образности и оригинальности живого севернорусского наречия.

Рассмотрим теперь замеченные нами погрешности. Обращает на себя внимание тот факт, что в рецензируемой «Энциклопедии» отсутствует важный элемент поискового аппарата издания – перекрестные ссылки, предназначенные для организации взаимных связей

различных словарных статей, рассредоточенных в издании, но дополняющих, расширяющих, поясняющих друг друга по смыслу.

Например, в тексте «Энциклопедии» неоднократно встречается понятие *жизненного круга*, связанное с одной из ключевых идей мировоззрения В. И. Белова. Однако такой статьи в словаре нет (вместо нее имеется «Жизнь», содержание которой не вполне соответствует трактовке понятия «жизненный круг»). Отсутствуют указания, начинающиеся словами типа *См. также* или *См. подробнее*, отсылающие к другим статьям, где появляется это понятие. Перекрестными ссылками друг на друга могли бы быть соединены и такие статьи, как «Бумага», «Гербовая бумага», «Почетная грамота». Отсутствие этого, казалось бы, чисто технического инструмента привело к неизбежным многочисленным информационным повторам. Так, например, в статьях «Бригада» и «Бригадир»; «Силос» и «Силосование»; «Бурлак» и «Бурлачить»; «Дети», «Детство», «Гришка», «Володя», «Василий», «Мишка» и др. совершенно естественно определенное количество информации повторяется, также дублируются в них и примеры из текста «Привычного дела». При отсутствии перекрестных ссылок такого рода статьи оказываются никак не связанными друг с другом, не образуя при этом качественного энциклопедического гипертекста.

Кроме недостающих элементов, необходимых для универсальных изданий, обращает на себя внимание избыточность текста. На наш взгляд, нет нужды приводить в статье «Платок» (с. 396–397) стихотворение О. Фокиной «Косынка»; даже при учете гипотетического знакомства В. И. Белова с этим текстом подобные параллели уместны, скорее, в научной статье, нежели в издании справочного характера. То же самое касается и статей «Крапила (крапива)» (с. 234–235), где приводятся иллюстрации на употребление слова «крапива» из стихотворений Н. Рубцова и С. Есенина; «Рябина» (с. 453), где не только перечислены имена русских писателей, обращавшихся к образу рябины в своих произведениях, но и цитируется стихотворение П. Вяземского. В таких случаях скорее выступает на первый план жанровое противоречие: авторы создавали *энциклопедию* или *монографию*? Объединение этих двух жанров в концепции книги может привносить тако-

го рода «перекосы» в силу интересов и личной осведомленности авторов в той или иной проблеме, а конкретный материал разрастается за счет излишней дополнительной информации.

Понятие «Корреспондент» почему-то сопровождается отсылкой к повести С. Д. Довлатова «Компромисс». В статье «Гармонь» (с. 87–88) непонятно с какой целью дается довольно длинная история музыкального инструмента, а также приводятся примеры из художественных текстов других авторов XX века (М. Горький, А. Жаров, К. Федин, А. Твардовский, В. Солоухин и др.), что неоправданно увеличивает объем статьи до пяти страниц. В статье «Деревья» говорится, что это «многолетние растения с твердым стволом и отходящими ветвями, образующими крону» (с. 123). В статье «Дурман-трава» почти половина текста (с. 145–146) ботанического содержания, не имеющего отношения к смысловым характеристикам этого символа в произведении. Статью «Налоги» можно назвать образцовой для социально-экономической энциклопедии: так подробно, с цифрами и датами, в ней рассказывается история государственных сборов (с. 324–326), и только ближе к концу она включается в анализ художественного полотна повести. При чтении рецензируемой «Энциклопедии» постоянно вспоминается методологический принцип «Уильяма из Оккама»: «Не следует множить сущее без необходимости», который, к сожалению, остался не соблюденным во многих статьях рецензируемой книги.

С другой стороны, можно понять и в чем-то поддержать стремление ученых усилить семиотику «Энциклопедии» такими сопоставлениями и срезами (например, это вполне уместно выглядит в статье «Лес», где доминанта образа уже сама является историческим символом и коррелирует с традициями русской литературы), ведь в большинстве случаев вологодские филологи воссоздают именно *социальную* историю слова или явления действительности, наподобие «Истории слов» В. В. Виноградова [Виноградов 1994] или «Словаря культуры XX века» В. П. Руднева [Руднев 1999]. В этом заключается теоретическая значимость коллективной монографии-энциклопедии: семантика слова в каждой статье рассмотрена прежде всего в поиске социального компонента – как «сгусток» русской культуры на примере

функционально-стилистического типа «деревенской речи». Так построены практически все статьи, назовем для примера «Платок» (с. 396), «Частушки» (с. 572–582), «Стожар» (с. 522), «Вдовство» (с. 61) и т. п. Комментарий ученого строится над словом-образом, над речью ведущих для этого образа персонажей.

Заметим, что не всегда информация, попавшая в ту или иную энциклопедическую статью, прошла необходимую критическую проверку. Так, в статье «Оттепель» (с. 371), посвященной социально-политическому явлению «хрущевской оттепели», его хронология определена в границах 1953–1968 гг., что, по крайней мере, дискуссионно (см., например: [Аксютин 2010]). В статье, посвященной колхозу, говорится, что «первые колхозы появились в 1918 г.» (с. 218). На чем основано это утверждение, осталось неясным: если речь идет о сельскохозяйственной кооперации, то она существовала и до революции, если все же собственно о колхозах в том значении, в котором они появляются в творчестве В. И. Белова, то их возникновение относится к концу 1920-х гг. Жаль, что автор данной статьи не раскрывает источников, на которых базируется его утверждение. Также спорно утверждение о том, что первое упоминание об *овсяном киселе* относится к XVI в. (с. 344).

На с. 293 говорится, что слово «мерёжа» «употребляется в документах с середины XVI в.». А в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» первым с таким значением дается пример из сборника XII столетия [Словарь... 1982: 95]. На с. 459 издания отмечено: слово «сарафан» «зафиксировано в письменных источниках XVII в.». Между тем в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведен пример данного словоупотребления из Никоновской летописи, созданной в XVI в. [Словарь... 1996: 64]. Такая неточность кажется тем более странной с учетом того, что «Словарь русского языка XI–XVII вв.» присутствует в списке использованной литературы.

Не всегда соблюдены терминологическая строгость и логическое соответствие заголовка статьи и ее содержания (так, в статье «Критика литературная» на самом деле речь идет о критических откликах на «Привычное дело»). Номинация «Критика литературная» предполагает, что речь пойдет о литературной критике вообще, а не о критических откликах

конкретно на повесть Белова. В статье «Сказка о пошехонцах» при характеристике сюжетно-композиционной функции сказки, рассказанной бабкой Евстолей, вполне оправданно использован термин «биокомпозиция» (с. 488). Однако авторство этого далеко не общепринятого термина, принадлежащее Н. Я. Берковскому, к сожалению, осталось не указанным (см.: [Берковский 1973: 178]).

Несколько мелких замечаний. Для словарей установлена форма единственного числа, за исключением *pluralia tantum*. Но почему-то на с. 347 дано: «Оглобли», хотя есть начальная форма слова. Заголовок «Невский Александр» (с. 328) противоречит нормам именования древнерусских князей, поскольку Невский – не фамилия, а прозвище великого князя, да и получил он его только посмертно. Правильнее было бы: «Александр Ярославович (Невский), вел. кн.».

Работу такого метафилологического исполнения невозможно представить без сопроводительного материала. В книге после с. 320 есть цветная вклейка с репродукциями картин русского быта и природы, изображением лиц крестьян. Особенно интересны первые иллюстрации к повести «Привычное дело». В конце «Энциклопедии» (с. 648–655) приведены рисунки к отдельным статьям, показывающие реалии того времени: что такое *бабка*? как выглядела *гармонь*? с помощью каких приспособлений *катали* белье? Среди них есть картинки с названиями растений (*дурман*, *дягиль*, *княжица*, *молочник*), приспособлений, утвари – все то, что теперь можно увидеть в этнографических деревнях, а когда-то составляло природный обиход жизни русского человека. Подобные репродукции смотрелись бы более выигрышно, если были бы включены в текст конкретной статьи. Это приложение, на наш взгляд, является удачным дополнением к замыслу книги.

«Энциклопедия „Привычного дела“ В. И. Белова» – первый опыт создания словаря универсального типа, в основе которого лежит текст повести о деревенской жизни. Думается, у данного издания имеется потенциал для дальнейшего развития. Во многих статьях, посвященных реалиям повести В. И. Белова, примеры приведены не только из «Привычного дела», но и других произведений писателя. Возникает мысль о возможности реализации более

широкого проекта – «Энциклопедии творчества В. И. Белова» (по примеру «Лермонтовской энциклопедии», «Булгаковской энциклопедии», «Мандельштамовской энциклопедии» и т. п.), что было бы продуктивно для современной литературоведческой традиции. И в этом смысле рецензируемая книга ценна тем, что включает в себя свойства и *авторского* словаря (раскрывает образ писателя, языковую личность В. И. Белова), и словаря лирических героев – по аналогии, например, со «Словарем персонажей произведений Ф. М. Достоевского» [Кэнноскэ 2011], и лингвистического лексикона символов и концептов (ср.: [Словарь ключевых слов... 2008]). «Энциклопедия» как *авторский* эксперимент показала неограниченные возможности филологического (исторического, культурологического, философского, лингвистического и т. д.) анализа региональной литературы, заслуженно оценила «Привычное дело» не только как самобытный художественный текст о народном характере, но и как яркое воплощение творческой установки писателя-традиционалиста создать «надвременное» (с. 9) произведение, тут же превратившееся в общественно значимое явление. Беловский голос в защиту русского крестьянства по-прежнему звучит актуально.

Авторам удалось вжиться в художественное пространство трагического, но вместе с тем и светлого произведения, показать писателя и его современников в контексте непростого времени, сделать грамотные, раскрывающие и расширяющие скрытый смысл комментарии, вместить нравственный мир персонажей в поток страстей и переживаний советской эпохи, открыть читателям удивительный колорит языка настоящей, *природной* прозы. «Камерная» повесть под пером ученых поднялась на пьедестал литературного достоинства – вершины, о которой В. И. Белов, быть может, и не мечтал. А главное, как нам кажется, исследовательская манера, глубина проникновения в текст, полифоничность анализа вологодских филологов гармонируют с духовным обликом писателя-провидца, не любившего модных приемов и «аттракционов» в литературе, верившего в возрождение русского народа, его свежие родниковые силы, волю, характер и крепкий дух. Можно сказать в заключение, что С. Ю. Баранов и его коллеги

выполнили в каком-то смысле литературное завещание В. И. Белова: писатель с большой буквы снова в строю, с нами, разгоняет своей пронзительной памятью и любовью «сумерки фэнтэзи», учит не терять нравственных принципов, боготворить святую гармонию родной природы и тех, кто живет с ней в ладу. «Его от славы русского слова не отлучишь. И с литературной вершины не сбросишь» [Золотусский 2002: 7].

Литература

- Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. – М. : РОССПЭН, 2010. – 622 с.
- Баранов, С. Ю. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст : монография / С. Ю. Баранов, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, Е. Н. Ильина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова, Н. Л. Фишер. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2016. – 191 с.
- Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. – Л. : Художественная литература, 1973. – 568 с.
- Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
- Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического изучения / И. Р. Гальперин. – Изд. 6-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 144 с.
- Золотусский, И. Непривычное дело / И. Золотусский. – Текст : электронный // Версты. – 2002. – 22 окт. – С. 7. – URL: <https://www.booksite.ru/pressa/153.htm> (дата обращения: 12.08.2022).
- Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 1992. – Вып. 3. – С. 30–40.
- Кэнноскэ, Н. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Н. Кэнноскэ ; пер. с яп. А. Н. Мещерякова. – СПб. : Гиперион, 2011. – 399 с.
- Руднев, В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 381 с.
- Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И. А. Тарасова. – Саратов : Наука, 2008. – 208 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 356 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23 / гл. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1996. – 360 с.
- Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 463 с.

References

- Aksyutin, Yu. V. (2010). *Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushcheyov's "Thaw" and Public Views in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 622 p.
- Baranov, S. Yu., Voronina, T. N., Golovkina, S. Kh., Il'ina, E. N., Patapenko, S. N., Rozanov, Yu. V., Fedorova, A. V., Fisher, N. L. (2016). *Povesť V. I. Belova "Privychnoe delo" kak vologodskiiy tekst* [V. I. Belov's Novella "The Usual Thing" As a Vologda Text]. Vologda, IP Kiselev A. V. 191 p.
- Berkovsky, N. Ya. (1973). *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 568 p.
- Bogatova, G. A. (Ed.). (1996). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of XI–XVII Centuries]. Issue 23. Moscow, Nauka. 360 p.
- Filin, F. P. (Ed.). (1982). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of XI–XVII Centuries]. Issue 9. Moscow, Nauka. 356 p.
- Gal'perin, I. R. (2008). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniya* [Text As an Object of Linguistic Study]. 6th edition. Moscow, Izdatel'stvo LKI. 144 p.
- Kenoske, N. (2011). *Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo* [Dictionary of Characters in the Works by F. M. Dostoevskii] / transl. by A. N. Meshcheryakov. Saint Petersburg, Giperion. 399 p.
- Kolesov, V. V. (1992). *Kontsept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol* [The Concept of Culture: Image – Idea – Symbol]. In *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Issue 3*, pp. 30–40.
- Rudnev, V. P. (1999). *Slovar' kul'tury XX veka: klyuchevyye ponyatiya i teksty* [Dictionary of Culture of XX Century: Main Definitions and Texts]. Moscow, Agraf. 381 p.
- Shestakova, L. L. (2011). *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian Personal Lexicography: Theory, History, Modern Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 463 p.
- Tarasova, I. A. (Ed.). (2008). *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of Keywords of Poetry by Georgiy Ivanov]. Saratov, Nauka. 208 p.
- Vinogradov, V. V. (1994). *Istoriya slov* [The History of Words]. Moscow, Tolk. 1138 p.
- Zolotussky, I. (2002). *Neprivychnoe delo* [The Unusual Thing]. In *Versty*. 22 October, p. 7. URL: <https://www.booksite.ru/pressa/153.htm> (mode of access: 12.08.2022).

Данные об авторах

Игошева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: tigosheva@mail.ru.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Московский государственный областной университет (Мытищи, Россия).

Адрес: 141014, Россия, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24.

E-mail: vlstd@yandex.ru.

Authors' information

Igosheva Tatyana Vasiljevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Khalikova Natalia Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, Moscow Region State University (Mytishchi, Russia).

Дата поступления: 15.08.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 15.08.2022; date of publication: 31.10.2022

КНИГА О ПОЭТЕ ВЕНИАМИНЕ БЛАЖЕННОМ

(Рецензия на книгу: «Моя судьба, безумье, бытие...»: материалы Вторых междунар. науч.-лит. чтений, посвящ. 100-летию поэта В. Блаженного / Белорус. гос. ун-т; редкол.: У. Ю. Верина (гл. ред.), Л. Л. Авдейчик, В. Ю. Жибуль. Минск: БГУ, 2021. 144 с.)

Петкова Г.

Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

А н н о т а ц и я . В статье рецензируется сборник, изданный по итогам Вторых международных научно-литературных чтений, посвященных 100-летию важнейшей фигуры неофициальной русскоязычной поэзии Беларуси, поэта Вениамина Блаженного (1921–1999). В книге опубликованы 11 исследовательских статей, переводы стихов В. Блаженного и три приложения, включающие архивные и иллюстративные материалы к статьям. Научный уровень сборника доказывает, что *стабилизировалось* отдельное литературоведческое поле, которое поставило своей целью изучение творческого наследия минского поэта. Опираясь на архивные документы и учитывая культурный и литературный контекст времени, авторы статей с успехом развивают такие направления, как мотивология, компаративистика, стиховедение, переводческая рецепция.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская поэзия; белорусская поэзия; поэты; поэтическое творчество; поэтический перевод; поэтические тексты; стихотворения; рецепция; мотивология; неподцензурная поэзия; литературные архивы; рецензии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петкова, Г. Книга о поэте Вениамине Блаженном (Рецензия на книгу: «Моя судьба, безумье, бытие...»: материалы Вторых междунар. науч.-лит. чтений, посвящ. 100-летию поэта В. Блаженного / Белорус. гос. ун-т; редкол.: У. Ю. Верина (гл. ред.), Л. Л. Авдейчик, В. Ю. Жибуль. Минск: БГУ, 2021. 144 с.) / Г. Петкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 194–199. – DOI:10.51762/1FK-2022-27-03-17.

A BOOK ABOUT THE POET VENIAMIN BLAZHENNY

(Review of the book: “My fate, madness, being...”: Proceedings of the Second international scholarly-literary readings, dedicated to the 100th anniversary of the poet V. Blazhenny / Belarus. State un-ty; editorial board: U. Yu. Verina (editor-in-chief), L. L. Avdeychik, V. Yu. Zhibul. Minsk: BSU, 2021. 144 p.)

Galina Petkova

Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

A b s t r a c t . This paper contains a review the collection of articles, published after the Second International Scholarly-Literary Readings dedicated to the 100th anniversary of one of the most significant figures of unofficial Russian-language poetry in Belarus, the poet V. Blazhenny (1921–1999). The book comprises 11 research articles, translations of his poetry and three appendixes, including archival and illustrative materials to the articles. The scientific level of the collection demonstrates that a separate field of literary criticism devoted to the study of the creative heritage of the Belarusian poet has been established. The authors of the articles successfully develop such areas as motif studies, comparative studies, versification studies and translation reception, relying on archival documents and the cultural and literary context of the time.

Key words : Russian poetry; Belarusian poetry; poets; poetic creative activity; poetic translation; poetic texts; poems; reception; motif studies; uncensored poetry; literary archives; reviews

For citation: Petkova, G. (2022). A Book about the Poet Veniamin Blazhenny (Review of the book: “My fate, madness, being...”: Proceedings of the Second international scholarly-literary readings, dedicated to the 100th anniversary of the poet V. Blazhenny / Belarus. State un-ty; editorial board: U. Yu. Verina (editor-in-chief), L. L. Avdeychik, V. Yu. Zhibul. Minsk: BSU, 2021. 144 p.). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 194–199. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-03-17.

В рецензируемом сборнике представлены материалы Вторых международных научно-литературных чтений, посвященных 100-летию белорусского поэта Вениамина Блаженного (1921–1999), которые состоялись на филологическом факультете Белорусского государственного университета 14–15 октября 2021 г. Именно год проведения чтений отмечен в реквизитах научного издания, подписанного в печать 31.12.2021 г. и выложенного на сайт Электронной библиотеки Белорусского государственного университета в апреле 2022 г., если судить по посещениям его страницы в разделе «Материалы конференций филологического факультета» (<https://elib.bsu.by/handle/123456789/277861>).

Указанный тираж гуттенберговского варианта – 30 экземпляров – априори превращает это издание в библиографическую редкость, так как за внешней формой сборника с материалами конференции скрывается книга большой информационной насыщенности, вместившая в себя биографический и поэтологический аспекты, архивные документы и переводческую рецепцию, социологию, историю и теорию литературы.

В *Предисловии*, написанном У. Вериной, указано на возрастание интереса к творчеству Вениамина Блаженного и расширение исследовательского и издательского круга, которые проявились за десятилетие после Первых научно-литературных чтений, состоявшихся в 2011 г., тогда приуроченных к 90летию поэта. Напечатанный по их итогам первый сборник вызвал к жизни отдельное проблемное поле в литературоведении, сфокусированное на личности и поэтическом наследии минского поэта. Таким образом, главная цель Вторых юбилейных чтений – собрать «как можно больше новых фактов» (с. 5), которые могут расширить и уплотнить дальнейшее изучение творчества В. Блаженного. В предисловии предложен краткий типологический обзор опубликованных статей, выявляющий вместе с тем и горизонтальные связи между текстами, будь это воспоминания, архивные

материалы, переводы, неизданные произведения, анализ поэзии. Мотивируется также выбор заглавия сборника, которое начинается с цитаты из написанного в 1978 г. стихотворения В. Блаженного, разрабатывающего мотив безумия, «но не как поэтического дара, а как земной судьбы» (с. 5). Эта экзистенциальная мета не только лирического героя Блаженного, но и человеческого существа вообще, стоящая в паратексте на первом месте, задает ключ к пониманию всех текстов в издании.

Сборник открывается «мемуарно-аналитическим материалом» (с. 5) Л. Н. Турбиной (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия) «*Единство всего живого как доминанта художественного творчества В. Блаженного*». В нем коллажировано несколько тематических линий, которые вызывают искреннее любопытство: собственно мемуарный пласт, повествующий об общении с поэтом (а как проходили разговоры «о поэтах и о поэзии» (с. 7)?); «осознание единства живого на земле» (с. 8), присутствующее в творчестве Блаженного, источник которого автор статьи видит в духовности св. Франциска и его учении (а были ли тексты-посредники в русскоязычной поэзии?); «архетип юродивого» (с. 11) как бытийная модель неофициального поэта (а были ли другие юродствующие среди «поколенческой «обоймы» (с. 11) поэтов фронтового поколения?); двухголосая издательская практика, когда в Москве и Минске выходят в 1990 г. сборники поэта (а изучены ли эти издания в сравнительном плане, тем более что автор присутствует на их обложках «под разными именами» (с. 7)?); принадлежность творчества Блаженного нескольким культурам – еврейской, русской и белорусской (в этом контексте проблематизирован ли выбор литературного языка, на котором он писал свои произведения?). Особенно ценны взгляд очевидца и опыт личного общения с поэтом, которые можно сохранить и в письменном слове, и в аудиозаписи, положив начало звуковому архиву о В. Блаженном.

Статья В. В. Жибуля (Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства, Минск, Беларусь) «Личный фонд Вениамина Блаженного в Белорусском государственном архиве-музее: краткий обзор» имеет источниковедческий характер. В ней прослежена история создания и представлено содержание личного фонда поэта в БГАМЛИ. Эта коллекция включает материалы, которые стали собираться после смерти Блаженного в 1999 г., а сформированная комиссия по литературному наследию В. Блаженного приняла решение передать архив в БГАМЛИ. В описи № 1 на сегодняшний день помечены 202 единицы хранения, а общее количество документов – 1392. В личный фонд входят рукописи, авторские версии поэтических сборников, прозаические произведения, воспоминания, автобиографическая проза, письма поэта, критические отзывы и творческие оценки его стихов со стороны писателей и издателей. Опираясь на архивные материалы, исследователи имеют возможность проследить творческую эволюцию В. Блаженного на протяжении почти 60 лет литературной деятельности, 40 из которых поэт нигде не публиковался. Особый интерес представляет раздел «Документы, собранные В. Блаженным», который является своеобразным личным самиздатом, – это произведения известных мастеров поэзии, переписанные рукой В. Блаженного в тетради или перепечатанные на машинке. Среди собранных текстов, по которым можно судить о литературных симпатиях, влияниях, предшественниках, производит впечатление особое присутствие творчества и личности Марины Цветаевой. В архиве хранятся также административные документы, фотодокументы, личные вещи. Можно только приветствовать, что личный фонд «открыт для исследователей» (с. 18), и заключить, что хранящиеся материалы будут способствовать не только углублению изучения творчества поэта, но и внесут свой вклад в подготовку нового отрецензированного издания его наследия. Ради этого высокого намерения и фонд В. Блаженного в Минске (БГАМЛИ, ф. 460), и фонд поэта в Москве (РГАЛИ, ф. 3144), где хранится часть его творчества, могут сотрудничать между собой и дополнять друг друга.

Архивная тенденция сборника продолжается в статье историка литературы, издателя,

редактора и комментатора книг неподцензурной русской поэзии XX века Владимира Игоревича Орлова (1964–2021) «История публикации первых сборников стихов Вениамина Блаженного (по материалам архива в РГАЛИ)». В работе на основании писем, хранящихся в фонде В. Блаженного в РГАЛИ, восстанавливается контекст издания первых опубликованных сборников поэта. Для реконструкции используются переписка с А. Тарковским, Н. Панченко, Г. Кориним, а также рецензия белорусского поэта С. Гаврусева и письменный ответ на нее, отправленный В. Блаженным в редакцию издательства «Мастацкая літаратура». Поэзия Блаженного не только не соответствовала советскому поэтическому канону, но обнажала «голую чужую психику» (Г. Дашевский, с. 20). Вероятно, в этой невыносимой по своей концентрации подлинности переживаемого соединяются встречи и разминовения поэта со многими, кто принимал деятельное участие в его судьбе и публикации его книг. В. Орлов подчеркивает, что издание в 1990 г. «сразу двух сборников» (с. 23), в которые вошли более 200 стихотворений, для ранее почти не печатавшегося поэта было «неслыханной удачей» (с. 23). Ими состоялись открытие мира стихов Вениамина Блаженного и признание его таланта со стороны тех читателей, которые всегда интересовались настоящей поэзией. Вероятно, стоит подумать о совместном переиздании этих сборников, которые не только редкость, но и веха в издательской практике неподцензурной литературы.

Статья А. А. Житенева (Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия) «Поэтология Вениамина Блаженного» рассматривает создаваемый минским автором текст о Поэте, в котором традиционные образы и мотивы подвергаются «разнонаправленным сдвигам» (с. 28). Лирический субъект Блаженного идентифицирует себя как поэта, присваивая себе известный архетипический образ «избранника», устремленного к «Иномирному» (с. 25). Инверсия иноприродности в плане метафизики меняет профетизм на юродивость и самозванство, а в плане социальной жизни маргинализирует высокую миссию и превращает поэта в «бродягу», «нищего» и «безумца» (с. 26). Автор статьи обращает внимание на трактовки концептов «немота» и «молчание»,

которые связываются с «блокировкой речи» (с. 26). Особый интерес представляет иррациональное состояние «тревожиться» (с. 26) как доминантная характеристика поэта у В. Блаженного. Заслуживает упоминания и функция поэтического слова, которое А. Житенев называет «слово-утопос» (с. 28), для которого важно «не проговоренность (доведенность до конца), а выговоренность (артикулированность)» (с. 28).

В следующих двух статьях поэзия В. Блаженного интерпретируется с точки зрения ее сближений и интертекстуальных переключек с творчеством нерусскоязычных авторов и русских поэтов. В своей работе «Вениамин Блаженный как современник битников: в поисках новой субъективности» К. М. Корчагин (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Институт языкознания РАН) аргументированно расширяет «поэтическую генеалогию» (с. 35) В. Блаженного, находя сродство его произведений с философскими взглядами Р. У. Эмерсона, поэзией У. Уитмена и религиозными поисками литературы битничества (Д. Керуака, Г. Снайдера). Ю. Б. Орлицкий (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) в стиховедческом анализе «*Мощь и удаль*»: еще о верлибре Вениамина Блаженного» констатирует «отсутствие монотонности» (с. 38) в поэзии В. Блаженного и обращается к роли свободного стиха в метрическом репертуаре поэта. У В. Блаженного первый известный верлибр датируется 1940 г. Исследуя более 70 верлибров, автор статьи заключает, что в эпоху господства силлаботоники «вполне допустимо говорить о выработанной В. Блаженным собственной стратегии построения верлибрического текста» (с. 44).

Изучению мотивов, в которых участвуют образы животных, посвящен текст Н. В. Барковской (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия) «*Слеза зверей*»: альтернативное мифотворчество Вениамина Блаженного». Конструируя художественную идентичность поэта, автор статьи видит в герое Блаженного нового Иова, который не только вступает в спор с Богом, но «уединяется» (с. 47) в собственный мир, сотворенный им самим. Этот мир населен животными: «братьями меньшими» (с. 47), собаками и кошками, а также птицами, которые зави-

сят от человека так же, как человек зависит от Бога. Лирический герой Блаженного выбирает именно этот «тварный» (с. 48), а не людской мир в качестве своего экзистенциального местонахождения. Анализируя образность «солнечного города» Минска как «репрессивное пространство» (с. 48), Н. Барковская приводит параллели с языком изобразительного искусства – на примере картин Алексея Жданова, белорусского художника-авангардиста и поэта.

Мотив единства всего живого развернут и в статье Т. В. Алешки (Минск, Беларусь) «*Художественная семантика орнитологических образов в поэзии Вениамина Блаженного*». В ее работе интерпретируются названия птиц (27 видов!), их семантизация, участие в формировании метафор и сравнений, а также присутствие в заглавиях произведений. Обращение к орнитологическим образам в поэзии Блаженного объясняется пристрастием к вечным темам, структурой лирического пространства, автобиографическим мифом. Лирический герой Блаженного часто идентифицирует себя с «существом крылатым и «певчим» (с. 61), «осознающим свою близость птичьему племени, как аналогу вдохновения» (с. 59). Очень интересны наблюдения автора публикации о том, что в разработке темы «мучения и гибели беззащитных и бессловесных существ» (с. 59) трагическое неблагополучие мира часто воплощается и через орнитологическую образность.

В. В. Сердечная (Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия) в статье «*О Боге, котятках и негрятках: Вениамин Блаженный и Уильям Блейк*» рассматривает на конкретных примерах влияние творчества английского поэта-романтика Уильяма Блейка на поэзию В. Блаженного 1980–1990х гг. Автор доказывает близость обоих поэтов на уровне биографическом – оба «слыли или были признаны безумцами» (с. 62), и стилистическом – «анималистические метафоры и упрощенно-детский язык для высказывания метафизических истин» (с. 62). Тематическое сходство обнаруживается в разработке пророческой традиции Ветхого Завета, богоборческих настроений по отношению к карающему Абсолюту, зловещей урбанизации мира.

И. Б. Савелова (Минск, Беларусь) в своей работе «*Словесное представление*» (О. Мандельштам) в творчестве минских поэтов (В. Блажен-

ный, Г. Трестман, С. Шлыков)» предприняла сравнительное исследование мировоззренческих и творческих основ трех минских поэтов, фигурирующих в названии. Основой для сопоставления между ними послужило понятие «словесное представление», предложенное О. Мандельштамом в его статье «О природе слова» (с. 67).

Текст У. Ю. Веринной (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь) «Поэзия Максима Танка в переводах Вениамина Блаженного» раскрывает минского поэта как переводчика. В. Блаженный перевел на русский язык 18 стихотворений одного из наиболее значительных белорусских поэтов XX в. – Максима Танка. Это образцы поэзии 1990х гг., когда М. Танк переосмысливает свою долгую жизнь и признает ошибки. Покаянный М. Танк, взглянувший на время в трагедийном ключе, оказался типологически близок В. Блаженному-переводчику, который, очевидно, выбирал стихи, близкие себе по тематике. В переводе В. Блаженный максимально приблизил их к русской поэтической культуре, «устранив национально специфические компоненты» (с. 76). Подобная переводческая рецепция неизбежно поднимает вопрос о том, какое место занимали белорусская литература и культура в творческом сознании Вениамина Блаженного, и ставит новую для исследователей задачу – введение в научный оборот белорусской темы в наследии поэта.

В продолжение обсуждаемой проблемы расположен раздел «Стихи Вениамина Блаженного в переводах», в котором опубликованы стихи В. Блаженного в переводе с русского на белорусский язык (Насты Кудасовой); на украинский язык (Натальи Бельченко, Ии Кивы и Юлии Шекет); на итальянский язык (Майи Головановой); на английский язык (Яна Пробштейна). В этом разделе Н. Бельченко (Киев) представляет вышедшую в 2021 г. в киевском издательстве «Дух і Літера» книгу переводов стихотворений Вениамина Блаженного на украинский язык «Світло мандрів і розлуки», объясняя ее структуру и выявляя тематические узлы (смерть, отношение к женщине, область метафизического, еврейство). Стихотворения переводили Ю. Шекет, Н. Бельченко и Ия Кива, а предисловие написано Дмитрием Строчевым.

В конце сборника размещаются три приложения, которые дополняют опубликованные выше статьи и отсылают к ним.

Приложение 1 (к материалам В. В. Жибуля) содержит фотографии материалов, сохраняемых в фонде В. Блаженного в БГАМЛИ: рукописных фрагментов, копий писательских портретов, сделанных Блаженным, его автопортрета и немецкой печатной машинки «Олимпия», принадлежавшей поэту.

В *Приложении 2* (к материалам В. И. Орлова) публикуются материалы из фонда Вениамина Айзенштадта в РГАЛИ: фотографии поэта, рецензия Степана Гаврусева от 25 июня 1987 г. на рукопись сборника стихов «И день, и вечер»; ответное письмо Вениамина Айзенштадта в редакцию издательства «Мастацкая літаратура»; рекомендация в члены Союза писателей, написанная Николаем Панченко 31 января 1991 г.; отрывки из писем, которые имеют «отношение к журнальным и книжным публикациям В. Айзенштадта» (с. 23). Вероятно, для нужд сборника урезание писем и опущения в них обращений и заключительных фраз оправданы, но было бы хорошо, если будет подготовлено издание, которое сможет сохранить дизайн корреспонденции и представить полные тексты писем.

Приложение 3 (к материалам Н. В. Барковской) содержит черно-белые фотографии картин Алексея Жданова из альбома, изданного в Минске в 2013 г.

В статьях, к которым приложения относятся, упоминается о них, и сами авторы ссылаются на опубликованное в них, но пространственное удаление приложений от основного текста в корпусе книги не облегчает чтение. Если бы материал приложений был опубликован сразу после статей, он создал бы смысловую тесноту, уплотняя информацию, особенно в случае публикации архивных материалов. Если будет предпринято электронное издание сборника, вполне реально создать активные ссылки на приложения.

Рецензируемый сборник доказывает, что за относительно краткий срок сложилось и стабилизировалось отдельное литературоведческое направление, которое ставит своей целью изучение творчества важнейшей фигуры неофициальной русскоязычной поэзии Беларуси. Заинтересованный читатель, приступающий

к знакомству с опубликованными статьями, в слове память о поэте и творце Вениамине встречается с успешной попыткой сохранить Айзенштадте – Блаженном.

Литература

«Моя судьба, безумье, бытие...»: материалы Вторых междунар. науч.-лит. чтений, посвящ. 100-летию поэта В. Блаженного / Белорус. гос. ун-т; редкол.: У. Ю. Верина (гл. ред.), Л. Л. Авдейчик, В. Ю. Жибуль. – Минск: БГУ, 2021. – 144 с.

References

Verina, U. Yu., Avdeychik, L. L., Zhibul, V. Yu. (Eds.). (2021). «*Moya sud'ba, bezum'e, bytie...*»: materialy Vtorykh mezh-dunar. nauch.-lit. chtenii, posvyashch. 100-letiyu poeta V. Blazhennogo ["My Fate, Madness, Being...": Proceedings of the Second international scholarly-literary readings, dedicated to the 100th anniversary of the poet V. Blazhenny]. Minsk, BGU. 144 p.

Данные об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, София, бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg.

Author's information

Petkova Galina – PhD, Associate Professor of Department of Russian Literature of Faculty of Slavic Studies, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria).

Дата поступления: 06.10.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 06.10.2022; date of publication: 31.10.2022

**«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»:
ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О РУССКОМ РОМАНЕ**
(Рецензия на книгу: Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, and Stephanie
Sandler. *A History of Russian Literature*. Oxford University Press, 2018. 960 p.)

Казакова С. К.

Ассоциация искусствоведов (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1396-3087>

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу «История русской литературы» (“A History of Russian Literature”), вышедшую в 2018 г. в издательстве Oxford University Press. Дана общая характеристика издания, насчитывающего более тысячи страниц, при этом особенное внимание уделяется истории русской литературы XIX столетия (“The Nineteen the Century”) – главе, ставшей скрепляющим центром всей книги. Отмечается, что значительность русской литературы XIX в. авторы рецензируемого издания связывают с развитием романа. Анализируются трактовка понятия «великий русский роман» (the Great Russian Novel) и методологическая ловушка, в которой оказываются исследователи. Путь к великому русскому роману предстает в книге в трех аспектах: психология личности, социальные (классовые) вопросы, национальная идентичность. Большое внимание уделяется способности реалистического романа обращаться к проблемам развития самосознания нации.

Ключевые слова: история русской литературы; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; романы; литературный процесс; литературные течения; нарратив; преемственность; национальное самосознание

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Для цитирования: Казакова, С. К. «История русской литературы»: зарубежные ученые о русском романе (Рецензия на книгу: Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, and Stephanie Sandler. *A History of Russian Literature*. Oxford University Press, 2018. 960 p.) / С. К. Казакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 200–208. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-18.

**A HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE:
FOREIGN SCHOLARS ABOUT THE RUSSIAN NOVEL**
(A review of the book by Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, And Stephanie
Sandler. *A History of Russian Literature*. Oxford University Press, 2018. 960 p.)

Svetlana K. Kazakova

Association of Art Critics of Russia (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1396-3087>

Abstract. The article presents a review of the book “A History of Russian Literature” published in 2018 by Oxford University Press. It contains an overall description of the publication, which has more than a thousand pages, but pays special attention to the history of Russian literature of the 19th century – the chapter that has become the center of the entire book. It is noted that the authors of the publication under review associate the significance of the Russian literature of the 19th century with the development of the novel. The book analyzes the interpretation of the concept of the Great Russian Novel and the methodological trap that the researchers find themselves in. The path to the great Russian novel is shown in the book in three aspects: personality psychology, social (class) issues, and national identity. Much attention is paid to the ability of the realistic novel to address the issues of the development of the self-consciousness of the nation.

Keywords: history of Russian literature; Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; novels; literary process; literary trends; narrative; continuity; national self-consciousness

Acknowledgments: Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-012-00102.

For citation: Kazakova, S. K. (2022). A History of Russian Literature: Foreign Scholars about the Russian Novel (A review of the book by Andrew Kahn, Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, And Stephanie Sandler. A History of Russian Literature. Oxford University Press, 2018. 960 p.). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 200–208. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-18.

Легкие силуэты алых всадников парят на линии горизонта под высоким сине-белым небом – это «Скачет красная конница» Казимира Малевича. Именно она была выбрана для оформления суперобложки Истории русской литературы (A History of Russian Literature), вышедшей в 2018 г. в издательстве Oxford University Press¹. «Красная конница» – единственная из картин Малевича, которую в XX в. признавала официальная советская история искусства. Написанная на рубеже 1920–30-х работа была помечена художником 1918 г. – как считается, чтобы придать произведению историческую остроту и энергетику свидетельства времени. Таковы самые известные факты о картине с обложки; вполне вероятно, однако, что авторы «Истории русской литературы» рассчитывали на какие-либо другие вводные коннотации...

«История русской литературы» – фолиант почти в тысячу страниц – охватывает материал от памятников письменности Киевской Руси до нарратива постсоветского периода². В фокусе внимания авторов – эпохи, жанры, течения. Создатели объемного труда признают, что в контексте дискуссий о мировой литературе (world literature) столь пристальное внимание к отдельной национальной словесности может вызывать вопросы – нужны ли читателям XXI в. истории отдельных литератур? Ответ, данный в начале книги, – уверенное «да» (In a word – yes) [A History 2018: 1].

Во введении сделана решительная заявка на новаторство. «Оправдывая» появление собственного труда на фоне крупнейших достижений русистики конца прошлого – начала нынешнего столетия, авторы недвусмысленно намекают на идею обновления: «Каждое

поколение пишет свои истории литературы» [A History 2018: 4]. Ключевое слово – постмодернизм – не названо, но оно угадывается; его актуальные теоретические принципы вполне узнаваемы: программная эклектичность методологии, стремление подчеркнуть нелинейность развития, отсылки к критикам бинарного мышления, декларируемый отказ от принципа иерархии (апробированного перечня шедевров и восходящего вектора развития). Подчеркивается интерес к персоналиям и фактам, выпадающим из системы; во Введении создатели труда обещают, что без внимания не останутся ни случайные и бесперспективные (dead-end) эксперименты, ни писатели второго ряда (и ниже).

Проблема выбора теоретической базы не заостряется – авторы предпочитают говорить о неселективном приращении и кумулятивном накоплении знания. Кусвоенным трендам процесса изучения и преподавания литературы последних десятилетий отнесены достижения структурализма и семиотики 1960-х и 1970-х гг.; пост-структурализм и деконструкция, впитавшие уроки нового открытия [rediscovery] Бахтина (1970–80-е); феминистские исследования (их всплеск пришелся на 80-е годы прошлого века); изыскания в области истории культуры 1990-х [A History 2018: 2].

Представленный в данной статье обзор посвящен одной из глав – истории русской литературы XIX столетия (“The Nineteen the Century”). Ее объем (раздел занимает в книге почти двести страниц) и широта охвата материала уже сами по себе оправдывают монографическое вычленение фрагмента книги³. Но дело не только в этом. Складывается впечатление, что

¹ Авторский коллектив: Andrew Kahn (Оксфордский университет), Mark Lipovetsky (Университет Колорадо), Irina Reyfman (Колумбийский университет), Stephany Sandler (Гарвард).

² История русской литературы разделена на пять хронологических глав (Средневековье, XVII, XVIII, XIX, XX–XXI века).

³ Глава состоит из Введения и восьми разделов: Институции; Литературный ландшафт (literary field): от любительских обществ к союзам профессионалов; Литература субъективности (Subjectivities); Формы прозы; Литературная идентич-

история русской литературы XIX в. составляет скрепляющий стержень концепции всей книги (вопреки распознаваемым постмодернистским интенциям авторов).

Особый статус XIX столетия обозначен еще во Введении, где авторы набрасывают эскиз периодов развития русской литературы и культуры. Средние века характеризуются открытостью византийскому и балканскому влиянию; XVII столетие отличают западнорусские (Ruthenian), польские и латинские тенденции. В XVIII в. русская литература остается подчеркнуто космополитичной (*manifestly cosmopolitan*), ориентируясь на Европу (прежде всего Францию и Германию); в XIX в., по мнению авторов, она *становится одной из великих европейских литератур* (курсив мой – С. К.), а затем простирается на новые территории в периоды рассеяния (*phases of diaspora*), от романтических изгнанных XIX в. до нескольких волн эмиграции 1920–2010-х годов [A History 2018: 1]. Даже сделав поправку на предварительность формулировок Введения, нельзя не «споткнуться» о шероховатости предложенной классификации. Во-первых, XIX в. как будто оставлен вне европейского контекста; во-вторых, отмеченный качественным критерием, он вообще выпадает из остального логического ряда. Как выяснится в дальнейшем, оба методологических казуса неслучайны – если не сказать, доминантны – в концепции главы.

Значительность русской литературы XIX в. авторы связывают с развитием романа. В данной рецензии акцент сделан именно на концепции русского романа – такой подход представляется нам актуальным, отвечающим запросам современной отечественной филологии. Новейшие исследования XXI века выделяют особую роль романа как в истории русской словесности, так и в интеллектуальной и духовной жизни России XIX столетия. «Финальным» и «универсальным» жанром реалистической литературы называет роман А. В. Михайлов [Михайлов: 283]. В. А. Недзвецкий пишет о русском классическом романе

как об «энциклопедии русской жизни» и художественной «книге бытия» [Недзвецкий: 129]. Сходную идею высказывает В. Г. Андреева, размышляя о поиске русскими писателями «истинных правил жизни» [Андреева 2016: 49].

Так называемый великий русский роман (*the Great Russian Novel*) трактуется создателями Истории русской литературы как корпус произведений значительного объема¹ и исключительного качества (*exceptional quality*); при этом, как отмечают исследователи, для большей части зарубежной читающей публики это понятие распространяется на русскую литературу вообще.

Качественная оценка, положенная в основу определения великого русского романа, продолжает «затягивать» авторов в методологическую ловушку. Она неизбежно влечет за собой проблему *канона* и необходимость обращения к иерархии произведений. Как результат, на горизонте исследования обозначается чуждое постмодернистскому духу векторное движение литературного процесса, заданное подразумеваемой вершиной.

Вопросы хронологии и типологизации жанра оказываются и вовсе запутанными – авторы вынуждены прибегать к оговоркам и вопрошаниям. Рубежи, особенно нижняя граница, открыты для обсуждения – момент, когда русский роман становится великим, авторам неочевиден. Предложенные границы, вероятно, удивят отечественного читателя: примерно между 1856 и 1899 гг., или от тургеневского «Рудина» до «Воскресения» Л. Н. Толстого [A History 2018: 426]. В стремлении избежать категоричности авторам приходится делать легкий извинительный кивок в сторону двух «хороших, но, возможно, не великих» книг: «Кто виноват» А. И. Герцена и «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова (обе вышли в свет во второй половине 1840-х гг.).

Еще менее определенным, чем временной интервал, представляется список текстов, составляющих «канон» великого русского романа. Похоже, зарубежных славистов объединя-

ность и социальная структура имперского периода; Типы: герои и анти-герои; Героини и эмансипация; Нарратив становления нации (*Narratives of nation-building*).

¹ Перевод выражения “The Great Russian Novel” неоднозначен. Иногда говорят о «*большом*» русском романе, что вполне соответствует диапазону значений слова “great”; *великим* русский роман называл М. М. Бахтин (подразумевая под ним великолепную четверку) – в строго научном контексте, при упоминании развития синтетических форм романа XIX в., «прежде всего, реалистического романа (Стендаля, Бальзака, Флобера, Диккенса, Теккерея) и великого русского романа (Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского)» [Бахтин 2012: 194].

ет лишь изумление колоссальному несоответствию между незначительным числом произведений (особенно в сравнении с западной романистикой XIX в.) и их воздействием на литературный процесс. Ф. М. Достоевский произвел на свет примерно за четверть века творческой активности (авторы сделали поправку на годы заключения) всего лишь семь «полнометражных» романов (“full-length”); И. С. Тургенев – шесть за сорок лет; Л. Н. Толстой – только три романа за шестьдесят лет; И. А. Гончаров – три за два десятилетия.

Помимо деликатного вопроса о качестве произведений не проясненными остаются критерии жанра. Авторы труда задаются вопросами: можно ли считать романом «Мертвые души» Н. В. Гоголя, если сам он назвал свое произведение эпической поэмой, а нарративная форма соответствует травелогу? Как классифицировать хронику Н. С. Лескова «Соборяне» с ее очевидными элементами романной поэтики? Дальнейшие рассуждения о корпусе текстов великого русского романа приводят исследователей к проблеме «что делать с Чеховым» (what do we do with Chekhov) [A History 2018: 427] – речь идет о его рассказах и пьесах («Драма на охоте», единственная попытка создать более объемное романо-подобное произведение, стала «катастрофическим провалом»). Это неожиданное вопрошание вписано в контекст концепции романизации жанров М. М. Бахтина [A History 2018: 644]. Как отмечается, Чехов унаследовал не только «загадочное обаяние» (enigmatic charm) русского романа, но и его более конкретные нарративные особенности, такие как, например, эстетизация обыденности и повседневности [A History 2018: 427].

Анализ генезиса русского романа выглядит как дань традициям русской формальной школы. В частности, очевидным кажется родство с идеями Ю. Н. Тынянова о ломаной линии, скачках и смещениях в развитии жанра, а также о межжанровой экспансии конструктивных принципов [Тынянов 1977: 255–270].

Пытаясь реализовать заявленный принцип нелинейности развития, авторы «Истории русской литературы» подчеркивают разрыв между романом XIX в. и русской беллетристикой XVIII в., где преобладали назидательные и приключенческие тексты (the didactic novel,

and the adventure novel). В отличие от образцов английской и французской литературы XVIII столетия, русский роман того времени еще не стал формой, укорененной в социальной реальности [A History 2018: 332]. Он был лишен интроспекции, демонстрировал мало интереса к изображению среды и практически полностью игнорировал общественные вопросы современной ему жизни [A History 2018: 231, 234]. Популярное чтиво XVIII в. названо в книге непритязательным (буквально – «низколобым», «lowbrow»). Забегая вперед, авторы отмечают, что развлекательная литература (entertainment literature) успешно переключается в следующее столетие: «В 1820-х и 1830-х годах популярность работ Фаддея Булгарина, Осипа Сенковского, Ивана Лажечникова составляла ту черту литературного пейзажа России, которую Пушкин, как ранее Карамзин, находил затрудняющей становление традиции качественной прозы» [A History 2018: 338].

Складывается ощущение, что в понятие нелинейности исторического процесса авторы включают зигзаги (непоследовательность) изложения. Текст отличают забегания вперед и флэш-бэки, чреватые нестыковками и противоречиями. Если, как мы уже упомянули, в разговоре о XVIII в. развлекательная литература начала следующего столетия получила почти уничижительную оценку, то далее по тексту (в главе о XIX в.) оценка смягчится. В разделе «Формы прозы» отмечается, что к середине 1820-х – началу 30-х годов историческая беллетристика, сформировавшаяся под двойным влиянием Н. М. Карамзина и В. Скотта, «начала завоевывать уважение среди более образованных читателей». В список достойных (reputable) авторов попали все тот же Лажечников (чей «Ледяной дом» был хорошо встречен даже Пушкиным), Александр Бестужев, Михаил Загоскин, Александр Вельтман. К «менее выдающимся» литераторам отнесен Василий Нарезный с его «Русским Жилбазом...» и «Бурсаком». Фаддей Булгарин определен как «плодовитый, хотя и вовсе незначительный (ultimately minor) писатель» [A History 2018: 423–424].

Иными словами, попытка отрицания нелинейности развития жанра не кажется ни последовательной, ни новой. Характеристика разрыва между романом XVIII и XIX столетий строится не на принципиальной несопостави-

мости, а на соотношениях («больше-меньше», «выше-ниже»), складывающихся на векторном пути к великому русскому роману.

Рассмотрение наследования конструктивных принципов еще более отчетливо выявляет романский вектор концепции «Истории русской литературы». Преемственность в литературном процессе понимается как возделывание литературной почвы для будущих плодов [A History 2018: 339]. В духе концепции М. М. Бахтина одним из предвестников нарратива нового типа названо «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В привычном по форме политическом травелоге авторы усмотрели стратегию из арсенала романа (впервые в российской прозе) – «полифония дискурсов, где речь повествователя и речь персонажа независимы друг от друга. В той мере, в какой слово героев отражает их внутреннюю психологию, а не позицию автора, можно говорить о соответствии принципам, которые, по убеждению теоретика литературы Михаила Бахтина, определяют роман как жанр <...>» [A History 2018: 236]. Другим возможным источником полифонии названы литературные эксперименты Н. В. Гоголя (не уникальные, однако, для его времени) с различными голосами нарраторов [A History 2018: 378, 424]. Что касается вклада классика «натуральной школы» в развитие реализма, то он, как представляется исследователям, был сильно преувеличен В. Г. Белинским [A History 2018: 378–382, 424–425]. Незнание Гоголем провинциальной России иллюстрируется калькуляцией С. А. Венгерова: «предтеча реализма» провел в русской глубинке не более 50 дней [A History 2018: 380].

Глава о литературе XIX в., несмотря на разнообразие материала, выглядит романоцентричной. Векторный подход проступает уже в Предисловии к главе, где характеризуется общий ход литературного процесса этого периода: от Золотого века поэзии к медленному

становлению прозы и «в конечном счете к явлению, известному как великий русский роман»¹.

Первые разделы главы представляют то, что принято называть литературным фактом и литературным (художественным) бытом (institutions, literary field). В поле зрения попали кружки, салоны, писательские дуэли, дружеские послания, альбомы, а также альманахи, журналы, критика, цензура. В этой области формируются институциональные предпосылки становления качественной прозы – к ним отнесены профессионализация литературного труда, развитие книжного рынка, экспертное мнение образованных читателей².

Путь к великому русскому роману представит в трех аспектах: психология личности, социальные (классовые) вопросы, национальная идентичность.

Прямым предшественником прозы эпохи реализма (Age of Realism) и важной вехой в зарождении (emergence) русского романа авторы считают светскую повесть [A History 2018: 425]³. Именно в ней под влиянием идей романтизма (прежде всего позднего французского романтизма) реализовался новаторский для русской прозы интерес к психологии и задачам самопознания человека [A History 2018: 410]. Читательский интерес сместился от действия к поведению и потребовал правдоподобия. К нарративным достижениям светской повести исследователи относят единство развития сюжета и характера. Вместе с тем именно светская повесть обозначила тупик, выход из которого определил дальнейшие литературные поиски – ее попытки показать характер изнутри оказались неубедительны.

«Пример номер 1» неудовольствия возможностями светской повести, по мнению исследователей, дает незавершенный текст «Княгиня Лиговская» М. Ю. Лермонтова [A History 2018: 426]. Печорин из «Лиговской» – как глав-

¹ Русская поэзия XIX века не могла не найти отражение в тексте книги, но оказалась рассеянной между заметками о писательской дружбе, альбомах и опытах саморепрезентации в любовной лирике, где становление лирического героя опять же выглядит как веха на пути к психологизму русской прозы.

² Авторы представляют логически обоснованную, целенаправленную траекторию развития предпосылок. В XVIII в. эти условия были не самыми благоприятными – реальной проблемой оказалась недооценка прозы просвещенной публикой. В отсутствие читательской поддержки русский роман шел к своей будущей славе очень медленно, с отставанием от европейских тенденций [A History 2018: 338]. Но постепенно ситуация менялась – ко второй половине XIX в. великий русский роман мог опираться на довольно значительную читательскую аудиторию, хорошо образованную, готовую к восприятию литературных шедевров (avid for the masterpieces of the Great Russian Novel) [A History 2018: 3].

³ Помимо роли предтечи авторы «Истории...» отмечают и собственное значение светской повести в литературном процессе. В частности, считается, что именно этот жанр открыл путь в литературу женщинам [A History 2018: 426].

ный проводник в мир чувств других персонажей – не удовлетворил Лермонтова; он оставил работу над повестью, переместив героя в новый контекст. Обновленный Печорин, подвергнутый анализу нескольких наблюдателей, наделенный даром понимания других людей, наконец, раскрывшийся перед читателем в своем дневнике, позволил Лермонтову достичь значительной глубины в исследовании внутреннего «я» героя. Но и этого, как считают зарубежные слависты, оказалось недостаточно. Полной прозрачности (complete transparency) Лермонтов не достиг.

«Герой нашего времени» – это еще не тот тип романа, который в середине XIX в. создают русские реалисты (Russian Realists). И тем не менее авторы считают «Героя нашего времени» успешным экспериментом и относят его (наряду с «Записками охотника И. С. Тургенева») к прото-романным циклам, т. е. тем лучшим достижениям прозы до 1850-х гг., которые определены в книге как «поиск романа» (in search of the novel) [A History 2018: 346].

Рассмотрение романной традиции XIX столетия в категориях «тот» и «не тот» выглядит характерной и принципиальной чертой концепции «Истории...». В свете достижений психологизма роман второй половины XIX в. – это такой текст, в котором сторонний повествователь (от третьего лица) «не просто имеет свободный доступ к сознанию героя и разделяет эту возможность с читателями; но эта абсолютно фантастическая способность воспринимается читателем как абсолютно реалистичная» [A History 2018: 426].

От анализа изображения внутреннего мира личности исследование переходит к рассмотрению социальных качеств реалистического романа (Realist Novel) – его способности обращаться к важным вопросам современности, касающимся экономики, государства, нравов, общества и индивидуума [A History 2018: 428]. К определяющим образцам реалистического романа отнесены политическая беллетристика (fiction) Тургенева («Рудин», «Отцы и дети»); духовный и детективный триллер Достоевского «Преступление и наказание»; психологические портреты Гончарова, прежде всего «Обломов»; этюды из жизни дворянства Льва Толстого,

а также его обширный исторический роман «Война и мир» [A History 2018: 428].

Названные канонические работы отвечают важным принципам: герой предстает в них во всей своей многомерности, как тип и индивидуальность, в развернутом контексте, охватывающем различные аспекты жизни: местное и национальное, социо-экономическое и политическое, классовое и семейное.

К социологическим критериям вновь пришивается идея канона или качества: в целом под реалистическим романом понимается художественное произведение с социальным содержанием, превосходящим русские литературные образцы XVIII столетия по разнообразию представления (broader mix) социальных групп и общественных процессов¹ [A History 2018: 430].

В отличие от привычной формулировки о широте романного представительства классов и слоев, в «Истории русской литературы» прослеживаются акцент на их пересечениях и взаимодействиях, а также интерес к разнообразию возможных структурных срезов (cross-section of Russian society). Рассмотрение темы предваряется небольшим историческим экскурсом, рассчитанным на аудиторию англоязычного издания.

Модель русского общества XIX в. названа в книге «текучей» (fluid) – более текучей, чем европейская (хотя и не менее сложной). Номинативно состав русского общества позапрошлого столетия уподоблен европейской модели – в нем выделены четыре основные категории: знать (nobility), духовенство, городское население и крестьянство. «Самое важное, вероятно, состоит в том, что ни одна из основных четырех групп не была ни однородной, ни фиксированной», – утверждают авторы [A History 2018: 431]. Как можно предположить, дело здесь вовсе не в том, что мы сегодня назвали бы социальным лифтом (хотя и о подобной институции речь идет – упоминаются механизмы продвижения по Табели о рангах и получения личного и потомственного дворянства). Создатели «Истории русской литературы» обращают внимание на иные, дополнительные, типы общественного структурирования, прежде всего на культурные пространства (cultural spaces).

¹ Попутно отметим, что выражение «эпоха реализма», the age of Realism, авторы находят устаревшим – “now perhaps old-fashioned” – в отличие от фразы «реалистический роман», которая сохраняется в научном обороте [A History 2018: 430].

По мнению авторов, в своем национальном самосознании Россия ощущалась разделенной «на три – обобщенно – типа пространства»: две столицы (при их принципиальной разности); провинция, сосредоточенная вокруг городов; сельская Россия, объединяющая дворянские усадьбы и деревни, населенные крестьянами [A History 2018: 433].

Помимо культурно-пространственных оппозиций, по сути, размывавших базовую структуру российского общества, авторы исследования выделяют в ней и другие социальные страты, внутри- и межсловные группы. В дворянской среде выделяется образованная элита (educated elite). Специфическую черту истории русской культуры составляет выдающаяся роль интеллигенции – неоднородного образования, формировавшегося выходцами из разных социальных слоев [A History 2018 441]. Разночинцы – еще одна гетерогенная социальная группа, по определению пополнявшаяся различными путями. К середине XIX столетия она приобрела серьезное идейное влияние, соперничая за место на «культурной авансцене» с образованными кругами дворянства. Особая роль в смешении социальных групп отдана тюремному нарративу (соответствующий параграф носит выразительное название: «Где все классы встречаются» – посвящен тюремному нарративу [A History 2018: 457]).

Исследовав связи литературы и социальной идентичности, а также репрезентацию различных литературных типов, авторы обращаются к взаимоотношению литературы и национального самосознания. «Так же как литература XIX века нашла способы представить социальное разнообразие характеров (socially diverse characters) в категориях психологии и этики, она смогла отобразить концептуальную картину Российской империи – по мере того как выработывался соответствующий язык описания и понимания самих себя» [A History 2018: 495]. Этот ракурс исследования усиливает историческое начало в рассмотрении великого русского романа – как феномена эпохи становления

национального самосознания, в значительной мере определившей специфику развития жанра.

Раздел «Нарратив и становление нации» (Narratives of nation-building) открывается обзором процесса «театрализации» и художественного осмысления истории (dramatization and fictionalization of history). В поле зрения исследователей попадают собственно историческое повествование (Н. М. Карамзин), собрание и осмысление фольклора, историческая художественная проза. Особое место в создании национального исторического нарратива отведено роману Л. Н. Толстого «Война и мир» – авторы книги посвятили эпопее (epic) отдельное эссе-вставку¹. «Довольно странно, – считают исследователи, – что знание Толстым исторического материала, положенного в основу повествования, не было основательным (profound). Похоже, что он в этом не нуждался, поскольку, со всей очевидностью, не стремился к исторической точности». И тем не менее Толстой создал текст, который «в России – как и для поколений читателей по всему миру – стал самым убедительным и достоверным описанием войны 1812 года» [A History 2018: 499]. Иными словами, история была заменена мифом.

Толстому не просто удалось убедить аудиторию в истинности своей версии социальных, исторических, человеческих событий – он заставил верить, что «в книге заключена высшая правда». Для многих читателей роман стал книгой жизни, источником знаний о сущности человеческого существования. Голос нарратора звучит в «Войне и мире» с уверенностью, не допускающей возражений. Авторы ссылаются на Г. Морсона, назвавшего эту манеру «абсолютной речью» (“absolute language”). В поэтике «Войны и мира» выделены и другие риторические приемы, создающие эффект «принудительного» правдоподобия нарратива (effect of imposing verisimilitude). Толстой часто прибегает к выражениям, подчеркивающим типичность и общеизвестность утверждения («как это часто бывает» и т. п.). Использо-

¹ В структуру книги встроены внутритекстовые вставки-эссе, позволяющие остановиться на некоторых аспектах более подробно, чем это предполагает систематическое изложение материала. Вставки, выделенные рамкой и фоном, посвящены ключевым понятиям (Keyword), а также конкретным литературным примерам (Case study), под которыми подразумеваются персоналии (Протопоп Аввакум, А. Радищев, М. Бахтин и др.), произведения (например, «Хождение за три моря» А. Никитина), литературные явления и феномены культуры (духовные стихи; гоацианский стихотворный памятник от Ломоносова до Бродского; интеллигенция; Московско-тартуская школа; «проработка» и т. д.).

ние настоящего времени и местоимения «мы» в описании событий усиливает воздействие на читателя, создавая иллюзию личного участия нарратора в событиях. Иллюстрируя этот тезис, авторы ссылаются на эпизод из книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором советский генерал приводит в пример Л. Толстого как образец военной журналистики. Военачальник считает писателя участником Отечественной войны 1812 г. и не хочет верить, что тот родился после описанных им событий.

Приемы демонстрации категоричности нарратора призваны убедить читателя, что универсальные гуманитарные законы существуют и нарратор их знает [A History 2018: 500]. Эта мысль авторов, по сути, переводит проблему осведомленного нарратора в другое измерение – уровень его компетентности поднимается из сферы чистого психологизма к абсолютным мировоззренческим вершинам.

Не менее мощным, чем диктат нарратора в романе, оказывается созданное Толстым ощущение, что если истина есть, то она заключена в локальном, специфическом, единичном (in the local, the specific, the seemingly unique) [A History 2018: 500]. Эта важная оговорка, несомненно, удерживает эпопею Толстого в романном дискурсе. Искусный механизм, позволяющий Толстому соединить общезначимость высказывания с индивидуальным фокусом, состоит в использовании его знаменитого приема остранения. Подвергая сомнению, дефамилизируя экспертную точку зрения на исторические события, Толстой причащает читателя доверять псевдонаивному, неискушенному наблюдателю (pseudo-naïve authorial point of view or the perspective of unsophisticated observer) [A History 2018: 501]. Один из ярких примеров этой тактики – обесценение исключительного статуса Наполеона в эпизоде на Поклонной горе.

В том, что в эпоху становления самосознания нации фундаментом нового мифотворчества служит исторический нарратив, нет никакого открытия. Раздел «Нарратив и становление нации» (Narratives of nation-building) вообще кажется написанным под влиянием

концепции большого американского романа¹. Вослед создателю термина, американцу Де Форесту, авторы «Истории русской литературы» ищут реализацию национальной идеи на межличностном уровне.

В XIX в. русская литература постепенно освоила семейный сюжет и межпоколенческий конфликт как способ осмысления общественного прогресса. Этот феномен авторы связывают с распространением идей Гегеля – прежде всего с его пониманием развития, движущей силой которого философ считал противоречие. Это «влияние можно усмотреть в российской тенденции представлять переходные этапы истории в категориях конфликта, прежде всего, конфликта поколений» [A History 2018: 505]. Как считают исследователи, эта тенденция кристаллизовалась в литературе в середине 1850-х гг.

Авторы рассматривают реализацию конфликта поколений в различных сферах. Помимо идейной, он проявился в вопросах литературы (Базаров отрицает поэзию Пушкина, которой восхищаются старшие Кирсановы, Павел и Николай). Кроме того, межвозрастные противоречия распространились на вопросы любви. Она оказалась «полем битвы поколений» в повести «Первая любовь» Тургенева. В «Отцах и детях» «идеологический поколенческий конфликт подкреплен противостоянием между Базаровым и братьями Кирсановыми из-за Фенечки, возлюбленной и будущей жены Николая». Причиной дуэли между Базаровым и Павлом Кирсановым в равной степени признается как идеология, так и любовь. Вместе с тем авторы находят, что в романе Тургенева водораздел между поколениями размыт – на стороне старших во многом оказывается друг и ровесник Базарова Аркадий Кирсанов.

Семейные конфликты присутствуют в большинстве главных романов Достоевского. В «Бесах» конфликт поколений существует как семейный раскол. С жестокостью и мощью выплескивается он в «Братьях Карамазовых»: «Возможно, трудно найти более яркий пример переплетения семейных и поколенческих раздоров, чем „Братья Карамазовы“, по-

¹ Термин the Great American Novel (GAN) вышел из-под пера писателя Джона Уильяма Де Фореста в 1868 г.; он подразумевал такое произведение, которое в едином тексте могло бы воплотить душу и нравы целой страны. Дальнейшее развитие концепции кристаллизовалось в представлениях о корреляции процессов развития американской нации и литературы.

следний роман Достоевского, где узел родительно-сыновних отношений оказался столь запутанным и запущенным, что разрешился отцеубийством» [A History 2018: 506]. Однако зерно надежды на будущее в тексте Достоевского остается. Путь воссоединения поколений авторы находят возможным и в «Подростке». В качестве примера предельного напряжения семейных связей приводятся «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедринина – «мрачная и безнадежная хроника трех поколений помещиков» [A History 2018: 506].

В заключении главы о XIX в. авторы отмечают кризис реализма, обозначившийся в русской литературе с 1880-х гг. За ним последовали падение интереса к прозе и расцвет поэзии. Существенной чертой стало возобновление

интереса к европейским культурным инновациям – новые тенденции пришли в Россию из Европы. Модернизм сотворил русскую литературу заново и открыл путь к другой культуре – возможно, шокирующей, но обладающей непреходящей ценностью (enduring value) [A History 2018: 520].

Великий русский роман не выпадает из поля зрения исследователей и в последующих разделах: «Огромный престиж и множество нововведений русского романа XIX века обеспечили его длительное влияние на различные литературные формы; и даже при рассмотрении малой прозы или драматических произведений различного объема мы не сможем полностью оставить роман в стороне» [A History 2018: 644].

Литература

Андреева, В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века / В. Г. Андреева. – Кострома : КГУ, 2016. – 492 с.

Бахтин, М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 180–217.

Михайлов, А. В. Роман и стиль / А. В. Михайлов // Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 279–353.

Недзвецкий, В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы : курс лекций / В. А. Недзвецкий. – М. : МГУ, 2011. – 152 с.

Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

Kahn, A. A History of Russian Literature / A. Kahn, M. Lipovetsky, I. Reyfman, S. Sandler. – New York : Oxford University Press, 2018. – 960 p.

References

Andreeva, V. G. (2016). *O natsional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second half of the 19th Century]. Kostroma, KGU. 492 p.

Bakhtin, M. M. (2012). Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma [The Novel of Education and its Significance in the History of Realism]. In Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. Vol. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 180–217.

Mikhailov, A. V. (2003). Roman i stil' [Roman and Style]. In *Teoriya literatury. Vol. III. Rody i zhanry (osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 279–353.

Nedzvetsky, V. A. (2011). *Istoriya russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy* [History of the Russian Novel of the 19th Century: Non-classical Forms]. Moscow, MGU. 152 p.

Тынянов, Ю. Н. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, Nauka. 574 p.

Kahn, A., Lipovetsky, M., Reyfman, I., Sandler, S. (2018). *A History of Russian Literature*. New York, Oxford University Press. 960 p.

Данные об авторе

Казакова Светлана Константиновна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Ассоциация искусствоведов (Москва, Россия).

Адрес: 119002, Россия, Москва, переулочек Сивцев Вражек, 43, оф. 417.

E-mail: svka@inbox.ru.

Author's information

Kazakova Svetlana Konstantinovna – Candidate of Art Studies, Researcher, Association of Art Critics of Russia (Moscow, Russia).

Дата поступления: 01.09.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 01.09.2022; date of publication: 31.10.2022

ЧЕХОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАКА
(Рецензия на издание: Аббасхилми А. Я., Ларионова М. Ч. Творчество А. П. Чехова
в Ираке: рецепции и интерпретации. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного
центра РАН, 2022. 226 с.)

Кубасов А. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

А н н о т а ц и я . В рецензии представлено основное содержание книги, в которую входят три смысловых блока. Первый, историко-литературный, посвящен восприятию личности и творчества А. П. Чехова иракской критикой. Во втором анализируются постановки чеховских произведений на сценах Ирака, а в третьем – даны в переводе на русский язык тексты пьес иракской писательницы А. Наим, написанные по мотивам произведений Чехова. Обозначен круг анализируемых авторами книги проблем, особо выделены аспекты методологического характера, посвященные компаративному анализу и рецептивной поэтике. Отмечены особенности и специфика межкультурного перевода текстов произведений Чехова с одного художественного языка на другой в условиях, когда автор и читатели принадлежат разным культурным традициям. Фиксируется внимание на том, что изучение арабского восприятия личности и творчества Чехова позволяет по-новому взглянуть на русскую культуру и лучше понять арабскую. Акцентировано внимание на том, что постановка пьес Чехова на арабской сцене происходит на основе совершенно иной культурно-исторической традиции. Эта традиция основывается на народном театре и религиозных мистериях. Они определяют апперцептивный фон и культурный опыт не только зрителей Ирака, но и авторов, выступающих в роли ретрансляторов творчества Чехова. Подчеркнута значимость приложения с текстами пяти пьес Ауатиф Наим в русском переводе, которые являются ремейками чеховских произведений. Достоинством книги признаются абсолютная новизна материала, новое видение проблем и эвристический подход к ним, смысловое наращение содержания известных литературных произведений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русские писатели; драматургия; драматурги; литературное творчество; литературные жанры; пьесы; театральное искусство; театральные постановки; рецептивная поэтика; межкультурный перевод; рецензии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кубасов, А. В. «Чехов в контексте литературно-театральной культуры Ирака (Рецензия на издание: Аббасхилми А. Я., Ларионова М. Ч. Творчество А. П. Чехова в Ираке: рецепции и интерпретации. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2022. 226 с.) / А. В. Кубасов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 209–213. – DOI: 10.51762/IFK-2022-27-03-19.

CHEKHOV IN THE CONTEXT OF THE LITERARY-THEATRICAL CULTURE OF IRAQ
(A review of the book: Abbaskhilm A. Ya., Larionova M. Ch. The works of A. P. Chekhov
in Iraq: Receptions and Interpretations. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 226 p.)

Alexander V. Kubasov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

A b s t r a c t . The review covers the main content of the book, which includes three semantic blocks. The first block, a historical-literary one, is devoted to the perception of the personality and creative activity of A. P. Chekhov by Iraqi criticism. The second one analyzes the performances of Chekhov's works on the stages of Iraq. The third block contains the Russian translations of the texts of the plays written by the Iraqi writer A. Naim, based on the works of Chekhov. The review highlights the range of problems analyzed by the authors of the book and the

methodological aspects of comparative analysis and receptive poetics. The author of the article notes the specific features and peculiarities of the intercultural translation of the texts of Chekhov's works from one artistic language into another in the situation in which the author and the readers belong to different cultural traditions. The review focuses on the fact that the study of the Arab perception of Chekhov's personality and creative activity allows the researcher to see the Russian culture in a new light and to better understand the Arab culture. Attention is drawn to the fact that the presentation of Chekhov's plays on the Arab stage takes place in a completely different cultural-historical tradition. This tradition is based on the folk theater and religious mysteries. They determine the apperceptive background and cultural experience not only of Iraqi audience, but also of the authors acting as retranslators of Chekhov's works. The article emphasizes the significance of the appendix with the texts of five plays by Naim in Russian translation, which are remakes of Chekhov's works. The advantage of the book is the absolute novelty of the material, a new vision of the problems and a heuristic approach to them, and the semantic expansion of the content of well-known literary works.

Keywords: Russian writers; drama; playwrights; literary creative activity; literary genres; plays; theater art; theater presentations; receptive poetics; intercultural translation; reviews

For citation: Kubasov, A. V. (2022). Chekhov in the Context of the Literary-Theatrical Culture of Iraq (A review of the book: Abbaskhilmli A. Ya., Larionova M. Ch. The works of A. P. Chekhov in Iraq: Receptions and Interpretations. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 226 p.). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 209–213. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-19.

А. П. Чехов – один из тех русских писателей, кто входит в число самых авторитетных авторов для зарубежных читателей. Помимо автора «Чайки», это еще великие романисты Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Данный тезис справедлив как для европейских стран, так и для арабских. Из писем Чехова можно узнать, что он весьма сдержанно (если не сказать скептически) относился к переводам своих произведений на иностранные языки. Писатель был убежден в том, что проблематика и герои его произведений понятны прежде всего русскому читателю. Такая позиция характеризует Чехова как интеллигентного и самокритичного писателя, но и таким авторам свойственно ошибаться. С точки зрения рецептивной теории новизна восприятия чеховских текстов обусловлена укладом жизни другого этноса, его менталитетом и культурными традициями. М. М. Бахтин, обосновывая значимость диалога культур, писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог (курсив цитируемого автора – А. К.), который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает

нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин 1986: 354].

Переводчики Чехова с арабского востока, как и их читатели, а также последователи смогли разглядеть в текстах Антона Павловича не только общечеловеческие ценности, но и нечто такое, что остается скрытым от русскоязычного читателя. Авторы рецензируемой книги справедливо полагают, что рецепция творчества писателя продуктивна для обеих сторон, так как «изучая арабское восприятие личности и творчества Чехова, встраивая это восприятие в русское культурное сознание, мы лучше понимаем не только арабскую культуру, но и русскую» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 13].

Через три года исполнится 120 лет с тех пор, как Чехов вошел в мир арабской культуры. За более чем вековой срок был накоплен весьма объемный материал, требующий осмысления и серьезной оценки. Этому и посвящена рецензируемая книга иракского исследователя Аббасхилми Абдулазиза Ясина Аббасхилми и его российского соавтора – главного научного сотрудника Южного научного центра РАН, профессора Ларионовой Марины Ченгаровны. Авторы исследования постарались рассмотреть творчество Чехова и формы его художественного освоения в Ираке как системное целое. Им удалось уточнить представление об особенностях и специфике межкультурного перевода произведений с одного художественного языка на другой в условиях, когда автор и читатели принадлежат разным культурным

традициям. Это представляется самым важным достижением рецензируемого издания.

Открывает книгу глава «Личность и творчество А. П. Чехова в восприятии иракской критики», которая носит по преимуществу реферативно-обзорный характер. В ней представлена история восприятия творчества и личности Чехова в арабском мире. Авторами собран и систематизирован материал, в том числе и впервые публикуемый в русскоязычном переводе. Материал данного раздела выходит за рамки проблемы «Чехов и Ирак». Достаточно подробно освещен широкий культурно-исторический и литературный контекст арабской литературы, в котором Чехов занимает свое особое место.

Первые переводчики произведений Чехова на арабском Востоке – это выходцы из Палестинского общества [Юзбашян 2000]. Их переводы были максимально приближены к оригиналам. Следующий этап в освоении творческого наследия русского классика связан с именем Наджати Сидки, одним из первооткрывателей Чехова для арабского мира [Сидки 1947]. Вопреки тому, что в заголовок параграфа вынесено имя только одного автора, в нем рассматривается целый ряд работ разных критиков, которые по-своему подготавливали эту первую серьезную работу по творчеству Чехова на арабском Востоке: «Это первая самостоятельная книга произведений Чехова с предисловием переводчика о жизни писателя, его произведениях и особенностях его творчества» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 34]. Исследования Сидки было рассчитано на широкий круг читателей и потому носило научно-популярный характер. Стоит напомнить, что в это время Чехов в России рассматривался в свете социологического подхода прежде всего как критик и обличитель обывателей, серости будней и т. д. Сидки же не было нужды следовать каким-либо партийным догмам, и он анализирует произведения Чехова с позиции общечеловеческих ценностей. Будучи первопроходческой, книга Сидки не была лишена недостатков и неточностей, что и отмечают авторы рецензируемой монографии.

Отдельный фрагмент работы Аббасхилми и Ларионовой посвящен анализу еще одной книги на арабском языке о Чехове. Ее автор, Шакир Хасбак, знакомит читателей с состоянием критики Чехова в 50-е годы минувше-

го века [Хасбак 1954]. Кроме Хасбака, здесь же представлены анализы публикаций таких арабских авторов, как Мухаммед Шарар, Сабри Хафиз, Самир Сархан. Собранный и проанализированный критический материал позволяет авторам сделать обоснованный вывод об истории и современном состоянии проблемы «Чехов в Ираке».

Авторы монографии не ограничиваются рамками чеховедения и кратко характеризуют особенности преподавания русского языка и литературы в Багдадском университете, отмечая, что «чеховские произведения служат материалом для изучения русского языка» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 62]. Кроме того, они «являются для студентов богатейшим источником страноведческой информации» [Там же: 63].

В последнее время в арабской чеховиане ставится задача не только популяризировать Чехова, но и исследовать поэтику писателя, выходить за рамки социального содержания его произведений, акцентируя философское начало в них. Рецензируемая книга являет собой опыт этого перехода на более высокий научный уровень. Об этом свидетельствует глава книги, которая называется «Пьесы А. П. Чехова на иракской сцене».

Российскому зрителю достаточно хорошо известен европейский театр и его страновые дериваты. Особенностью арабского театра является то, что произведения европейских авторов, в том числе и Чехова, транспонируются на подмостки, в истории которых закреплена совершенно иная культурно-историческая традиция. Без учета этой традиции невозможно адекватно понять и оценить практику интерпретации чеховских текстов. Суть заключается в том, что «театр в Ираке исторически существовал в двух формах – как народный театр и как религиозные мистерии» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 64]. Эти формы определяют апперцептивный фон и культурный опыт не только зрителей Ирака, но и авторов, выступающих в роли ретрансляторов творчества Чехова. Повышенную меру условности читатель книги может ощутить воочию, посмотрев иллюстрации в приложениях, где запечатлены фотографии сцен из спектаклей, поставленных в разное время в Ираке.

Если одним словом охарактеризовать русский театр, то, вероятно, наиболее подходя-

щим словом будет «психологический». Арабский театр строится на иных принципах: он подразумевает «прямой контакт со зрителем, специфичность и канонизацию голосоведения и речевого построения, схематизацию в изображении персонажей» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 66]. Это нечто противоположное русской традиции. Тем интереснее история постановок Чехова на иракской сцене. Полвека назад Леонид Малюгин предпринял попытку доказать, что Чехов начинается с «Иванова» [Малюгин 1961], оспаривая общеизвестный факт, что первым драматургическим опытом писателя была <Пьеса без названия>. Для иракского зрителя Чехов начался не с «Иванова» и не с юношеской пьесы, а с водевиля «Предложение». Одноактная чеховская пьеса-шутка была поставлена в театре короля Фейсала II в 1945 году. Один этот факт свидетельствует о своеобразии восприятия и понимания Чехова-драматурга в Ираке.

В книге кратко описана история постановок водевилей Чехова, обоснованы причины их популярности у иракского зрителя. Интерес к водевилям в первую очередь обусловлен тем, что в них сильнее, чем в крупных пьесах писателя, проявлена, по мнению авторов, «народно-театральная стихия». Она же лежит в основе арабской театральной традиции. Авторы показывают, как постепенно, от постановки к постановке, усложняется понимание чеховских произведений иракскими режиссерами и актерами. История постановок каждого произведения прослежена по отдельности. От анализа постановки «Предложения» сделан переход к «Медведю». Сам по себе медведь не столько «арабское», сколько «русское» животное. Однако, по свидетельству авторов, водевиль Чехова обрел в Ираке такую популярность, что «с начала 60-х гг. XX в. вошел в программу старших курсов кафедр театральных искусств высших учебных заведений Ирака» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 77]. Отдельно в книге отмечаются иракские постановки пьес Чехова не на арабском, а на русском языке. Это явление сравнительно недавнего времени, оно связано с языковой практикой студентов кафедры русского языка Багдадского университета.

Проблемы рецептивной эстетики и интерпретации, вынесенные в заглавие книги, становятся основой в процессе анализа «Лебеди-

ной песни» Чехова – произведения, ставшего этапным для театра Ирака. Постановки чеховского одноактного драматического этюда намечают переход от традиционного условного арабского театра к театру европейскому, психологическому, что обусловило особое внимание к этой пьесе, которая «десять раз ставилась разными режиссерами, особенно молодыми, в разных городах Ирака» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 83]. Современные отечественные режиссеры, как известно, не всегда с должным пиететом относятся к текстам классиков, так или иначе приспособляя их к своим замыслам. Аналогичная ситуация наблюдается и в Ираке. Например, один из режиссеров заменил роль суфлера Никиты в «Лебединой песне» старой актрисой. Анализируя удачные и неудачные постановки пьесы, авторы учитывают не только опыт Ирака, но и богатые традиции российского чеховедения и российского театра, о чем свидетельствует библиография, насчитывающая почти двести пятьдесят источников как на русском языке, так и на арабском (данных в русском переводе).

Одной из популярных современных форм адаптации чеховских пьес и рассказов писателя стал ремейк [Багдасарян 2015]. Захватило это поветрие и иракский театр. Популярная «Лебединая песня» при переделке получила совершенно необычное для русского уха название – «Плыви в море глаз». Автором его является Ауаутиф Наим. Текст этой пьесы в русском переводе представлен в приложении к основному тексту книги. Ремейк иракской писательницы высоко оценивается авторами книги, они анализируют его с помощью компаративного анализа: сопоставляется «чеховское» начало с «шекспировским». Собственно главным шекспировским элементом в произведении является объемлющая его концептуальная метафора, суть которой выражает фраза: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Наим сопрягает двух столпов мировой драматургии, усиливая одни мотивы, скрывая другие, насколько возможно приближает содержание своего произведения к пониманию арабского читателя и зрителя.

Отдельный раздел книги посвящен осмыслению «больших пьес» Чехова на иракской сцене. Материал этот огромен, поэтому авторы переходят к жанру критических этюдов. Кратко

останавливаются они и на сценических версиях рассказов Чехова в Ираке. Как известно, подобная практика давно существует в русском театре. Достаточно вспомнить фильм «Эти разные, разные лица» с Игорем Ильинским или современные постановки Камы Гинкаса по рассказам Чехова [Кусимова, Эделева 2016].

Большой интерес представляют приложения с текстами пяти пьес Ауати́ф Наим в русском переводе, которые являются ремейками чеховских произведений. Быть может, российские студенты-арабисты когда-нибудь будут играть их на языке оригинала, подобно тому,

как багдадские студенты-слависты играют на русском языке Чехова.

Общий смысл обращения к Чехову в Ираке точно передал в интервью муж Ауати́ф Наим, режиссер-постановщик ее пьес: «Все, что давно написал Чехов, сегодня стало нашим достоянием. Ауати́ф Наим переделала чеховский текст, сделав его иракским, отражающим проблемы и мечты иракцев. Мы хотели этим спектаклем сказать свое слово иракцам, без шума и пафоса показать им то, что кричит внутри, в душе людей» [Аббасхилми, Ларионова 2022: 139].

Литература

Аббасхилми, А. Я. Творчество А. П. Чехова в Ираке: рецепции и интерпретации / А. Я. Аббасхилми, М. Ч. Ларионова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2022. – 226 с.

Багдасарян, О. Ю. Чехов XXI века: пересоздание биографии классика в современной драматургии России и Словакии / О. Ю. Багдасарян // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2015. – № 2. – С. 71–83.

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Кусимова, С. Г. Театральная трилогия Камы Гинкаса по рассказам А. П. Чехова / С. Г. Кусимова, Е. П. Эделева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – № 1 (56). – С. 58–71.

Малюгин, Л. Чехов начинается с «Иванова» / Л. Малюгин // Вопросы литературы. – 1961. – № 5. – С. 94–108.

Сидки, Н. А. П. Чехов / Н. А. Сидки. – Каир: Дар Эльмаариф, 1947. – 167 с.

Хасбак, Ш. Антон Чехов / Ш. Хасбак. – Багдад: Эльтакафа Эльджадида, 1954. – 203 с.

Юзбашян, К. Н. Палестинское общество. Страницы истории / К. Н. Юзбашян // Исторический вестник. – 2000. – № 2 (6). – С. 102–140; № 3–4 (7–8). – С. 132–154.

References

Abbaskhlimi, A. Ya., Larionova, M. Ch. (2022). *Tvorchestvo A. P. Chekhova v Irake: retseptsii i interpretatsii* [The works of A. P. Chekhov in Iraq: Receptions and Interpretations]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. 226 p.

Bagdasaryan, O. Yu. (2015). Chekhov XXI veka: peresozdanie biografii klassika v sovremennoi dramaturgii Rossii i Slovaki [Chekhov of the 21st Century: Recreating the Biography of a Classic in Modern Dramaturgy of Russia and Slovakia]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 2, pp. 71–83.

Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo. 445 p.

Khasbak, Sh. (1954). *Anton Chekhov* [Anton Chekhov]. Bagdad, El'takafa El'dzhadida. 203 p.

Kusimova, S. G., Edeleva, E. P. (2016). *Teatral'naya trilogiya Kamy Ginkasa po rasskazam A. P. Chekhova* [Theatrical Trilogy by Kama Ginkas Based on the Stories of A.P. Chekhov]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. No. 1 (56), pp. 58–71.

Malyugin, L. (1961). Chekhov nachinaetsya s «Ivanova» [Chekhov Begins with “Ivanov”]. In *Voprosy literatury*. No. 5, pp. 94–108.

Sidki, N. (1947). *A. P. Chekhov* [A. P. Chekhov]. Kair, Dar El'maarif. 167 p.

Yuzbashyan, K. N. (2000). *Palestinskoe obshchestvo. Stranitsy istorii* [Palestinian Society. History Pages] In *Istoricheskii vestnik*. No. 2 (6), pp. 102–140; No. 3–4 (7–8), pp. 132–154.

Данные об авторе

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Институт специального образования, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: kubas2002@mail.ru.

Authors' information

Kubasov Alexander Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Institute of Special Education, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 27. 2022. № 3

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата подписания в печать 26.10.2022. Дата выхода в свет 31.10.2022. Формат 70×100/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 17,09. Уч.-изд. л. 26,24.
Тираж 500 экз. Заказ 5366

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26